

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

И. В. Шапошникова

МОДУСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Издательский Дом ЯСК
Москва
2020

УДК 81-13 81'23
ББК 81.0+81в+81.2Рос+70/79
Ш 24

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 19-112-00122, не подлежит продаже

Рецензенты:

докт. филол. наук, профессор *Н. В. Уфимцева*,

докт. филол. наук, профессор *И. А. Бубнова*,

докт. филол. наук *М. К. Тимофеева*

Шапошникова И. В.

Ш 24 Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 336 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907117-80-8

В книге исследуются на примере системы образования вопросы гуманитарного кризиса в России постсоветского периода. Анализ проводится с помощью психолингвистических экспериментальных методик на новейших материалах, собранных в последние десятилетия коллективом ученых из ИЯЗ РАН и ИФЛ СО РАН в сотрудничестве с ведущими вузами регионов России. Показываются приемы выявления динамики смысловых акцентуаций (психоглосс) в содержании процессов идентификации русской языковой личности по данным ассоциативно-вербальной сети. Автор ставит вопрос о стратегических просчетах реформы образования, связанных с непреодоленными последствиями ее разрушительной части, в особенности созданными условиями для размывания социокультурной (цивилизационной), гражданской и профессиональной идентичностей. Предлагаются к осмыслению возможности выхода из сложившейся ситуации. Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с общей приложимостью психолингвистических методов к системному анализу сложных социальных процессов, потенциалом практикующихся в отечественной и зарубежной лингвистике междисциплинарных подходов к исследованию процессов порождения субъективности, а также теоретической разработкой моделей описания языка.

Книга адресована специалистам гуманитарного профиля и широкой аудитории читателей, которых интересуют затронутые в ней научные, научно-методические и общественно значимые проблемы.

УДК 81-13 81'23

ББК 81.0+81в+81.2Рос+70/79

*В оформлении переплета использована
картина М. К. Чюрлёниса «Дружба»*

ISBN 978-5-907117-80-8

9 785907 117808 >

© Шапошникова И. В., 2020

© Издательский Дом ЯСК, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава I. О методе	16
Глава II. Государственность и цивилизационная идентичность	50
Глава III. Мотивационная база реформы образования и социокультурная идентификация.	72
Глава IV. Интересы и ценности в гражданской идентификации последних десятилетий	91
Глава V. Противоречия профессиональной идентификации русской языковой личности.	107
Глава VI. О языковой политике в научно-образовательной сфере	119
Глава VII. Человекообразование как цель: профессиональная идентификация учителя и ученого.	135
Глава VIII. О языке в эпоху перемен	147
Глава IX. Системный анализ в междисциплинарной лингвистике: к разработке модели описания языка в учебных целях	167
Заключение	202
Библиография	205
Список таблиц	219
Приложение.	
Психоглоссы, отражающие модусы идентификации русской языковой личности.	220
Таблица 1. Сравнительный анализ АП «государство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	220

Т а б л и ц а 2. Сравнительный анализ АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	235
Т а б л и ц а 3. Сравнительный анализ АП «правительство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	248
Т а б л и ц а 4. Сравнительный анализ АП «чиновник(и)» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	258
Т а б л и ц а 5. Сравнительный анализ АП «народ» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС	270
Т а б л и ц а 6. Сравнительный анализ АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС.	285
Т а б л и ц а 7. Сравнительный анализ АП «гражданин» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	301
Т а б л и ц а 8. Сравнительный анализ АП «образование» в РАС, СИБАС и ЕВРАС.	314
Предметно-тематический указатель	326
Указатель имен	332

Только человеку, и никому другому, дано определять свое будущее. Только от него зависит, чего он добьется в мире. Только он способен поставить на службу своего разума язык и другие знаковые системы, орудия — вплоть до ЭВМ, — искусство, ведь без гармонии личности, без «человечности чувств» разум холоден и бесчеловечен.

Леонтьев А. А. Мир человека и мир языка. М., 1984

ВВЕДЕНИЕ

В российской философской традиции осмысление сути прошедших в мире на рубеже веков глобальных трансформаций, которые затронули самые разные аспекты жизни человека в различных его цивилизационных воплощениях, выявило идентичность как особо чувствительную сферу концентрации базовых противоречий в жизни современного человека. «Идентичность есть важнейший из механизмов обратной связи, благодаря которой инновационные группы возвращают свой приобретенный интеллектуальный капитал обществу и способствуют развитию той национальной среды, которая их изначально вырастила» [Панарин 2014: 1100–1101]. Люди, вкладывающие свою идентичность в деятельность, становятся, таким образом, производительной силой вскормившего их общества. Осознание значимости этого фактора ставит гуманитариев перед необходимостью не только актуализации процесса идентификации в качестве объекта исследования, но и выработки способов защиты социокультурной идентичности, гражданской сплоченности и этики коллективного служения. В масштабах страны-цивилизации, каковой является Россия, невозможно адекватно поставить задачи для науки и образования (а в гуманитарной сфере в особенности), если нет общецивилизационных перспектив. Последние могут осознаваться или не осознаваться в той или иной степени в разные периоды жизни общества.

Попавшая в фокус внимания носителей языка (а потому вербализованная) часть содержания процессов идентификации составляет предмет рассмотрения лингвистическими методами. Между тем лингвистику прошлого века, акцентировавшую внимание на собственно формально-структурной, внутренней организации системы языка, его семиотической природе, дуальности и произвольности языковых знаков, часто упрекают в деонтологизации, т. е. отрыве ее предмета

от реальности, знака от референта, что, в частности, трактуется как упрощенный, неоправданно автономизирующий систему языка подход. Нам представляется, что эти упреки не могут быть справедливыми в отношении всех лингвистических направлений. Более того, в лингвистике прошлого века потенциал развития заложен в подходах, которые с самого начала дали о себе знать как *междисциплинарные*, ставившие задачи исследования языковых процессов в их связи с различными факторами человекообразования. Психолингвистика стала одним из таких направлений в России, способным сместить акцент в сторону смысла в качестве междисциплинарного объекта. «Смысл, будучи явлением экстралингвистическим, может иметь различные способы выражения, в том числе и невербальные. В связи с этим можно считать, что область его существования значительно шире языка и потому смысл не равен ему, в то время как естественный язык равен смыслу в том отношении, что всякое выражение языка должно быть осмысленным. ...Смысл, будучи внеязыковым явлением, тем не менее управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания» [Новиков 2007: 34–35]. Поиск доступа к смысловой реальности как основному продукту когнитивной деятельности человека осуществляется в настоящее время разными науками с присутствующими им методами и приемами. В нашей книге мы сконцентрируемся на инструментарии, которым, с нашей точки зрения, располагает современная экспериментальная психолингвистика для измерения и интерпретации смысловых акцентуаций русской языковой личности. Автору представляется возможным объединить в нашем анализе две проблемы, своего рода «задачи на смысл» (о термине см.: [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 217], а также с. 84 ниже).

Первую можно свести к вопросу: есть ли система у современного российского образования? Под «системой» имеется в виду не административно-бюрократический аппарат (жесткая структура) с его горизонтальными и вертикальными связями, а содержательно-мотивационная суть целенаправленной деятельности, система, приводящая к желанному для общества, проецирующего себя в будущее, результату, который закладывает гибкую, творческую основу для «прорыва» народной жизни к новому будущему воплощению. Поскольку материал для исследования процессов идентификации получен в экспериментальной работе со студентами, выявившиеся в нем *смысловые акцентуации и доминанты русской языковой личности* могут использоваться для оценки «системных» гуманитарных последствий

проведенной в постсоветский период реформы. Речь идет о последствиях, связанных с глобальными для российской цивилизационной идентичности функциями системы высшего образования.

Вторая проблема сопряжена с поиском подходов к решению такой фундаментальной для современной междисциплинарной лингвистики задачи, как построение теоретической модели описания языка в учебных целях. Эти две «задачи на смысл» очень актуальны и тесно связаны друг с другом. Модель языка как инструмента «овнешнения» когнитивных процессов, дающая представление о закономерностях вербализации смыслообразования у его носителей, необходима для анализа последствий социальной детерминации этих процессов, где системе образования следует отвести одну из главных ролей. Процессы идентификации имеют смысловую (содержательную) основу, которая проявляет себя в разных социально-коммуникативных практиках и установках, включая и те, которые сложились в системе образования. Их «освященность» авторитетом государственных структур в смутное время не гарантирует стратегической правомерности принимаемых решений и тактик их воплощения в жизнь. Именно поэтому итоги реформирования образования должны быть подвергнуты всестороннему критическому анализу, прежде всего в профессиональной среде. С нашей точки зрения, это необходимо не только для укрепления онтологической уверенности человека российской цивилизации в постперестроечный период, но и для его успешной идентификации в будущем.

В конце прошлого века в околонуучных и образовательных кругах стало модным упрекать советскую, а потом и российскую высшую школу в излишнем теоретизировании и оторванности содержания образования от практики жизни. Это было одним из мотивов для проведения административно-формальной реформы высшего образования в России по западному (так называемому мировому) образцу. Сегодня стало очевидным, что реформа не только не способна кардинально улучшить положение дел в данной области, но, наоборот, усугубляет его, поскольку отвлекала и продолжает отвлекать внимание и силы специалистов на формально-административную суету и поддержание внешних карьерных показателей в ущерб профессиональной содержательной деятельности по преодолению причин сложившегося положения. Между тем одной из основных причин отчуждения образования от реалий жизни, в том числе и массового ухода в псевдотеоретические изыскания, является реальный кризис в науке после информационно-технологической революции прошлого века. Лингвистике в этих условиях приходится пересматривать ряд прежних

подходов и заново формировать свой объект исследования, чтобы приблизиться к потребностям меняющегося мира, который требует от гуманитария надежных знаний о живых языковых и культурных процессах, способных *объяснить проблемы взаимодействия представителей разных цивилизаций и народов*. Вместе с тем большая часть нерешенных в системе образования проблем уходит корнями в экономическую и политическую нестабильность, навязанную стране упрощенно утилитарно-рыночной потребительской ориентацией реформаторских решений, вызревших еще в 80–90-х гг. прошлого века. В настоящее время можно наблюдать последствия системной реализации базовой части этих решений в научно-образовательной практике. Их разрушительный потенциал особенно ощутим в гуманитарной сфере на фоне информационно-технологической революции, поставившей перед наукой и образованием новые вопросы, для ответа на которые нужна сосредоточенная и вдумчивая просвещенческая и инновационная работа, а не реформаторская суета.

Примечательно, что наиболее существенные открытия последних десятилетий, которые могут иметь далекоидущие последствия для лингвистики, были сделаны в междисциплинарных областях, на стыке с такими науками, как биология, генетика, психология, физика, когнитивистика, статистика, нейрофизиология и др. Эти открытия нуждаются в осмыслении. Лингвистика также накопила большой багаж конкретных знаний о языковом многообразии и о строе самых различных языков мира на фоне динамики языковой ситуации и межкультурных контактов в разных частях света. К началу нового тысячелетия стало очевидным, что новые знания ставят перед научным лингвистическим сообществом новые вопросы и задачи, формулировка которых требовала творческого мыслительного процесса (о некоторых неожиданных для устоявшихся в советское время гуманитарных подходов задачах см.: [Иванов 2004]).

Исследование идентичности и процессов идентификации — одна из наиболее актуальных для системы образования и для гуманитарной науки, включая лингвистику, задач, определяющих состояние дел во многих, если не во всех, сферах деятельности человека. Образовательная деятельность здесь не является исключением. Более того, характер и существо проводимых реформой преобразований показательно с точки зрения направленности идентификационного процесса самих реформаторов.

Последние беспокойные десятилетия во всем мире заставляют ученых все чаще прибегать к междисциплинарным исследованиям

многомерных социально значимых объектов. В ряду предметных областей такого порядка — проблемы работы мозга, развития и формирования смыслового поля личного и коллективного сознания человека, взаимодействие этих процессов в речевой деятельности. Все эти вопросы в той или иной мере были в центре внимания научной школы А. А. Леонтьева и его коллег. Сегодня их труды представляют собой фундаментальный задел, на который мы можем опираться в исследовательской и практической деятельности в сфере образования и науки, в том числе и при анализе результатов реформаторской активности, в которую была погружена система в течение многих лет. Этот анализ должен включать в себя взгляд изнутри: исследование мотивов, стоящих за реформой, и последствий их конвертации в образовательную среду, а также попытку осмыслить более общую картину целеполагания применительно к образовательной деятельности в практике государственного строительства и будущего России. В данной книге предлагается психолингвистический анализ модусов идентификации русской языковой личности, отражающих последствия социальных преобразований за последние десятилетия. Наш анализ основывается на экспериментальном материале, а также на включенном наблюдении и рефлексии. Интерпретация идентификационных процессов строится на экстраполяции некоторых основополагающих тезисов, развиваемых А. А. Леонтьевым в его работах о социальной природе деятельности, об этапах созревания личности и формах ее социальной детерминированности, а также о качестве мотивационной сферы личности и социальной среды. В книге проводится сравнительно-сопоставительный синхронно-диахронный анализ материалов ассоциативных словарей (и баз данных общероссийского масштаба), разных синхронных общероссийских и региональных срезов, рассматриваются ассоциативные поля (далее АП) вербальных единиц, представляющих образы сознания, в структуре которых в «свернутом» виде присутствуют признаки идентификационных процессов россиян последней трети XX — начала XXI в.

Реформаторская деятельность была и остается неизбежной реальностью социокультурных потрясений, которые переживает странцивилизация СССР — РОССИЯ на рубеже веков. Последствия и мотивы реформаторской активности являются частью идентификационных процессов в научно-образовательной среде как важнейшей социокоммуникативной подсистеме современного общества. Один из *лейтмотивов* в нашем повествовании заключается в том, что ни в практике, ни в теоретических обоснованиях, предшествующих практической

деятельности (в том числе и реформаторской), нельзя уходить от изучения субъективных факторов, связанных с *качеством мотивации личности в социокультурной среде*. В данном случае мы имеем дело с поиском междисциплинарных возможностей учесть субъективные факторы, которые очень часто высокомерно-презрительно отбрасывались «высоколобой» наукой как подлежащие ведению «гуманитаров» — «профессоров кислых щей» [Горелик 2013: 252] либо (как следствие такого небрежения) с помощью СМИ и по сей день отдаются на откуп персонажам, присвоившим право манипулировать бытовыми авто- и гетеростереотипами в корыстно деструктивных целях.

Н. П. Бехтерева, посвятившая всю жизнь изучению активности мозга, пришла к мысли о том, что мозг «не только управляет своим организмом, но и пытается управлять малыми и большими формами жизни на планете» [Бехтерева 2015: 181]. Поэтому механизмы его работы могут потенциально служить социальными моделями и должны учитываться, «если мы хотим иметь общество (человечество!) с высоким творческим потенциалом... Правда мозга и жизни общества, по-видимому, едина. Нет деятельности без организующего ее начала — жесткого аппарата. Нет прогресса в развитии общества без оптимальной децентрализации, как нет богатства возможностей мозга в его развитии без аппарата *гибких звеньев, чутко реагирующих не только на задачу, но и на условия ее выполнения*» [Там же: 182] (курсив наш. — *И. Ш.*). Вопрос о *гибких и жестких звеньях* в представленной здесь трактовке объединяет аспекты личностного и коллективного творчества и поэтому является еще одним *лейтмотивом* нашего анализа.

К фактологической новизне нашего исследования мы относим разработку и обоснование приемов и методов выявления психоглосс, применение этих методов к раскрытию содержательно-смысловых трансформаций идентификационных процессов молодых россиян в пределах смены трех поколений на новейших репрезентативных общерусских и региональных экспериментальных материалах. Автор надеется, что ей удалось внести свою лепту в апробацию и творческое осмысление отечественных теоретических подходов к исследованию языковой личности, показать их объяснительный потенциал и приложимость к анализу сложных социокоммуникативных процессов, к которым можно отнести идентификацию на фоне реформаторской деятельности в научно-образовательной сфере. Содержание полученных психоглосс дает нам новый фактический материал, который может быть комплементарно использован разными науками при экспертной

оценке качества мотивационной базы участников научно-образовательной деятельности. Критический анализ сетевых моделей описания языка в отечественных психолингвистических и когнитивных исследованиях на фоне близких к ним или в чем-то сходных зарубежных аналогов позволил, как нам думается, выявить ряд преимуществ отечественных подходов, дающих инструментарий как для анализа собственно языковых явлений, так и для иных аспектов человекообразования. Условием для построения динамических сетевых моделей описания языка при интеграции знаний из разных наук о жизни человека является накопление больших обновляющихся баз ассоциативно-вербальных данных, поддающихся машинной обработке и оптимизации. На основе представленных в книге материалов на ФИТ НГУ начата разработка автоматизированных экспертно-обучающих приложений к корпусам ассоциативно-вербальных данных.

Помимо новых материалов в различных главах данной монографии используются в переработанном и обновленном виде фрагменты ранее публиковавшихся нами статей: в главе I из [2014а; 2018б]; в главе II — из [2015в]; в главах III и IV — [2016а, б]; в главе V — [2017]. Глава VI воспроизводит часть материалов из [2018а], в главе VIII приводятся переработанные фрагменты из [2015б], в главе IX из [2014б; 2015а].

Глава I

О МЕТОДЕ

Одним из научных подходов, потенциально способных укрепить теоретическую и эмпирическую базу для систематизации языковых процессов и получения *практически* значимых новых знаний, является междисциплинарный *психолингвистический* подход. Его реализация в последние десятилетия привела к особенно бурному развитию ассоциативной лексикографии, что, в свою очередь, способствовало накоплению необходимого материала для развития *сетевых (ассоциативно-вербальных) моделей* описания языковых процессов. Ассоциативная лексикография в России накопила достаточно большой опыт в составлении ассоциативных словарей и тезаурусов, который уже позволяет выносить осторожные суждения относительно устройства ассоциативно-вербальной сети (далее АВС), ее устойчивости и изменчивости во временных параметрах на русском материале.

В данной книге мы опираемся не только на общероссийские экспериментальные материалы, представленные в этих источниках, но и на эмпирические данные, полученные нами в ходе массового ассоциативного эксперимента в Сибири и на Дальнем Востоке в сотрудничестве с коллегами из ИЯз РАН в рамках проекта нового русского ассоциативного словаря. Созданная по результатам первого этапа экспериментальной работы база данных [СИБАС] и словарь [Шапошникова, Романенко 2014; 2015] позволяют приступить к первичному анализу активной грамматики и смысловой структуры языкового сознания молодых россиян, проживающих в азиатских регионах России. В сопоставлении с соразмерными данными из других крупных регионов России (европейский и уральский) становится возможным

исследование региональной специфики, которая, впрочем, представлена и в иных локальных форматах [ЕВРАС; УРРАС; Региональное языковое сознание... 2017]. В настоящее время Центром межкультурных исследований имени А. А. Леонтьева предпринимаются активные усилия по организации сбора эмпирических материалов в Крыму и на Донбасе.

Каковы же конкретные механизмы и инструменты приближения теоретических достижений к практике изучения живого языка и социокоммуникативных процессов? Располагает ли ищущая себя современная лингвистика таким инструментарием в достаточной мере, чтобы не исключать субъективный фактор смыслообразования из рассмотрения? В чем специфика психолингвистического подхода? Что поддается изучению с помощью таких методов, которые работают на модели АВС?

Одной из актуальных, подсказанных потребностями жизни тем междисциплинарных лингвистических исследований в последние десятилетия стало *взаимодействие этнических и языковых процессов*. Исходным положением в нашей книге является утвердившееся в отечественной психолингвистике представление о *сознании человека как смысловой структуре*, которая формируется и трансформируется в опыте взаимодействия с окружающей средой [Словарь Л. С. Выготского 2010: 91–92; Леонтьев А. Н. 1975; 2005; Зинченко 1988; 2008; Рубинштейн 2011: 149–150; Ушакова 2000]. Соответственно, этническое (народное) сознание также можно рассматривать как когнитивную *смысловую структуру*, которая складывается при *взаимодействии языковых, этнокультурных и цивилизационных процессов*, при их очевидной связи с *психическими (идентификационными, смыслообразующими по своей природе)* процессами через промежуточную систему — *языковое сознание*. Эта-то промежуточная система и моделируется с помощью АВС. Изучение *системности* русского языкового сознания инициировано представителями Московской психолингвистической школы [Языковое сознание и образ мира 2000; Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты 2004; Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация 2005; Языковое сознание: парадигмы исследования 2007; Язык и сознание: психолингвистические аспекты 2009; Уфимцева 2011; 2017; Тарасов 2014]. Формирование этой системности в процессе речевой деятельности, а также связи данной промежуточной системы с традиционной логико-интерпретативной моделью системы языка (особенно в свете новейших междисциплинарных открытий) можно от-

нести к фундаментальным задачам, требующим исследовательского поиска не только на уровне разработки методов и приемов анализа, но и на уровне постановки проблем (см. гл. IX). **Исследование устойчивости и изменчивости (флуктуаций) процессов смыслообразования (и смыслоуtratности) —** чрезвычайно актуальная задача. Техногенные цивилизационные вызовы (как результат линейного прогресса), в особенности информационно-технологическая революция конца прошлого века, привели к повышению мобильности населения, беспрецедентной активизации живых и опосредованных межэтнических контактов, накоплению в массовом сознании людей нового опыта, часто противоречащего смысловой сфере традиционной культуры, мощнейшего регулятора отношений этноса с внешней средой. Вероятно, одним из неизбежных следствий стало *изменение смыслового поля модели мира* включенных в этот процесс сообществ носителей языка.

Смысловая динамика идентификационных процессов обладает определенной устойчивостью (направленностью, доминантностью) и выводится вовне с помощью языка. Возможно, в будущем, по мере накопления новых эмпирических данных, ученые смогут прогнозировать формирование направленности (системности, доминантности) как языковых, так и связанных с ними этнокультурных адаптивных процессов, если последним не отказывать в существовании.

Таким образом, формирование системности (холистичности, целостности, доминантности) необходимо изучать в двух аспектах: языковая системность (субстантно-структурные и функционально-типологические лингвистические параметры собственно языковых систем и подсистем) и этнокультурно (в том числе цивилизационно) обусловленная системность (образов) *модели мира*. В силу частичной общности нейрокогнитивного субстрата и вербальных проявлений эти объекты могут рассматриваться в рамках *единого динамического смыслового поля*. Их взаимодействие в процессе речевой деятельности базируется на «промежуточной» (на пути превращения языка в речь) системе *языкового сознания*, функционирующей на предречевом этапе. В качестве экспериментально полученной *модели языкового сознания* в настоящее время рассматривается *ассоциативно-вербальная сеть*, а ее выявление и изучение становится прикладной задачей ассоциативной лексикографии. При этом систематика языковых знаний в АВС предстает перед нами преимущественно в качестве «активной грамматики» в терминах Ю. Н. Караулова [1999; 2010а, б], а смысловая структура *модели мира* соткана из *психически актуальных для носителя языка смыслов*.

Именно *активность и актуальность* материала АВС представляется нам отправным пунктом в дальнейшей работе по *поиску инструментария* для сближения лингвистических задач с практикой жизни. Основной, канонической единицей анализа для лингвиста во все периоды существования лингвистической науки была и остается языковая единица, соотнесенная с каким-то структурным уровнем языковой системы, при этом *каноническим носителем значения* при рассмотрении языка является слово (лексема). Здесь нелишне обратить внимание на принципиальную разницу в той информации о языковой единице, которую дают традиционные лексикографические и психолингвистические (ассоциативные) источники. Рассмотрим это положение на примере слова «деньги».

Современному ученику (студенту) предлагается самая разнообразная с лингвистической точки зрения информация о данном слове. Например, словари, доступные рядовому пользователю в Яндексе, снабжают нас толкованием значения (значений), приводят словоформы, иллюстрируя таким образом *морфологическую парадигматику*, могут также пояснить *происхождение слова*, показать *вариативность и сочетаемость словоформ*, указать на *фразеологизмы* и т. п. Подача информации зависит от принципов, которые положены авторами в создаваемый ими лексикографический источник. Ср. [МАС]: -387-

ДЭ́НЬГИ, *дэнег, деньга́м и дэньгам, деньга́ми и дэньгами, о деньга́х и о дэньгах, мн.*

1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. *Бумажные деньги. Разменять деньги. Пересчитать деньги.* □ *У меня своих собственных денег было рублей тридцать, заработанных рукодельем. Эти деньги были отложены у меня на новое платье.* Достоевский, Бедные люди.

2. Капитал, средства. *Время — деньги.* Поговорка. *Не деньги, а истинная любовь приносит людям счастье.* Куприн, Ночлег. — *Будет такая школа и в нашем городе. — Деньги уже отпущены.* В. Беляев, Старая крепость.

◇ **Бешеные деньги** *см.* бешеный.

Шальные деньги *см.* шальной.

На медные деньги (учиться, быть воспитанным) — на скудные, ничтожные средства; недостаточно.

При деньгах (быть) — с деньгами, иметь деньги.

Не при деньгах (быть) — без денег, без свободных, излишних денег.

Бросать деньги *см.* бросать.

Бросать (или кидать, швырять и т. п.) деньги на ветер *см.* ветер.

Деньги // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. С. 387.

<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma138714.htm>

Сравним подачу информации об этом слове с той, что приводится в Толковом словаре Д. Н. Ушакова:

ДÉНЬГИ, денег, дёньгам-дёнъя́м, ед. (ист.) деньга, деньги, и (прост.) деньга, деньги, жен. (тюрк. *tamga* — клеймо, печать).

1. *только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Медные деньги. Заработал много денег.

2. *только мн.* Капитал, состояние, средства (разг.). Он теперь при больших деньгах. Ни за какие деньги не отдам. «*Время — деньги*» (посл.).

3. *только ед.* Деньга, деньги, собир. То же, что **деньги** (прост.). Зашибать деньгу. «*У Павлинского всегда водилась вольная деньга*». Салтыков-Щедрин.

4. Деньга, деньги, *жен.* То же, что денежка в 1 знач. (ист.).

Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940.

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787226>

Расширить или уточнить наши знания о каких-то отдельных аспектах функционирования слова мы можем, обратившись к *специальным лингвистическим словарям* (например, синонимов, ударений, орфографическим, орфоэпическим и др.). В том же Яндекске находим информацию о морфологической (морфемной) структуре интересующего нас слова, направляющей пользователя на выявление разных его функциональных (с точки зрения распределения лексико-грамматической нагрузки) компонентов:

дёнъяг/и

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2002.

Яндекс. Словари > Морфемно-орфографический словарь. — 2002

Количество и различные (преимущественно орфографические и акцентные) варианты словоформ, в которых проявляет себя лексема «деньги» в текстах, фиксируются в специализированных словарях:

дѐньги, дѐнег, дѐньгáм

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Яндекс. Словари > Орфографический словарь. — 2004

дѐньги, дѐнег, дѐньгáм (*устар.* дѐньгам: в «Бѐшенных дѐньгах» А. Острóвского).

Яндекс. Словари > Словарь ударений. — 2000

Синонимические парадигмы также доступны для «освоения списком»:

ДЕНЬГИ; капиталы, денежки, финансы (разг.); презренный металл (разг., шутол.); деньжата, деньжонки, копейка, гроши (прост.); золотой (златой) телец, желтый дьявол (книж.); фити-мити, пети-мети (нов. прост.); казна (*устар.*) / о металлических деньгах: звонкая монета [Александрова 1993: 88].

Происхождение слов описывается в этимологических словарях, при этом применительно к нашему слову разные лингвистические источники, в особенности относящиеся к разным периодам развития научных лингвистических знаний, могут дать разные версии. Так, в словаре Фасмера слово «деньги» рассматривается как заимствование из татарского, а мнение о происхождении *деньгá* от тюркского *tamga, damga* ‘метка, штампель’ считается устаревшим [Фасмер 2003: 499] (ср. данные из словаря Ушакова выше).

Помимо лингвистических словарей, популярные энциклопедии и энциклопедические словари подробно растолкуют понятие и дадут возможность поразмышлять над его ролью в обществе.

Ср.: **дѐньги** — специфический товар максимальной ликвидности, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг. При помощи **денег** выражают стоимость других товаров, поскольку **деньги** легко обмениваются на любой из них [ru.wikipedia.org].

Не составит большого труда прочитать в Интернете о функциях денег, о происхождении этого феномена и многое другое, что уже не имеет прямого отношения к лингвистике, но описывает и расшифровывает называемое словом «деньги» понятие и его встроенность в другие понятийные сферы жизнедеятельности.

Итог работы лексикографов, обобщенный и зафиксированный в лингвистических источниках, реализует исходную задачу — *формирование знаний о лингвистических свойствах единицы*, представленной леммой¹ в словарях, понятия о называемом объекте, выводного знания о нем (в результате рефлексии и логического анализа, выполненного исследователями и авторами словарей; а в новейшее время и с опорой на компьютерные технологии систематизации и обработки текстовой информации, что кардинальным образом расширяет возможности наблюдателя за функционированием единицы анализа). *Полнота описания* очень значима для такой работы и имеет под собой глубокую мотивацию, так как необходима для сохранения сложившейся в истории бытования слова культурной семантики во всех ее аспектах. Последнее очень важно для энциклопедий, толкующих не слово, а понятие. Полнота сведений обеспечивает историческую преемственность в понимании и толковании текстов культуры. Конечно, организация сведений о единицах языка зависит и от субъективного фактора — индивидуального опыта и сознания лексикографа, в том числе и в преобразованном виде в параметрах, заложенных в компьютерные программы обработки текстов.

В идеале в своей совокупности лингвистические словари должны дать достаточно информации для того, чтобы можно было с их помощью прочитать любой текст на данном языке в любой сфере его использования. Парадоксально, но с психолингвистической точки зрения филологическая полнота описания не способствует созданию (воспроизведению) целостного образа, реально стоящего за словом в живом его использовании у современников. Более того, лингвистически (и шире: историко-филологически) ценная информация может быть очень далека от актуального использования слова рядовым носителем языка. Например, какие-то фразеологические единицы из словарей могут быть ему совсем неизвестны и даже непонятны, а само наличие каких-то форм в языке может показаться ему «искусственной выдумкой» автора, с которой можно и поспорить. С другой стороны,

---

¹ *Леммой* лингвисты называют ту форму слова, в которой оно обычно подается для толкования в словаре. Например, глагол в форме инфинитива (читать), существительное в именительном падеже единственного числа (книга). Лемма нашей единицы — *деньги* имеет форму мн. ч. им. падежа, поскольку формы единственного числа у этого слова ушли в историческое прошлое. Ср.: *каноническая форма лексемы, основная форма слова, вокабула, исходная форма*. В этом термине видна смысловая аналогия с математическим термином *лемма* для теоремы, которая используется только для описания других теорем.

какие-то фиксируемые словарями значения и толкования слова могут стать значимым культурным открытием для носителя языка. Конечно, здесь можно говорить о разном уровне владения родным (и тем более иностранным) языком, однако мы будем исходить из достаточно высокого в целом уровня, характерного для человека образованного и размышляющего о том, как именно он разговаривает на своем (чужом) языке. Предположительно именно к этой категории должны относиться наши испытуемые — студенты разных специальностей высших учебных заведений Сибири и Дальнего Востока. Посмотрим, что собой представляет ассоциативное поле слова-стимула «деньги» по данным СИБАС и какую именно информацию об этой лемме дал нам ассоциативный эксперимент.

АП «деньги» (прямой словарь СИБАС):

зло **45**; власть **31**; много **27**; бумага **17**; богатство **12**; валюта **11**; работа **10**; мало; тратить **9**; рубли **8**; большие; счастье; хорошо **7**; грязь; доллар; не пахнут **6**; грязные; евро; зарплата; кошелек; монеты; нужны; средства; бизнес; возможности; время; есть; монета; на ветер; средство **4**; бабло; банк; возможность; зеленые; зелень; крупные; купюры; нету; покупки; слава **3**; \$; бабки; в банке; ветер; вперед; всё; доллары; достаток; жадность; жизнь; закончились; заработать; золото; квартира; кошелек; мои; мусор; необходимость; не хватает; покупать; прибыль; рубль; сила; считать; ценность **2**; 500р.; алчность; бабулесь; банкнота; бассейн; билет; билеты; благо; блаженство; богатый; больше; брат; бумаги; бумажка; бумажки; бумажные; бумажные деньги; быстро; ванна; в банк; в долг; ветреный; займы; в кармане; вода; воздух; вперед; в связке; все; выбор; гавно; гадость; давай сюда; делаем мы; делать; долг; дома; доход; жажда власти; желание; желания; — жизнь; зависть; запах; зарабатывать; заработок; звание; зеленый; зеленые купюры; зло!; инфляция; капитализм; карты; карты, пистолет; конфеты; красивые; крах; круто; курорт; лавэ; ликвидность; магазин; медь; менять; много денег; многое могут; монетки; мыши; на бочку; на быку; надо; нал; наше; не важно; не важны; не главное; недостаток; не нужны; необходимое; необходимы; необходимые; несчастье; нет; нефть; ничто; нужно; обмен; овощи; огромные; оплата; орангутанг; отдать; парни; любовь; партии; пахнут; пачка долларов; песок; под проценты; покупка; получать; получить; порок; потрачены; почесть; появились; правят миром; проблема; проблемы; радость; радость в жизни; расходы; решают; роскошь; сбережения; свобода; смерть; собраны; стипендия; супер; счастье, достаток; счет; тают; торговля; трать; тысяча; тяжело; успех; фальшивые; хорошие; хочу; цель

работы; шелест; шуршащие; эквивалент 1 (499, 199, 4, 134). О количественных показателях см. с. 30.

При предъявлении АП в аудитории носителям языка на их лицах неизбежно появляются улыбки «узнавания» тех «своих» или близких своим собственным индивидуальным смыслам, что всплывают в ассоциативных парах его составляющих. Рассуждая о причинах такого «узнавания», Ю. Н. Караулов усматривает их в сходстве «диссипативных структур» в индивидуальных и в коллективной АВС [2010б]. Эти структуры охватывают среди прочего и «типичные семантико-когнитивные структуры, и тождественные фонетические комплексы, и узнаваемые прагматико-мотивационные модели» [Там же: 249]. Очевидно, что такие структуры не линейны, а их сходство является результатом совместной деятельности (опыта) носителей индивидуальной сознаний, их пребывания в поле одной и той же культуры. Нетрудно заметить, что многие отмеченные в словарных статьях обороты, словоформы, фразеологические единицы просто *отсутствуют* в рассматриваемом ассоциативном поле, поскольку они *не актуализированы* в языковом опыте большинства испытуемых.

Таким образом, итог работы психолингвиста — составителя ассоциативного словаря заключается в получении *комплексного образа, сотканного из актуальных смыслов, стоящих сегодня за телом языкового знака* (словом); образа, включающего все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, в широком смысле когнитивных, в том числе и лингвистических). Это происходит по причине того, что основным законом АВС является *закон предикации* [Караулов 1999]. Будучи вживленным в окружающую среду, предцируя себя миру, человек многомерно выстраивает свои многообразные отношения с его объектами при посредстве языковых знаков. Закон предикации вытекает из самой физиологической природы формирования вербального знака у человека, видовой специфики *homo sapiens* как биологического существа, обладающего обретенным в эволюции механизмом взаимодействия первой и второй сигнальных систем.

Как использовать столь специфично организованную в ассоциативных словарях информацию в практической деятельности? Несмотря на обилие текстов, написанных на эту тему, а также выполняемых на ассоциативных материалах в настоящее время работ, эта задача *актуальна в своей сложности* и для исследователя, и тем более для

лингвиста-пользователя, в особенности преподавателя. Особый интерес представляют исследования, в которых знания, выведенные обычными, не экспериментальными методами, поверяются экспериментальным путем с опорой на современные ассоциативные базы данных [Стернин 2016; Гольдин, Сдобнова 2014].

В ассоциативном поле уже традиционно (вслед за разработками Ю. Н. Караулова) выделяются различные типы и виды связей между вербальным стимулом и реакциями. Они представляют собой вербализации различных намерений носителя языка, когда он «совершает акт предцифирования» в ответ на предъявленный словесный стимул. Здесь и *номинация* (**деньги** — бумага, доллары), и *локация* (**деньги** — банк), и *предикация в узком смысле*, как предписание признака объекту (**деньги** — не пахнут, грязные), и многое другое. Подробнее о типах отношений S–R (стимул — реакция) и связанных с ними закономерностях ABC см. [Караулов 1999: 107–116]. Каждая цепочка «стимул — реакция» может рассматриваться как носитель необязательно какого-то одного из этих и иных видов связей. Особенно часто наблюдается совмещение разных типов смысловых отношений внутри ассоциативной цепочки с *оценочной семантикой*. Поэтому выявление и анализ оценочных маркеров и акцентуаций в ABC имеет шансы превратиться в особое направление ассоциативной лексикографии, своего рода *ассоциативную аксиологию* (см. гл. IV). При выполнении этнолингвистических исследований уже на уровне АП проявляют себя *семантические зоны оценки*, столь значимые для понимания этнокультурной специфики смысловой (содержательной) структуры сознания. Так, уже при беглом взгляде на АП «деньги» в прямом словаре СИБАС можно выстроить оппозицию по оценочным ассоциатам, получив примерно следующую картину отрицательного и положительного полюсов в структуре образа «деньги».

Деньги ассоциируются с чем-то злым, грязным, несправедливым, с негативными качествами людей, в особенности с завистью и жадностью, лживостью, деньги создают проблемы и даются тяжело. Деньги вызывают к себе презрение, поскольку мы осознаём, что они не главное в нашей жизни, о чем свидетельствуют такие ассоциаты, как *зло, на ветер, не пахнут, грязные, грязь, мусор, зависть, тяжело, фальшивые* и им подобные.

С другой стороны, деньги — это хорошо, так как они создают достаток в жизни, приносят ощущение силы, славы, радости, даже блаженства. Они могут принести почести, связаны со свободой, роскошью, правом выбора, приносят счастье. Деньги представляют собой

ценность. В качестве материального объекта они также приятны сами по себе. Все эти смыслы активируются ассоциатами *хорошо, достаток, прибыль, доход, сила, слава, радость, благо, блаженство, многое могут, свобода* и другими насыщенными позитивом единицами в АП «деньги».

Подобная процедура распределения оценочно маркированных ассоциатов между двумя полкусами противоположных смыслов (выявление смысловой оппозиции) представляет собой довольно примитивную и самую общую (предварительную) экспликацию смыслов, интегрированных в образ «деньги». Более точный и надежный анализ должен основываться на измерении смысловых составляющих структуры АП.

Присутствие статистической оценки связей единиц, образующих АП, существенно расширяет возможности выявления актуальных, наиболее устойчивых единиц, включая потенциально способные выступать в качестве лингводидактических, то есть первоочередно подлежащих изучению в процессе освоения языка. Ниже мы рассмотрим приемы анализа (выявления) смысловых акцентуаций на материале АП ряда единиц идентификационного плана.

АП можно рассматривать как *микроуровень анализа* ассоциативных данных. Оно представляет в «свернутом» виде смысловую структуру образа сознания, названного одной конкретной вербальной единицей (то есть словом или словоформой, если в качестве стимула в эксперименте предьявлялась словоформа, а не лемма). Однако смысловая структура образа, как «свернутая» (интериоризированная, то есть переведенная во внутренний план) в нашем сознании ячейка опыта взаимодействия с миром, не «сворачивается» сама по себе, автономно, в отдельности от всего прочего сложного контекста деятельностей, взаимодействий и взаимозависимостей, в котором этот образ формируется. Условно выделенный исследователем для анализа образ встроен в сложную смысловую систему (структуру) образа мира языковой личности. Ассоциативно-вербальные материалы, собранные в эксперименте с языковыми личностями конкретных индивидуумов, позволяют вести речь и о так называемой усредненной языковой личности, представляющей систему образов (смысловую структуру — образ мира), типичную для определенной этносоциокультурной группы (народа или какой-то его части). Эта система представлена, как уже упоминалось выше, моделью сетевого типа, которую называют ассоциативно-вербальной моделью языкового сознания русской языковой личности. Полученную в эксперименте ассоциативно-вербальную

сеть (АВС) мы рассматриваем как динамическую смысловую структуру, в которой может найти отражение психически актуальное словообразование, характерное, в частности, для идентификационных этнических процессов. Таким образом, анализ на микроуровне, то есть на уровне одного образа или группы особенно тесно с ним связанных образов, дает нам первичную информацию. Для более глобальных выводов, значимых с точки зрения системных процессов этнокультурной среды, необходим *анализ на макроуровне*, то есть на всем массиве имеющихся в АВС ассоциатов. Макроуровневый анализ с последующим синтезом информации позволяет судить о доминантных (обладающих определенной устойчивостью и параметрами изменчивости во времени) процессах, которые сигнализируют об изменениях модусов языкового сознания, включая модусы идентификации². Для такого анализа необходимы базы ассоциативных данных, позволяющие исследовать АВС синхронно-диахронно хотя бы в течение нескольких десятилетий. До последнего времени у психолингвистики не было таких масштабных эмпирических данных. Благодаря самоотверженной деятельности психолингвистов в эпоху

---

² Инструментарий СИБАС позволяет выявить через обратный ассоциативный словарь *ассоциативные доминанты* (узлы АВС) с наибольшей силой (интенсивностью) и разветвленностью (экстенсивностью) связей. Так, по количеству реакций (а значит, по силе связей), полученных в массовом ассоциативном эксперименте в азиатских регионах России на начало 2014 г., лидируют **человек** (10 011), **деньги** (4036), **дом** (2584), **друг** (2342). По количеству стимулов (а значит, разветвленности, укорененности смыслов в разнообразии связей): **человек** (450), **жизнь** (345), **дом** (335) **деньги** (263), **хорошо** (261), **плохо** (260), **друг** (253), **нет** (235), **мир** (232), **я** (230). Сходную (хотя и не совсем идентичную) смысловую структуру находим и в ЕВРАС на начало 2014 г.: **человек** (594), **жизнь** (497), **дом** (465), **плохо** (269), **хорошо** (264), **нет** (257), **деньги** (249), **мир** (240), **друг** (236), **я** (215) [Уфимцева 2017: 95]. Если сопоставить эти данные с материалами Н. В. Уфимцевой, в ее работах по исследованию «ядра языкового сознания» русских, обладающего существенной устойчивостью и во многом определяющего нашу социокультурную идентичность [2002: 159–164; 2011], становится очевидным факт очень существенного изменения социокоммуникативных установок русских, как в европейской, так и в азиатской части РФ, на фоне имеющихся показателей 70-х и 90-х гг. прошлого века (см. соответствующие таблицы в [Уфимцева 2002: 159–164; 2017: 93–95]). Среди абсолютных лидеров (первых десяти ассоциативных доминант) особенно ярко эти изменения проявили себя в резкой актуализации и разработке смысловых узлов **деньги** и **я** в новейшее время. Такого рода изменения не могут не быть связанными с мотивационно-прагматической сферой жизни, содержанием и характером практикуемых деятельностей.

перестройки и в настоящее время такие базы данных создаются и уже могут в определенных пределах использоваться для исследований на макроуровне. Основным препятствием для такого уровня анализа является на сегодняшний день отсутствие эффективной системы обработки экспериментальных материалов на начальных этапах их получения; требуется и последующая оптимизация ассоциативно-вербальных баз для пользователей разных уровней. Эти проблемы могут в частности, как мы предполагаем, решаться через разметку создаваемых ассоциативно-вербальных баз данных (см. гл. VIII). В настоящей книге мы будем опираться в основном на данные микроуровневого анализа ряда подсистем в образе мира (усредненной) русской языковой личности, которые уже могут быть выведены и интерпретированы с достаточно высокой степенью достоверности в имеющихся экспериментальных материалах.

В новаторских для своего времени исследованиях ассоциативно-вербальной сети, получивших новую эмпирику после создания русского ассоциативного словаря-тезауруса в годы перестройки, Ю. Н. Караулов развивает понятийно-категориальный аппарат, который лег в основу его теории языковой личности. Языковая личность, по замыслу автора, объединяет способности и характеристики человека с особенностями порождаемых им текстов [Караулов 1989: 3]. Она проявляет себя в таких ипостасях, как вербально-семантическая (включая грамматико-парадигматические и семантико-синтаксические отношения), представленная моделью ассоциативной (активной) грамматики русского языка [Караулов 1999; 2010а], тесно связанные с ней когнитивная и мотивационно-прагматическая [Караулов 2010а; 2010б: 56]. В качестве обозначений для одной из возможных единиц анализа языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает термин «психоглосса», который применим к разным уровням [Караулов 2010б: 157–158]. Так, в ходе анализа могут выявляться грамматические психоглоссы, связанные со знанием родного языка. В данной главе нас интересуют когнитивные и мотивационные психоглоссы, которые, как нам думается, отражают динамику смысловых акцентуаций русской языковой личности в идентификационном измерении.

В наших работах термином «психоглосса» описываются смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности, позволяющими судить о целостности

или противоречивости (чреватой смыслоутратностью) ее смысловой структуры [Шапошникова 2017: 127]. Условием для выявления таких психоглосс в пределах нескольких сменяющих друг друга поколений становится компьютерная обработка постоянно пополняемых в эксперименте ассоциативно-вербальных баз данных. К настоящему времени в распоряжении психолингвистов имеется несколько источников. В 70-е гг. прошлого века на ограниченном материале двухсот стимулов был получен словарь ассоциативных норм (САНРЯ). Уже упоминавшийся выше ассоциативный тезаурус³ (РАС) создан в период с 1988 по 1997 г. Новейшие данные были получены в параллельном для азиатской и европейской частях России эксперименте, они сгенерированы в ассоциативные словари СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013), полностью сопоставимые по репрезентативности и составу единиц⁴. Поскольку эти три типа источников не только дают три разных временных среза, но и имеют свою специфику по репрезентативности и структуре данных (разное количество испытуемых и объем экспериментальной работы), при проведении сравнительного анализа мы применяли метод, позволяющий опереться на сопоставимые критерии, связанные с набором и удельным весом по отношению друг к другу сходных смысловых зон в структуре рассматриваемых полей. Выявившиеся при этом количественные показатели не могут рассматриваться как имманентные свойства неких наличных, как «объективная» на все времена данность когнитивных смысловых сущностей, «концептов» (тем более «значений») объективирующих их слов). Они фиксируют *относительную устойчивость актуализации* тех или иных смысловых связей в сознании ныне живущих носителей языка (испытуемых). Предметом диахронного сопоставительного анализа в этом случае становится относительная динамика этих смысловых зон, а также, при необходимости, особенности их наполнения конкретными единицами, отражающими специфический коллективный опыт конкретных периодов в жизни народа.

---

³ Тезаурусный формат обеспечен трехэтапным массовым экспериментом с постепенным наращиванием АВС.

⁴ В отличие от трехэтапного РАС, доступные для пользователей словари новейших региональных баз СИБАС и ЕВРАС пока что одноэтапны (в каждом из них представлены материалы, полученные на 1000 стимулов от 500 условных испытуемых, что составляет не менее 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, предъявленных 5000 студентов в каждом регионе).

Рассмотрим процедуру выявления маркирующих цивилизационную идентификацию психоглосс поэтапно.

Первым этапом анализа АП является **общая оценка его наполнения и структуры** (табл. 1). В таблице показано, что в абсолютном количественном выражении (общее количество реакций в составе АП) наполняемость АП «русский» претерпевала довольно заметные изменения с 1970-х гг. до настоящего времени (2008–2013). Так, в период перестройки (по данным трехэтапного тезауруса РАС) она уменьшилась более чем в два раза по отношению к САНРЯ, а в новейшее время, наоборот, возросла в 4–5 раз по сравнению с РАС. Можно предположить (даже с учетом погрешностей от условий эксперимента), что в новейших региональных словарях фиксируется резко возросшая на фоне перестроечных времен *актуализация этнически окрашенных смыслов*.

Чтобы приступить к следующему этапу анализа, необходимо разграничить **два типа разработки смыслов в структуре АП: интенсивный и экстенсивный**. Первый подразумевает актуализацию смысла за счет частоты возникновения в памяти испытуемых одних и тех же ассоциированных с ним вербальных единиц, в то время как второй — за счет разнообразия вербальных единиц, соотносимых с одним и тем же смыслом. Во втором случае обычно разнообразие достигается преимущественно за счет единичных (в меньшей степени за счет разных устойчивых) реакций⁵. Так, в структуре АП «русский»

---

⁵ То, что мы называем здесь **экстенсивностью**, через количество **разнообразных связей** сигнализирует о степени включенности смысловой единицы в различные виды социокоммуникативной деятельности и отношений, а также дает материал для наблюдения за новообразованными потенциально перспективными в социокоммуникативном плане связями. Примечательно, что, как показали проведенные в прошлом веке опыты по исследованию взаимодействия первой и второй сигнальных систем у человека и по формированию слова как «сигнала сигналов» в онтогенезе, в процессе становления слова (комплексного по своей сути раздражителя, где кинестетический компонент самый сильный), одной частоты повторения каждого рефлекса недостаточно: ведущую роль играет «обеспечение разнообразия форм деятельности ребенка, в частности игровой и ориентировочной, а также разнообразие форм словесного общения с ребенком» [Дмитриев 1974: 270]. Чем более разнообразны формы и способы предъявления слова, чем больше его связей показывается в процессе обучения, тем быстрее слово обретает свою интегрирующую репрезентативную функцию. Экстраполируя эту информацию на АП усредненной языковой личности, от которой мы можем судить по данным АВС, увидим, что маркеры экстенсивно-

(см. табл. 1) в эпоху перестройки произошло существенное снижение по отношению к данным САНРЯ интенсивности разработки АП (более чем на 20 %), что сопровождалось увеличением показателей экстенсивности на 14 %, при этом в два раза увеличивается удельный вес единичных реакций. Такое соотношение можно рассматривать как показатель расшатывания прежде более устойчивого образа (автостереотипа) «русский», его трансформацию (как минимум дестабилизацию) на исходе советского периода при переходе к новому формату цивилизационного воплощения. Вместе с тем в региональных словарях нового времени наблюдается обратная картина — интенсивность разработки АП «русский» возрастает на 20–24 %, что приближает его к эпохе САНРЯ, а экстенсивность разработки снижается с соответствующим снижением (практически в два раза) удельного веса единичных реакций. Нетрудно заметить, что в АП «советский» наблюдается иная ситуация. В нем, наоборот, происходит резкое увеличение общей наполняемости поля в перестроечном РАС по отношению к САНРЯ, в новейших словарях наполнение АП несколько сокращается, однако в его общей структуре наблюдаются незначительные региональные флуктуации при переходе от одной эпохи к другой. Показатели ЕВРАС в большей мере приближены к РАС, а СИБАС — к САНРЯ. Мы не располагаем данными об АП «российский» в САНРЯ, что само по себе указывает на несопоставимо меньшую актуальность этого маркера в советское время. Сравнение перестроечного РАС с материалами современных региональных словарей показывает повышение интенсивности разработки АП «российский» примерно на 10–15 % со снижением экстенсивности на 11–14 %. Можно с осторожностью предположить, что такие флуктуации связаны с некоторым укреплением и укоренением этого маркера⁶.

сти этих АП сигнализируют не столько о выраженных контурах смысловой ткани представленного словом образа, сколько о его эмерджентных флуктуациях, пока еще размытых, неспецифических, формирующихся смыслов, за которыми стоит соответствующий разнообразный (часто это новый) социокоммуникативный опыт. См. также сноску 2 на с. 27.

⁶ Учет соотношений между маркерами интенсивности и экстенсивности можно с некоторыми допущениями сопоставить со взаимодействием таких явлений, как *frequency effect* (эффект частоты упоминания) и *recency effect* (эффект новизны), которыми оперируют когнитивные теории сетевых моделей при объяснении характера воздействия вновь приобретенного опыта (*experience*) на когнитивную сеть и его укоренение (*entrenchment*) в процессе научения. См., например: [Hudson 2007: 53].

Таблица 1

**Общая структура и наполнение ассоциативных полей (АП) «русский», «советский» и «российский»
в САНРЯ (1970-е гг.), РАС (1988–1997), СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013)**

		АП «русский»			
Наполнение АП	САНРЯ	← РАС → ⁷	СИБАС →	← ЕВРАС	
Общее количество реакций ⁸	232	113	499	541	
Разные	72 (31%)	51 (45%)	135 (27%)	116 (21,4%)	
Единичные	43 (18,5%)	41 (36,3%)	102 (20,4%)	85 (15,7%)	
Устойчивые	189 (81,46%)	68 (60%)	397 (79,5%)	455 (84%)	
Отказы	0	4	0	1	
		АП «советский»			
Наполнение АП	САНРЯ →	РАС	← СИБАС →	ЕВРАС	
Общее количество реакций	226	652	501	541	
Разные	73 (32,3%)	164 (25%)	166 (33%)	149 (27,5%)	
Единичные	48 (21,2%)	123 (18,8%)	121 (24,15%)	104 (19,2%)	
Устойчивые	178 (78,7%)	527 (80,8%)	376 (75%)	429 (79,3%)	
Отказы	0	2	4	8	
		АП «российский»			
Наполнение АП	САНРЯ	РАС →	СИБАС →	ЕВРАС	
Общее количество реакций		103	501	542	
Разные		41 (39,8%)	142 (28,3%)	132 (24,35%)	
Единичные	Нет данных	29 (28,15%)	101 (20,15%)	80 (14,76%)	
Устойчивые		71 (68,9%)	393 (78,4%)	456 (84%)	
Отказы		3	7	6	

⁷ Стрелки указывают на увеличение или снижение общей наполняемости АП в абсолютном количественном выражении.

⁸ Общее количество устойчивых реакций подается в таблице за вычетом отказов.

Более детальный анализ динамики смысловых акцентуаций осуществляется на этапе **выявления смысловых зон внутри АП** в соответствии с задачами исследования (направлением поиска, что именно интересует исследователя в наличном материале). Содержательный анализ рассматриваемых АП позволяет распределить входящие в них ассоциаты по сходным семантическим (смысловым) зонам и представить их состав и статистику (табл. 2, 3). Статистика повторяющихся реакций подается с подзаголовком «Ядро», при этом удельный вес каждой семантической зоны просчитывался в процентах от общего количества устойчивых реакций; статистика единичных реакций подается с подзаголовком «Периферия» (см. табл. 3). Удельный вес единичных реакций каждой зоны исчислялся в процентах от их общего количества в АП.

Формализация содержательной структуры АП через измерение удельного веса каждой смысловой зоны, как показано в табл. 2, дает исходный фактический материал, подлежащий интерпретации. Количественные данные позволяют определить вектор смысловых акцентуаций внутри каждого АП, а также оценить соотношение интенсивных и экстенсивных параметров в разработке содержания исследуемых образов. Психоглоссы интенсивности создают модель содержательного каркаса каждого АП в отдельности (см. табл. 3), стрелки внутри данной модели представляют вектор смысловых акцентуаций, показывающий порядок снижения интенсивности смысловых зон по отношению друг к другу. Так, например, психоглоссы интенсивности в устойчивой части АП (ядре) «русский» свидетельствуют о наибольшей интенсивности зон 4, 3 и 2 в САНРЯ (зона 4 → 3 → 2). Зона 4 составлена из ассоциатов, представляющих этнонимы и маркеры идентификационной матрицы (например: *казах; немец; еврей; свой; родной* и пр.)⁹. Зона 3 включает одушевленные номинации (люди и их роли) (например: *человек; народ; Иван; солдат* и пр.). Зона 2 — нематериальные сущности, абстрактные понятия, социальные институты,

---

⁹ Здесь и далее примеры вербальных реакций подаются в тексте курсивом, при этом реакции отделяются друг от друга точкой с запятой (в соответствии с практикой, установленной нами в СИБАС). При наличии двусловной реакции оба слова отделяются запятой, а вся двусловная реакция отделяется от других точкой с запятой. Написание слова-стимула приводится в кавычках (например: «русский», но: *свой; свой, родной*). В ряде случаев сохраняется аутентичный вариант реакции, который может отклоняться от нормативной леммы. Например: *великоросский*.

Таблица 2

**Статистика интенсивности семантических зон АП «русский»,
«советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС
(в процентах от общего количества реакций
в устойчивой части и на периферии¹⁰)**

Семантическая зона	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
Зона 1. Номинации — объекты материально-производственной культуры, включая символику, внешние признаки и ритуалы (игры), а также природно-климатические явления и животных	АП «русский»			
	1,58	Нет	2,51	2,19
	<i>6,97</i>	<i>17</i>	<i>21,56</i>	<i>18,82</i>
	АП «советский»			
	5	46,62	12,76	14,45
	<i>16,66</i>	<i>26,82</i>	<i>31,4</i>	<i>25</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	67,6	65,13	64,69
	<i>Нет данных</i>	<i>13,79</i>	<i>30,69</i>	<i>33,75</i>
	Зона 2. Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)	АП «русский»		
27,51		48,52	66,49	70,32
<i>2,32</i>		<i>21,95</i>	<i>19,6</i>	<i>18,82</i>
АП «советский»				
5,61		9,86	7,97	10,72
<i>16,66</i>		<i>14,63</i>	<i>20,66</i>	<i>25,96</i>
АП «российский»				
Нет данных		21,12	12,21	11,18
<i>Нет данных</i>		<i>27,58</i>	<i>30,69</i>	<i>27,5</i>
Зона 3. Одушевленные номинации (люди и их роли)		АП «русский»		
	30,68	45,58	20,4	19,56
	<i>23,25</i>	<i>14,63</i>	<i>24,5</i>	<i>28,23</i>
	АП «советский»			
	49,43	46,11	20,74	24,47
	<i>14,58</i>	<i>21,13</i>	<i>15,7</i>	<i>23</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	7	8,65	11,84
	<i>Нет данных</i>	<i>17,24</i>	<i>16,83</i>	<i>21,25</i>

¹⁰ Данные по ядру каждой зоны показаны полужирным начертанием, периферии — курсивом. Более подробный, развернутый анализ компонентного состава каждой зоны см. в приложении (табл. ба–к, с. 285–300).

Окончание таблицы 2

Семантическая зона	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
Зона 4. Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы	АП «русский»			
	31,74	5,88	8	5,71
	<i>27,9</i>	<i>17</i>	<i>12,74</i>	<i>16,47</i>
	АП «советский»			
	18,53	8,34	5,31	3
	<i>10,41</i>	<i>10,56</i>	<i>4,95</i>	<i>3,84</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	4,22	9,92	8,55
<i>Нет данных</i>	<i>17,24</i>	<i>8,91</i>	<i>7,5</i>	
Зона 5. Локации (в пространстве и во времени)	АП «русский»			
	3,7	Нет	2	1,53
	<i>6,97</i>	<i>9,75</i>	<i>10,78</i>	<i>5,88</i>
	АП «советский»			
	12,35	14,99	45,74	42,89
	<i>4,16</i>	<i>5,69</i>	<i>14</i>	<i>12,5</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	Нет	1,78	2,41
<i>Нет данных</i>	<i>20,68</i>	<i>5,94</i>	<i>5</i>	
Зона 6. Экспликация смысла «какой»: качества русскости (советскости, российскости), отношение к ним	АП «русский»			
	4,76	Нет	1	0,65
	<i>34,88</i>	<i>17</i>	<i>11,76</i>	<i>12,94</i>
	АП «советский»			
	8,98	4,93	7,44	4,42
	<i>33,33</i>	<i>22,76</i>	<i>15,7</i>	<i>10,57</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	Нет	1,78	1,31
<i>Нет данных</i>	<i>1,4</i>	<i>9,9</i>	<i>7,5</i>	

ценности, идеологемы (например: *язык; национальность; характер; наука* и пр.). Лидирующие по интенсивности четвертая и третья зоны получают дополнительное существенное подкрепление через периферию (единичные реакции). В целом при таком распределении смысловых предпочтений автостереотип «русский» по данным САНРЯ производит впечатление устойчивого.

Таблица 3

Психоглоссы интенсивности в ядре и на периферии¹¹ АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС

Ассоциативное поле	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
		Ядро		
«Русский»	Зона 4 → зона 3 → зона 2 → зона 6 → зона 5 → зона 1	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 1 = зона 5 = 0	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 1 → зона 5 → зона 6	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 1 → зона 5 → зона 6
«Советский»	Зона 3 → зона 4 → зона 5 → зона 6 → зона 2 → зона 1	Зона 1 → зона 3 → зона 5 → зона 2 → зона 4 → зона 6	Зона 5 → зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 6 → зона 4	Зона 5 → зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 6 → зона 4
«Российский»	Нет данных	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 5 = зона 6 = 0	Зона 1 → зона 2 → зона 4 → зона 3 → зона 5 = зона 6	Зона 1 → зона 3 → зона 2 → зона 4 → зона 5 → зона 6
		Периферия		
«Русский»	Зона 6 → зона 4 → зона 3 → зона 1 = зона 5 → зона 2	Зона 2 → зона 1 = зона 4 = зона 6 → зона 3 → зона 5	Зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 4 → зона 6 → зона 5	Зона 3 → зона 1 = зона 2 → зона 4 → зона 6 → зона 5
«Советский»	Зона 6 → зона 1 = зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 6 → зона 3 → зона 2 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 2 → зона 3 = зона 6 → зона 5 → зона 4	Зона 2 → зона 1 → зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4
«Российский»	Нет данных	Зона 2 → зона 5 → зона 3 = зона 4 → зона 1 → зона 6	Зона 1 = зона 2 → зона 3 → зона 6 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 4 = зона 6 → зона 5

¹¹ Жирным шрифтом показаны зоны с интенсивностью свыше 30 %, жирным курсивом — свыше 20 %, курсивом — свыше 10 %.

Ассоциаты негативно-оценочного плана (отдельной строкой в таблице не приводятся) актуализируются настолько слабо и в такой мягкой форме, что ими можно пренебречь. Например, даже в оценочной по сути периферийной зоне 6 всего один ассоциат *неприятный* на фоне абсолютного большинства позитивных: *великий*; *любимый*; *хороший*; *великодушный*; *настоящий*; *светлый*; *открытый* и др. Это также можно рассматривать как признак устойчивости позитивного автостереотипа «русский» в 70-е гг. прошлого века. Совсем иную картину находим в перестроечный период (РАС) и в наше время (СИБАС и ЕВРАС). Здесь основной каркас образа «русский» также опознаётся на основе зон 4, 3 и 2, только иерархия их актуализации строится в обратном порядке (зона 2 → 3 → 4). Такой порядок вряд ли можно назвать случайным, поскольку именно на смысловую структуру зоны 2 в этот период времени были направлены сознательные и неосознанные усилия по ее разрушению и обновлению. Неслучайно ее содержание сильно изменилось за несколько десятилетий. Так, в региональных базах XXI в. фиксируется многократное усиление устойчивости связи образа «русский» с образом «(родной) язык», фактически этнизация языка по отношению к более ранним данным эпохи перестройки и доперестроечного времени. Что же касается зон 3 и 4, то в них произошла существенная содержательная трансформация, начиная с РАС. В РАС проявляется заметная интенсификация негативной оценочности за счет ее внедрения в наиболее интенсивные зоны 3 и 4. Примечательно, что негативные смыслы в этот период имеют направленность преимущественно на себя, а не на другие этносы (*дурак*; *мешочник*; *совок* и пр.). В региональных новейших источниках негативные смыслы представлены более равномерно в разных смысловых зонах, но их общий удельный вес невысок, а направленность такого ассоциирования осуществляется как на образ себя (своего народа), так и на другие этносы (*свинья*; *чурка* и др.). Характерным признаком новейших данных является тенденция к разнорегистровой, преимущественно экстенсивной разработке негативно-оценочных единиц с уклоном в резкость, вульгарность и брутальность оценок. Вместе с тем общий смысловой анализ оценочных единиц АП «русский» не дает оснований для заключений о негативном автостереотипе «русских», по крайней мере в вербализованном каркасе структурирующих его смысловых узлов. Более того, несмотря на явную перестройку автостереотипа, образ «русский» сохраняет свою преимущественно (подавляюще) позитивную акцентуацию.

Смысловая структура АП «советский», как видно из табл. 2, отличается нестабильностью во времени, в большей мере отражающей

противоречия идентификации на суперэтническом (цивилизационном) уровне. Вместе с тем в СИБАС и ЕВРАС наблюдается практически полное совпадение иерархии смысловых зон внутри этого АП с небольшим отличием по интенсивности в ядре зоны 2. Колебания в интенсивности, характерные для расшатанности автостереотипа, как результат непреодоленной со времен перестройки смысловатратности, очевидны в психоглоссах на периферии АП «советский» в СИБАС и ЕВРАС.

Психоглоссы САНРЯ свидетельствуют об относительной устойчивости автостереотипа «советский», поскольку на первом месте в ядре АП «советский» оказываются зоны ролевой и идентификационной матрицы (зона 3, например: *человек; народ; гражданин; патриот; ученый; инженер; интеллигент; коммунист; летчик* и др.; зона 4: *наш; антисоветский; иностранный; родной; отечественный; русский* и др.); далее следуют «локации» и «качественно-оценочные смыслы» (позитивные в своей основе). Институционально-ценностные, идеологические и символично-потребительские материальные смысловые акцентуации периферийны в САНРЯ (зоны 2 и 1), а составляющие их единицы преимущественно специфичны для того периода советской эпохи (*наспорт; корабль; автобус; теплоход; лозунг; закон; патриотизм; власть; вуз; государство; отечество; революция; свобода* и др.). АП «советский» в САНРЯ актуализирует целостный и непротиворечивый образ. Негатив практически отсутствует, в устойчивой части идентификационной зоны это одна ассоциация — *антисоветский*. Ее смысловая направленность внеэтнического характера, фиксирующая оппозицию межцивилизационного формата и имплицитирующая таким образом целостность советского мира.

В РАС автостереотип «советский» со стороны смысловой структуры в целом выглядит совсем иным, чем в 70-е гг. Психоглоссы интенсивности смысловых зон отражают направление этих перемен. На первом месте оказывается материально-потребительская и символическая часть (зона 1), далее идут маркеры социальных ролей (зона 3) со смысловыми сдвигами, характерными для перестройки (*человек; гражданин; народ; писатель; воин; ученый; патриот; солдат; настоящий человек*, но и: *бюрократ; диссидент; дурак; идиот; неудачник*). За третьей зоной следует зона локаций и только потом перестраивающаяся матрица идентификации с вкраплениями рефлексивно-отчужденной оценочности, особенно усилившейся в зоне 6. Последняя при этом актуализируется за счет периферии, что обычно характерно для еще не укоренившихся в массовом сознании, постепенно обновляющих АП

или исчезающих из него смыслов (*красный; социалистический; плохой; партийный; простой; бедный; бывший; ветреный; дурацкий; злой; значит отличный; импортный; исторический; недоделанный; некачественный; ограниченный; плохо; сталинский; старый; трудно; убогий* и др.). Наибольшую устойчивость во времени показывает зона 3, которая может служить объединяющей разные поколения смысловой основой для укрепления цивилизационной идентичности в процессе социальной детерминации. Учитывая данный фактор, стоит остановиться подробнее на этой зоне и вывести внутри нее психоглоссы диахронного плана. Во все периоды наблюдается устойчивое ассоциирование в самой интенсивной части зоны 3 с *человек; народ; гражданин; ученый*. Иерархия интенсивности в этой части (в САНРЯ она перекрывает все ядро АП) имеет минимальные флуктуации. САНРЯ: *человек* → *народ* → *гражданин* → *патриот* → *ученый*. В РАС: *человек* → *гражданин* → *народ* → *ученый* → *патриот*. В СИБАС и ЕВРАС *патриот* уходит из АП. СИБАС: *человек* → *народ* → *ученый* → *гражданин*; ЕВРАС: *человек* → *гражданин* → *ученый* → *народ*. Эти психоглоссы внутри зоны 3 показывают просвещенческую ориентацию социокультурной и гражданской ролевой идентификации советского человека. Между тем если сопоставлять АП «советский» целиком, а не только зону 3, то первой ассоциацией в САНРЯ и РАС выступает *человек*, второй — с двух-, трехкратным отставанием *Союз*; в то время как в СИБАС и ЕВРАС на первое место выходит *Союз* и только потом с многократным отставанием *человек*. Здесь мы имеем дело со снижением актуальности советского проекта человека по мере увеличения временной дистанции. В ядро зоны 3 в СИБАС и ЕВРАС проникают персоналии *Ленин* и *Сталин*, другие вербальные единицы в устойчивой части зоны 3 разнородны по своему составу в разные периоды времени. В САНРЯ зона 3 не содержит негатива. В зоне 3 АП РАС, как мы уже видели, находит отражение смыслоутратность эпохи, на периферию внедряются негативно-оценочные *дурак; идиот; диссидент; неудачник* и даже *фашист*. Последний, вероятно, мог в тот период получить двойную трактовку: как оппозиит к *советский* и как навеянный антисоветской пропагандой в СМИ его «синоним». Общая интенсивность негатива в зоне 3 по отношению к общему количеству представляющих ее ассоциатов невелика (не добирает и до 3%), однако ее экстенсивность (разнообразии выражения) приближается к 19%, поскольку все негативные ассоциаты актуализируются только на периферии зоны 3. Кроме негативных ассоциаций среди единичных, в РАС встречаются и позитивно-оценочные единицы, они высвечивают акценты на советском человеке

как *простом* и *настоящем*, что противостоит негативной оценочности; выявляются и иные оппозицы типа: *шпион* — *разведчик*. В РАС, СИБАС и ЕВРАС акцентируется *писатель* при сохранении на периферии *поэт*, вместе с тем в региональных базах *поэт* уже не отмечен вовсе. В РАС военные (и силовые) роли вхожи в ядро: *воин* → *солдат* → *милиционер*. В СИБАС их интенсивность уменьшается, они практически ушли на периферию. В ЕВРАС же, сохраняя некоторую интенсивность в ядре (*солдат* → *воин*), они получают более внятную разработку на периферии: *десантник*; *офицер*; *партизан*; *полковник*. Ассоциаты *старик* и *дед* в региональных базах показывают активизацию временной удаленности от *советского*. Общий оценочный фон в СИБАС и ЕВРАС позитивен, негативно-оценочные ассоциаты только периферийны, их доля мизерна (от 2 % в СИБАС до величин, не дотягивающих до 1 %, в ЕВРАС). Таким образом, часть АП «советский», реализованная в зоне 3, показывает относительно устойчивую нейтрально-позитивную основу цивилизационной идентичности, которая может противостоять антисоветской (антирусской) истерии.

Непреодоленные противоречия смыслоутратности показали свою устойчивость в части смысловых зон АП «советский» на фоне его структурно-содержательной перестройки в региональных базах СИБАС и ЕВРАС. По смысловой направленности негативно-оценочные акцентуации в СИБАС и ЕВРАС нанизываются на рефлексивно-отчужденный в плане удаленности во времени модус, появление которого неизбежно в связи с отсутствием у молодого поколения XXI в. опыта проживания в советской реальности (например: *старый*; *древний*; *неразвитый*; *несовременный*; *устаревший*; *старый*, *глупый*; *период* — *отстой*; *старое*; *старье*; *прошлое*; *даль*; *было*; *доисторический*; *былое время*; *устарел*). Отстраненность во времени в привязке к позитивной или негативной оценочности (или без нее) особенно ярко проявляется в зоне 5. Образ, представленный ею в СИБАС и ЕВРАС, показывает, что советская реальность у современной молодежи прочно переместилась в прошлое и локализуется там; в ядре зоны находим ассоциацию *период*, фиксирующую *советский* на оси времени как конечную сущность. Ср. также: *было*; *прошел*; *прошлое*; *прошлый*; *старый*; *старье* и пр. (СИБАС). В ЕВРАС находим даже *древний*; *доисторический* и др.

Показательна динамика смысловых акцентуаций в зоне 4, содержащей именно маркеры идентификационной матрицы и этнонимы. В САНРЯ в ней просматривается основная оппозиция цивилизационного плана: *советский* — *антисоветский*. *Антисоветский* — маркер

цивилизационного противостояния как внутренней оппозиции (свои антисоветчики), так и внешней, он не маркирован узкоэтнично, он наднационален. Есть и более узкая трактовка этой оппозиции: *советский (отечественный; свой; родной)* — *зарубежный (иностран- ный; иностранец)*. *Советский* специфично противопоставляет себя на суперэтническом уровне *американскому и французскому, совет- ский* иногда может сужаться до *русский*, но это не так актуально в САНРЯ, где первая по устойчивости ассоциация — *наш*.

В РАС сильно меняется состав зоны 4, она ярко отражает смысло- утратность, в ней еще сохраняет свою интенсивность *наш*, и даже несколько усиливается, однако *русский* выходит по интенсивности в самые первые ряды в ядре, еще и подкрепляется за счет единич- ных реакций, причем в связке с *наш*. *Родной* сохраняет свои пози- ции в ядре, туда же проникает *свой*, а вот *отечественный* реализуется в единичном формате. Активизация матрицы *свой* — *чужой*, таким образом, проходит уже с модификацией суперэтнических акцентов и интенсификацией этничности *русский* (который, вероятно, может трактоваться и широко — как суперэтнический маркер). В ядерной части зоны можно выделить оппозицию *советский (русский)* — *амер- иканский (иностраный)*; *антисоветский* как внеэтничный маркер с активизацией русскости уходит на периферию, где появляется новый единичный идентификатор *российский*. Обращает на себя внимание единичная реакция *постсоветский*, ее можно трактовать как актуали- затор рефлексивно-отчужденного модуса оценочности с включением оси времени (имплицитующей относительность ценностного факто- ра). Рефлексивно-отчужденный модус довольно устойчиво сохраня- ет и совмещенность с акцентуацией негативно-оценочного типа как в ядре, так и на периферии во все периоды, начиная с перестройки (РАС, СИБАС, ЕВРАС): *совковый; чей; ничей; чужой; совок; савок*. СИБАС и ЕВРАС наследуют часть смыслов из прежнего времени, при этом они меняют свою актуальность и иерархию внутренней органи- зации в зоне 4. Так, на первое место выходит в обеих базах *русский*, то есть имеет место замещение суперэтнического понимания *совет- ский* этническим *русский*. *Наш; отечественный; родной* сохраняют- ся в обеих базах, но тяготеют к периферии, ослабив свою интенсив- ность, правда еще сохранив экстенсивные параметры на периферии (как в СИБАС). В ядре появляется новый суперэтнический идентифи- катор — *российский*. При этом он показывает бóльшую актуальность в СИБАС, в ЕВРАС более актуален *русский*. Характерна единичная ассоциация в СИБАС: *предроссийский*, которая фиксирует, с одной

стороны, отчуждение во времени, с другой — цивилизационную преемственность. Оппозиция *советский* — *иностраный* теряет свою актуальность, в СИБАС в зоне 4 она не возникает, в ЕВРАС единично актуализируется на периферии: *советский* — *американский*. *Антисоветский* не возникает совсем.

Как уже отмечалось выше, экстенсивность смыслообразования связана прежде всего с количеством разных реакций, которых обычно бывает больше на периферии. Так, в АП «советский» на фоне его серьезной структурно-содержательной перестройки во времени наблюдаются флуктуации экстенсивности как количественного, так и качественно-содержательного плана (см. Приложение, табл. 6, с. 285–300). В РАС, СИБАС и ЕВРАС со становлением общества потребления и повышением мобильности населения на первое место по разработанности (как в интенсивном, так и в экстенсивном плане) прочно выходит зона 1. В целом образ «советский» во всех рассмотренных здесь источниках нельзя отнести к негативному автостереотипу. Он имеет доминантную нейтрально-позитивно-оценочную акцентуацию.

Рассмотрим АП «российский». Обращает на себя внимание крайне неравномерная интенсивность смысловых зон в его ядре. Исключительные позиции (свыше 60 %) во все периоды времени занимает зона 1 с ее материально-производственными, символическими и потребительскими ориентирами. В СИБАС и ЕВРАС АП «российский» наполнено в несколько раз большим количеством ассоциаций, чем в РАС. В новейших базах оно наполняется содержанием, которое отражает новый опыт молодого поколения, рожденного не в СССР. Зона 1 во всех источниках самая интенсивная, поскольку она содержит наиболее частотные ассоциации в АП «российский». Обращает на себя внимание тот факт, что АП «российский» акцентуировано в большей мере, чем «советский» и «русский», опытом, основанным на материально-производственной и потребительской сторонах жизни. Здесь сказывается «рыночный» формат новых организационных доминант, который был задан новорусской правящей элитой в перестройку. Все три источника содержат в качестве самых интенсивных (частотных) ассоциаты с государственной символикой — *флагом, гимном и гербом* России; в СИБАС и ЕВРАС эти смыслы усилены дополнительными акцентуациями за счет периферии: *бело-сине-красный; язык, флаг; флаг, президент* и др. В РАС, кроме ассоциатов с государственной символикой, находим ассоциацию *сыр* с пищевым продуктом под маркой «Российский», которая оказалась очень устойчива;

она многократно укрепила свои позиции в СИБАС и ЕВРАС, уступая только ассоциату *паспорт*, второй по частоте реакции в зоне 1 СИБАС и ЕВРАС в связи с мобильностью населения и сопряженной с ней сменой гражданства в перестроечное время. В отличие от РАС, где единичные реакции содержат акценты на средствах передачи информации, что было особо актуально в перестройку, в новых базах периферия очень хорошо разработана и наполнена разнообразными ассоциатами — номинациями товаров из разных сфер потребления, включая так называемую индустрию развлечений. В ядре зоны 1 в обеих региональных базах находим *шоколад*; *рубли*; *автомобиль* и др.; интенсивно заявившие о себе ассоциации с автомобилизацией усилены и за счет периферии. При столь существенном сходстве направленности общих акцентуаций зоны 1 в СИБАС и ЕВРАС, они существенно отличаются конкретикой единичных вербальных реакций в каждом из этих источников.

В РАС зона 2 разработана слабо (всего 23 реакции), ее ядро наполнено единицами (*парламент*; *банк*; *съезд*; *университет*), характерными для эпохи перестройки с повышенным вниманием людей к могущим иметь далекоидущие последствия действиям народных депутатов, *банков* и *бирж*. Российский *университет* актуализируется под влиянием сферы деятельности испытуемых, а также в связи с возрастающей модой обучения детей за границами России, оппозиция *российский* — *зарубежный университет* прочно входит в сознание. В СИБАС и в ЕВРАС *университет* укрепляет свои позиции. В РАС появляется единичная реакция к «российский» — *язык*, что не характерно для советского времени, поскольку сам термин *российский* относится к суперэтническим идентификаторам, его ассоциирование с *язык* говорит о том, что начинает осознаваться языковое единство российскости. В СИБАС и в ЕВРАС *язык* уже прочно входит в ядро зоны 2, претендуя на первые позиции в ней. Вместе с расширением наполнения зоны 2 более чем в два раза в новых региональных источниках в ядро входят такие устойчивые ассоциаты, которые маркируют новый опыт российской государственности и гражданства: *менталитет*; *закон*; *рынок*; *кодекс* и др. Экстенсивно разрабатывается периферия (и с заметной спецификой в каждом источнике — СИБАС и ЕВРАС). В обеих базах упоминаются некоторые особо популярные сферы культуры, государственной деятельности, социальные институты и отдельные виды социально значимых мероприятий: *театр*; *спорт*; *фонд*; *комитет*; *чемпионат*; *орган*; *федерация* и др. Фиксируются идеологемы и номинации чувств: *гордость*; *уважение*; *патриотизм*

и др. Негатив на фоне общего количества реакций в зоне 2 выражен довольно слабо, в СИБАС ярче, чем в ЕВРАС. Негативные единицы в этих базах разные, что можно также рассматривать, наряду с другими показателями, как содержательную несформированность негативно-оценочных акцентов, один из знаков неустойчивости автостереотипа «российский» в целом, а зоны 2 в особенности.

В зоне 3 РАС актуализируется несколько ассоциатов, которые со временем сохраняют и (или) повышают свою актуальность в СИБАС и ЕВРАС. Это: *президент* (ядро РАС, с укреплением позиций в ядре региональных баз), *народ* (периферия в РАС, существенное усиление с перемещением в устойчивую часть ядра в региональных базах, что может свидетельствовать о тенденции к укреплению осознания коллективной солидарности), *мужик* и *дипломат* как единичные реакции во всех источниках. Специфичные только для РАС — *пролетариат* и *дворянин* — не фиксируются в материалах XXI в. В них, кроме повышения устойчивости и проникновения в самые первые ряды ассоциатов *президент*; *народ*; *человек*, в качестве самой устойчивой реакции фиксируется *гражданин*. Само по себе наличие этих четырех ассоциатов в СИБАС и ЕВРАС в качестве наиболее интенсивной части ядра рассматриваемой зоны дает хоть и несколько шаткую (подвижную и рыхлую по частотным показателям при сравнении разных региональных вариантов), но все-таки уже актуализировавшуюся в зоне 3 акцентуацию гражданской и цивилизационной идентификации. Общее наполнение конкретными (разными) единицами зоны 3 в СИБАС и ЕВРАС во всех остальных аспектах существенно отличается. Акценты в разных регионах делаются на разных ролях, при этом единицы более общего характера, такие как *человек*; *гражданин*; *мужик* и им подобные, почти всегда совпадают; более специфичные, обычно профессиональные (*юрист*; *знаменосец*; *корреспондент* и т. п.), чаще различаются в этих базах; в каждом из регионов своя группа таких единиц. Негативно-оценочных реакций в зоне 3 РАС и СИБАС нет вообще, а в ЕВРАС есть всего одна единичная реакция — *нищий*. Таким образом, зона 3 создает позитивно и нейтрально оценочную акцентуацию социальных ролей, ассоциирующихся с российскостью.

Специфически направленная на идентификационную матрицу образов зона 4 имеет слабое наполнение, особенно в РАС. В перестроечное время, по данным РАС, *российский* ассоциируется с *русский* в слабоинтенсивной зоне ядра АП, а также с *великоросский*, *родное* и *отечественный* на периферии. Эти ассоциаты с учетом их

частотных показателей фиксируют промежуточную направленность, неустойчивость и содержательную слабость в разработке идентифицирующего понятия «российский». В СИБАС и ЕВРАС ядро зоны 4 заметно разрабатывается, что отражает идентификационную матрицу нового поколения русских. В ядре появляются и на периферии усиливаются маркеры оппозиции *свой — чужой (наш; свой; мой)*. «Российский» устойчиво распознаётся как *родной* и *отечественный*, как *русский* и *национальный*. В обеих базах появляется ассоциат *гражданство*, в ЕВРАС он уже входит в ядро. Среди единичных реакций, а в ЕВРАС и в слабоинтенсивной части ядра находим ассоциаты суперэтнического (цивилизационного) порядка: *советский; иностранный* в СИБАС и *зарубежный; межнациональный* в ЕВРАС. Имеются и более специфичные единицы — номинанты иноэтничности — *японский; английский; немецкий; казах*. Последние могут быть связаны в обыденном языковом сознании как с широкой (при оппозиции *российского* расширенной трактовке английскости через общий для всех англоязычных мини-империй язык), так и с узкой трактовкой оппозиции «российский» как этнический *русский*. Оценка удельного веса самой зоны 4 и отдельных ее компонентов в составе АП как целого свидетельствует о содержательно-смысловой незавершенности и недостаточной устойчивости процесса гражданской и цивилизационной идентификации в масштабах российского мира.

Крайне слабо наполненная во все периоды времени зона 5 в РАС активизируется только через единичные реакции, в ней абсолютно доминирует довольно узкий локальный масштаб смыслов, среди ассоциатов со страной можно отметить *родина*, который актуализирует как узколокальный (место, где родился), так и широкий смысл (родная страна). Ассоциирование с *родиной* и страной — *Россией* выходит на первый план только в региональных базах XXI в., получая дополнительную интенсификацию на периферии. Идентификация российского в глобальном контексте не сформирована в зоне 5, только в ЕВРАС находим единичную реакцию *мир*.

Самая смутная по проявленности смыслов зона 6. В РАС она практически отсутствует, так как здесь фиксируется всего одна, специфичная для РАС ассоциация *гордый*. В СИБАС и ЕВРАС зона получает разное смысловое наполнение, что свидетельствует о ее неустойчивости и неоформленности в содержательном плане. Она включает в себя оппозиции, фиксирующие противоположные смыслы: *великий — убогий; лучший — плохой* и др. Зона 6 крайне слабо разработана во всех источниках по сравнению с другими зонами, но

насыщена периферийным негативом в СИБАС и ЕВРАС, причем состав негативно-оценочных единиц в обеих региональных базах также разный. Совпадает только одна — *некачественный*. Встречаются негативные единицы разных (включая табу) регистров, фиксирующие как эмоциональную оценку (*завно*), так и более внятную диагностическую (*не имеющий определенных очертаний*).

Подводя итоги нашим наблюдениям, можно прийти к общему выводу о том, что диахронические материалы АВС действительно дают основания для моделирования устойчивости и изменчивости смысловых акцентуаций на оси времени. Сами же эти акцентуации поддаются измерению и описанию в терминах объективирующих их психоглосс. Конкретные психоглоссы, выявленные нами в данной главе, сигнализируют о несформированности содержательно-смысловых доминант идентификатора «русский» вне материальной сферы (да и в ней-то доминирует формальная символика среди наиболее интенсивных смысловых акцентов). Особенно характерна такая содержательно-смысловая промежуточность и неоформленность для образа «русский» в РАС. В более поздних источниках некоторое относительное усиление интенсивности показывающих ролевую и этнокультурную идентификационную матрицу акцентуаций зон 3 и 4 свидетельствует о процессе укрепления (пока еще очень слабого) гражданской и социокультурной значимости идентификатора «русский», его экстенсивные показатели также сигнализируют о слабости идентифицирующих акцентуаций. Несформированность содержания идентификатора «русский» ярко проявляется в РАС в зонах 5 и 6 как в ядре, так и на периферии, СИБАС и ЕВРАС демонстрируют некую разнородную явленность смыслов в этих зонах при сохранении существенных различий как по регионам, так и по смысловым акцентам, унаследовавшим противоречия смыслоустратного состояния смутного времени. Во все периоды времени образ «русский» предстает как позитивно-нейтральный, в РАС негатива практически нет, поскольку еще нечего оценивать, недостаточен опыт автономной российской идентичности, не сформированы ее новые содержательно-смысловые акценты, в это время идет активная переоценка советского опыта и соответствующая перестройка автостереотипа «русский». Очевидно, что гражданская и социокультурная (цивилизационная) идентификация в российском воплощении нуждаются в социальной детерминации. События российской жизни после 2014 г., несомненно, должны были наложить свой отпечаток на ассоциативно-вербальную сеть. Новые экспериментальные

данные, которые мы надеемся представить в ближайшие годы¹², очевидно (как показал анализ уже имеющихся материалов) дадут возможность оценить характер идущих изменений.

Возвратимся к приведенному нами рабочему определению психоглоссы как обладающего признаками доминантности **смыслового образования**, которое поэтому имеет вектор направленности, он выявляется **на основе частотных показателей** сети ассоциативно-вербальных связей (на уровне АП это сопоставление частотных показателей ассоциатов). Исходя из данного определения и опыта применения его к конкретному материалу, при анализе отдельно взятого АП исследователь может вывести психоглоссы как внутри поля, так и внутри его отдельных семантических зон. Если же проводится сравнительный анализ АП в нескольких диахронически разнесенных во времени источниках, то выявляются психоглоссы, показывающие векторы смысловых акцентуаций между различными состояниями во времени одного и того же АП. Фактически это векторы смыслообразования, превращения содержания одного образа, вербализованного в теле языкового знака. Постепенно «схваченный» телом языкового знака образ может трансформироваться, но остаться подобным себе, или переродиться, преобразиться до неузнаваемости; теоретически этому процессу может соответствовать частичное или полное изменение того, что в толковых словарях носит название «лексического значения» соответствующего слова. Так проявляет себя *смысловая эмерджентность* (подробнее о термине см. [Шапошникова 2017: 138], а также гл. IX наст. изд.) (появление, воплощение и перевоплощение смыслов через постепенную трансформацию) в пределах ассоциативно-вербальной сети. Если исследователь выводит вектор направленности внутри одной из зон АП, это будет психоглосса в рамках одной семантической зоны. Вектор смысловых акцентуаций между несколькими зонами внутри АП — это интегрирующая психоглосса более высокого порядка. Сравнение (с учетом интенсивности и экстенсивности) смысловых акцентуаций между разными во времени состояниями АП одного и того же слова (разными воплощениями стоящего за ним образа) дает диахронические психоглоссы, которые позволяют наблюдать за смысловой акцентуацией образа у языковой личности при смене поколений, выявлять вектор трансформации этого «участка,

---

¹² Речь идет о втором этапе эксперимента по наращиванию ассоциативно-вербальных сетей СИБАС и ЕВРАС данными 2014–2018 гг. См. интерфейс «Эксперименты» на сайте СИБАС. URL: <http://adictru.nsu.ru/experiment>

фрагмента» языковой (когнитивной) модели мира у коллектива носителей языка.

Смысловые зоны, которые исследователь идентифицирует в интересующем его ассоциативном поле, соотносимы не со структурой лексического значения слова (обычно именно она дается в толковых словарях), а со смысловым содержанием «свернутого» в этом АП образа. Поэтому распределение ассоциатов по семантическим зонам может быть проведено несколько иначе в зависимости от тех смысловых граней рассматриваемого образа, на которых сфокусировано внимание исследователя для решения поставленной им задачи. Границы рассматриваемого объекта задаются когнитивными параметрами данного образа, то есть теми его гранями, которые активированы в сознании носителя языка, а потому маркируются вербальными единицами, наполняющими АП. Вместе с тем описанные нами технические приемы выявления психоглосс приложимы и к анализу структуры лексического значения слова. В этом случае проверяется интенсивность и экстенсивность актуализации того или иного лексико-семантического варианта, а итоговые психоглоссы помогут использовать ассоциативно-вербальные данные для обновления толкований лексических значений слов с учетом динамики соответствующих им смысловых акцентуаций. Здесь сокрыт потенциал применимости предлагаемых методов к процедуре нормирования языка при комплементарном использовании достижений ассоциативной лексикографии наряду с традиционной лексикографической практикой.

Важно помнить, что вектороорганизатором смысловых акцентуаций является языковая личность с соответствующими **СМЫСЛОВЫМИ ДОМИНАНТАМИ**, где особенности психической организации человека (как вида) выступают в качестве системообразующего фактора. Таким образом, концепция языковой личности, с одной стороны, проверяется новыми эмпирическими данными, с другой, будучи приложенной к ним, — дает основу для получения новых знаний не только о вербально-грамматическом ее профиле, но и об идентификационных процессах. Постоянное пополнение ассоциативно-вербальных данных из десятилетия в десятилетие открывает перспективу синхронно-диахронного выявления многоуровневых смысловых акцентуаций, в том числе на всем массиве ассоциатов (макроуровень анализа) с последующей фиксацией и интерпретацией превращения («кристаллизации») психоглосс в хроноглоссы разных видов, включая и вербально-грамматические. В последнем случае можно вести речь о единицах анализа для пока еще не существующей дисциплины — диахронической

ассоциативной типологии языка, которая, по всей видимости, будет заниматься эмерджентностью «типов в языке».

В последующих главах мы проведем анализ ряда АП, которые, как нам представляется, имеют непосредственное отношение к содержанию процессов идентификации русской языковой личности. Как и в уже рассмотренных в первой главе случаях, будет проведен анализ общего наполнения, состава и структуры ряда АП, на основе чего читатель получит возможность судить о содержании выявившихся психоглосс. Статистические данные по разным аспектам анализа АП с комментариями приводятся в приложении, их общая интерпретация — в текстах глав.

Глава II

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Прошлый век стал для человечества эпохой больших сдвигов цивилизационного плана, в особенности под влиянием информационно-технологической революции, а также в связи с ростом народонаселения и мобильности людей, климатическими и иными глобальными, в том числе геополитическими, изменениями. Конкретные проявления этих сдвигов многообразны и часто принимают социально деструктивную форму. Так, на некоторых территориях европейского и постсоветского пространства наблюдаются признаки брутализации сознания, его этнизации, вплоть до примитивного этноцентризма (даже фашизма). Модусы и противоречия общественного сознания цивилизационного масштаба, по всей видимости, характеризуются циклической устойчивостью и инерционностью большой системы, что может проявляться хотя и сходным образом, но со своей спецификой на каждом судьбоносном витке истории и познается участниками процесса преимущественно через рефлексию. Как показывают события последних десятилетий, современное общество, стремящееся переместить борьбу в виртуальное информационно-технологическое пространство, при всех материально-технологических достижениях не выработало кардинально новых научно и тем более нравственно обоснованных решений, которые могли бы прогнозировать и (или) предупреждать последствия пассионарной активности (или ее отсутствия) в критических ситуациях. При этом современный, оснащенный множеством совершенствующихся механизмов самоуничтожения, включая виртуальные, пораженный новым вирусом конкуренции человек по-прежнему ощущает, что основная опасность для него исходит от себе подобных.

Цивилизационные процессы прошлого века породили мощную рефлексию у представителей русского интеллектуального мира, чья судьба находилась в центре драматических этнических событий. Одним из ярких представителей русской элиты, искавших ответы на вопросы, вставшие с новой силой перед россиянами сегодня, как и в начале прошлого века, был Н. С. Трубецкой. Обратимся к порожденным рефлексией над цивилизационной спецификой русского мира смыслам, оставленным нам в наследии этого ученого.

В центре многих культурных драм русского мира ему виделся разрыв между «верхами» и «низами» культуры [Трубецкой 2007: 178–197]. В 80–90-е гг. прошлого века этот разрыв проявился в очередной раз, когда власть утратила общий язык с народом, а внутренний климат в стране на фоне идеологического кризиса стал уязвим для внешнего вмешательства. В современных нам украинских событиях внешнее вмешательство в неокрепшую государственность подталкивает людей на путь убийства своей культуры через выбор: Украина — Россия, выбор, который на бытийном уровне основной массе народа сделать практически невозможно, он не стоит в реальной жизни большинства украинцев и русских, тем самым создаются условия для искусственного разрыва единого культурного пространства. Теперь эти уроки усвоены уже в форме гражданской войны одной части украинцев против другой, образ «врага» подкреплен делами и поддержан экономикой иждивенчества. Силовой сценарий антигосударственных переворотов блокирует рефлексию, провоцируя скорые действия по «решению проблем» с неосознанностью приоритетов (чем и опасно внешнее влияние, мешающее наладить благоприятный для внутриэтнического информационного обмена климат), между тем как *идентификация* требует именно *рефлексии*. Украинские верхи не дали идеологического конструкта, который был бы органичен для народа и был бы принят им. Ситуация усугубляется тем, что исторически Украина демонстрирует классический пример несовпадения политических (государственных) границ с этнокультурными ареалами и процессами.¹ Последние ломают искусственно установленные ранее

---

¹ «Украинский этнос сложился в XIV–XV вв., современный украинский язык — в конце XVIII — начале XIX вв. На нынешней территории Украины размещались несколько древнерусских княжеств (Киевское, Галицкое, Волынское, Черниговское, Северское, Переяславское). После XIII в. большая часть Украины оказалась на территории Польско-Литовского государства (с XVI в. Речи Посполитой). В 1654 г. украинские земли вошли в состав России, кроме правобережья Днепра, а также Полесья, Галиции и Волыни, которые были включены

политические границы, а «государственный минимализм², граничащий с анархией» (термин Н. С. Трубецкого [2007: 549]), проявляющийся в социальном инфантилизме и крайнем цинизме некоторых украинских политиков, мешает признать реальность этих процессов.

Описанное здесь *сужение сознания* на Украине, вероятно, связано с попытками предубежденного выбора в пользу *сужения поля культуры*, выбора, за которым стоят те, кого Н. С. Трубецкой в начале прошлого века назвал «узкими и фанатичными краевыми шовинистами» [Там же: 514]. Эти люди «оптируют» против общерусской культуры за вполне самостоятельную украинскую культуру, стараясь «упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно украинской культурой», запрещая украинцам знание русского языка, знакомство с русской культурой, внушая ненависть ко всему русскому³ [Там же: 514–515].

в состав Русского государства после разделов Польши (1793–1795 гг.)» [Леонтьев А. А. 2004: 271].

² Термины «государственный минимализм» и его антипод «государственность большого стиля» предложены Н. С. Трубецким в работах по украинской проблеме в 20-е гг. прошлого века (см. Библиографию). Эти термины вскрывают существенные противоречия в отношении к государственности, которые мотивируют линию внутри цивилизационного раскола русского мира в смутные времена.

³ Вот как пророчески по отношению к нашему современному опыту описывал культуролог в начале прошлого века их установки: «Такие люди и будут главным образом оптировать против общерусской культуры за вполне самостоятельную украинскую культуру. Они сделаются главными адептами и руководителями этой новой культуры и наложат на нее свою печать — печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить населению Украины острую и пламенную *ненависть* ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраения собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут *ненавидеть* всё русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики, и притом плохой,

Рассматривая украинскую проблему внутри общерусского мира, Н. С. Трубецкой говорит о «разных редакциях русской культуры», которые он усматривает *в разном отношении к государству*. «Для украинцев государственность большого стиля была чем-то чужим и внешним, ибо она ассоциировалась для них с государством польским, от которого им приходилось обороняться; развиваясь в постоянном отмежевании от давления государств, они, естественно, были склонны к известному государственному минимализму, граничащему с анархией. Напротив, великорусы выросли и развились в государственном строительстве, в сознании колоссальных возможностей и миссии государственного объединения, государственность большого стиля была для них своим национальным делом, национальной миссией, и потому естественным для них являлся известный этатизм, государственный максимализм, по необходимости связанный с некоторой жестокостью государственной власти. Это резкое различие между обеими редакциями русской культуры по вопросу об отношении к государственности порождало некоторое отталкивание: москвичам украинцы казались анархистами, украинцам же москвичи могли казаться мрачно-жестокими. Но в то же время это же различие порождало и притяжение: московский государственный максимализм и пафос сильного государства большого стиля, хотя бы и с жестокой государственной властью, производили сильное впечатление, действовали заразительно, и, конечно, именно это побудило государственных людей Украины присоединиться к Москве, и не только присоединиться, но принять и самое активное участие (не за страх, а за совесть!) в общерусском государственном строительстве» [Трубецкой 2007: 548–549].

В цитируемой культурологической работе Н. С. Трубецкого и в его дискуссиях с профессором Д. И. Дорошенко осмысляются современные авторам события начала прошлого века. Сегодня, спустя сто лет, перед общерусским миром опять встали те же самые вопросы идентификации в новых условиях идеологического кризиса на постсоветском пространстве. «Заставляя украинцев забыть, что они *не только русские*, но и *украинцы*, дореволюционное русское правительство насиловало природу, а такое насилие удаться не могло — ибо “гони

злбно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре всё — наука, литература, искусство, философия и т. д. — не будет самоценно, а будет тенденциозно» [Трубецкой 2007: 513–514].

природу в дверь, она влетит в окно”. Теперь совершается обратная ошибка: современное украинское правительство в согласии с крайними украинскими националистами принуждает украинцев забыть, что они *не только украинцы, но и русские*. Это есть тоже насилие над природой, которое тоже удаться не может; рано или поздно природа возьмет свое. Украинское национальное самосознание непременно должно включать в себя оба элемента — общерусский и специфический — украинский. Искусственное подавление одного из этих элементов (все равно какого!) ведет к самосознанию изуродованному и ущербленному» [Трубецкой 2007: 559].

Современные психолингвистические и нейрокогнитивные подходы к исследованию психики и сознательной деятельности человека, как, собственно, и институциональные принципы физиологии его высшей нервной деятельности, дают нам знания, которые исключают одномоментную переплавку этнического сознания по факту административного решения. Наоборот, они свидетельствуют о детерминированности субъективного опыта объективными средовыми факторами, среди которых основное место занимает предметная специфика деятельностей, в том числе и цивилизационного масштаба. Все это не исключает и определенного обратного влияния субъективного опыта на сами эти деятельности.

Опыт «государственности большого стиля», видимо, означает, что, какие бы ценности ни выдвигали русские в процессе самоидентификации, эффективность их самоорганизации поверяется созданием такой государственности. Государство-цивилизация есть глубинная, глобальная и стратегическая задача («смысл») всей деятельности этнической системы. Для такой системы характерна культура больших свершений. Неслучайно Россия представляет собой северную энергетическую державу. Не так-то просто взять газ и нефть в таких природных условиях, построить ГЭС, АЭС, космические объекты, сдержать съевшую полмира империалистическую систему коричневой чумы, осуществить небывалый по мощи и дерзновенности проект социального строительства справедливого общества. Конкурировать с такой системой непросто, но участвовать в ее деятельности готовы активные силы многих народов. Значимость таких организационно-государственных систем в масштабах *больших цивилизаций*, вероятно, будет возрастать со временем по мере истощения ресурсов Земли и обретения человечеством потребности в расширении своего ареала обитания, если оно не уничтожит себя при достижении критических параметров населенности планеты.

Между тем тяготы цивилизационного бремени могут на уровне субъективных авто- и гетеростереотипов по-разному восприниматься и распределяться в столь мощных цивилизационных образованиях, каким был СССР и каким является современная Россия. Во внутриэтническом конфликте на Украине самоидентификация части украинцев в настоящее время, как и в прежние времена, идет через отталкивание от государственности (ее минимизацию); при сужении сознания до поиска врагов акцент смещается на воплощенных государственников — русских. Внешнее вмешательство, апеллируя к идеологическим установкам антирусскости, только подталкивает украинцев к разрушению своей государственности. Что же послужило катализатором для цивилизационного развоплощения на Украине и запуска очередного цикла русско-украинских противоречий? Очевидно, что это были события последних двух десятилетий прошлого века, обнажившие кризис гражданской, государственной и цивилизационной идентификации новорусских номенклатурных «элит». Государственность реализуется через ее носителей — государственников. Они бывают разными: защитники отечества, стратеги-системщики, инженеры государственных механизмов, социальных институтов, исполнители и создатели идеологических конструктов, охранители культуры, паразиты (кормленцы) от государственных возможностей и др. Однако, при всем мотивационном многообразии, русская суперэтническая система исторически, проходя сквозь переломные эпохи, все-таки организовывалась с эффектом «государственности большого стиля». Когнитивный (рефлексивный) опыт прохождения сквозь горнило этнических потрясений отражен в гуманитарном наследии нашей цивилизации — в литературе, философии и научной деятельности, направленной на осмысление идеологических мировоззренческих доктрин и «проекта» человека. Внутренние противоречия, управляющие процессом саморегуляции в нашей культуре, всегда осмыслились на пересечении нескольких уровней мотивации: государственного, *интимно связанных* с ним общенародного, семейного и индивидуально-личностного. Это определяло смысловую насыщенность порожденных в нашей культуре текстов. Отсюда и величие наследия русских писателей-классиков, мыслителей и исследователей культуры, включая Н. С. Трубецкого.

В новейшее время в том же смысловом ключе (государство — народ — семья — личность) глубокому осмыслению подверглись и результаты перестройки. Достаточно обратиться к недавним философским и научным исследованиям А. С. Панарина, Л. Н. Гумилева,

С. В. Лурье и др., чтобы почувствовать живое дыхание мыслящей русской культуры-цивилизации. Во многих работах ключевые противоречия эпохи перестройки связываются с *тотальной социальной деградацией*, внешние признаки которой проявляют себя в *вырождении государственности*, в минимизации государства, то есть его самоустранении как гаранта социальной справедливости. Так, в книге Л. Г. Малиновского показывается на материале истории российской государственности связь ее форм с идеологическими доктринами с точки зрения теории традиционной государственности, вскрывается зависимость *самого факта существования российского народа от форм государственности в его державе*. «Для традиционной государственности были характерны структуры, преследующие интересы всего народа или нации. Они основывались на идеологической доктрине под эгидой разума и универсальной нравственности. Извращенная государственность основывалась на структурах самой власти или структурах богатых людей. Нравственность в извращенной государственности или отсутствовала, или имела избирательный характер» [Малиновский 2003: 28]. Самоустранение государства (в лице сбросивших с себя социальную ответственность его представителей), ввиду сужения его социальной базы больше не гарантирующего социальную справедливость, как показывает опыт проводившихся в России под надзором западных идеологов «неолиберальных» рыночных реформ, имеет далекоидущие последствия. Отечественные исследователи склонны рассматривать эти последствия в глобальном контексте. Так, А. С. Панарин усматривает в новом, «рыночном» естественном отборе глобального масштаба угрозу «бестиализации» человечества. «От принципа минимального государства либерализм постепенно пришел к принципу “минимальной” морали и культуры — они тоже не должны мешать естественному рыночному отбору» [Панарин 2014: 567–568]. Как процессы этого уровня взаимодействуют с проектом человека? По мнению А. С. Панарина, либеральная революция превратилась в «мировую рыночную революцию» с мобилизацией нового люмпена против культуры, морали и природы. «Этим люмпеном, не знающим высших измерений бытия, не имеющим никаких обязательств перед историей и культурой, и стал современный потребительский человек. Это у него нет истории и нет Отечества. Это он стал сегодня резервом глобального американского наступления по всему миру. Без него идеология нового либерализма, озабоченного не эмансипацией личности, а эмансипацией инстинкта, могла бы существовать только в качестве некой субкультуры, притягивающей

экспериментаторов неофрейдизма. ...К этому потребительскому авангарду, готовому ниспровергать нормы национальных культур на местах, и обращаются США как к своей пятой колонне. Новый интернационал — интернационал люмпенов-потребителей — уже создан, и без него США не решились бы на нынешнюю глобальную авантюру» [Панарин 2014: 607–608]⁴. Как процессы этого уровня взаимодействуют с личностным уровнем анализа? В какой мере они воплощены (или не воплощены) в языковом сознании народа и его представителей? Ведь мировоззренческий кризис, сопровождавший распад СССР и столкновение с интересами иных цивилизаций, охватил не одно десятилетие. В него уже вовлечены как минимум три поколения россиян. С одной стороны, русская культура в лице ее мыслящих представителей выработала содержательную смысловую платформу, необходимую для выживания государства-цивилизации, и дала свой ответ на глобальный вызов; с другой стороны, силы внешнего и внутреннего напряжения, помноженного на эффект информационно-технологической революции, продолжают ломать традиционные механизмы саморегуляции. В этой связи правомерен вопрос: сохраняются ли установки на «государственность большого стиля» в смысловом поле сознания молодых россиян? Что изменилось в нем за последние 20 лет? Не грозит ли России в эпоху потребительства дальнейший демонтаж государственности, в чем-то аналогичный украинскому? Эти вопросы приобретают сегодня особую остроту в связи с полученным россиянами старших поколений новым опытом преодоления последствий бегства от своей цивилизационной государственности. Обратимся к рассмотрению смысловых структур соответствующих образов в сознании «усредненной» русской языковой личности интересующих нас периодов. Это, прежде всего, образ «государство». Для полноты картины необходимо рассмотреть ассоциативные поля, представляющие образы не только государства, но и государственных

---

⁴ Следует отметить, что в интеллектуальных кругах внутри самой американской цивилизации постоянно идут серьезные процессы осмысления своей цивилизационной миссии с оценкой последствий ее глобального внедрения, в том числе и таких, как пестование нового проекта человека экономического, порожденного неумным рынком. Несмотря на закрытость американского общества, информация о такого рода внутриэтническом диалоге доходит и до русскоязычного читателя. О масштабе проникновения подобной рефлексии в массовое сознание ныне живущих американцев на рубеже веков можно судить по таким публикациям, как «Affluenza: the all-consuming epidemic» (в русском переводе Н. Макаровой «Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру») [Де Грааф 2005].

людей и некоторых создаваемых ими социальных институтов (инструментов осуществления власти), таких как правительство, президент; а также общий для государственных служащих образ чиновников, приходящих к власти со столь разными, как мы выяснили выше, мотивами.

Ниже описываются общие контуры основных смысловых акцентов и предпочтений по материалам АП «государство» в СИБАС (приводятся данные на начало 2014 г.; повторяющиеся ассоциаты даются с индексами частоты их актуализации).

В устойчивой части АП «государство» осмыслиется в масштабах страны: *страна* 62; *Россия* 59; *РФ* 7, поэтому оно *российское* 17; *наше* 7, и даже *мое* 2; *родина* 9; *державка* 2, принадлежит *России* 2, а его резиденция — *Кремль* 2.

Государство базируется на целом ряде социальных институтов и представительств: *власть* 27; *правительство* 15; *президент* 12; *политика* 7; *общество* 5; *система* 3; *монархия*; *державка*; *парламент*; *налоги* 2. Оно представляет *народ* 4, оно есть *нация* 3; *люди* 2; *патриот(ы)* 2. У него есть свои атрибуты-знаки: *флаг* 4; *герб*; *граница*; *Кремль*.

Государство несет в себе то, что создается его институтами и людьми: *демократия*; *и право* 5; *единство*; *закон*; *сила* 4; *мощь*; *право* 2. Носитель и представитель государственности — *президент* 12; *правитель* 2; *глава* 2; это *Медведев* 4; *Путин* 3.

Государство должно быть *сильное* 7; *большое* 5; *правовое* 4; *независимое* 3; *великое*; *единое*; *могучее*; *честное* 2, в нем должно быть *единство* 4. Но оно может быть и *плохое* 4, тогда в нем: *обман* 3; *бедность*; *козлы*; *ненавижу* 2.

Очевидно, что ядерная (устойчивая) часть АП дает позитивную, оптимистичную модель государственности, которая соответствует идентификации в пользу государственности большого стиля.

На периферии (массив единичных реакций) выявляется несколько семантических сфер, среди которых следует выделить качество самого государства и то, что оно в себе несет: *богатое*; *величие*; *вера*; *власть*, *сила*; *демократичное*; *древнее*; *дом*; *деньги*; *едино*; *живет*; *земля*; *империя*; *история*; *конституция*; *крепкое*; *крупное*; *любимое*; *масштаб*; *многонациональное*; *могучее (Россия)*; *могущество*; *мощное*; *мы вместе*; *надежное*; *общее*; *объединение*; *огромное*; *организации*; *ответственность*; *права*; *республика*; *родное*; *руководство*; *свобода*; *социальное*; *союз*; *сплоченное*; *справедливое*; *справедливость*; *стабильность*; *страна*, *власть*; *суверен*; *суверенитет*; *тыл*; *федерация*; *федеративное*; *царство*; *царь*; *экономика* и пр. Большинство ассоциаций либо не несут в себе оценочных смыслов, либо позитивны.

Тем не менее негативных смыслов в этой части поля предостаточно: примерно 27,5% единиц, среди них: *анархия!*; *бардак*; *бедное*; *безответственное*; *в опасности*; *воровство*; *в сложной ситуации*; *в упадке*; *гавно*; *дураков*; *жадное*; *замкнутость*; *звери*; *зло*; *клетка*; *концлагерь*; *коррупция*; *ложь*; *ненависть*; *неправильное*; *несправедливость*; *нищее*; *нищета*; *отсталое*; *подкупное*; *разваливается*; *распад*; *самое дурацкое*; *слабое*; *утопия* и некоторые другие. В негативно-оценочной части смыслов можно выделить те, которые связаны с озабоченностью по поводу неполноценности и даже ликвидации (распада) государственности: *в опасности*; *в сложной ситуации*; *в упадке*; *разваливается*; *распад*. Эти ассоциации свидетельствуют скорее о позитивной направленности рефлексии на сохранение государственности в должном качестве. Отмечены единицы, которые фиксируют внутреннего «врага», являющегося причиной озабоченности: *анархия!*; *бедное*; *безответственное*; *воровство*; *коррупция*; *ложь*; *нищее*; *ненависть*; *несправедливость*. Таким образом, абсолютное большинство оценочных смыслов негативного плана, так или иначе, связано с рефлексией и озабоченностью, равнодушием, **причастностью** к проблемам государства. Собственно ругательства и основанные на эмоциональном и безапелляционном неприятии брутальные оценки в адрес государства составляют абсолютное меньшинство в рассматриваемой части АП и исчерпываются следующими единицами: *концлагерь*; *секта*; *зло*; *гавно*; *самое дурацкое*.

Сравнение АП «государство» в СИБАС и в РАС вскрывает полную перестройку смысловой структуры образа в части социалистических и советских реалий. Статистические данные частоты возникновения соответствующих ассоциатов показывают, что государство *советское* (в РАС) воспринималось как более *справедливое*; *народное*; *богатое*; *свободное* и легче присваивалось как *наше* 26; *мое* 8. В РАС присутствуют высокоустойчивые ассоциации, связанные с советской системой и более ранними реминисценциями [Шапошникова 2012: 179]. В СИБАС же слово *советский* совсем ушло из АП «государство», а СССР 3 сохранил некоторую устойчивость, вероятно, в связи с подсознательным чувством преемственности «государственности большого стиля» Россия — СССР. Данные ЕВРАС также свидетельствуют об аналогичных изменениях⁵.

---

⁵ Подробнее о синхронно-диахронных смещениях акцентов в образе на основе статистического анализа смысловых зон см. психоглоссы АП «государство» в приложении (табл. 1а–з, с. 220–234).

Институт президентства появился в России в период перестройки, поэтому до какой-то степени он уже нашел вербальное выражение в АП «президент» в РАС. В целом это поле выглядит бедно (всего 103 реакции, из них 57 разных, 2 отказа и 47 единичны), по сравнению с данными СИБАС, отражающими опыт последних десятилетий.

В устойчивой части этого АП по данным РАС нет оценочных единиц. Здесь присутствуют персоналии первых президентов и номинации общего характера с намеками на источник президентства в России и канал поступления информации о деятельности президентов: *Ельцин* 17; *страны* 9; *США* 8; *России* 6; *республики* 4; *ассоциации*; *власть*; *глава*; *Горбачев*; *телевизор* 2. Оппозиция Россия — США проявляется в нескольких частях АП, что свидетельствует, по-видимому, об идентификации своего, российского, президентства (и персон, занимающих эту должность) на фоне источника, откуда был заимствован данный социальный институт — США.

На периферии находим нейтральные, с точки зрения оценочных смыслов, реакции, а также примерно 32% резко негативных ассоциатов-оценок, таких как: *глупый*; *глупый человек*; *дурак*; *дурной*; *идиот*; *импотент*; *лживый*; *плохой*; *предатель*; *продажная шкура*; *пьяница*; *сволочь*; *толстый*; *тормоз*. При этом всплывает *главарь* 1 в противовес *глава* 2. Очевидно, что перечисленные негативные оценки напрямую связаны с актуальными для языкового сознания начала перестройки образами персон на посту президента.

Примечательно, что в СИБАС не только в разы расширилось наполнение АП «президент» (здесь 498 реакций, 137 разных и 95 единичных), но и очень существенно изменилось соотношение оценочных смыслов.

В устойчивой части преобладают персоналии новой эпохи, абсолютное лидерство у Путина: *Путин* 87; *В. В. Путин* 4; *В.В.П.* 2, далее идет *Медведев* 53, замыкает тройку *Ельцин* 5, из иностранных президентов в устойчивую часть попал только *Буш* 4. Локальные связи представлены в таких ассоциатах, как: *России* 46; *страны* 22; *страна* 19; *РФ* 12; *Россия* 6; *Российской Федерации*. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на иностранное происхождение института президентства, сознание россиян слово «президент» связывает, прежде всего, с русскими реалиями, хотя ассоциации с иностранными персонажами также имеются (преимущественно на периферии). В ядре АП находим названия институтов, связанных с президентской деятельностью: *страна* 19; *власть* 10; *государство*; *выборы*; *политика*; *правительство*; *правление* 2. Президент это *глава* 41; *глава государства*;

*лидер; человек 4; авторитет; голова; мужик; политик; правитель; руководитель; царь 2. Он главный 13; умный 4; наш 3; молодец, вызывает уважение 2; хорошо 2. Есть символика, с которой ассоциируется облик и поведение президента России: медведь 5; костюм 2, а также предметы потребления с аналогичным названием: сыр 3. В этой части поля практически отсутствуют негативные реакции, если не относить к ним проблематичную кукла 2. На периферии поля находим большее разнообразие реакций и смысловых зон, в которые они объединяются. Здесь, помимо персоналий и стран (*Володя; Абама; Обама; Клинтон; Д. А. Медведев; Иванов; Исландии; Горбачев; Кеннеди; Миша; Москва; Польши; Рузвельт; США; Турции*), присутствуют указания на роли представителей элиты при президенте, некоторые институты при нем: *дума; парламент; правительство; премьер-министр; депутат; юрист; мэр* и пр. Актуализируются положительные оценки: *главнокомандующий; достойный; лучший; справедливый* и пр. Негативные оценки составляют примерно 11,5 % от общего массива единичных реакций (ср. 32 % в РАС): *гад; дурак; козел; лопух; марионетка; на фиг его; никчемность; профанация; нехороший человек* и некоторые др.*

В целом можно констатировать, что отраженный в СИБАС образ президента явно оптимистичен с преобладанием позитивных оценочных смыслов, которые связаны с опытом довольно успешного руководства процессом российского государственного строительства последнего времени. Следует отметить, что эксперимент, отраженный в СИБАС, завершился к началу гражданской войны на Украине и крымских событий, принесших российскому президенту существенную дополнительную поддержку со стороны народа России⁶.

При сравнении устойчивой части АП «правительство» в РАС и в СИБАС выявляется его существенная перестройка во времени, которая отражает смену настроений в обществе и трансформацию самого этого общества после проведенных правительством реформ. Сравним наиболее частотные первые ассоциаты (жирным шрифтом выделены те, которые присутствуют в обоих источниках).

РАС

«правительство»: **наше** 40; **страны** 37; **советское** 30; СССР 21; Горбачев 15; **государство** 9; **временное**; **глава; государства; плохое** 7; **Москва; России** 6;

---

⁶ Более подробный синхронно-диахронный сопоставительный анализ и статистику психоглосс в смысловых зонах АП «президент» см. в приложении (табл. 2а–з, с. 235–247).

СИБАС

«правительство»: *РФ* 31; *государство* 29; *дума* 28; *президент* 27; *власть* 24; *России* 23; *Путин* 17; *плохое* 10; *страны* 9; *коррупция*; *парламент*; *США*; *управление* 7; *глава*; *государства*; *ложь* 6.

Очевидно, что у нового поколения россиян утрачиваются ассоциации с СССР и советским строем, наблюдается некое отчуждение (дистанцирование) от действий правительства. Вместе с тем отмечается повышение значимости российского контекста (РФ, России), а также государственности. В целом в обоих источниках устойчивые части АП содержат ассоциации, связанные со словом-стимулом номинативными отношениями или предикацией в узком смысле слова (термины Ю. Н. Караулова [1999: 108–109]). Некоторые при этом несут в себе еще и оценочные смыслы. Из 72 разных реакций в этой части поля РАС 16 можно квалифицировать как ассоциации с негативным оценочным смыслом, что составляет примерно 22% от общего инвентаря разных слов-реакций. Например: *плохое* 7; *глупое* 5; *дураков*; *тупое* 4; *свергнуто*; *хреновое* 3; *бездарное*; *бездельники*; *в отставку*; *идиотов*; *ложь*; *несправедливое*; *низложено*; *продажное*; *сборище*; *черти* 2. Нетрудно заметить, что здесь преобладают оценки эмоционального плана.

В СИБАС на 54 разных устойчивых слов-реакций приходится 19 (то есть 35%), отмеченных негативными оценками: *плохое* 10; *коррупция* 7; *ложь* 6; *врет* 5; *беспредел*; *воры*; *не работает*; *несправедливое*; *тупое* 3; *несправедливость*; *обман* 2 и др. Есть и совсем брутальные оценки: *вор*; *гавно*; *дураки*; *зло*; *идиоты*; *козлы*; *надоело* 2 и др.

Таким образом, можно констатировать некоторое повышение негативного оценочного фона (по сравнению с РАС), при этом имеются не только эмоциональные оценки, но и диагностические, фиксирующие реальные проблемы, связанные с деятельностью правительства. Это же можно отнести и к периферийной части АП, где наблюдается большое количество оценочных смыслов, 42,64% от списка единичных реакций несут в себе негативные оценки. Сюда можно отнести: *алчность*; *анархия*; *афера*; *бе*; *беззаконие*; *бесполезное (в РФ)*; *бестолковое*; *взятки*; *взяточники*; *дармоеды*; *дебилы*; *достали*; *достало*; *дрянь*; *жадность*; *жулик*; *жулики*; *зажралось*; *злое*; *иждивенцы*; *кормушка*; *лжецы*; *лживое*; *наглость*; *некомпетентное*; *пешки*; *пузо*; *сошло с ума*; *уроды*; *фу*; *хрень* и пр. В РАС их примерно 39,15% от списочного состава единичных реакций. Позитивными оценками отмечены лишь несколько реакций как в РАС (*справедливое*; *великое*;

деловое; прогрессивное; хорошее), так и в СИБАС (демократичное; мудрое; справедливое; умное; четкое)⁷.

Несколько иную картину находим в трансформации АП «чиновник(и)», здесь по ряду показателей контрастируют данные РАС и СИБАС. В СИБАС наполнение поля много богаче (500, 226, 24, 169) против (105, 70, 4, 59) в РАС. Смысловые сферы и акценты также поменялись.

В устойчивой части АП (РАС) находим традиционные для русского сознания подчеркнута нейтрально-безразличные и отстраненно-презрительные ассоциации с литературными персонажами сатирических произведений Гоголя, воплощенными символами самых омерзительных чиновничьих стереотипов, а также внешние признаки субъекта (чиновника) и объекты, связанные с его деятельностью. В целом образ шаблонизирован и схематичен (абстрактен в своих общих контурах). Вероятно, можно говорить об относительной бедности сенсорных эталонов в его основе, поскольку образ конструируется на основе литературных посылов: *бюрократ* 19; *Гоголь* 5; *вор*; *государственный*; *деньги*; *нос*; *ревизор*; *служащий*; *стол*; *толстый*; *чин* 2.

На периферии отмечены негативные оценки: *берет взятки*; *барин*; *бумагомарака*; *буржуй* (без дела сидящий человек); *взяточник*; *глупый*; *жулик*; *занудство*; *козёл*; *морда*; *пан*; *перхоть*; *писака*; *пыль*; *пьяный*; *скупердяй*; *скучный*; *сухой*; *толстопуз*; *труп*; *хануга*, нейтральные и безоценочные ассоциаты: *академик*; *аппарат*; *бумага*; *богатый*; *бумаги*; *важный*; *верхушка*; *в суде*; *высокий*; *высокопоставленный*; *главный*; *гордый*; *должность*; *из министерства*; *какой*; *книга*; *контора*; *лысый*; *магазина*; *майор*; *мелкий*; *мелкий начальник*; *министерства*; *министерство*; *мужчина*; *парламента*; *портфель*; *приятель*; *руководить*; *сановник*; *слуга*; *служащий*; *старина*; *суд*; *у власти*; *учреждение*; *форма*; *человек*.

А вот так выглядит ядерная зона в СИБАС:

коррупция 26; *бюрократия* 20; *взятка*; *власть* 18; *бюрократы*; *люди* 16; *воры* 14; *деньги* 11; *взятки*; *правительство* 8; *богатые*; *взяточники*; *депутаты*; *дума*; *политика* 7; *гады*; *козлы*; *ложь*; *сволочи* 6; *государство* 5; *жлобы*; *зло*; *политики* 4; *буржуи*; *вор*; *галстук*; *города*; *есть*; *злые*; *президент*; *уроды* 3; *администрация*; *верх*; *воровать*;

⁷ Подробный синхронно-диахронный анализ смысловых акцентуаций и статистику психоглосс АП «правительство» см. в приложении (табл. За–е, с. 248–257).

воруют; врут; глупость; **Гоголь**; госаппарат; государственные; должность; история; казнокрады; конторские крысы; лживые; начальники; начальство; нехорошие люди; нечестные; плохие люди; продажные; суки; **толстый**; тупые; управленцы; человек 2.

Помимо общих для РАС и СИБАС ассоциатов (выделены жирным в устойчивой части), в СИБАС находим много новых, преимущественно негативных, смыслов, которые ассоциируются с внешним видом чиновника, с атрибутами его деятельности и действиями как таковыми, а также с его профессиональными ролями и моральным обликом: **толстый** 2; деньги; очередь; проблемы; справки; проверка; проволочки; кабинет; мигалки; галстук; большой стол; милиция; новости; бумага; бумажки; еда; военный; дела; чин; живот; жрать; книга; костюмы; ордена; очки; пиджак; пузатые; мужики; усы; пухлые; толстопузы; толстые 1.

Актуализируются маркеры социальных институтов, где сосредоточена деятельность чиновника и ассоциирующиеся с ней социальные позиции (роли): власть 18; правительство 8; депутаты; дума; политика 7; государство 5; политики 4; города; президент 3; администрация; верх; госаппарат; государственные; должность; история; начальники; начальство; управленцы 2; бюрократ; босс; везде; губернатор; гос. работники; государственные служащие; губернатор; департамент; депутат; должностные лица; закон; институт; консерваторы; крупные шишки; милиция; министерство; министры; мэр; начальник; новости; олигарх; парламента; партии; правительства; работники; служащие; таможня; титулярный; тюрьма; управляют; федерации; чин.

Отмечаются также и (немногочисленные) реакции, идентифицирующие чиновников как обычных людей со свойственными им нормальными, социально приемлемыми признаками: люди 16; человек 2; голова; мужчины; мы; одинаковые; разные; тоже люди; умный; усталый 1.

Ср.: крысы, но не все 1.

Литературные ассоциаты в постперестроечное время явно ушли на периферию: Гоголь 2; мертвые души; ревизор; титулярный 1.

Предикаты — прямые указания на действия чиновников сводятся преимущественно к негативным оценкам: есть 3; воровать; воруют; врут 2; берёт; берут деньги; медлить; оборзели; рулят; управляют; хапают 1.

Главная, подвергавшаяся рефлексии в предметном опыте последних десятилетий проблема связана с растаскиванием общегосудар-

ственной собственности руками тех, кто к ней был приобщен в советское время, с превращением государства в корпоративное предприятие, с трансформацией социального строя и экономики, с ложью и угрозами для «государственности широкого стиля». Эти смыслы находят устойчивое воплощение в семантической зоне «воровство и ложь» с рядом высокочастотных ассоциатов, а также многочисленных единичных реакций: *коррупция* 26; *взятка* 18; *воры* 14; *взятки* 8; *богатые*; *взятчники* 7; *ложь* 6; *зло* 4; *буржуи*; *вор* 3; *воровать*; *воруют*; *врут*; *глупость*; *казнокрады*; *лживые*; *нечестные*; *продажные* 2; *бандиты*; *бездельники и воры*; *берёт*; *берут деньги*; *богатые*; *богачи*; *буржуа*; *взятка*, *власть*; *взятки*, *глупость*; *взятничество*; *воры и богатство*; *враги*; *вранье*; *глупость и жадность*; *грабеж*; *жадные*; *злодеи*; *коррупционеры*; *коррупционные*; *лгун*, *лгуны*; *ленивые*; *лжецы*; *марионетки*; *мафия*; *обман*; *обманщики*; *обманы*; *оборотни в погонах*; *олигарх*; *паразит*; *под следствием*; *пожиратели*; *преступник*; *преступники*; *продажный*; *проданный*; *роскошь*; *рябчики жуй*; *хапают*.

Можно заключить, что образ «чиновник(и)» в СИБАС гораздо более (по сравнению с РАС) конкретен, предметно структурирован, укоренен через опыт более основательных прямых контактов с чиновниками разных уровней в процессе предметной деятельности, через новые сенсорные признаки и эталоны. Вероятно, здесь отражен не только негативный опыт прямых личных контактов с представителями власти в невротизирующих население условиях рыночных реформ. Этот опыт подкреплен влиянием СМИ с их устойчиво негативным рядом оценок-ярлыков, создающих приземленный и наглядный, но абсолютно негативный образ, в отличие от схематичного раннеперестроечного в РАС. Новоявленные образы носят более предметный характер, поскольку расширился инвентарь предоставленных культурой познавательных средств, к которым Е. Ф. Тарасов относит и образы сознания, объясняющие результаты чувственного восприятия [2014: 28]. Последнее могло произойти не только в живом процессе институционализации новых социальных практик, но и за счет деятельности разных, задающих интерпретации, политических и экспертных программ в СМИ. Имеются следы иных источников (включая публицистическую и учебную литературу, в которой объясняются процессы социальной энтропии конца прошлого века в СССР). Общее количество негативных ассоциатов из полного списка разных реакций в ядре АП «чиновник(и)» в СИБАС составляет 55%! Еще больше негатива в периферийной части поля, где существенно расширяются семантические зоны оценок, появляются крайне бруталь-

ные единицы, с нарушением табу (ср.: *бандиты; беспредел; зло; воры и богатство; враги; все ни...; гомосеки; грабеж; грязь; злодеи; крысы; мрази; мудаки; негодяи; оборотни в погонах; пидары; ух они; хамы; чмыри* и мн. др.). В целом в этой части АП негативно-оценочные единицы составляют 58 % (против 35,5 % в соответствующей части АП «чиновник(и) в РАС»⁸).

Таким образом, вся мощь постперестроечной фрустрации от утраты защитного пояса культивировавшихся в прежние времена ценностных ориентиров и завышенных ожиданий обрушивается на людей, в чьем поле деятельности (как субъектов и объектов) русское сознание локализует ответственность за построение и сохранение государственности в России. При сохранении оптимистического (а значит, достижимого) идеала государственности в сознании молодого русского человека несовершенство текущего состояния дел относится на счет правительства и чиновников (несовершенство в людях). Образ президента имеет тенденцию к идеализации в сторону позитива, однако он динамичен в своем приближении к реальной оценке внешнего мира, поскольку зависит от качеств и действий конкретной личности, занимающей этот пост.

Если представить результаты наших наблюдений над семантическими структурами всех рассмотренных здесь АП применительно к оценочным смыслам, то получается противоречивая картина, которая, вероятно, фиксирует реальные противоречия в сознании россиян и имеет глубокие исторические корни, связанные с особенностями форм государственности в России. Общий оптимистично-положительный образ государства в языковом сознании молодых россиян (как в РАС, так и в СИБАС) можно противопоставить (сопоставить) образам государственных людей, официальных носителей и представителей государственности (президент, правительство, чиновники). При таком сопоставлении выявляется исключительно позитивная оценочная доминанта у образа президента (с отсутствием негатива в ядре АП как в РАС, так и в СИБАС) и с резким усилением позитива на периферии поля в СИБАС (11,5 % негативных ассоциатов в СИБАС против 32 % в РАС). Правительство как институт и как набор властных представителей оценивается в гораздо большей степени негативно, чем президент, причем если у президента положительная

---

⁸ Более подробный, статистически подкрепленный анализ психоглосс в АП «чиновник(и)» в синхронно-диахронном аспекте см. в приложении (табл. 4а–з, с. 258–268).

оценка усиливается со временем, то с правительством все обстоит наоборот. В ядре рассматриваемого АП в РАС — 22 % негативных оценок, в СИБАС — 35 %; единичные реакции (периферия АП) в РАС дают 26 % негатива, в СИБАС уже 38 %. Абсолютно негативные оценочные доминанты находим в образах чиновников, как в РАС, так и в СИБАС. Здесь также отмечен рост негатива (в ядре АП РАС — около 10%; СИБАС уже 55%; единичные реакции дают в РАС — 32%, в СИБАС — 58%). Это очень высокие показатели с учетом того, что позитивные оценки встречаются как редкие исключительные случаи по отношению ко всему набору ассоциатов в рассматриваемых АП «чиновник(и)». Выявленные здесь оценочные доминанты и смысловые противоречия применительно к образам государства и его представителей свидетельствуют, на наш взгляд, о сохранении актуальности «государственности большого стиля» в идентификационных процессах, отразившихся в языковом сознании молодых россиян. Вместе с тем они говорят о высоком уровне социального напряжения в отношениях граждан России с управленческим аппаратом на местах, об отсутствии положительного (привлекательного) образа чиновника, что может стать препятствием в дальнейшей легитимизации власти при новых выборах на местах.

Сильная государственность с максимальным расширением ее социальной базы проявила себя как исторически успешная основа российского суперэтнуса. Буйство компрадорских элит и радикальный экономизм неолиберальной идеологии, который испытала на себе наша страна на рубеже веков, привели к социальной деградации и отчуждению больших групп населения от демократии и государственности, *сужая тем самым социальную базу государства*. Образование, как особенно чувствительная к социальной энтропии среда, стало одной из первых жертв деградации. Образовательная среда порождает и воспроизводит смысловое поле, в котором формируется личность, новые и старые социальные группы будущего народа России. В этом смысле образование, несомненно, требует стратегически безошибочных решений, которых не хватало системе на протяжении всего периода реформаторской активности. К такому выводу нас подводит наблюдение за ее результатами. Рассмотрим, каким образом мотивационная база реформы соотносится с деятельностью причастных к управленческим функциям элитарных групп, облеченных властью и волей, позволяющей инициировать и контролировать реформаторские процессы.

Сегодня властная элита России демонстрирует достаточно внятно выраженную волю во внешней политике, позиционируя себя как силу,

способную дать отпор продажности и безнравственности ангажированных политических интересов. Открыто и очевидно указывается на источник этих интересов и на его связь с идеологией «либерального экстремизма». Успехи во внешней деятельности подкреплены мотивами суверенитета, самобытности, то есть *идентичности* и растущего на ее основе *духа патриотизма*. Однако во внутренней политике наблюдается противоречивость установок, что может свидетельствовать о *конфликте мотивов* разных групп управляющих элит, вероятно мешающем найти стратегически выверенные решения применительно к чувствительным социальным сферам. Причина нам видится в том, что смысловое поле, в котором формировалась экономико-центричная часть элиты, было нигилистическим по своей природе, навеянным верой в «западных учителей». Для актуализации усилий в новом контексте жизни нужна *самостоятельная мировоззренческая позиция*, что требует *иного смыслового поля*, понятного и приемлемого для *всего народа*. Политико-экономическое и милитаристское, даже неожиданно русофобское давление извне помогает распознать и локализовать области подлинных интересов государства. Внутренняя же политика (и в особенности реформа в сфере образования и науки) инерционно продолжает во многом *ликвидаторские программы*, начатые в перестройку и *основанные на подражательных моделях*. Примечательно, что официальный дискурс в СМИ по-прежнему демонстрирует пораженческие установки на безусловную необходимость «рыночного» реформирования образования, намеки на «неконкурентоспособность» народа, его имманентную «невосприимчивость к передовому опыту». Отсутствует (или прорывается крайне слабо) установка на профессиональный (а не инициируемый СМИ уличный) анализ последствий уже принятых и воплощенных в жизнь решений, связанных с реформой. Между тем здесь есть о чем подумать. В системе образования было много успехов в реформенный период. Очень существенно поправилось, даже кардинально изменилось материальное оснащение учреждений, появились новые знания о внешнем мире, опыт межкультурных контактов, наблюдается существенный рост реальных навыков живого общения на иностранных языках, расширяющий грани познания. Вместе с тем любые нововведения сопровождались ссылками на то, что «во всем мире», то есть в «развитых» западных странах, «всё» лучше изначально, а нам следовало бы «войти» в это лучшее пространство «мировых стандартов», но мы слишком отсталые для этого. За годы реформы ее изначальные вестернизирующие установки полностью дискредитировали себя и обнажили свою несостоятельность. В чем

их несостоятельность? Какова их ценностная и мотивационная структура? В перестроечной России они исходили из нигилистического идеала рыночных отношений, где рынок формирует и отбирает (репрессировывает) человека, а не человек приспособливает этот давно известный цивилизации инструмент к своим нуждам. С этой установкой идеологически тесно связан неоколониальный (в России волею судеб эмигрантский, на поверку потребительский) европоцентризм, к тому же удобный для компрадорских элит. Естественно, при таком мотивационно-прагматическом контексте роль государства как социального института, государства «большого стиля», которому надлежит не только иметь большую социальную базу и поэтому выступать в качестве социального гаранта для своих граждан, по меньшей мере, отходит на самый задний план. Создаются условия для *цивилизационного развоплощения* русских, утраты ими онтологической уверенности и самодостаточности в выборе стратегий развития. Экстремальные последствия применения такой идеологии мы наблюдаем в гротескно-карикатурных формах на Украине, где убивается государственность и практикуется террор против своего теряющего идентичность населения. Цивилизационно значимые противоречия в восприятии государственности и в ее институционализации на постсоветском пространстве, как показывает проведенный во второй главе анализ, находят отражение в актуальных смысловых акцентуациях (социокоммуникативных установках) русской языковой личности по данным сегментов ABC, в которых «свернут» опыт общения со структурами института государственности.

Применительно к содержательной стороне выявившихся в нашем исследовании (гл. I и II) психоглосс необходимо отметить, что наши данные сходятся по ряду позиций с заключениями этносоциологов, полученными в тот же период времени, но другими методами и на ином эмпирическом материале [Хопёрская 2011; Шабаетов 2011; Этническая и этнополитическая карта Крыма 2017]. Нам представляется, что общая обеспокоенность ученых различных направлений может быть описана как опасность *цивилизационного развоплощения* русских при отсутствии должной гражданской солидарности на фоне роста этнизации социальных практик в разных сферах жизнедеятельности. Этнизация как фактор риска проявляет себя в обратной зависимости ее актуализации (в нашем случае применительно к языку и социальным институтам) по отношению к гражданской (цивилизационной) идентификации, особенно когда этничность принимает форму агрессивно-конфликтной. Это явление в ряде случаев трактуется как «политически

мобилизованная этничность», когда этническая и конфессиональная идентичность выносятся на первое место, превышая гражданскую и цивилизационную [Шабаев 2011: 79]. Именно такое развитие событий наблюдается в последние годы на Украине. Другие риски цивилизационного развоплощения русских, как показывает опыт 90-х гг., исходят от *этнополитических концепций* (о термине см. [Хопёрская 2011: 49], применительно к языковой политике в нашем контексте [Шапошникова 2018a: 180]; см. также гл. VI ниже) **геополитического конкурента**. В 80-е и в особенности в 90-е гг., на фоне завышенных ожиданий от контактов с внешним миром и повышенной чувствительности к импортируемым «новым» смыслам, при сужении сознания до якобы оправданного рыночными стихиями потребительски-гедонистического абсурда как полного пренебрежения высшими потребностями человека, возникла опасность очень быстрой утраты цивилизационного духа в межпоколенном плане. Последствия этой гуманитарной катастрофы остаются во многом непреодоленными и нуждаются в осмыслении. Ассоциативно-вербальные маркеры идентификационной динамики смыслового поля русской языковой личности, как показали первые итоги обработки диахронного экспериментального материала, *отражают межпоколенные флуктуации*, поэтому могут использоваться наряду с другими гуманитарными подходами для взаимной верификации данных. Этнологические и этнополитические исследования, которые проводились при смене языковой политики в Крыму после его воссоединения с Россией, показали, что деструктивные по отношению к гражданской солидарности процессы, вызванные прежними установками на этнизацию (украинизацию), особенно ярко проявляются у более молодых поколений крымчан⁹. Поэтому не следует ожидать, что отмеченные тенденции будут преодолены самим фактом установления в Крыму адекватного языковой ситуации законодательства. Для прорыва в новое качество нужен гибкий ресурс мобилизации

---

⁹ В ходе недавно проведенного Р. А. Старченко и В. В. Степановым исследования языковой ситуации и межэтнических отношений в Крыму был организован опрос в Симферополе, который выявил последствия жесткой политики языковой украинизации по отношению к гражданской солидарности крымчан в составе России. «Дефицит гражданских чувств у крымской молодежи компенсируется не только регионализмом, но и актуализацией этнической идентичности. Десятая часть молодежи говорила, что чувствует себя в первую очередь представителями отдельной национальности, тогда как в средних возрастах этот показатель ниже в полтора раза, а в старших возрастах ниже в три раза» [Этническая и этнополитическая карта Крыма 2017: 119].

цивилизационного потенциала единения, нужна многоуровневая, насыщенная разнообразными мотивирующими смыслами, интегрирующая этнополитическая концепция российской государственности и цивилизации. Ее смысловой каркас может выкристаллизоваться из этнокультурных доминант *российского* мира в разных его воплощениях, из экономики нравственных решений. Если такой результат и достигим, то только *при условии вложения россиянами своей идентичности в деятельность*. В какой мере отреформированная российская система образования отвечает этому условию?

Глава III

МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Наша реформа образования провоцирует «конкурентную» борьбу за финансирование, а существование в обществе с так называемой рыночной идеологией обязывает к продолжению этой борьбы в качестве условия для развития экономики сообразно «естественной» природе человека. Стимуляция конкуренции ради нее самой хорошо совмещается с мифом рыночного саморегулятора. Между тем во всех социальных сферах российского общества сегодня востребована солидарность, комплементарность усилий, этика коллективного служения. Способность к сотрудничеству и кооперации как социальное благо сильно пошатнулась в нашем сознании под натиском рыночного мифа. Последствия глобального техногенного развития материально-потребительской цивилизации усугубляют проблему, создавая иллюзию (соблазн) возможности выжить в одиночку. Экономика любого вида деятельности и тем более социальная жизнь не сводима к конкуренции. Последняя стимулирует не только развитие, но и разрушение, особенно если речь идет о конкуренции, разъедающей этнос изнутри, разжигающей рознь и зависть. Для основной массы советских людей реформа образования исходила в своей *активной, ориентировочно-деятельностной основе* из образов, базировавшихся на мизерном, нигилистическом опыте взаимодействия с «материально успешным» и «гарантирующим свободу индивидуальности» Западом. На фоне общего отчуждения власти от народа, гипертрофированно рыночных экономических ориентиров с самого начала ей недоставало конструктивной в плане социальной перспективы для будущего всего народа

детерминации установок. Между тем для преодоления смутного времени приоритетной должна была бы быть и остается *стратегическая задача укрепления идентичности*, коллективной солидарности и мобилизованности под новое, *прогрессивное накопление и умножение духовных ценностей* и как следствие, а не самоцель — материальных благ. Говоря о *мотивационном конфликте* управляющих элит, который для всех участников деятельности один, но индивидуален в конкретном исполнении для каждого из них, следует отметить, что *социокультурная идентификация* в этих условиях может иметь разный исход. В том числе и привычный, но самый безответственный — высокомерно-пренебрежительный нигилизм, исходящий из эмигрантски отчужденного, негативного образа своего народа, предписания ему неполноценности, то есть *восприятия установок западного этноцентризма*, одного из характерных проявлений этой цивилизации как историко-культурного феномена. Здесь перехода (трансцендентности) в иную смысловую структуру (иное будущее) для всего народа ожидать не приходится: это индивидуально реализуемая модель только для избранных (таких как некоторые локализирующие себя в удобных уголках планеты нувориши). Сам по себе конфликт мотивов можно рассматривать как нормальное явление для потенциального развития, некое устойчивое патологическое состояние, преодоление которого дает шанс творческого перерождения его носителю. Но разрешение конфликта для жизнестойкой системы должно вести *не к отчуждению и распаду, а к интеграции ресурсов ради обретения нового трансцендентного смысла*, иного будущего для всего народа. Мотивационный конфликт в системе образования очень ощутим через *непреодоленные последствия* изначально неправильной ориентации реформы. Реализация исходных установок в реформе спроецировала конфликт в образовательную среду, что привело к *отрыву смысловой мотивационной структуры совместной деятельности управленцев от образования и непосредственных участников* образовательного процесса. Нахождение внутри этого процесса в течение нескольких десятилетий подводит к выводу о том, что *формализация* и есть **явленная в опыте цель реформы**. Ее ощутимый итог — «упаковка» знаний в прокрустово ложе товара, под миф рынка, под «истину вещей», тогда как по природе своей образование на всех его ступенях — деятельность духовно созидательная, неотделимая от проекта человека, а потому и несводимая к экономизму. Ее продукты могут иметь рыночный вес, когда отчуждаются и конвертируются в вещи, но это *нельзя ставить как единственную задачу образовательной деятельности*, тем

более для российской державы цивилизационного масштаба! *Задача должна быть трансцендентна по отношению к текущей обстановке. Стратегическая задача в этой сфере должна быть адекватна прорыву в иную духовно-нравственную реальность*, дающую основу для всех подлинных достижений. Таким образом, мы видим проблему качества мотивации участников образовательной деятельности, что связано с *гуманитарной несостоятельностью исходных установок* реформы в научно-образовательной сфере.

Перестройка мотивов ведет к перестройке всей деятельности. Именно это мы и получили в разрушительной части реформы. Предпосылки разрушения сложились и укоренились еще до начала реформы в поздний советский период. Уже тогда смещение мотивации в формализаторство отодвигало на задний план содержание процесса просвещения, в итоге деятельность вырождалась. Возможно, это стало реакцией на репрессивность, которая в более ранний советский период вульгарно направлялась на неугодное идеологическим догматам содержание и его персональных носителей. В сложившемся у нас рыночном формате доминирует однобокая, утилитарно-поверхностная мотивация, к тому же часто противоречащая переживающему стрессы внутреннему рынку. Одним из последствий текущей реформы является *отчуждение профессиональных сообществ от рычагов управления* организационно-устанавливающей и сущностной сторонами деятельности своих университетов (институты) через рыночно-оптимизаторские уловки менеджеров. При этом искусственно устанавливается конкуренция с риском будущего удушения системы в регионах, так как вузы многих городов заведомо ставятся в невыгодные конкурентные условия с вузами столиц (в том числе и через ЕГЭ и «возможности» обучения после бакалавриата). По ряду позиций сам факт наличия *единых для всей страны* требований неблагоприятен для регионов, которые по разным, не подлежащим волевому изменению, но подлежащим учету, жизненным параметрам, как то: географическим, демографическим, климатическим, этнокультурным, *в принципе не обладают сопоставимой «конкурентоспособностью»*. Это провоцирует *эффект кадрового оголения*. Стимулируется подвижность в пользу центров, то есть стягивание трудового и интеллектуального ресурса к столичным мегаполисам (и за границу) с грядущим за этим нарушением остатков регионального уклада жизни. Идеал наших экономистов — человек, вынужденный мигрировать ради трудоустройства, — превращается в раба неустойчивой экономической системы. Такому человеку не нужна родина, традиционная идентичность для

него — препятствие на пути обретения экономического благополучия. В России, с необходимой для элементарного выживания привязкой людей к дому и теплу, вдвойне, ведь устройство на новом месте в рыночной системе «каждый сам за себя» стоит так дорого, что для обычного трудового человека это может быть путь длиной в жизнь с нулевым результатом. Мобильные кадры всегда были нужны, но *выставлять такую модель как единственную и проектировать судьбу мигрантов* («граждан мира») на все население страны как минимум недальновидно. Нетрудно спрогнозировать будущее такой страны, когда ее утратившее свою идентичность население будет просто лишено своих земель, не обретя статуса пригодного для эксплуатации «человеческого ресурса».

В процессе реформирования укрепляется и растет класс менеджеров, сделавших карьеру на реформе. Разрабатывая всё новые административно-рыночные барьеры, эти люди готовы быть исполнительными фигурами и требовать от всех такой же безусловной исполнительности вместо спокойного обсуждения и коррекции поставленных задач на местах. Так активизируется резерв жесткости. Здесь срабатывает пресловутая «репрессивность» нашего сознания, о которой пишут культурологи [Касьянова 2003]. В ней есть две стороны, поддерживающие друг друга: «репрессирующий» субъект и безоговорочно исполнительный безответственный объект. Менеджерская активность опутывает всех добросовестных работников системы паутиной трудоемких бумажно-электронных дел в ущерб столь необходимой предметно-сущностной работе. Но таковы рычаги осуществления реформы. На чем настаивают управленцы? На придании товарного вида «продуктам» сферы «образовательных услуг», на импортной упаковке в западные «компетенции», формальном соответствии упаковки содержанию «товара». За импортными стандартизациями хорошо просматривается *рыночный человек (мигрант) под евроцентричную модель занятости*. При этом формотворчество иной раз требует такой точности «подгонки» стандартизирующих элементов, что напоминает инженерную документацию ракетостроения. Похоже, что представители верхних эшелонов управления не задумывались о том, какими потерями обернется каждое распоряжение, порождающее документооборот в объеме целых томов подлежащих к обязательному (!) и срочному исполнению предписаний, от которых непременно и всякий раз зависела судьба субъектов образовательной деятельности. Сами эти предписания в ходе реформы меняли «правила игры» быстрее, чем темпы освоения их сознанием реально работающих людей. *Гибкость*

системы — великолепное условие творчества, но только если она конвертируется в *существо деятельности*, а не в потери энергии на преодоление формы.

При анализе результатов реформирования необходимо понимать, что далеко не все огрехи, которые вменяются в вину системе образования, являются ее внутренними проблемами. Реформа начиналась с альтернативного варианта — либо специалитет, либо бакалавриат, потом был навязан тотальный бакалавриат с неизбежной магистратурой на фоне сокращения занятости во многих отраслях, падения престижа по-прежнему необходимого обществу профессий. На первый взгляд, в новой системе есть большой плюс: формально увеличен срок обучения, что хорошо для творческой активности молодого человека, нуждающегося в «зазоре» между фундаментальным и практическим познанием. Однако доступность системы «бакалавриат — магистратура» и тем более «бакалавриат — магистратура — аспирантура» для большинства существенно снижается ввиду ее дороговизны. На проверку срок между обучением и включением в работу для самых незащищенных слоев практически отсутствует, и работа становится жизненной необходимостью даже до всякого обучения. Молодой человек, как и его преподаватель, по-прежнему эксплуатируется на разных работах, мало отвечающих его профессиональным ориентирам. Таков результат экономических реформ, а не «никуда не годной» системы образования, но он имеет прямое влияние на качество образовательного процесса и мотивацию его участников. В неустойчивой рыночной ситуации навязывание «новых» (поскольку западных) стандартов с постоянным документооборотом переименований, (пере)аккредитаций, (пере)аттестаций усиливает ее репрессивную суть. Этот перманентный поток принес бремя тяжелых затрат времени и финансов на обеспечение взаимодействия с чиновниками и сопровождающий документооборот. *Люди все время погружены в освоение чуждых их культуре и исходным знаниям процедур бюрократических формализаций, что создает и укореняет поле отставания от потребностей жизни. Нормальный человек не может заниматься открытием и освоением инновационных технологий, которые требуют колоссальной мобилизации и напряжения сил в кардинально обновляющихся условиях жизни, и одновременно осваивать иноязычные, концептуально чуждые формализаторские стандарты ради рыночного мифа с практиками ликвидации привычной культурной среды. Особо опасным следствием таких практик становятся перевертыши профессиональной идентификации, когда постоянно обновляемый бумажно-электронный оборот*

начинает приравняться в сознании занятых им людей к тем самым прорывным технологиям, о которых мечтает общество и власть. Таким образом, занимаясь формализацией, люди склонны обманывать себя, а значит, *конкретный путь, по которому осуществляется социальная детерминация такой деятельности, нуждается в коррекции*. Тактики ликвидаторской, репрессивной (жесткой) части реформы показали, что способов нарушения коллективной идентичности в ее проекте достаточно. Сам рыночно-либеральный миф, к сожалению, основан на размывании идентичности, так как образ мобильного, нелокализованного нигде нигилиста и отщепенца без царя и отечества устраивает компрадорскую элиту многих стран в качестве ресурса для торговли интересами. При сохранении такого подхода бюрократизация реформаторства рискует стать прикрытием для дальнейшего (бесконечного) передела собственности и сфер влияния человека экономического в образовании. Эти скрыто асоциальные мотивы и точки напряжения в системе сегодня недооценены. Можно ли говорить о *стратегических неучтенных ресурсах* системы в настоящее время?

Любая социализирующая деятельность должна иметь на выходе образ человека будущего. Коммунизм как идеология (в его реально состоявшемся просвещенческом российском воплощении) давал понятные ответы на базовые вопросы: каким может быть будущее, в котором хочется жить? Каким должен стать человек? В конструктивном советском прошлом это был образ всесторонне развитой личности. Каков путь личности к этому идеалу? Через познание и труд. Как поэтому надлежит относиться к труду и знаниям? Кто не работает — тот не ест, знания и труд возвышают человека и в социальном статусе, и в нравственном отношении. Наука связывалась с нравственными решениями человека и его социальным вкладом. Куда же подевался этот «всесторонне развитый» человек, почему он отказался от будущего? В последние десятилетия советского проекта с его геронтократией наметились явные признаки системного вырождения ценностных доминант. Образ коммунизма приобрел черты «общества изобилия», «всюду все будет», «каждому по потребностям, от каждого по способностям», то есть примитивно потребительские черты. Именно эти установки и реализовались в перестройку. Общество «изобилия» организовалось очень быстро (для наиболее прытких и хватких быстрее, чем для всех остальных), только осталась пустота на месте растоптанных социально-нравственных решений. Многие присвоившие право на информационную власть потомки отринувшего эти решения клана учат потребителя, что за всю свою историю человек не изменился,

как был «скотиной-варваром», так им и остался. Сначала публично санкционированным с помощью таких «социальных контролеров» рынком поощряются не лучшие стороны человеческой природы, а что поощряется, то и развивается, потом делаются выводы о порочной природе человека как таковой, в особенности о несостоятельности народного менталитета. Сквозь призму оппозиции человека как вида и некоторых его представителей, утративших человеческий облик, акценты расставляются по-другому. У народа есть будущее постольку, поскольку он не идентифицирует себя с безликим, управляемым чьими-то личными интересами объектом рыночных отношений, а хочет нести в себе *достоинство человека*. Сиюминутные «рыночные» приоритеты не делают ставку на будущее, им не нужно заглядывать так далеко. Стратегическое решение лежит в поле *иного возможного по отношению к безнадежно устаревшим идеологическим подходам* (как выродившемуся большевистскому, удушавшему индивидуальную свободу потребления в зачатке, так и не менее выродившемуся ультралиберальному, превознесшему ее выше человеческого достоинства). В этой связи встает *стратегический вопрос о личности будущего и о статусе личности, взращиваемой рынком*. Этот нерешенный текущей реформой вопрос напрямую связан с тем, что лишает нас возможности «выйти на прорыв». Что значит *прорыв в системе образования*? Это трансцендентность в иное возможное, в иное качество, то есть восхождение, перевоплощение. Такие творческие гуманитарные задачи — антиподы жестких регламентаций и схем, порождающих энтропию сущностно-содержательной деятельности. Человек для прорыва должен иметь не футлярно-шаблонные, а *надличностные* мотивы.

Таким образом, мы констатируем, что в текущей реформе базовый смысл человека — по умолчанию *экономический*. Это человек, чья ценностная структура опирается на собственнический инстинкт, точнее *эгоист-потребитель*, материально ориентированный на свои утилитарные *интересы*, причем в нашей стране десятилетиями насаждался образ *потребителя гедонистического склада*, ценящего собственный гламурный досуг превыше всех социальных обязательств. *Тупиковая модель*, которая, однако, согласуется с *мифом рыночного общества*. Тот ли это, кто совершит прорыв? Куда и зачем ему прорываться? Только в одну сторону: к обжорству, безделью и бездуховности, дремучей расслабленности, безответственности и паразитизму. Такой «социально кастрированный» (термин А. С. Панарины) человек в нашем обществе уже воспитан, заботливо взращен и оберегаем, его

образ уже подается как естественный тип. Он выгоден рыночному «либеральному экстремизму», проецирующему на элиту в колонизируемых странах нигилиста, убивающего свою идентичность и культуру, в полный рост показавшего себя в мире порожденной им нестабильности двадцать первого века¹. Для прорыва нужен другой проект человека, корректирующий результаты размывания его идентичности и реабилитирующий его от рыночных репрессий. Это должен быть *проект* воспитания *гражданина России*. Не гражданина мира, а именно гражданина России. В реформаторской среде пока не осознана необходимость такой ориентации, поскольку и по сей день можно услышать преимущественно ликвидаторский дискурс, например — «закрывать школы с физико-математическим уклоном», «покончить с советской системой образования» (как можно покончить с тем, чего уже нет?!) и т. п.

В советской модели образования был *огонь и дух просвещения для всех*, а не для избранных. У этой системы в ее лучший период была *широкая социальная база*, в этом и *главный секрет ее успешности*. Духовная природа человека в ней не только не игнорировалась, но и довольно долго и устойчиво поддерживалась за счет гуманистических ценностей вопреки идеологическому атеистическому давлению. Экономические репрессии против системы в годы буйства компрадорских appetites подмявших под себя власть индивидов никак не могли пройти бесследно для социального пирога, включая научные достижения. Ликвидаторскими проектами ученые и институты воспринимались как помеха, система образования и науки «кастрировалась», а теперь к ней предъявляются повышенные претензии по поводу ее неконкурентоспособности. Кроме вопроса о том, какой именно конкурентоспособности, собственно, хотят управленцы и какими мерками ее измеряют, есть еще и вопрос о последствиях уже проведенных реформ, которые легли на плечи всего народа, снижая эту самую «конкурентоспособность». В этом ряду создание условий для *размывания идентичности* — самый опасный и слабо осознаваемый до сих пор результат. Разрушение касается не только профессиональной идентичности (через снижение мотивации и бюрократизацию), но и социокультурной (через массивную атаку гедонистическим культом, насаждаемым и по сей день). Отток кадров и неумная открытость для исхода из страны интеллектуального ресурса сильно усугубили

---

¹ Исчерпывающий анализ сущности этого типа человека как «человека до-суга» и его вклада в стратегическую нестабильность в XXI в. дал выдающийся русский философ и мыслитель А. С. Панарин (1940–2003) [2014: 575–1233].

ситуацию, в этом ряду оказалась и продолжающаяся «отладка» системы образования под мобильность стихийного типа. Кадровому оттоку и сегодня никто не препятствует, к открытости в кадровом и даже по ряду позиций в научно-содержательном плане следует подходить более аккуратно. Не должно быть «отчетной» открытости ради нее самой. Если под открытостью понимать сотрудничество с внешними научными инстанциями и персонами, то она управляется содержательно-сущностной частью деятельности ученого, а не формально-административными предписаниями. Сюда же относится и навязываемая «необходимость» публиковаться в указанных сверху научных журналах. Контакты ученых всегда носили личностный характер, под влиянием рынка околonaучных «услуг» появились безликие субъекты, претендующие на приоритетное опубликование научных результатов, проведение конференций и прочие «присваивающие» науку (за счет самих же ученых) акции. Если учесть степень хаотизации, которая вносится в нормальную научно-образовательную деятельность рынком, невольно покажется странным, что достижения вообще имеются. Сегодня востребована трезвая, лишенная нигилизма оценка потенциала выжившего после стрессов российского образования. Воспетая нигилистами заграничная система образования совсем не так хороша, как нам ее представляли на заре перестройки. В ней есть очень сильное, но внешнее звено — это библиотеки и информационно-техническая оснащенность. Само же постмодернистское образование в Европе во многом всегда уступало российскому и решало свои, не нужные России, задачи. В ходе реформирования забыли о втором звене образования — студенте. Советские люди оказались такими умными, способными и талантливыми учениками, что смогли многому научиться за рубежом. Система питается не только кадрами учителей, но и умами студентов². Вероятно, для новой российской системы,

---

² «...Встает вопрос о том, как же нам, россиянам, следует оценивать результаты исторически сложившихся трех волн массового “перелива” в США русских творческих кадров? Один из недавних советских эмигрантов на подобного рода вопрос ответил в 1995 г. не без горечи так: “Я — американский гражданин. Сегодня Америка получает гуманитарную помощь от России, которая не сравнима ни с чем. Я не оговорился: именно Америка получает ее с притоком русской эмиграции, влияние которой на американскую науку, технику и культуру чрезвычайно велико. В ней десятки тысяч представителей российской интеллигенции — ученых, врачей, инженеров... Америке они вполне пригодятся, а Россия их потеряла. Безвозвратно”. (Русские в Америке. Книга судеб / Сост. В. Левин. Минск; Смоленск, 1996. С. 190)» (цит. по: [Нитобург 2005: 372]).

несмотря на вновь обретенный опыт, не простой задачей будет преодоление последствий упаковки в прокрустово ложе экономизма болонских форматов, да еще с установкой конкурировать со всем миром сразу! Потери весьма ощутимы: перестроечный отток «гибких» кадров преимущественно в торговую практику вместо научно-образовательной деятельности; потом за границу, на алтарь «европейских» и «американских» достижений снискать лавры «мировых», но не своих; старение оставшихся верными профессии кадров и их увязание в бюрократических переформатированиях, коим несть числа. Добавим перманентную нестабильность, которая несовместима с качеством научных и образовательных достижений. Все это вместо серьезной концентрации на освоении нового и создании инновационного, прорывного. Таков «неолиберальный» вклад, который с перестроечных времен вменяется в вину якобы советской системе образования и науке. Осталась и базовая экономическая проблема: чтобы работать в образовательной и научной сфере, надо вести несколько ставок и иметь запредельные нагрузки, иначе рынок не даст просуществовать. Такова экономика торговой доминанты, которая управляется денежными потоками, обремененными ростовщическим аппетитом. Человек экономический у руля процесса постоянно предпосылает всем своим действиям и решениям деньги (чаще просто образ денег) в конкретном объеме и с конкретными условиями — сначала деньги нужно где-то заработать, а потом на них сделать научные открытия, тот самый прорыв, о котором общество мечтает. Такое рабство «свободного» человека оборачивается его дезертирством, что делает его союзником деструктивности реформ. Сами управляющие структуры вносят стрессы в систему, заставляя ее постоянно менять статусные (рейтинговые) приоритеты и побуждая людей работать на побочные ориентиры и мотивы, поощряя в них амбиции вторичного плана в ущерб основным содержательным задачам. Таковы требования следить за индексами своей популярности, обязательно публиковаться в предписанных форматах, с большими расходами в пользу иностранных издательств, многочисленные шифры, коды, пароли и виртуальные сайт-активности, не нужные для содержательной работы, но поглощающие все время. Добавим перманентные отчеты и запросы по всем позициям, к которым причастен активный работник. Свободные от образовательной нагрузки новые менеджеры, которые могли бы взять на себя все задачи вторичного плана, не умеют самостоятельно добывать информацию, не парализуя нормальный рабочий процесс. Так технико-информационная среда из помощника

превращается в стрессовый и дополнительно нагружающий фактор, иногда отнимающий все рабочее и досуговое время. *Поставить сферу образования в соответствие стратегическим цивилизационным задачам* в этих условиях будет непросто. Вернемся к мотивам репрессивности нашего сознания, как негативного фактора реформы, который проявляется во взаимодействии интеллигента с чиновником (образ которого, как мы уже видели, крайне негативен). Каков механизм ее возникновения?

Интеллигент оплодотворяет деятельность общества смыслом. Чиновник помогает организовать и институционализировать общественную деятельность. Когда интеллигент устраняется от своей миссии, демонстрируя неучастие и презрение к чиновничьему творчеству, он становится жертвой давления. Чиновничье творчество без обратной связи — бремя для общества. Отчуждение власти от народа порождает сообщество мертвых душ. Для чиновника — футляр шаблонизаций и тотальное форматирование общества под него, для интеллигента — отсутствие смысла или его перемещение в окоп для мертвых душ («моя хата с краю», «пусть идет как идет»). Это также можно квалифицировать как потребительское отношение к своему обществу. Как только мы пытаемся освятить участием государства нашу деятельность, так сразу начинает работать данное противоречие с перегибом то в одну сторону, то в другую. *С реформой образования так и произошло. Слишком много этой западной реформы, слишком далека она в своих установках от нужд народа, слишком формализовано и шаблонно все в ней, не по-нашему, из этих схем ушла жизнь.* Вины в этом не только чиновники, но и вторая половина — те, чью систему реформируют. Но не все так печально. Проведенная в России на рубеже веков *перестройка мотивов явила прецедент*, подтверждающий принципиальную ее воплотимость в жизнь. Стратегическая перестройка мотивов осуществляется через их осознание и ведет к постепенной перестройке всей деятельности. Где искомый вектор? Разве не решаема принципиально задача минимизации формальных процедур, чтобы *изгнать энтропию из содержания* ради новых свершений? Репрессивности нужно противопоставить культуру дискуссий, это мощный противовес, который, как и все элементы реформы образования, нуждается в тотальной поддержке СМИ. Наконец, главное — *проект человека*, дающий *надличностные мотивационные ориентиры*. Внутри системы образования трудно сформировать социально значимые потребности при сохранении всех источников разрушительных практик, когда управленцы отказываются говорить

с людьми на понятном языке, упорно конвертируя всю деятельность в западные бюрократические технологии полицейского государства, а вместо воодушевления, необходимого для прорыва, слышатся новые сигналы ликвидаторского дискурса, фиксирующего не поиск иначе возможного лучшего, а новую дискредитацию имеющегося. В решении творческих социальных задач очень значимые препятствия создают укоренившиеся в период снятия культурных табу асоциальные практики наших СМИ, которые как раз и должны бы выполнять функцию социального контроля³. Дефицит подлинности — коренная проблема современного «рынка услуг», включая его информационную среду. Подлинность проявляется там, где она социально востребована, где действия не расходятся с публично декларированными установками. Текущая ситуация, напротив, шизофренична. С одной стороны — действия: редукция, сведение к сомнительному минимуму, тотальное недоверие и ликвидация. С другой — установка на прорыв и воодушевленный поиск. Преодолеть разрыв может только энергия надличностного смысла с вектором подчинения себя ценности высшего порядка, сверх своего эгоизма. Это вопрос коллективной идентичности, разрушаемой в реформе. «Неолиберальные» элитарные установки несостоятельны в долговременном мобилизационном плане, и с гуманитарной сферой эта элита склонна воевать именно на поле идентификации. Материальная выгода как симуляция идентичности предполагает равнодушие к высшим ценностям и полную глухоту ко всяким запросам общества. В этом смысле рынок — плохой инструмент для долгосрочного целеполагания и даже скорее разрушитель, чем созидатель. Вдумаемся, именно историко-культурная идентичность российского человека (сформировавшаяся в соответствующих условиях и титанических свершениях) сделала его конкурентоспособным на рынке вооружений и военных ресурсов, а не рынок как таковой.

Реформы последних десятилетий учат нас тому, что сужение социальной базы образования на фоне искаженной иерархии мотивов

---

³ СМИ представляют собой «мощный канал, через который общество доводит до каждого из своих членов систему социальных норм, этических и эстетических требований; при посредстве радио и телевидения перед аудиторией “проигрываются” ситуации и способы поведения, получающие у общества положительную оценку (и сам процесс “позитивного санкционирования” такого поведения обществом) и, наоборот, такие ситуации, которые оцениваются обществом отрицательно (и сам процесс “негативного санкционирования”))» [Леонтьев А. А. 2008: 286].

чревато самыми серьезными последствиями, одно из них — падение качества подготовки вслед за уменьшением хорошо мотивированного контингента. Мы живем не в архаичном феодальном обществе, а в обществе, пережившем несколько информационно-технологических революций. Привнесенное рынком сужение социальной базы образования может привести к утрате компетентного контроля над технико-информационной средой цивилизации, к неспособности в ближайшем будущем воспроизвести ее на достаточном для жизнеобеспечения уровне. Человек просто не успеет освоить необходимые для этого знания, а компенсировать скудость занятых в этой сфере интеллектуальных ресурсов будет нечем из-за социальной деградации не прошедших системную подготовку слоев населения. Иммигранты могут оказаться слишком далекими культурно и цивилизационно, чтобы освоить и поддерживать технологии будущего, их идентификационные процессы могут стать непреодолимым препятствием на этом пути. *Проект новой личности будущего (гражданина России) как ориентир имеет нравственно-этическую основу социокультурной идентификации, единую для всех видов деятельности.* Образование представляет собой идентификационную сферу, в которой общество воспроизводит разные виды профессиональной деятельности. Обучение должно включать и демонстрацию этики и нравственных моделей такой деятельности. «Вообще процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира и способного служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нем» [Леонтьев А. А. 1997: 273]. Проект нового человека — сложная творческая задача, которая решается в нескольких плоскостях: *индивидуальная личность — личностный смысл — смысловое обобщение и обобщенные задачи на смысл.* Понятие смысловых обобщений и обобщенных задач на смысл определяется А. Н. Леонтьевым в его рукописных материалах по психологии искусства следующим образом: «Это — задачи, которые встают не только перед одним индивидом, только в жизни одного человека, а перед многими людьми — хотя для каждого во всей своей неповторимости! Это — задачи, характерные для исторической ситуации, эпохи, всей истории...» (цит. по: [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 216]). Творческие задачи такого рода требуют *глубокого подхода*, как и в случае с подлинным искусством, они дают реальную силу, «которая раскрывает людям смысл жизни, подвигает их на жизнь и одновременно помогает им бороться с отчуждением,

омертвлением их жизни, жить “в истине жизни, а не в истине вещей” [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 217].

Обратимся к образам русского языкового сознания, фиксирующим идентификацию и опыт этносоциальных взаимодействий последних десятилетий. В первой главе мы уже обращались к АП маркеров цивилизационной идентичности «советский, русский, российский». Теперь рассмотрим, как ведут себя эти прилагательные-идентификаторы в составе отдельных звеньев или сегментов АВС. Предметом нашего анализа является существительное — маркер коллективной идентичности «народ» в его ассоциативных связях с прилагательными «русский, советский, российский». Памятуя, что «фактор частотности слова-стимула весьма существенно, можно сказать, революционно влияет на характер “ассоциативного профиля” этого слова» [Леонтьев А. А. 1977: 14], рассмотрим частоту использования интересующих нас единиц в течение нескольких десятилетий предперестроечного и перестроечного периодов жизни нашего общества по материалам Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Все наши идентификаторы характеризуются довольно высокой частотой встречаемости в текстах НКРЯ (см. табл. 4 и 5), особенно в публицистике, где «русский» занял лидирующие позиции. Однако динамика частотности прилагательных по годам в какой-то мере отражает специфику идентификационных процессов в течение реформаторского периода, особенно в их связке с маркером коллективной идентичности «народ».

Таблица 4

**Сравнительные данные частотного словаря на основе НКРЯ⁴.
Российский, русский, советский, народ**

Слово	Частотность	Публицистика	Живая речь
Российский (прил.)	644,6	924,5	25,2
Русский (прил.)	530,5	775,5	225,5
Ср.: Русский (сущ.)		104,1	68,0
Советский	382,9	643,9	84,4
Народ	385,6	539,5	243,2

⁴ Здесь и далее в соответствии с принятой в частотных словарях практикой показано количество употреблений отдельных слов среднее на миллион словоупотреблений в корпусе (ipm — instances per million words) по данным [Ляшевская, Шаров 2009].

Примечательно, что живая речь дает принципиально иные показатели частотности прилагательного **российский**, которое, видимо, в сознании людей ассоциируется с официозом, вместе с тем **русский** и **народ** близки в пропорциях сопоставимости, что, вероятно, может быть и косвенным показателем их более близких связей (по сравнению с **российский народ**).

Таблица 5

Статистика употребительности по годам.
Русский, советский, российский, народ

Временной срез	Русский	Советский	Российский	Народ
50–60-е худ. лит-ра	215,9	233,6	4,4	247,1
70–80-е худ. лит-ра	257,6	209,2	20,1	266,3
90–2000-е худ. лит.	343,6	146,7	62,4	293,9
50–60-е публицистика	1003,6	2033,9	28,2	770,9
70–80-е публицистика	584,8	711,0	74,8	577,4
90–2000-е публицистика	783,2	608,5	1001,0	531,3

Как видно из табл. 5, **русский** заметно активизируется, причем и в художественной литературе, и в публицистике, а **советский** демонстрирует устойчивый вектор к снижению. **Российский** показывает беспрецедентный рост в абсолютном выражении (4,4 против 62,4 и 28,2 против 1001,0 в художественной литературе и публицистике соответственно). На фоне роста статистических показателей у существительного **народ** в художественной литературе, в публицистике, пережившей либерализацию не в пользу коллективной идентичности, наблюдается вектор снижения. В 50–70-е гг. **советский народ** был одним из центральных фигурантов семантического поля советской цивилизации при полной периферийности идентификатора **российский** и сохранении высокой актуальности маркера **русский** как в этноспецифичном, так и в цивилизационном смысле. Дальнейшее снижение показателей у **народ** связано, как нам представляется, именно с размыванием ассоциаций **советский с народ** за счет санкционированной в перестройку средствами СМИ и самой властью дискредитации всего советского и внедрением установок на разрушение исходной идентичности в реформах.

Теперь рассмотрим материалы нескольких ассоциативных баз данных (САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС) в сравнительно-сопоставительном аспекте. В первых строках табл. 6–9 даются первые три реакции в ядре АП, во вторых — исследуемые идентификаторы в ядре

АП, в третьих — они же на периферии. Индексы частотности даются в абсолютном выражении.

Таблица 6

Образ «русский»

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
язык 40; человек 36; народ 12	язык 29; человек 16; мужик 6	язык 229; человек 42; народ 13	язык 282; человек 55; народ 12
народ 12; советский 6	(отсутствуют)	народ 13, русский 2	народ 12
русская 1	народ, советский 1	народный; народ, язык; советский 1	русский 1

Итак, ассоциативное звено «*русский — язык — человек — народ*» проявляет особую устойчивость на протяжении многих десятилетий, выпадение из него (как, впрочем, и из ядра АП *русский*) слова *народ* в перестройку свидетельствует, на наш взгляд, о кризисном состоянии сознания в период радикализации переоценок смыслового поля культуры. Дальнейшее восстановление исходного кластера ассоциатов сопровождалось многократным усилением связей *русский* с *язык*. По всей видимости, в вопросах языковой политики надлежит проявлять особую осторожность, так как ассоциативные маркеры недвусмысленно свидетельствуют об особой чувствительности народа к возросшей символической значимости языка в социокультурной идентификации (по сути, произошла этнизация образа языка, о чем мы уже упоминали в первой главе).

Таблица 7

Образ «советский»

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
человек 69; Союз 20; наш 13	человек 142; Союз 71; паспорт 59	Союз 123; человек 35; район 20	Союз 141; человек 39; период 20
народ 11; русский 2	народ 15; русский 14	народ 10; русский 8; российский 6	народ, русский 5; российский 3
(отсутствуют)	российский 1	предроссийский 1	(отсутствуют)

Таблица 8

Образ «российский»

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Отсутствуют данные	флаг 34; парламент 9; герб, сыр 5	Флаг 138; паспорт 45; сыр 16	флаг 159; паспорт 61; сыр 23
Отсутствуют данные	русский 3	народ, русский 6	народ 7; русский 3
Отсутствуют данные	народ 1	советский 1	(отсутствуют)

Таблица 9

Образ «народ»⁵

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
люди 39; великий 19; советский 17	толпа 16; безмолвствует 6; и партия, русский 5	толпа 66; люди 50; русский 21	люди 70; толпа 61; русский 35
советский 17; русский 16	русский 5; советский 2	русский 21; российский 3	русский 35
(отсутствуют)	(отсутствуют)	россияне	(отсутствуют)

Приведенные в таблицах данные наглядно свидетельствуют о наметившейся перестройке идентичности с «советский — русский — народ» на новую «русский — российский — народ» и укрепление русскости в сегменте «русский — народ». Укрепление новых связей-идентификаторов лучше просматривается в СИБАС; в ЕВРАС *российский* идентификатор, наоборот, ослаблен, здесь более устойчива не общероссийская, а этноспецифичная компонента. Если принять во внимание все приведенные здесь показатели, то можно заключить, что языковое сознание испытуемых демонстрирует готовность ассоциировать исследуемые идентификаторы друг с другом, однако наполнение этих связей, их близость могут различаться по регионам. Гибкость структуры АВС проявляется в подвижках внутри ядра и постепенном внедрении новых маркеров-идентификаторов

⁵ Подробный статистически подкрепленный анализ структуры, наполняемости и психоглосс АП «народ» см. в приложении (табл. 5а–з, с. 270–284).

на периферию поля с их последующим возможным вхождением в ядро или выпадением из него. Все эти выявившиеся в ассоциативном эксперименте маркеры отражают смысловые доминанты времени и соотносятся с показателями соответствующих единиц в частотном словаре. Наблюдается гибкость на локальной синхронной и сквозной диахронной осях анализа, с одной стороны, и определенное сохранение локусов ядра (относительно жесткой структуры) — с другой. Репрезентируя таким образом характер и уровень гибкости смыслового поля идентификаторов, данный участок (сегмент, звено) АВС может использоваться как модель трансформаций этого поля в региональном и диахроническом планах. И хотя названная модель показывает относительную устойчивость структуры образов-идентификаторов, общая картина свидетельствует о возможности разновекторного развития в зависимости от условий: либо дальнейшее размывание идентичности, либо ее укрепление. Расшатанность идентификационного смыслового поля особенно ощутима в данных РАС, вместивших в себя наиболее разрушительный этап перестроечно-реформаторского периода. Вопрос *времени*, в течение которого оказывается воздействие, вероятно, *один из ключевых в проекте коррекции мотивационных установок*, поскольку идентичность формируется в онтогенезе и имеет нейрофизиологический субстрат, что и отражается в определенной устойчивости на уровне вербальных знаков АВС. Содержание АП рассматриваемых нами вербальных единиц свидетельствует о все еще сохраняющейся готовности молодых людей воспринимать преемственность идентификаторов *русский — советский — российский*. Однако дальнейшие информационные практики размывания идентичности могут задать разные векторы развития этим смысловым полям, открытость контактам с миром уже отразилась на составе АП самым непосредственным образом. Преемственность прошлого и настоящего все еще присутствует в коллективном сознании, но ее маркеры демонстрируют подвижность вслед за социальными процессами, что проявляется, как мы уже выяснили, в серьезной перестройке автостереотипа русских; устаревании, упрощении, овеществлении *советского* и отчуждении от него [Шапошникова 2012] (см. также гл. I); актуализации национального (*русского*) контекста; постепенном, но очень слабом присвоении *российского* как цивилизационного маркера. Несмотря на то что АВС демонстрирует некий порог устойчивости, в ней явно представлены результаты изменчивости внешних условий среды, того смыслового поля, в котором формируются личности испытуемых. На наш взгляд, характер изменений на уровне

отдельных звеньев и сегментов АВС, так же как и на уровне индивидуальных АП, говорит о назревшей необходимости целенаправленной социальной детерминации идентификационных процессов. Это особенно важно на фоне непреодоленных противоречий идентификации, навязываемых реформой. При этом важно иметь в виду, что кроме вербально-знаковой части когнитивных процессов есть еще не вербализованная часть поведенческо-установочного формата, которая также провоцируется разрушительной частью реформ, но не поддается измерению через статистику в АВС, проявляясь в миграциях и иных плохо контролируемых социальных процессах, которые могут локально-специфично накапливать напряжение в этносоциальной системе. Поэтому данные, полученные психолингвистическими методами, должны верифицироваться через их сопоставление с материалами из других источников (прежде всего, социологических, этнологических, этносоциологических, этнополитических и иных гуманитарных сфер, способных дать фактическую информацию для исследования идентичности).

Глава IV

ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В 1977 г. А. А. Леонтьев предложил термин «этнопсихолингвистика» для обозначения «специальной области знаний, предметом которой были бы процессы общения в их национально-культурном аспекте на различном уровне организации этих процессов» [Уфимцева 2011: 205]. Интерес отечественной психолингвистической школы к вопросам межкультурного общения только возрастал с конца прошлого века, что закономерно, так как отечественная традиция располагает не только не утратившим актуальности и значимости опытом познания культурно-исторических процессов, но и достаточно эффективным для междисциплинарной лингвистики инструментарием исследования модусов коллективного сознания и социокультурной детерминации деятельности. В XXI в. этнопсихолингвистика оказалась востребованным направлением, поскольку она держит в фокусе своего внимания такие фундаментальные вопросы, как различные отношения феномена человека и его сознания (в личностном и коллективном воплощении) с миром в их опосредованности языком (речевой деятельностью). Новый век со всей очевидностью поставил человека перед необходимостью поиска новых ответов на эти вопросы, причем острота момента заключается в том, что такая необходимость диктуется уже не только и не столько научными интересами, сколько практикой жизни, поэтому поиск никак не может быть ограничен научной сферой, он сопровождается каждодневными стихийными решениями и псевдорешениями, иногда ценой больших жертв. Стихийные политико-манипулятивные регуляторы, чей деструктивный характер

многократно усиливается возможностями новейшей технико-информационной среды, срабатывают до того, как общество окажется в состоянии опереться на научно выверенные знания о природе наблюдаемых явлений. В этих условиях наука, как нам представляется, не может отказаться от внимания к *субъективному фактору* ценностей и ценностно-маркированных оценок. В противном случае она, как и другие сферы общественной жизни, может оказаться нечувствительной к разрушающим жизнестойкость этноса манипулятивным технологиям носителей определенных ценностных предпочтений, убивающих, например, этику коллективного служения и гражданскую солидарность. Между тем сама гуманитарная наука на рубеже веков отмечает наличие идентификационного кризиса в своей сфере. Л. Г. Малиновский квалифицирует деструктивные для гуманитарной науки процессы как «эпистемологический анархизм», который, по его мнению, приводит исследователей к исключению функции познающего субъекта из рассмотрения, как результат — игнорированию проблемы соотнесения знаний с действительностью, то есть их адекватности реальным явлениям [Малиновский 2003: 4]. В этих условиях вопрос поиска доступа к проявлениям субъективного фактора как объекту научного исследования приобретает особую значимость. Часто бывает так, что «точная» наука еще не располагает достаточно достоверными и выверенными фактическими данными для полноценного описания сущности исследуемых явлений. Философия, напротив, в переломные для общественной жизни моменты может и в условиях дефицита эмпирической информации оказаться в состоянии вынести целостное представление о характере и направленности идущих изменений через подкрепленную живым опытом включенности в социальную жизнь рефлексию и традицию многовековых наблюдений за динамикой гуманитарных процессов.

Модусы коллективного сознания в перестроечный и постсоветский период стали объектом рефлексии разных наук, всестороннюю оценку они получили и со стороны отечественной философской мысли. В этой оценке просматриваются аналогии с ситуацией начала прошлого века, которая создавалась и разрешалась поколениями наших предков. Перед ними встал страшный выбор изгойничества, утраты отечества и (или) нравственно-этической «перековки» сознания и всего способа жизни под заимствованную идеологию. И то и другое было на грани самоуничтожения. Тем не менее русский человек в советском типе сохранил себя и смог высвободить огромную социальную энергию для титанических свершений в масштабах СССР

и всего мира. В данной главе нам потребуется современная общекультурная оценка ситуации начала XXI в., поэтому мы не ставим цели сконцентрироваться на исторических параллелях этнокультурного плана, которые, впрочем, всё равно могут возникнуть у читателя в связи с невозможностью их игнорировать полностью в рассматриваемом материале. На каких же основаниях строится этика коллективного служения у наследников советского и постсоветского опыта, как необходимое условие гражданского мира? Глубокий анализ истории, нравственных оснований в содержательной части различных религиозных и нерелигиозных идеологических доктрин применительно к проекту будущего России проведен Л. Г. Малиновским [2003]. В целом автор пессимистичен в оценке возможностей тотального возрождения православия как живой религиозно-нравственной основы для развития современного общества и науки. Однако он видит в конструировании нравственных оснований идеологических доктрин и сознательном конструировании общественных отношений возможный путь выхода из тупика «эпистемологического анархизма» для науки и основу для построения проекта общественного устройства, нравственного проекта государственного и мирового устройства: «...сами нравственно-идеологические религиозные установки, содержательные части религии, или системы научных материалистических законов ни в коей мере не являются целиком антинаучными, или неопытными, знаниями, не могущими быть сформулированными в рамках современных достижений научной методологии. Религиозная нравственность (безнравственность) является основой согласования (навязывания) различных интересов в обществе и мировом сообществе в целом, основой построения проекта общественного устройства, той или иной идеологической доктрины» [Малиновский 2003:12]. В этом смысле православие как идеологическая нравственная основа для построения проекта общественного устройства в ее содержательной части сохраняет свою жизнестойкость, а значит, человек верующий может стать продуцентом социально сберегающих решений там, где не хватает научно обоснованных знаний. Актуальную и оптимистичную для практической деятельности и вместе с тем очень глубокую оценку модусам коллективного сознания в российской цивилизации на рубеже веков *со стороны архетипов православной культуры* находим в уже упомянутых нами трудах выдающегося русского мыслителя А. С. Панарина (1940–2003) [Панарин 2014].

А. С. Панарин дает гуманитарную оценку природы глобальных реформ, постигших многие народы после распада СССР, причем эта

оценка включает несколько уровней рассмотрения. Уровень человека-индивида, отдельной личности, уровень социальных взаимодействий в политико-идеологической, государственной, экономической, социокультурной сферах в аспекте другоцентричности, то есть возможности (невозможности) прийти к согласию. Ключевая проблема эпохи, корень зла, ведущий к социальной деградации на всех уровнях, видится автору в отказе современного человека от богосыновства, а значит, принятии им неотвратимости логики «конца истории» как сложившейся системы господства в условиях вестернизации, *отказе от иначе возможного будущего*. Такую «отказную» логику «рассуждений о будущем» автор считает «траекторией неживого тела», детерминистской, предначертанной настоящими параметрами, высвеченными в угоду гегемонии новых хозяев жизни, выдвигающих в качестве прикрывающего ангажированность интересов щита и карающего несогласных меча либеральную идеологию для гарантированного саморазоружения противника. Этот способ трактовки будущего противопоставляется другому. «Другой — диктуемый живым сочувствием к человеку и осознанием его причастности Христовой благодати, открывающей “иначе возможное”». Открытие “иначе возможного” заложено в самом характере христианского эроса, противостоящего земным запретам и ограничениям. Чем сильнее пламень любви, тем выше способность растопить оковы, наложенные на человека внешними обстоятельствами и прошлыми причинами. Таковы не только установки христианского эроса — таковы законы любви вообще» [Панарин 2014: 370]. Данная постановка вопроса возвращает нас на поле творческого отношения к жизни, а значит жизнестойкости. Здесь следует заметить, что, как нам представляется, диалог западничества с укорененной в православии традиционностью русской культуры очень важен для российской цивилизации, он, собственно, длительное время являлся одной из ее движущих сил. Открытые для взаимодействия с внешним миром, отталкивающиеся от косности быта и «рабства рода» (термин Н. Бердяева), «граждане мира» в течение нескольких веков развития индустриализации и торговли отличались тягой к разносторонним инновациям. Более консервативные (на первый взгляд) «традиционалисты» тем временем выполняли не менее творческую задачу сохранения и умножения российского народа, той самой питательной среды, в которой могут быть по-настоящему востребованы и оценены эти инновации и искания. Такова конструктивная часть диалога западничества с консерваторами для молодой России. Однако вмешательство внешних идеологов, проводниками

которых и становились вестернизированные слои российского общества, в смутные периоды российской истории придавало этому диалогу социально-деструктивный характер. В советское время догонятельная (подражательная) вестернизирующая доминанта формировалась и активно поддерживалась партийной и технической элитой. В перестройку она была использована в интересах компрадорской элиты. В настоящее время такая ценностная ориентация в значительной степени носит политико-идеологический, спекулятивно-манипулятивный, то есть *вырожденный*, характер, она исчерпала себя в сопутствовавшем ей ранее обновляющем потенциале. Ее дальнейшее бытование приведет к неоправданному сужению поля культуры российского суперэтнуса и утрате им своей подлинной значимости в мире. Для зрелой России, познавшей последствия разных революций и сумевшей (во многом благодаря упомянутому внутриэтническому диалогу) оценить суть новейших изменений в жизни мирового сообщества эпохи распада колониальных империй, более актуальным становится уход от установок нигилистически упрощенного «подросткового» подражательства к подкрепленному новым опытом диалогу с различными силами в мире. Последнее никак не может уместиться в колыбели выродившегося в потребительство западного очарования, но может найти подкрепление в матрицах вселенской православной культуры. Поэтому стоит внимательнее присмотреться к критическому анализу последствий идеологической и экономической вестернизации, выполненному носителями православной культуры, к содержательно-ценностной структуре их подходов. Общегуманитарные философские знания о ценностной структуре модели мира, будучи проверены экспериментальными психолингвистическими данными, могут оказаться востребованными, в том числе и для преодоления негативных последствий реформаторской деятельности в системе образования, которые вызваны изначальной гуманитарной несостоятельностью этой реформы.

Анализ идеологических доктрин постмодернизма в трудах А. С. Парина проводится в контексте соотношения интересов и ценностей. Условием для удобного внедрения в коллективное сознание потребительских идеологем становится предусмотренная в них возможность *отделения интересов от ценностей*. Лишенный социальной чуткости приверженец такой «демократии» отличается *ценностной отстраненностью* и осознаваемой или неосознаваемой готовностью заниматься *торговлей интересами*. Формальная демократия, таким образом, подразумевает не только равнодушие к фактическому

социальному неравенству людей, но и равнодушие к вопросам истины, добра и долга, «нивелирующее согласие людей, переставших вкладывать в свои гражданские роли свою идентичность» [Панарин 2014: 744]. Возрастание равнодушия есть «циничная всеядность прагматика-стилизатора, умеющего надеть личину любых ценностей, если они к месту». «Новая либеральная демократия выступает как конструкция, целиком базирующаяся на потребительско-гедонистической утопии мира, в котором верность, жертвенность и самоотверженность никогда больше не понадобятся» [Там же: 745]. Такие мировоззренческие установки, несомненно, готовят «беспринципных конформистов, судьба которых — служить силе и деньгам, но не истине и справедливости» [Там же]. Между тем, по мнению А. С. Панарина, гражданское согласие, необходимое для новых творческих свершений, базируется на социально ответственном и жертвенном сознании и имеет своей основой понятие *народа*. «Только народ своим социальным, политическим и моральным давлением способен воспрепятствовать вырождению “гражданского договора” в манипулятивные политические игры и насытить его конкретикой эффективного социального контракта, затрагивающего повседневное “качество жизни”. И только народ как носитель определенной социокультурной и нравственной традиции создает дорефлективные, латентные основания гражданского согласия, кроющиеся в базовых ценностях» [Там же: 749].

Увоенный нашим народом и подкрепленный украинскими событиями урок таков: утверждение компрадорского капитала приводит к разрушению отечества. Мотивы и деструктивные действия некоторых новоявленных «граждан мира», практикующих *отделение интересов и ценностей друг от друга*, к сожалению, могут совмещаться с нашими номенклатурными практиками и усиливаться ими. *Торговля интересами* как асоциальный проект возможна там, где цинично *размыта социокультурная идентичность*. Парадоксально, но тотальное применение таких «правил» приводит к невозможности реально защитить свои интересы, даже для проявляющей чудеса изворотливости компрадорской элиты (что ею цинично продано один раз, то может, столь же цинично, перекупаться и кем-то другим).

Между тем на смену причастности к своему народу в новой информационном среде уже рисуется постмодернистский образ «гражданина мира» в качестве миссионера-вестернизатора, готового воплотить в жизнь очередной, пришедший на смену догме марксизма, формально-рыночный соблазн, что ведет многонациональный российский народ, ни много ни мало, к сворачиванию его цивилизационных

перспектив. «Граждане мира» быстро побуждают свой народ к отказу от собственной промышленности и многообразного развития ввиду имманентной «неконкурентоспособности» русского народа. *«Складывается такая система предпринимательских ожиданий и оценок, такая “этика”, при которой эффективным предпринимателем изначально считается лишь тот, кто так или иначе приобщен к переходовой и надежной зарубежной экономической среде. Национальный предприниматель в этих условиях выступает как лишенный настоящей перспективы изгой — представитель архаичного типа поведения»* [Панарин 2003: 627]. «Все это означает ни меньше ни больше как переход от единого пространства прогресса, завещанного идеологиями европейского Просвещения, к раздвоенному, качественно разнородному пространству, в котором предстоит обитать антропологическим типам, неравным по своему достоинству. Один, высший тип, должен отвоевать пространство у низшего — в этом суть концепции глобальной открытой экономики как среды естественного рыночного отбора человеческих типов» [Там же]. «Здесь не люди бракуют вещи, а вещи бракуют своих владельцев, переходя в объятия самых достойных» [Там же].

Все сказанное в полной мере, как нам представляется, можно отнести и к предпринимательству в сфере образования и науки, таким же презрением к неполноценности своего пронизана и идущая по сей день реформа научно-образовательной сферы, так как исходный деструктивный мотивационный базис этой реформы уже конвертировался, как уже упоминалось выше, в сами процессы деятельности [Шапошникова 2016]. *Сфера образования особенно остро нуждается в ценностном целеполагании, поддерживающем жизнестойкость российской цивилизации, ибо в образовании как общественно значимой культурной деятельности воспроизводится сама наша цивилизация.* Этим главным образом и обусловлен интерес лингвистов (филологов) к решению проблем, находящихся в ведении этнопсихолингвистики. Преподавателям-исследователям, гуманитариям, работающим с языками и текстами, которые порождены идеологемами различных культур, приходится каждый день представлять перед глазами молодой аудитории, напряженно ищущей ответы на жизненно важные вопросы, им приходится идти вместе со своими учениками по пути познания ценностно маркированной «правды». Чтобы установить эффективный межкультурный контакт, за этой «правдой» необходимо разглядеть истину подлинных установок. Идти по этому пути с «вежливым» равнодушным (рыночным) отстранением от ценностей

невозможно. Поэтому неизбежным стало возникновение *аксиологической этнопсихолингвистики*, ее существование оправдано практическими жизненными потребностями общества и прежде всего системы постсоветского образования. Сказанное не отменяет трудностей становления этого направления исследований, с его готовностью к поиску путей преодоления aberrаций субъективного фактора, который неизбежно исследуется самим субъектом — носителем языкового сознания при несовершенстве методологического аппарата на фоне кризисных процессов в науке, переживающей последствия информационно-технологической революции на рубеже веков. Отсюда проистекает несовершенство и противоречивость начальных этапов пути, что, впрочем, не должно становиться основанием для прекращения поиска и развития оптимистических сценариев.

Итак, что представляет собой социальная деградация сквозь призму оценок носителей православной культуры? *На личностном уровне* — безответственный, ценностно отстраненный, **не вкладывающий свою идентичность в гражданские роли** эгоцентрик-индивидуалист. *На уровне коллективного сознания* — народ как толпа при недостижимости общественного согласия. *Государство* — социально безответственное, минимизированное в интересах меньшинства. *Иного будущего* ожидать не приходится: финальный цикл истории завершается «последним человеком». Система образования в лучшем случае готовит кандидатов на эмиграцию в поисках «лучшей» жизни. К сожалению, такая картина уже стала реальностью для некоторых в недавнем прошлом процветающих государств. Что можно противопоставить этому разрушению? Работают ли матрицы православной культуры в современной России? Ведь они призваны поставить барьер на пути грядущего сужения поля культуры. Какими средствами располагает система образования и науки, чтобы обеспечить прорыв в будущее? Только творческие решения способны изгнать социальную энтропию из системы. Проблема осложняется тем, что современная техническая оснащенность общества дает большую информационную власть СМИ, что естественным образом налагает на эту сферу деятельности большую ответственность, вместе с тем ее организационно-рыночный формат освобождает поле для *свободного санкционирования любых идеологем*. Противоречивость нынешнего положения дел требует, чтобы за прошедшим в постсоветское время снятием культурных табу последовала их обновленная реинституционализация. Это одно из важнейших условий для коррекции результатов прошедших реформ.

Вместе с тем в современной России наблюдается характерная для нашей истории и культуры ситуация, когда самоотверженная деятельность президента входит в резонанс с чаяниями народа. Здесь воспроизводится архетип коллективного сознания нашего народа, помогающий организовать и высвободить энергию для социально созидательных дел. В таких условиях начинает работать (о чем мы можем косвенно судить по нашим данным в гл. 2) модель подлинности (и легитимности) российской власти, где верховный правитель (президент) является своего рода «народным гарантом и защитником от произвола элит». Такая ситуация благоприятна для коррекции негативных последствий реформаторской деятельности. Нам представляется, что одним из путей такой коррекции может стать разумная максимизация государства. Возможности власти в России зависят от силы государства. Подлинная сила государства в его социальной базе, поэтому максимизация государства подразумевает *максимальное расширение его социальной базы*. Последняя определяется количеством и качеством различных социальных групп, которые включены в созидание государственности (во всех ее ипостасях) и таким образом вносят свой вклад в общий социальный пирог. Чем прочнее социальная база государства, тем надежнее оно защищает интересы своего народа, включая и властные элиты. Радикальный экономизм постмодернистской идеологии уже привел к отчуждению больших групп населения от государственности, *сужая тем самым социальную базу государства*. Система образования, где также имело место беспрецедентное по сравнению с советским временем сужение социальной базы при небывалом расширении платных «услуг», очень болезненно отреагировала на эти изменения. Способность к сотрудничеству и кооперации очень слаба при культивации практики защиты корпоративных и индивидуальных потребительских интересов в ущерб социальному благополучию всего населения. Создание условий для *укрепления социокультурной идентичности в процессе нового соединения интересов с ценностями*, несомненно, могло бы и сегодня затормозить социальную деградацию в обществе, включая систему образования, и стимулировать поиск согласия.

Разумная максимизация государства в плане его социальной базы — один из способов *вновь соединить интересы с ценностями*. Сильное государство (традиционное в означенном выше смысле, невырожденное) с максимальной социальной базой обладает таким потенциалом в глобальном масштабе. Именно на явленном в опыте деятельном стремлении добиться широкой представленности интересов

всех социальных групп и обнаруживаются общие для них всех ценностные доминанты, на этой основе и строится подлинность власти и государства. На этой же основе можно выявить и гуманитарный стержень содержательной активности СМИ и «гражданского общества» в целом. Такая активность провоцирует единение, кристаллизацию общих смыслов, она необходима для реализации проекта нового человека, *гражданина России. Проект новой личности будущего как ориентир имеет нравственно-этическую основу социокультурной идентификации, единую для всех видов деятельности.* Практически это приведет как минимум к внесению этико-нравственной компоненты в подготовку к любому виду деятельности. Образование представляет собой идентификационную сферу, в которой общество творчески воспроизводит и формирует основы разных видов профессиональной деятельности. Обучение должно включать и демонстрацию этики и нравственных моделей такой деятельности. Вполне возможно, что новый человек, имеющий внятное представление о своей цивилизационной (а не собственнической) миссии в мире, заставит власть пересмотреть существующий сегодня институт собственности с его асоциальными практиками. Превращение некогда просвещенного народа в охлократическую толпу, напротив, способно смести всякую разумную собственность и власть.

В контексте нашего анализа последствий реформаторской деятельности и в связи с необходимостью выработки новых подходов к проекту личности нового типа, идентифицирующей себя как **российский гражданин**, можно обратиться к ассоциативному полю «гражданин». В табл. 10 представлены предваряющие ассоциативный анализ сравнительные данные частотного словаря на основе НКРЯ для прилагательного **гражданский** и существительного **гражданин**. Они фиксируют более высокую частотность употребления обеих единиц в нехудожественной литературе разных видов, что может косвенно свидетельствовать об особой значимости стоящих за ними смыслов во внутрикультурном общественном диалоге в формальных и иных близких к ним типах дискурса. Вместе с тем эти единицы не характерны для живой устной речи, представленной в корпусе.

Представленная в табл. 11 статистика по годам показывает существенный рост употребительности **гражданский** и **гражданин** в перестроечные годы именно в публицистическом дискурсе, что может быть связано с актуализацией идентификационных процессов при утрате (часто вынужденной смене) советского гражданства

населением бывшего СССР и выведением этих проблем в дискуссионное поле. Вместе с тем художественная литература, требующая более спокойной обстановки для осмысления идущих в обществе процессов, показывает некоторое снижение употребительности названных единиц.

Таблица 10

**Сравнительные данные частотного словаря НКРЯ.
Гражданин, гражданский**

Слово	Частотность	Художественная литература	Публицистика	Другая нехудожественная литература	Живая устная речь
гражданин	199,4	64,1	271,7	355,8	(не отмечено)
гражданский	144,7	35,4	161,9	360,4	10,1

Таблица 11

Статистика употребительности по годам

Временной срез	гражданин	гражданский
50–60-е худ. лит-ра	70,4	37,2
70–80-е худ. лит-ра	71,4	41,6
90–2000-е худ. лит-ра	59,8	32,8
50–60-е публицистика	86,0	80,0
70–80-е публицистика	69,3	151,1
90–2000-е публицистика	289,8	163,4

Рассмотрим устойчивую часть АП «гражданин» в прямых словарях, отражающих специфику разных лет.

К сожалению, в прямом словаре САНРЯ (1970-е гг.) образ «гражданин» не фиксируется, поэтому в табл. 12 приведены данные РАС, СИ-БАС и ЕВРАС. Гражданская идентификация, отражающая державный формат, отмечена в первой строке таблицы. Курсивом выделены отмеченные в данных АП идентификаторы советского гражданства. В РАС они занимают господствующие позиции. В СИБАС и ЕВРАС фиксируется радикальная смена гражданской идентичности при сохранении слабой связи (ср. РАС) с прежней советской. Эта связь дополнительно

Таблица 12

Образ «гражданин»¹ →

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
СССР 110; Советского Союза 26; Россия 19; советский 14; Союза 11; республики 9; Страны Советов 5; государство 4; отчества; Россия; РФ; своей страны; СНГ; Советов; Советский Союз 2	Россия 79; РФ 53 Россия 21; государство 11; СССР 7; россиянин; я 6; государства; Российской Федерации; своей страны 3; нация; политика; порядок; родина 2	Россия 92; РФ 73; Россия 18; государство 10; СССР 6; государства; Советского Союза 5; родина; россиянин 3; своей страны 2
мира 6; вселенной, США 4; Франции 2	мира 3; США 2	мира 11; иностранец 3
хороший 13; честный 5; патриот 4; гордо; достойный; ответственный; почетный 2	патриот 14; законопослушный; честный 4; дурак; порядочный 3; свободный; хороший 2	патриот 8; личность 5; законопослушный; порядочный; свободный 3; гордость; хороший 2
товарищ 42; начальник 38; человек 28; следователь 7; милиционер 6; гражданка; патриот 4; житель; мужик; поэт 2	человек 51; начальник 48; патриот 14; товарищ 11; россиянин 6; житель 5; дурак 3; гражданка; мент; субъект 2	начальник 74; человек 51; товарищ 12; патриот 8; личность 5; житель 4; гражданка; россиянин 3
страны 35; паспорт 9; страна 6; в шляпе; магазин; общества; общество 2	страны 24; страна 23; паспорт 14; общество 3	страны 26; страна 23; паспорт 21; город 3

¹ Стрелка показывает направленность связей (→) от стимула к реакции и (←) от реакции к стимулу соответственно (см. также табл. 13). Подробный, подкрепленный статистической обработкой количественных данных, анализ АП «гражданин» с выявлением психоглосс приводится в приложении (табл. 7а–3, с. 301–313).

может, видимо, актуализироваться через преемственность в смысловом наполнении образов государства, родины и отечества. Обращают на себя внимание присвоение гражданской роли в СИБАС (я 6) и личностный акцент в ЕВРАС (личность 5). Актуализация образа «гражданина мира» и ассоциации с иностранным подданством фиксируются во второй строке таблицы. Если в РАС заметна перестроечная активизация образа гражданина без отечества, фиксируются ассоциации с яркими цивилизационными воплощениями Запада в сознании граждан СССР, то в СИБАС наблюдается снижение значимости образа гражданства без отечества при сохранении ассоциаций с США. Впрочем, в РАС слово «гражданин», вероятно, как и «человек» вообще, ассоциируется с отмеченной исследователями в других частях АВС «планетарностью мышления» у русских [Уфимцева 1996]. Примечательно, что в ЕВРАС сравнительно высокая актуальность образа «гражданина мира», что, вероятно, объясняется близостью к Центральной и Западной Европе и, как следствие, большей мобильностью населения в европейском направлении. В третьей строке таблицы фиксируются качества, ассоциированные с ролью гражданина. Здесь есть сходства субстантного плана при знаковых подвижках единиц относительно друг друга. Ср. *патриот*, *хороший* в трех источниках и акцентуация законопослушности, порядочности и свободы по отношению к ответственности, достоинству и почету в РАС. Четвертая строка таблицы содержит ассоциаты с гражданскими ролями. В этой части также имеется специфика на фоне сохранения общего состава единиц. Специфика связана со смещением удельного веса в сторону более устойчивых связей «гражданин → патриот» (особенно в СИБАС), а также заметным внедрением в устойчивую часть АП нового идентификатора гражданства *россиянин* в СИБАС И ЕВРАС на фоне четырехкратного падения устойчивости *товарищ*. В последней, пятой строке таблицы отмечены ассоциации с внешними атрибутами гражданина и не привязанными к конкретному национальному контексту локальными ассоциациями (названия мест, где релевантны гражданские роли и само обращение «гражданин»). Здесь больше всего сходных ассоциаций, но в новейших источниках (СИБАС и ЕВРАС) отражен более богатый опыт формализации гражданства (усиление связей с *паспорт*), а в РАС наличествуют маркеры специфики эпохи, когда людям приходилось уделять много времени очередям в магазинах.

Отмеченные в обратных словарях устойчивые связи слова «гражданин» в качестве реакции приводятся в табл. 13.

Таблица 13

Образ «гражданин» ←

САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
<i>советский</i> (4) 1.77; <i>свободный</i> (9) 1.27; военный (2); дядя (2)	<i>советский</i> 47; <i>иностранный</i> 15; товарищ 7; человек 4; <i>житель</i> ; <i>личность</i> 3 Качества: важный; деятельный; настойчивый; серьезный 4; высокий; заносчивый; напористый; <i>свободный</i> ; чванливый; штатский 3; каждый; пустоголовый 2	<i>иностранный</i> 20; <i>житель</i> 18; <i>российский</i> 9; <i>советский</i> 7; <i>личность</i> 5; товарищ 4; военный; начальник 2 Качества: честный 8; <i>свободный</i> 5; расчетливый 4; гордый; деятельный; мирный 3; великодушный; культурный; напористый 2	<i>житель</i> 26; <i>иностранный</i> 22; <i>российский</i> 19; <i>советский</i> 10; <i>русский</i> 4; начальник 3; вы, государство, Ленин, лицо, <i>личность</i> , право, человек 2 Качества: <i>свободный</i> 6; честный 5; великодушный, каждый 3; взрослый; знакомый; культурный; мирный; настойчивый; предприимчивый; терпимый 2

В табл. 13 курсивом выделены те стимулы, которые совпадают в РАС, СИБАС и ЕВРАС. В САНРЯ очень бедное по насыщенности ассоциативное поле, там всего два слова-стимула, давших реакцию *гражданин* и совпавших с такими же стимулами в остальных источниках. Жирным курсивом обозначены только те стимулы, которые являются прямыми (по смыслу) прилагательными-идентификаторами к слову «гражданин». Они хорошо показывают наметившееся смещение ассоциативного ряда в сторону ***российскости*** в СИБАС и ***российской русскости*** в ЕВРАС. В этом смысле данные прямого словаря применительно к коллективному этноспецифичному идентификатору у стимула «народ» (см. гл. III) подтверждают этноспецифичный же акцент обратного ЕВРАС применительно к *гражданину* как реакции. *Советский*, напротив, показывает устойчивое снижение (более чем в четыре раза) актуализации в материалах СИБАС и ЕВРАС, однако в целом актуальность связи ***советский*** → *гражданин* остается пока в большей или меньшей степени релевантной для всех периодов постсоветской

истории. *Гражданин мира* в устойчивой части АП тут не актуален, а качественно-ролевая структура семантических связей очень разнообразна с совпадением акцента на *личность* и *свободный* в трех базах данных. Другие качества гражданина преимущественно фиксируют положительно-оценочный образ, за исключением РАС, где имеются негативно окрашенные стимулы. Впрочем, они характерны для периферии АП и не меняют общей нейтрально-позитивной картины и в РАС.

Анализ АП «гражданин» показывает, что в русском языковом сознании отражен семантический запрос на новую идентификацию аналогично той, которую мы зафиксировали применительно к коллективному идентификатору «народ», но ценностная структура отмеченных во всех этих случаях связей вне контекстов не очевидна, она может с полной достоверностью определиться только в дискурсивном (текстовом) анализе. В процессе социализации через систему образования (воспитания) предпочтительное для гражданского общества смысловое поле должно постоянно детерминироваться обществом, наполняться и обогащаться новыми смыслами, иначе оно может минимизироваться и даже исчезнуть, уступив более напористым, навязанным циничной пропагандой (аналогично деятельности ИГИЛ или некоторых СМИ западных держав и их сателлитов) смысловым (ценностным) предпочтениям. Причем ключевые для новой социальной идентичности россиянина смыслы должны накладываться друг на друга в общественном дискурсе, обрастать новыми нюансами и обогащаться в каждом вновь нарождающемся социально значимом контексте. Такие контекстуальные смыслы должны аргументативно обсуждаться и присваиваться с помощью ценностного сита позитивно и негативно санкционированных моделей через СМИ. Для исследователя анализ ценностных доминант должен быть комплексным. Это означает, что психолингвистический эксперимент дает локусы (топосы) — точки опоры, семантические маркеры узлов идентификаторов, а дискурсивные и когнитивные подходы на уровне текста и дискурса, а также выводное знание, которое мы получаем при анализе культурных матриц и их воплощенности в текстах культуры, дают более предметную картину содержания ценностных доминант. Отдельный образ, схваченный в АП в составе АВС, можно уподобить скелетику, который представляет собой «превращенные формы деятельности субъекта», поскольку сознание-образ есть «свернутая (“внешняя”) деятельность» [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 194]. Вероятно, в этой связи смысловое обобщение, выходящее на содержание ценностной структуры, поскольку оно связано с деятельностями, вряд

ли будет уместно трактовать атомистически, через анализ только одного образа. Структура образа с его встроенностью в смысловые задачи, в доминанты смыслообразования, сворачивается вместе с другими образами в этих доминантах (и соответствующих им деятельности), поэтому вывести доминанты на ассоциативно-вербальном материале можно будет более достоверно через анализ подсистем (кластеров) образов. Все сказанное выше убеждает нас в необходимости прикладывать усилия к разработке проблемы сплошной семантической разметки ассоциативных баз данных для оптимизации анализа АВС при учете не только ее отдельных звеньев и их связей, но и массивных (глобальных) подсистем. Потенциал такой оптимизации заключается в перспективе выявления общей канвы применительно к движению оценочных доминант и их связям с топосами русского языкового сознания и архетипами православной культуры. Здесь локализируются конкретные фундаментальные и прикладные задачи для будущего *ассоциативной аксиологии* как особого раздела этнолингвистики, как одного из потенциально возможных направлений исследования субъективного (оценочного) фактора в межкультурной коммуникации.

Глава V

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В двух предыдущих главах описывались выявившиеся в эксперименте противоречия модусов русского коллективного сознания, связанные с социокультурной и гражданской идентичностью. Теперь обратимся к смысловым акцентуациям профессиональной идентификации, как важнейшей задачи высшей школы.

Что представляет собой успешная профессиональная идентификация? По всей видимости, для личности это означает успешно *воплотиться* в каком-либо подлинном профессиональном качестве. Если удалось найти себя в какой-то конкретной *востребованной* обществом *профессиональной деятельности*, дающей обществу ощутимые результаты, то личный интерес совпал с интересами общества. Как воплотиться? На каком содержании, в каких общественных нишах? Кроме внутренних, нормальных для становящейся личности конфликтов в этой сфере, есть внешние, которые навязаны обществом через специфику условий социализации, в том числе и через систему образования. Парадоксальность современной ситуации в том, что для прорыва в новое качество обществу требуется сосредоточенная, содержательно насыщенная и самоотверженная работа над сложными технологическими решениями. Это актуализует потребность в длительной и вдумчивой системной профессиональной подготовке при технологическом переоснащении производств и всех видов деятельности, а спекулятивные доминанты быстро меняющихся рыночных ориентиров внедряют в общество матрицу противоположных, ведущих к стратегической неустойчивости и тактически суетливому

менеджеризму, смыслов и установок. Время от времени эти противоречия прорываются в самых авантюрных и радикальных предложениях рыночных футурологов, таких как ликвидация университетов или Академии наук. Все эти психологически ущербные содержательно-структурные aberrации не могут не отразиться на профессионально ориентированной деятельности.

Очень важным для профессиональной идентификации нам представляется фундаментальное положение психологии деятельности А. Н. Леонтьева о том, что деятельность, которая породила смысл, отражается в нем своей структурой и свойствами. Соответственно, сознание, как и психика в целом, имея динамическую смысловую природу, в свою очередь, не может рассматриваться адекватно вне порождающих его деятельностей. Поэтому для психолингвистического анализа указанных явлений, подразумевающего работу с их вербализацией, мы и используем предложенный Ю. Н. Карауловым термин «психоглосса» [2010: 157–158] (см. гл. I наст. изд.). Он позволяет установить границы исследуемого нами объекта: проявлений субъективного фактора (динамику смысловых акцентуаций русской языковой личности) через обращение к единицам анализа, чья смысловая природа выходит за рамки традиционного понимания лексического значения слова и не укладывается в словарные статьи толковых словарей.

Экспериментальные данные, полученные в период подготовки СИБАС, дают основания утверждать, что у языковой личности русских студентов конца первого и начала второго десятилетия XXI в. сформировались психоглоссы, устойчиво ассоциирующие понятие «*невостребованности*» со значимыми для профессиональной идентификации понятиями «*работы, профессии, специальности, труда, кадров, образования, квалификации, учебы*» и даже «*знаний*». На фоне невыявленности аналогичных модусов в РАС и САНРЯ это явление предстает как новообразование, которое заслуживает рассмотрения в нашем контексте, поскольку свидетельствует о наличии обесценивающих друг друга смысловых узлов на мотивационно-прагматическом уровне социализующейся языковой личности.

Начнем с АП «образование» в прямом ассоциативном тезаурусе РАС. Оно оказалось относительно небольшим по наполняемости: фиксируется всего 102 реакции: 22 разные, 14 единичных. В этом АП выявляются следующие семантические зоны: названия ступеней обучения и учреждений; дефиниция сути процесса получения образования; оценочные ассоциации. Примерно такую же картину дает обратный РАС. Наполняемость этого АП совсем невелика: 25 разных

реакций из 39 имеющихся. В целом АП этого периода свидетельствуют об отсутствии следов глубокой рефлексии над сутью происходящих преобразований. Вместе с тем растерянность социальной среды вкупе с нигилистической направленностью антисоветской пропаганды 90-х гг. уже начинает проявляться в содержании оценочных единиц: *очковтирательство, нищенский, обозвать*¹.

АП «образование» в прямых словарях СИБАС (всего 504 реакции, из них 138 разных, 7 отказов, 103 единичных) и ЕВРАС (всего 542, 110 разных, 4 отказа и 69 единичных) значительно богаче ассоциациями, что свидетельствует о более высоком (по сравнению с предыдущим периодом) интересе носителя языкового сознания к данной сфере. В табл. 14 приводятся результаты анализа смысловых зон этого поля.

Дополнительный (цепочечный) ассоциативный эксперимент, который проводился нами в 2017 г. со студентами одного из ведущих вузов страны — Новосибирского государственного университета (НГУ) (69 человек² дали ответы на стимул «образование»), показал такие результаты: ассоциативные цепочки 42 испытуемых (60,8 %) содержат позитивные оценочные единицы. В них доминируют те же смыслы, которые проявились и в эталонных словарях СИБАС.

---

¹ Здесь и далее по тексту данной главы цифры, сопровождающие слова-ассоциаты, показывают частоту их возникновения в эксперименте по данным рассматриваемых словарей, единичные реакции не сопровождаются цифровыми показателями. Статистически подкрепленный анализ АП «образование» приводится в приложении (табл. 8, с. 314–325).

² Для цепочечного эксперимента, в целях получения развернутого представления о процессе ассоциирования, были привлечены испытуемые, которые заканчивали обучение на третьем курсе бакалавриата и владели опытом достаточно длительного пребывания в системе. Целенаправленно привлекались студенты одной профессиональной сферы деятельности (филологи) со всеми филологическими специализациями, имеющимися в НГУ (лингвисты-германисты, романисты, русисты; филологи, изучающие восточные языки, специализирующиеся в области межкультурной коммуникации, перевода, прикладной и теоретической лингвистики). Всего в эксперименте приняли участие свыше 70 человек. Качественными, пригодными для анализа, оказались данные от 69 человек. Каждой из полученных 69 анкет был присвоен номер. Здесь и далее в примерах, иллюстрирующих результаты цепочечного эксперимента, конкретный номер перед списком реакций означает, что речь идет о цепочке ассоциатов в ответе одного и того же испытуемого. В списках слов-реакций, не предвещающих номером, примеры взяты из ассоциативных цепочек разных испытуемых.

Таблица 14

Сравнительные данные об АП «образование» в СИБАС и ЕВРАС

Семантические зоны ассоциативного поля	Количество <i>повторяющихся</i> реакций, представляющих конкретную семантическую зону. Примеры ассоциатов		Количество <i>единичных</i> реакций, представляющих конкретную семантическую зону. Примеры ассоциатов	
	СИБАС 394	ЕВРАС 469	СИБАС 103	ЕВРАС 69
Общее количество 100 %				
Ступени, организационные формы образования, атрибуты, субъекты процесса	высшее 215; университет 16; школа 15 Всего: 72,6 %	высшее 244; школа 18; вуз 16; диплом 12; университет 11 Всего: 69,5 %	11 классов; 4 года; в академии; вгорос; ученая степень; ученик; учитель; экзамены Всего: 39,8 %	аттестат; высшая ступень; министерство; российское; студент; универ Всего: 37,7 %
Толкование понятия об образовательной деятельности, качествах, востребованных ею и формируемых в ней	учеба 19; знание 9; будущее; наука 7; знания; ум 5; работа 4; умный; учение; учить 3; возможность; интеллект; карьера 2	учеба 19; знание; наука 10; ум 9; будущее; жизнь; учение 4; карьера 3; интеллект; образованность; обучение; путь; статус; умный 2	будущие; деятельность; культурность; личность; обучение; перспективы; просвещение; профессия; специальность; труд; упорство; учиться; цель Всего: 23 %	учить; учиться; воспитание, дело; мозг; моя жизнь; опыт; познание; предложение; просвещение; самостоятельно; этап Всего: 20,2 %
	Всего: 20 %	Всего: 19 %		

Окончание таблицы 14

Позитивные оценки (ожидания и мотивы)	нужно; хорошее 5; свет 4; необходимо; необходимость 3; важно; лучшее; надо 2 Всего: 6,6%	хорошее 10; нужно 6; лучшее 4; польза 3; важное; качественное; отличное; хорошо 2 Всего: 8,3%	гордость; добро; круто; надежда; нужная вещь; прогресс; радость; рост; сила; стрёмное; универ, хорошо; чудо; шаг вперед; шанс Всего: 20%	важно; дар; необходимость; нужное; обязательно; разностороннее; свет; супер; хочется; честь
Оппозиция: «платное — бесплатное»	платное 3 Всего: 0,8%	платное 4; деньги 3 Всего: 1,5%	бесплатное Всего: 0,9%	дорогое; платить Всего: 5,8%
Негативные оценки (ожидания, мотивы и эмоции)	—	плохое 5; Всего: 1,7%	дурь; зло; наказание; недоступно; плохое; псевдообразование; сдал и забыл; смерть; стресс; чужое Всего: 10,6%	в упадке; гибнет; дурак; дураки; посредственное; развалено; скудное; тщетно Всего: 11,6%
Прочие (персоналии или ассоциации с другими значениями слова)	—	—	Жириновского; стусток; Фурсенко и др.	зарождение; нарост; облака; плода и др.

Например: *востребованность, саморазвитие, прогресс, необходимо, успех, будущее, выбор будущего, возможности* и т. п. Есть цепочки, в которых только положительные оценки: № 50 *интересно, нужно, самостоятельное, учёба, умения, развитие, ум, статус, эрудиция, наука, полезно*. У 5 испытуемых (7,2 %) полностью негативные цепочки ассоциатов. Например: № 67 *тлен, прогнившая система, ложь, пудрить мозги, унижать*. Некоторые цепочки отражают противоречивость образа, которая проявляется по мере активизации рефлексии (к концу фиксации реакций): № 17 *необходимо, работа, поиск, интересно, нужно ли?* № 1 *много лет, приятно, трудно, память, конспекты, безысходность*. Общая смысловая структура ассоциативных данных цепочечного эксперимента с представителями одной предметной сферы деятельности включает в себя всё те же семантические зоны, которые мы выделили в ассоциативных словарях. Однако следует особо отметить в содержании негативных реакций экспликацию состояния неуверенности, как в приведенных выше примерах, полученных от испытуемых № 1 и 17.

Таким образом и в СИБАС, и в ЕВРАС, и по данным дополнительного эксперимента, образование устойчиво связывается с *будущей работой, знаниями, умом, наукой, учебой, светом, культурой, карьерой, важностью, нужностью*, а значит, и ***востребованностью в будущем***. Это можно рассматривать как признак наличия интеллектуального резерва в стране, где молодые люди в массе своей *готовы и хотят учиться*. При этом надо иметь в виду, что эксперимент проводился с уже обучающимся в вузах контингентом. Можно предположить, что исходный преимущественно светлый образ ожиданий от получения образования подвергается «удару системой», что фиксируется в содержании части ассоциаций как «свернутый» опыт пребывания в ней на фоне процесса взросления личности и обретения ею самостоятельности. В АП «образование» во всех видах эксперимента выявляется психоглосса, связывающая в сознании испытуемых этот образ с образом будущего.

АП «будущее» в обратном словаре ЕВРАС моделируется из 393 реакций (общее количество), 78 разные; в СИБАС — 323 и 60 соответственно. Мы пока не располагаем (по результатам первого этапа общероссийского эксперимента 2008–2013 гг.) АП «будущее» в прямых словарях СИБАС и ЕВРАС. Квантитативный и семантический анализ смысловых зон показывает, что в обоих обратных словарях будущее связывается с динамическим оптимизмом продвижения к процветанию, прогрессу, перспективе, надежде, свету. На будущее можно

надеяться, как на успешно управляемый проект, оно ассоциируется с социально-конструктивными действиями и обретениями, в нем есть место для семьи и образования. На основе расчета параметров устойчивости и наполняемости отмеченных смысловых зон (от самых часто всплывающих у испытуемых, наилучшим образом представленных в АП, к менее ярким) получаем вектор смысловой направленности психоглоссы будущего: проектируемость будущего, управление им → динамический оптимизм со светлой перспективой и надеждой на → дальний успешный путь с → обретением семьи и → благ, связанных со становлением через учение и образование.

Как и в случае с образованием, образ «будущее» позитивен, в нем гораздо ярче проявляются позитивные оценки, он насыщен безопасными и добрыми, светлыми ожиданиями, что свидетельствует об открытости нового поколения миру и готовности жить. Негатив исчерпывается следующими единичными реакциями: ЕВРАС: *однообразие, страх, трудности*; СИБАС: *бояться*.

Сравнение с данными обратного РАС, уже частично впитавшего результаты смутного перестроечного проекта, показывает, что в АП «будущее» РАС отчетливо выделяется смысловая зона *неуверенности* и *страха*: перестроечные события в тот период времени повышали уровень тревожности и ожиданий идущей из будущего опасности. Об этом свидетельствуют ассоциаты: *туманное 5; неизвестно; неизвестность 3; беспросветный; мистика; назад 2; бездна; мираж; могила; нам только снится; наркоман; неопределенность; непонятно; риск; страх*. Эмоционально насыщенные реакции, эксплицирующие личностные смыслы оценочного плана, по нашим наблюдениям, независимо от стимула гораздо чаще появляются среди единичных реакций, чем в устойчивой части АП. Перестроечная специфика характеризуется не только неуверенностью и неопределенностью, сопряженными со страхами, но и надеждами на перемены к лучшему («ради чего всё и затевалось» в обыденном сознании). В структуре ассоциативного поля выделяются сходные семантические зоны, что и в более поздний постперестроечный период, однако конкретное наполнение проекта будущего содержит «осколки» некогда значимых смыслов, активно уходящих на периферию: *коммунизм 2; великое* и др. Прямой РАС дает еще более ясную картину этих противоречий, как видно из табл. 15. Колонки в ней размещены в соответствии с вектором иерархии смысловых зон (слева направо).

Таблица 15

АП «будущее» в прямом словаре РАС
(всего 113 реакций, 70 — повторяющиеся, 1 — отказ, 53 — разные реакции)

Позитивно окрашенные ассоциаты (37% от общего количества)	Смутные, чреватые неизвестностью и опасностью ожидания (25%)	Чье будущее? Опозиция: мы — я — семья — страна — мир (человечество) (21%)	Прочие (преимущественно связанные с осью времени и др.) (18%)
<p>светлое 14; прекрасно 3; светло и прекрасно 2; великое; верить; видеть; делать; ждать; ждлет; интерес; интересно увидеть; космос; мечта; наступит; небо; необозримое; прекрасное; придет; свет; светлое; с надеждой; счастливое; счастье; хорошее; ясное</p>	<p>неизвестно 4; туманно 3; неизвестность; неопределенное; темное 2; в тумане; жить сегодняшним днем; зебра; крах перестройки; не знаю; неопределенность; обречено; пепел; смерть; смутно; темно; трудно; туманное; ужасно; черно</p>	<p>наше 7; Земли; человечества 3; за нами; страны 2; мира; мое; нашей страны; ребенка; семья; человека.</p> <p>В этих реакциях видно несколько плоскостей построения образа будущего для идентификации человека: <i>я — семья — мы — наша страна — человечество — мир — Земля</i>. В структуре данной опозиции преобладает акцент на нашем и глобальном в ущерб моему, частному</p>	<p>вперед; время 3; не за горами; прошлое 2; вдалеке; в спорте; где-то; жизни; искусственный; настоящее; окно; панк; далекое; скорое</p>

В прямом словаре РАС (как и в обратном) противоречащие друг другу смысловые центры, связанные с оптимистическими прогнозами и пессимистичными ожиданиями, выражены достаточно ярко. При количественном преобладании экспликаций оптимистического мироощущения негативный полюс весьма значителен для молодого человека, вступающего в жизнь. На эту смысловую структуру уже активно оказывалось идеологическое и рыночное давление конкурентной борьбой собственников за «мое, частное, корпоративное».

В словаре ассоциативных норм 70-х гг. А. А. Леонтьева образ «будущее» представлен довольно скудно. Имеющиеся данные, тем не менее, позволяют предполагать наличие психоглоссы с позитивным образом. Типично для эпохи расцвета советской культуры ассоциирование с проектом *человека будущего*, который сыграл конструктивную роль в системе образования того времени: *будущее* ← *человек* (2) **0.93**; *видеть* (2) **0.88**; *настоящий* (5) **0.66**; *время* **0.5**; *деревня* (2), *надеяться* (2) **0.28**; *вспоминать, результат, студент* **0.15**; **9 + 17** (мы сохранили авторскую индексацию, приведенную в САНРЯ).

Цепочечный эксперимент со стимулом «будущее» показал такие результаты: из 69 испытуемых у 43 (68%) абсолютно позитивные ассоциаты. В них доминируют те же психоглоссы, которые проявились и в эталонных словарях СИБАС. Например: № 47 *дом, семья, дети, любимая работа*; № 62 *планы, светлое, образование, техника*; № 27 *философская категория, станет лучше завтра, оптимизм, счастье, прогресс, радость*. У 11 испытуемых (16%) — полностью отрицательный образ. Например: № 1 *безнадёга*; № 37 *его нет*. В некоторых цепочках негатив нарастает по мере активизации рефлексии (к концу цепочки): № 23 *страх, интерес, невостребованность, диплом, профессия, что делать?*; № 26 *неопределенность, амбиции, старость, страх*. В ряде случаев цепочки вербализуют противоречивый образ: № 34 *технологии, деградация*; № 67 *назад в, future hearts, тлен, возможности*; № 59 *тлен, печаль, безысходность, цели, стремления, планы, мечты, светлое, отсутствие*. У 16% испытуемых — цепочки нейтральных или амбивалентных ассоциаций, в них часто встречаются атрибуты будущей профессиональной деятельности. Например: № 15 *дети, семья, путешествия, Питер*; № 35 *ближайшее, прошедшее, простое, сложное, Future Anteriore I, II*.

Описанный выше вектор иерархии смыслов в образе «будущее», характерный для ЕВРАС и СИБАС, имеет некоторые очевидные различия при сравнении с АП «будущий». В региональных прямых словарях есть АП прилагательного «будущий». В них те же семантические

зоны, которые отмечены нами в структуре образа «будущее» по обратным словарям разных периодов. Вместе с тем ввиду специфики стимула эти образы конкретизируются в виде потенциальных воплощений в конкретных социальных ролях, как *части проекта будущего* (с примериванием на себя) у молодых людей. На первом месте по устойчивости связей не описание абстрактных радужных картин, а ассоциаты с семейными ролями и семейной жизнью. Из общего количества (502) ответов, наполнивших данное АП, в СИБАС — 144 ассоциации (27%) представляют данную сферу. Многие из них входят в самую устойчивую часть АП. В ЕВРАС наблюдается точно такое же процентное соотношение: из общего количества реакций (543) — семейные роли всплывают в 149 (27%). Другие значимые по устойчивости связей социальные роли, в которых видит себя усредненная языковая личность русских, можно распределить между двумя группами. Первая относится к позициям во властно-управленческих структурах: СИБАС (примерно 6% от общего количества); ЕВРАС (4%). Вторая, более детально представленная группа ассоциаций — профессиональные социальные роли: СИБАС (15%); ЕВРАС (20%). Итоговая картина по статусным социальным ролям демонстрирует следующую мотивационную иерархию будущего: семья → профессия → управление (власть).

Дальнейшие наблюдения за ассоциированием в базах данных последнего десятилетия (СИБАС и ЕВРАС) в сравнении с данными тезауруса РАС и САНРЯ показали, что в новейшее время сформировалась и активно актуализуется психоглосса «невостребованность» в едином смысловом поле с «будущее» и «образование». Рассмотрим АП «невостребованность» в новейших словарях. См. табл. 16.

Общий вектор смысловой иерархии с учетом релевантных для нашего анализа зон выстраивается следующим образом: профессиональная сфера → примеривание на себя с эмоционально насыщенными единицами → толкование через оппозицию «нужности-ненужности» → апокалиптические, эсхатологические мотивы. При этом наблюдаются некоторые флуктуации по регионам. Как и в других АП, наибольшие флуктуации типично проявляются при сравнении эмоционально насыщенных оценочных зон в устойчивых и периферийных частях.

Количественные соотношения по степени актуальности тех или иных смыслов для конкретных испытуемых в условиях цепочечного эксперимента дают сходную картину. Из 69 испытуемых 54 (78%) развернули цепочки реакций в *профессиональном смысловом поле*.

Таблица 16

АП «невозобнованность» в прямых словарях СИБАС и ЕВРАС

В таблице отражены количественные данные только о релевантных для нашей задачи смысловых зонах. Ассоциаты, не соотнесенные ни с одной из них, заслуживают отдельного рассмотрения вне рамок данной статьи.

Зона 1 Профессиональная деятельность: работа, труд, образование, квалификация, специальность, профессия, кадры, учеба	Зона 2 Образ человека, его ощущений, чувств, себя невозобнованного, «примиривание» на себя	Зона 3 Раскрытие смысла невозобнованности через оппозицию пользы (нужности) / ненужности	Зона 4 Апокалиптичность и всеохватность проблемой, тулик, нет исхода, эсхатологичность оппозиции: жизнь / смерть
Всего реакций и % от общего количества реакций СИБАС (503 = 100 %); ЕВРАС (534 = 100 %)			
СИБАС: 176 = 35 %	110 = 22 %	98 = 19,5 %	23 = 4,6 %
ЕВРАС: 169 = 31,5 %	123 = 23 %	125 = 23,4 %	20 = 3,74 %
Представленность семантических зон в устойчивой части АП: СИБАС 334 = 100 %; ЕВРАС 345 = 100 %			
СИБАС: 149 = 44, 6%	63 = 18,8 %	90 = 27 %	16 = 4,8 %
ЕВРАС: 138 = 40 %	66 = 19,1 %	112 = 32,5 %	10 = 2,9 %
<i>Семантические зоны в периферийной части АП: СИБАС 148 = 100%; ЕВРАС 165 = 100 %</i>			
СИБАС: 38 = 25,67 %	48 = 32,43 %	8 = 5,4 %	7 = 4,72 %
ЕВРАС: 31 = 18,78 %	57 = 34,54 %	13 = 7,87 %	10 = 6,06 %

Из них 27 (**39 %**) прямо ассоциируют *невостребованность* со своей специализацией и будущей профессией. 37 студентов (**53 %**) обозначили образ человека и себя невостребованного (то есть «примерили» на себя); 6 (**9 %**) раскрыли смысл понятия о состоянии невостребованности; 4 (**6 %**) ассоциируют с апокалиптичностью, тупиком, оппозицией «жизнь / смерть».

Подводя итоги нашим наблюдениям за психоглоссами, отражающими состояние смыслоутратности в сфере профессиональной подготовки и специфику «рыночного человекообразования» нового времени (с культивацией чисто экономического проекта человека, его редукцией к собственнику), приходится констатировать, что противоречия в сфере мотивации носят драматический характер. *Светлое и управляемое будущее* инерционно прорвалось из советского времени в современность. Получение образования инерционно связывается с ожиданиями благоприятного будущего, однако самоценность знаний и просвещения, характерная для периода расцвета советской цивилизации, сменилась утилитарностью внешних рыночных ограничений на профессиональную деятельность. *Работа, труд, специальность и профессия* очень устойчиво ассоциируются с *невостребованностью*, что начинает пониматься уже в процессе обучения и взросления. Отсюда и драматические противоречия в согласовании интересов личности и общества с тяжелыми последствиями: ***фрустрацией на личностном уровне и энтропией в системе образования***, зачастую также чреватый фрустрацией уход со своего «рынка» образовательных «услуг» за границу. Причем заграничные «услуги» активно и беспрепятственно рекламируются и продаются внутри России российскими же посредниками. От советской ориентировки в духовно-нравственную сферу «хозяина необъятной родины своей» и радости труда как ценности общество идет к прямо противоположному полюсу вульгарно-материальной утилитарности с извращенным отношением к труду. Предъявляемая обществом внешняя доминанта на «востребованность» чисто «рыночного» формата ущербна, поскольку установленные ею критерии *недостаточны* для *полноценных* идентификационных личностных ориентиров, ведущих к воплощенности в подлинных для российского цивилизационного формата деяниях.

Глава VI

О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Новый этап реформаторских преобразований вылился в попытки англификации научно-образовательной сферы. Нам представляется, что экспертная постановка вопроса при оценке явления англификации должна включать в себя следующие моменты:

1) описание сути феномена **англификации** как части проводимых в постсоветский период реформ (проявления, установочный механизм, причины возникновения, возможные последствия применения, цена вопроса и пр.);

2) учет **природы языковых процессов**, дающих ответ на вопрос о том, при каких условиях желанный для элиты язык может полноценно функционировать в управляемом сообществе;

3) оценку состояния **английского языка сегодня** и культуры владения этим языком;

4) понимание, что в мире жесткого глобального противостояния интересов различных в своем качестве и потенциале развития цивилизаций грань, за которой кончается чисто «языковой» вопрос и включается **этносоциокультурная идентификация**, очень тонка.

За тем, что выносится в поле публичных дискуссий, ощущается и стереотипизируется в массовом сознании как «проблема языка» и его состояния, скрываются неосознаваемые или слабо осознаваемые проблемы этносоциокультурной идентификации. В этом смысле очевидно, что язык не должен быть «чужим»¹. Проблема ощущается

---

¹ Здесь наш дискурс перекликается с фундаментальной для понимания иноязычного образования статьей А. А. Леонтьева «Язык не должен быть “чужим”»

не только в контексте научно-образовательной деятельности в России, она также актуальна и для многих других стран. Однако в каждой из них она имеет свою специфику, сообразно сложившейся в стране языковой ситуации, отличную от страны-цивилизации, каковой, несомненно, является Россия (о ситуации с англификацией образования в Германии см. [Трошина 2017]).

Каков мотивационно-установочный механизм политики англификации, каков ее мобилизационный потенциал? В качестве мотива выдвигается ставший популярным в перестройку тезис о необходимости включения России в «мировое» экономическое и научное пространство, где нужно конкурировать при соответствии неким «мировым» стандартам. При этом вопросы зачастую ставятся провокационно: поскольку все «мировое» англоязычно (весь «мир» сводится к англоязычным странам и англоязычию), нужны ли российской науке журналы на русском языке? на каком языке учить в российских вузах? (Как будто русский язык не является языком российских вузов и мировым языком!) Ученый не может быть таковым, если он не имеет рейтинга «мировой» популярности в означенном выше смысле, не публикуется в англоязычных научных журналах, не пишет, а преподаватель не преподает на английском языке. Эти требования имеют финансовое сопровождение, находят отражение в так называемых эффективных контрактах на местах не в пользу русского языка, науки и культуры.

Обучающие организации упорно встраиваются в рыночные форматы утилитарности с приемом иностранных студентов, которых (к тому же зачастую очень поверхностно, едва-едва владеющих английским или не владеющих им вовсе и живущих в русской лингвокультурной среде) предполагается обучать именно на английском языке (вместе со своими русскими студентами). Приоритетным становится приглашение именно иностранных ученых и педагогов для обучения студентов в российских вузах.

Саму постановку таких вопросов и сопровождающие ее явления можно расценить как признаки затянувшегося гуманитарного кризиса, который был объективирован в массовом сознании эпохи перестройки через «актуальные» установки реформ смутного времени 90-х гг., связанные с вырождением государственности на постсоветском пространстве. Чрезмерное рвение не желающих брать на себя ответственность за оценку реальной ситуации чиновников на местах

[Леонтьев А. А. 2007], в которой обыгрывается смысл, стоящий за немецким словом Fremdsprache — иностранный язык, букв. ‘чужой язык’.

и сегодня чревато исполнительскими перехлестами, когда англификация понимается как необратимый и тотально обязательный процесс вопреки здравому смыслу и законодательству РФ. Автору данной книги приходилось слышать даже такие маргинальные предложения: «если хотя бы один иностранный студент появился в вузе, то вся группа, в которой он учится, должна проходить обучение на английском языке»². Личный опыт пребывания в системе позволяет нам утверждать, что ситуация в разных вузах и институтах выглядит по-разному (от маргинально-деструктивных проявлений политики англификации до полного ее неприятия), но административно-принудительные доминанты очень сходны в своей общей направленности.

Насколько укоренено такое самоотречение и лингвокультурное развоплощение, которое провоцируется «менеджерскими» установками на англификацию?

В табл. 17 представлены смысловые акцентуации образа «язык» по данным обратных ассоциативных словарей. Цифры указывают на частоту реагирования разных испытуемых словом ЯЗЫК (устойчивость связи) после предъявления им стимулов, обозначенных в таблице словами справа от стрелки.

Таблица 17

Смысловые акцентуации образа «язык»

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
ЯЗЫК ← иностранный 311; родной 226; национальный 45; <i>русский</i> 29; <i>российский</i> 1	ЯЗЫК ← иностранный 329; <i>русский</i> 229; родной 99; национальный 52; международный 42; <i>российский</i> 5	ЯЗЫК ← иностранный 334; <i>русский</i> 282; родной 121; национальный 61; международный 40; <i>российский</i> 7

Акцентуация *иностранного* вовсе не случайно находится на первом плане во все рассматриваемые периоды времени, она закономерна для

² Здесь мы оставляем «за кадром» важнейший вопрос о проблеме обучения иностранцев в России, которая сегодня, похоже, имеет тенденцию осмысляться поверхностно в административно-управленческой среде, без должного учета накопленного в российской (советской) культуре опыта иноязычного образования. Вопрос осложняется неработающим на российской почве институтом магистратуры, вынуждающим формировать магистерские группы самым причудливым образом и разрушающим системность профессиональной подготовки студента.

состава групп испытуемых, молодых людей в возрасте первичной профессиональной социализации, изучающих какой-либо иностранный язык в качестве обязательного для освоения предмета во всех российских вузах. В нашем контексте интересен проявившийся и показывающий рост тренд в сторону цивилизационно спланирующего Россию (однако не существующего в качестве одноименного естественно-го) языка: *российский*; очевиден **многократный рост** акцента связи с *русскостью*.

Приведенные в табл. 17 данные свидетельствуют о том, что идентификация при посредстве *языка* идет в сторону *русскости* (можно предположить — как в узком, этническом, так и в широком, цивилизационном, плане). Об этом же свидетельствует и сравнительно-сопоставительный анализ смысловых акцентуаций АП «русский» в табл. 6б в приложении (с. 288–289), где отражены данные одной из наиболее значимых для нашей тематики смысловых зон в этом АП (см. также гл. I и III).

Речь идет о смысловой зоне «Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)» (по данным прямых ассоциативных словарей).

Из таблицы видно, что *язык*, *национальность*, *характер* оказались самыми устойчивыми во времени ассоциатами. Они входят в ядерную часть АП (только в РАС *национальность* выпала на периферию). В СИБАС и ЕВРАС эти ассоциаты снова укрепляют свои позиции, причем *язык*, даже в каждой из региональных баз в отдельности, более чем в десять раз по отношению к общероссийским показателям РАС. При этом в обеих региональных базах **усиливается национальный акцент** за счет внедрения в ядро *нация*, *национализм* и укрепления позиций *национальность*. *Язык* и *национальность* усиливаются и за счет периферии рассматриваемой зоны АП в обеих этих базах. Примечательно, что в РАС, наоборот, *национальность* уходит на периферию, где она соседствует с *шовинизмом*. Возможно, это фиксирует проблему убегания от своего национального контекста в связи с растерянностью перед событиями на национальных окраинах³. Негатив в региональных базах раскрывается через

---

³ Автору припоминается разговор десятилетней давности с одним из предполагаемых издателей нового русского регионального ассоциативного словаря: менеджер издательства настаивал на удалении слова *русский* из названия книги (столь опасными, вероятно, представлялись ему в то время «националистические» акценты).

ассоциаты с *ленью* и *национализмом*, а также *бунтом*. Мотив *характера* и духовности усиливается, начиная с РАС, через *дух*, а в СИ-БАС и ЕВРАС через многократное усиление *дух*, *душа* и др. Следы рефлексии над национальной спецификой находим в ассоциатах как в ядре (*менталитет*, *стиль*), так и на периферии (*стереотип*, *религия*, *культура*, *патриотизм* и др.). Понятие *русский* предстает в региональных словарях существенно более наполненные обогащенными смыслами по сравнению с РАС и даже САНРЯ в рассматриваемой здесь смысловой зоне. Присутствующая в ядре САНРЯ *наука* больше нигде не воспроизводится, в ЕВРАС на смену ей пришли *религия* и *вера*. *Язык*, как наиболее сильная ассоциация, в региональных базах получает еще и дополнительную разработку в грамматикализованных двусловных ассоциатах на периферии. Можно констатировать очень устойчивую связь образа *русский* с образом (*родного*) *языка*, что означает **этнизацию** образа «язык» в региональных базах по отношению к более ранним данным эпохи перестройки и доперестроечного времени. Как мы уже писали ранее, это, наряду с другими данными, говорит о существенном возрастании значимости языковых вопросов и чувствительности к ним в идентификации нового поколения молодых русских людей XXI в. [Шапошникова 2016] (см. также гл. I и III).

Какую иерархию иноэтничности в этом плане показывает русская языковая личность в своем осмыслении контактов с внешним миром?

В табл. 18 приводятся психоглоссы акцентуаций, которые выявились при анализе еще одной смысловой зоны в АП «русский». Стрелки показывают направление снижения устойчивости ассоциативных связей со словом «русский», знаки равенства — совпадение показателя устойчивости у приведенных в таблице ассоциатов.

Во все периоды в рассматриваемой зоне АП «русский», как, впрочем, и в АП иных вербальных экспликаторов идентичности, прослеживаются следующие оппозиции идентификационной матрицы: «свой — чужой»; ее более мягкая разновидность: «я — мы» (*наш*; *родной*); «этнос — суперэтнос (цивилизация)». *Русский* соотносится с суперэтносом (если понимается широко) и (или) с этносом (узконациональным, собственно этническим, смыслом). Образы *чужих* (иностранных, иноэтничных) в разные периоды времени наполняются преимущественно сходным содержанием, однако актуальность разных воплощений иноэтничности меняется вслед за реалиями окружающего мира.

Таблица 18

**Психоглоссы иноэтничности по данным смысловой зоны
«Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы»
в АП «русский»**

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
немец (немецкий) → казах (казахский) → француз (французский) → украинец (украинский) → еврей → китаец (и китайский) = американец (английский) → армянин = грузин = чех	еврей → немец = турецкий = французский	английский → немецкий → казах = украинец = китаец = француз = чех = чеченец = якут	английский → украинец → китаец → казах = татарин = японский = чурка

Как видно из табл. 18, в перестроечный период (в РАС) *чужие* представлены беднее всего. Оппозиция *русский* — *немец (немецкий)*, характерная для прошлого века, центральным событием которого в сознании россиянина была Великая Отечественная война с немецким фашизмом, в XXI в. сменилась новыми акцентами. На первый план в СИБАС — ЕВРАС выходит *английскость*, в них также несколько усилен азиатский акцент при сохранении европейского. Это может свидетельствовать (среди прочего) об актуализации процесса цивилизационной идентификации суперэтнического (евразийского) плана, на фоне иной (англо-американской) цивилизации. Таким образом, оппозиция англо-американскому становится одной из доминант идентификации языковой личности нового века. Это **чувствительная** (а значит, как и в случае с этнизацией языка), **потенциально конфликтогенная** смысловая зона в процессах социокультурной идентификации.

Посмотрим, какие испытания прошли носители языковой русскости (российскости) под воздействием этнополитических концепций⁴

⁴ Нам близок подход Л. Л. Хопёрской, которая в анализе конфликтогенности этнополитических систем использует введенное ею в состав параметров конфликтной социальной ситуации понятие *этнополитических концепций*, отражающих установки группового сознания и являющихся «основой мобилизации акторов (участников политического процесса), т. е. приведения их в активное

различных проявивших себя на постсоветском политическом пространстве акторов. **Принципиально важным** представляется обоснованное Л. Л. Хопёрской в одной из ее статей положение о зависимости *степени дисбаланса (конфликтности) от типов взаимодействий акторов этнополитической системы*, мобилизующихся на основе различных этнополитических концепций, которые могут быть ориентированы на сохранение, преобразование или разрушение данной системы [Хопёрская 2011]. Предложенное ею «аксиологическое измерение в анализе этнополитических конфликтов» действительно помогает выделить в составе объективированной для рассмотрения системы «особого класса элементы, приводящие её в состояние “самовозмущения” и потенциально способные довести систему до кризиса и разрушения “изнутри”, а не в результате воздействия среды» [Хопёрская 2011: 48]. Нам представляется, что в ходе реформы научно-образовательной сферы, включая и такие предпринимаемые шаги, которые можно отнести к разряду языковой политики в этой сфере, в систему был внедрен ряд аксиологически маркированных конфликтотенных этнополитических идеологем, что отразило конфликт интересов разных групп российской политической элиты смыслоуtratной позднесоветской и постсоветской эпохи.

Конфликтотенность сложившегося положения провоцируется *индифферентностью* (и даже нигилизмом) ряда элитарных групп по отношению к *системообразующим этнокультурным реалиям*, в частности хроническим игнорированием реалий языковой ситуации в РФ (СССР) с недооценкой в разные периоды времени функционального статуса одних ее компонентов и, наоборот, переоценкой других. Так, языковая политика в СССР в эпоху перестройки, пронизанная духом «митинговой демократии», как и другие сферы законотворчества смутного времени, положила начало «добровольному» отчуждению русских от своего языка. Статус русского низводится до *официального* (языка официальных документов) в республиках СССР (и даже этот статус обещан ему не везде); имеет место автоматическое провозглашение титульных республиканских языков государственными

состояние, сосредоточения их сил и средств для достижения цели» [Хопёрская 2011: 49]. При этом мы исходим, вслед за Л. Н. Гумилевым [1994], из поуровневой трактовки понятия этничности (субэтнос, этнос, суперэтнос), что, видимо, позволяет оперировать понятием *этнополитическая концепция* не только при рассмотрении взаимодействий акторов разного уровня (как внутренних, так и внешних), но и при формировании установочного механизма у одного и того же типа акторов под воздействием нескольких разнородных концепций.

в условиях этноязыкового разнообразия проживающего в них русскоязычного населения. Примечательно, что, по свидетельству участников тех событий, причастных к разработке и принятию законов, в роли защитников де-факто сложившегося функционального статуса русского языка, как активно использовавшегося в качестве общегосударственного на всей территории СССР, горячо выступали не русские депутаты, а представители разных автономных образований и национальных меньшинств в республиках бывшего СССР. Они видели в русском языке гаранта защиты своих гражданских прав и этносоциальной справедливости [Исаев 1991: 7–8].

Перестроечные и постперестроечные события в последующие годы показали глубину заложенных в законодательстве того времени противоречий. В языковой политике тех лет в ряде республик возобладала установка на моноязычие (соблазн узаконить однокомпонентную языковую ситуацию). Как пишет социолингвист В. Ю. Михальченко, глубоко исследовавшая языковые процессы в бывшем СССР и современной России, установка на моноязычие была позаимствована вместе с концепцией, «разработанной учеными франкоязычной канадской провинции Квебек для противостояния английскому языку» [Михальченко 2015: 25]. «Воплощение этой концепции в 1989 г. в законе о языках Эстонской ССР, а позже и во всех других республиках, включая Россию, вызвало открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и других союзных республиках бывшего СССР. В России конфронтационный характер законов о языках был нейтрализован принятием Закона о русском языке как общем средстве единения — государственном языке Российской Федерации» [Там же: 26], который приближался в своих установках к специфике языковой ситуации в РФ.

Языковая ситуация в современной России является наследием истории народов нашей страны, способов совместного освоения ими общих территорий и построения общей цивилизации. Языковая ситуация в современной России разнообразна в различных регионах нашей суперэтнической державы. В. Ю. Михальченко выделяет в ней 5 различных моделей (подтипов) при наличии 150 языков в ее компонентном составе. Русский язык является общегосударственным языком РФ. С учетом местных государственных языков в республиканских форматах, только по отношению к параметру государственности выявляется 37 компонентов языковой ситуации [Там же: 27]. Уровень языкового единения в РФ чрезвычайно высок: на русском языке

говорят 98,2 % населения. 23 % населения владеют еще 38 языками народов России, а остальные 114 языков распространены всего среди 1 % населения. Большинство языков, которые имеют максимальное количество владеющих, являются государственными языками республик [Михальченко 2015: 14]. **Родным** для абсолютного большинства населения является **русский язык**, а в республиках чаще **родными** могут быть и **русский**, и **республиканский этнический язык**. В подобных случаях **русский язык** используется народами России не только для развития и поддержания **регионального (наряду с этническим) этнокультурного и общероссийского (цивилизационного) единства**, но и как **мировой язык** для доступа к новым технологиям и культурным ценностям. Функциональная развитость этого языка, которая обреталась его многовековым участием в становлении и развитии российской (русской) цивилизации во всех ее воплощениях, позволяет ему выполнять все (от самых интимных до глобально значимых) функций представления смысловой сферы многоликой российской культуры.

Языковая ситуация в России не дает никаких оснований для административно-принудительного продвижения свободного (наравне с имеющимися в РФ языками) хождения английского вместо родных для населения нашей страны языков. У английского языка нет никакой естественной этносоциокультурной базы для его использования где-либо в РФ в качестве функционально развитого внутрицивилизационного, межэтнического и тем более внутриэтнического родного языка. Все эти социокоммуникативные потребности обеспечивает русский язык в связке с функционально адаптировавшимися для региональных российских нужд языками народов России. Из этого следует, что английский язык был и остается иностранным языком для народов России. В таковом качестве он и должен изучаться как **язык геополитического конкурента**. Преподавание этого языка в качестве иностранного должно включать активную рефлексию над маргинальными (конфликтогенными) этнополитическими концепциями акторов англификации-американизации (и шире: вестернизации), поскольку они неустранимы из семиотики транслирующей их лингвокультуры и при определенных условиях (временно уязвимых состояниях смыслового поля российской цивилизации) могут трансформироваться в деструктивные для россиян идеологемы.

Особого внимания заслуживает вопрос мотивации при изучении иностранного языка. Социальные и личностные потребности в освоении иностранного языка могут быть очень разнообразными в такой

стране, как Россия. При неосознавании и недооценке (в том числе и по незнанию) роли онтогенеза и фактора включенности (невозможности быть включенным) в живую этническую лингвокультурную среду у части акторов власти может возникнуть идеализация возможностей обретения желаемого уровня владения языком. Реальность, как правило, противоречит такой идеализации, прежде всего, на уровне мотивационно-прагматическом, который всегда отражается на качестве и результатах любой деятельности.

Английский язык очень широко начал предьявляться на так называемом рынке образовательных услуг с самого начала перестройки. Среди «продавцов» были самые разные акторы, как российские, так и иностранные. Этот бизнес был особенно успешным на волне последовавшей за открытием границ эмиграции. Очевидно, что английский язык для потенциального или уже состоявшегося эмигранта, желающего натурализоваться в англоязычной стране, английский язык для русского дипломата (рабочего, бизнесмена), постоянно или время от времени работающего в иноязычной стране, для российского туриста или для россиянина, проживающего и работающего в России, но желающего использовать знания, представленные в англоязычном формате, это все разные уровни мотивации и разные потребности с различными возможностями их удовлетворения. Столь же разными могут быть и подходы к изучению англоязычной лингвокультуры, которая очень разнообразна и не имеет одноформатного воплощения даже в исконно англоязычных странах, вопреки мифу о едином, глобальном английском языке. Что представляет собой английский язык в качестве единственного (родного)? Второго (родного или неродного)? Эти и многие другие вопросы состояния языка решаются сегодня с учетом этносоциокультурной специфики сообщества его носителей и места его развития.

Функциональность языка в сфере образования и науки в российских вузах, качество используемого общегосударственного языка (и государственных языков) — это особая проблема, которая требует внимания со стороны педагогического сообщества. Обретенный нашей страной опыт внедрения новых этнополитических интересов в практику языкового строительства, даже при наличии естественного, поддержанного онтогенезом билингвизма, далеко не однозначен. Об этом свидетельствуют многие гуманитарные исследования последних десятилетий. Выбор этнического языка респондентами в качестве родного при социологических опросах совсем не означает достаточное качество владения этим языком в практике жизни, этот

выбор, как правило, детерминируется другим фактором — этнокультурной идентификацией. Следовательно, образ родного языка и реальное владение им часто представляют собой разные сущности. Эти вопросы, похоже, не получили должной проработки при рекультивации национальных языков в перестроечный период. Так, например, неоднозначная языковая ситуация складывается в Казахстане. Здесь наблюдается постепенное расширение доминирующих позиций казахского языка через расширение сети средних школ, где на нем проводится обучение. Однако серьезным препятствием на пути полноценного функционирования этого языка является низкое качество обучения, что связано с целым комплексом факторов, не в последнюю очередь со слабым использованием казахского языка в среде самих казахов [Джумагельдинов 2010: 214]. Наверное, такое положение в будущем скажется и на качестве обучения казахского контингента из таких школ при поступлении в вузы. Параллельно в процессе сокращения часов на обучение русскому ухудшается и качество владения русским языком [Джумагельдинов 2010].

Сложная ситуация и с тувинско-русским двуязычием в Туве. В республике преобладает тувинское население, а тувинский язык используется им традиционно активно. По оценкам исследователей, тувинский язык и в советское время был так популярен среди местного населения, что риски его исчезновения несопоставимы с положением дел у ряда этнических групп в других республиках [Анайбан 2016: 305]. Культивация же обучения на тувинском языке ведет к оттоку высококвалифицированного русскоязычного населения, представители которого хотят более высокого качества образования и видят свою реализацию в более широкой сфере, чем узкий локальный контекст. Миграция русского населения в соседние территории плохо сказывается на ситуации в Туве, в частности приводит к технологическому оскудению, от чего страдает все население республики (подробный анализ тувинской языковой ситуации см. [Кан 2011]). Анализ языковой ситуации и специфики регионального языкового сознания в новейших психолингвистических исследованиях, проводившихся, например, в Республике Татарстан и Республике Коми, выявляет сходные проблемы и в этих, по наблюдению авторов, довольно толерантных к межэтническому диалогу регионах [Региональное языковое сознание... 2017].

Даже рекультивация живых этнических языков, признаваемых их носителями в качестве родных, с которыми осуществляется этнокультурная самоидентификация, имеет серьезные последствия, тормозящие

когнитивные и модернизационные процессы в ходе межпоколенной передачи опыта, что же говорить о попытках принудительной подмены родного языка иностранным! Но если качество владения русским языком (как и рекультивируемым этническим) в условиях рукотворного двуязычия неизбежно ухудшается, то качество иностранного английского языка (напоминающее схоластическую латынь) при его функционировании в научно-образовательной сфере (не только в РФ) вообще не позволяет квалифицировать его как живое полноценное средство при передаче межпоколенного опыта в системе образования и воспитания нашей страны. Уровень активного владения этим языком (его вариантами) в современных условиях целиком зависит от толщины кошелька обучающегося, его индивидуального опыта прямых и (частично от) опосредованных (через культурные продукты) контактов с языковыми сообществами, в которых этот язык используется в качестве родного. В любом случае активное овладение иностранным языком не разовая акция, единожды приобретенные навыки нуждаются в пожизненном подкреплении и развитии. Цена вопроса при последовательном внедрении политики англификации неоправданно высока, ибо эта политика побуждает работников научно-образовательной сферы стать «большими англичанами (американцами), чем сами англичане (американцы)», грубо выталкивает своих граждан из поля родной лингвокультуры, национальной и гражданской идентификации, провоцируя отчуждение от профессиональной и национальной среды. Такая политика не имеет ничего общего с нормальной практикой изучения английского языка как иностранного в России. Мотивационная база маргинальных проявлений языковой политики в научно-образовательной сфере должна рассматриваться в контексте общей практики реформирования образования и науки в постсоветский период, в условиях идеологического и финансового давления извне.

Таким образом, приходится констатировать, что языковая политика в научно-образовательной сфере в своих маргинальных проявлениях гуманитарно несостоятельна, она представляет собой результат воздействия деструктивной формы идеологической вестернизации некоторых групп причастной к властным функциям элиты общества. **Этнический нигилизм** используется ими как (псевдо)мобилизационная тактика в практике проведения реформ с 90-х гг. прошлого века. Этнологи выделяют различные по своему содержанию виды идентификационных процессов, которые определяются на фоне нормы, допускающей отклонения, как в направлении нарастания этничности, так и ее угасания или даже отрицания [Садохин 2000: 134]. А. П. Садохин

определяет *нормальную идентичность* как состояние, при котором «образ своего народа воспринимается как положительный, когда имеет место в целом благоприятное отношение к его культуре, истории» [Садохин 2000: 134]. Однако встречается и иной тип идентификации, который известен как *этнонигилизм*, по сути — отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. «Обычно этот тип идентичности возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. Следствием этого становится избегание демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности» [Там же: 134–135]. Сложившиеся в перестройку стереотипы восприятия на основе этнонигилизма закрепились благодаря поддержанной извне и изнутри идеологической фобии по отношению ко всему советскому, активной их трансляции неолиберальными группами во власти и СМИ. Вот только некоторые из бытующих по настоящее время идеологем, которые связаны с языком и используются в качестве «мотивирующих» англификацию установок, ведущих, в конечном итоге, к цивилизационному развоплощению россиян через сужение их сознания и ограничение сферы познания мира.

1) Гипертрофируется роль английского языка как мирового. Он представляется в массовом сознании как единственный мировой язык (как будто не существует других мировых языков и других цивилизационных образований, кроме англосаксонского).

2) Сами по себе английскость и англоязычность ассоциируются с научностью и престижностью, вплоть до сведения научности к англификации.

3) В ходу штамп «весь цивилизованный мир», под которым понимается западноевропейская и американская цивилизация как передовой отряд человечества, противостоящий дикой нецивилизованной массе.

4) Принижается роль русскоязычных журналов, научных текстов, достижений ученых и самих этих ученых: на фоне «западных аналогов» их статус признается заведомо низким **по этноязыковому принципу**.

5) Делается вывод о том, что русским нужно перманентно и однонаправленно «учиться» у англоязычных коллег, и т. п.

К сожалению, эти стереотипы уже привели к серьезным противоречиям и росту напряженности внутри российского общества, включая и явное несоответствие между транслируемыми в общество установками внешней и внутренней политики РФ. **Этнический нигилизм**

части российской элиты находит встречное движение в традиционном **этноцентризме** части западных элит, поддерживая, таким образом, интересы геополитического противника. В период смуты в России этнонигилистические тенденции нарастают, а попытки их воплощения в жизнь в ходе совершенно необходимой для сохранения страны модернизации впускают внешних акторов с их деструктивными этнополитическими концепциями. Такого рода способы взаимодействия российско-западных этнополитических установок много раз деструктивно проявляли себя в кровавых гражданских и мировых войнах XIX–XX вв.

Конфликтогенность текущей политики англификации кроется в тенденции репрессивного подавления российской гражданской и цивилизационной идентичности по мере отчуждения властной элиты. Возможные последствия последовательного и настойчивого воплощения такой политики оцениваются нами следующим образом. **Культивация отчуждения** от собственного языка — отчуждение от мысли (картины мира, культуры) и идентичности российской цивилизации, что чревато разрастанием этнонигилизма в элитарных группах с обратным процессом в других социальных слоях — деструктивным этноцентризмом (который уже показал себя на Украине). Социальная дестабилизация, ведущая к утрате суверенности и сопряженных с нею благ российской цивилизации. Деградация научно-образовательной сферы из-за невозможности полноценного исполнения ею своих функций. Деградация социальных механизмов межпоколенной передачи опыта, знаний и регулирующих жизнь российских этносов традиций. Раскол единого гуманитарного пространства страны по линии нарушения сфер совместной деятельности, выполняющих функцию объединительного начала у народов РФ. Активизация конфликтогенных процессов на окраинах РФ и в иных зонах потенциальной нестабильности.

Достаточно чувствительные проблемы национальных языков в некоторых республиках РФ могут только обостриться на фоне политики англификации. Здесь следует обратить внимание на очень существенный фактор цивилизационной идентичности россиян. Русский язык, по наблюдению В. Ю. Михальченко, выступает как своего рода «защитник» языков и культур РФ от деструктивных влияний американской глобализации, в особенности от американской массовой культуры и функционального давления английского языка в целом. «На территории РФ русский язык, в определенной степени принимая на себя последствия указанных явлений, в то же время в значительной

мере охраняет от этих процессов языки и культуры других народов России, оставаясь при этом одним из развитых языков, оказывающих значительное влияние на языки малочисленных народов Российской Федерации» [Михальченко 2015: 24]. При всем многообразии языковых ситуаций в РФ они везде замыкаются на системообразующую для нациестроительства роль русского языка. Нельзя не согласиться с В. Ю. Михальченко, которая усматривает искусство языковой политики в умении сбалансировать две противоположные тенденции — к языковому единению страны (государства) и к сохранению и развитию своих национальных языков и культур [Там же: 25]. Нам представляется, что в условиях растущей этнизации языков, подъема национализма во всех его формах этнополитическая концепция англификации становится дополнительным дестабилизатором в стране, которая никогда не была английской колонией.

Что можно противопоставить англизирующей деформации сознания в условиях современного менеджизма? Прежде всего, волю к выработке зрелых решений, адекватных природе сопряженных с языком этносоциокультурных процессов, на государственном уровне. Необходимо добиваться признания менеджерами безусловного приоритета русского языка (как неотъемлемого атрибута) в научно-образовательной сфере РФ (в соответствии с законом РФ); ликвидации дискриминационной практики в отношении публикационной активности российских ученых и деятельности российских журналов; укрепления социальных институтов, способных компетентно готовить такие решения; создания общественных институтов экспертной оценки результатов их реализации и мн. др. Очень важным представляется обеспечение постоянной системной господдержки (на уровне, как минимум, международных договоров и иных механизмов системного плана) доступа к научно значимой информации для всех заинтересованных в этом акторов на общегосударственном русском языке; проведение комплексной гуманитарной экспертизы результатов уже состоявшихся реформ в научно-образовательной сфере. Особое внимание должно уделяться разработке (совместно с заинтересованными странами) системы довузовской языковой подготовки иностранных студентов (как в России, так и за ее пределами), которые будут учиться в российских вузах. Существует настоятельная потребность в организации системной господдержки комплектации и постоянного обновления российских научных библиотек научно значимой литературой на английском языке независимо от форм ее бытования; организации (частично рекультивации) деятельности по выявлению и реферированию наиболее значимых из таких

источников, их продвижению в научно-образовательную среду. Ощущается необходимость в постоянной системной и информационной поддержке профессиональной переводческо-издательской деятельности в научно-образовательной сфере.

По итогам нашего анализа можно сделать вывод, что проведению в жизнь маргинальной политики англификации (как и ряда других уже состоявшихся реформ) в научно-образовательной сфере следовало бы, как минимум, предпослать объективацию⁵ стоящих за ней этнополитических концепций с соответствующими им «актуальными» установками. Такой подход позволил бы вовремя оценить конфликтогенность текущей языковой политики, характер и суть определившего ее «актуального» для прошлых лет установочного механизма. Он также нацелил бы участников научно-образовательной деятельности на выработку установок целесообразной в новых условиях самоутверждения и существования российской цивилизации политики, которая способствовала бы подлинной активизации гибкого ресурса системы для прорыва в будущее. Последнее подразумевает выход на имеющие высокую мобилизационную силу нравственно оправданные решения, в том числе и применительно к языковой политике в научно-образовательной сфере.

---

⁵ Здесь мы трактуем объективацию в духе психолого-педагогической концепции Д. Н. Узнадзе, как акт, дающий субъекту «возможность переживания чего-либо как данности, как некоего объекта» [2014: 233]. Объективация представляет собой акт остановки реализации «актуальных» установок в целях развертывания интеллектуальной активности для поиска более целесообразных установочных состояний, способствующих безошибочному приспособлению к требованиям окружающей действительности [Там же: 230–249].

Глава VII

ЧЕЛОВЕКООБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕЛЬ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНОГО

В публичных выступлениях, посвященных психолого-педагогической деятельности, А. А. Леонтьев, синтезируя идеи российской педагогики, психологии и философии, делал акцент на **человекообразовании** как глобальной задаче образования и воспитания. Образование ему представлялось теорией жизни, человекообразованием на фоне того, что не является человеком, а учение как самостроительство с постоянным изменением системы, состоящей из организма и среды. Личность в этом контексте предстает как узел, который связывает развитие общества и индивидуальное (субъективное) развитие [Леонтьев А. А. 2000; 2001]. Установка на человекообразование имеет глубокую научную основу, она согласуется с тем, что современная междисциплинарная наука (в отличие от политики) может дать обществу в качестве фундаментальной базы для сохранения и развития человека. Современное российское общество, пребывающее в состоянии инерции смутного времени с деградацией механизмов социальной регуляции, продолжает игнорировать последствия гуманитарных реформ, в которых человекообразованию не нашлось места.

Гуманитарная несостоятельность проводимых в научно-образовательной сфере реформ вот уже несколько десятилетий проявляет себя в постановке частных политико-экономических интересов над гуманитарным смыслом образовательной (и неотъемлемой от нее воспитательной) деятельности как особого вида активности, направленной на самовоспроизводство общества для его творческого прорыва

в будущее. На фоне огромного чудовищного коктейля опустошающих душу потоков информации, уничтожающих знания и саму мотивацию их обретения молодым человеком, произошла десаκραлизация сферы образования (в особенности ее гуманитарного смысла), ее низведение до «сферы услуг». Такая метаморфоза ведет к истощению и обеднению смыслового поля родной культуры в модели мира молодого человека из-за утраты гуманитарной миссии системой, гибкий ресурс которой черпает силу как раз в сокровищнице культурного наследия.

Какую главную сверхзадачу для личности и общества как регулятора социальных отношений несет в себе «человекообразование»? По всей видимости, «человек образовался» означает «воплотился в определенном желанном для него и общества качестве». В предыдущих главах мы акцентировали внимание на некоторых ключевых для научно-образовательной сферы противоречиях, затрудняющих человекообразование в системе. Все они, к сожалению, затрагивают базисные структуры идентичности. В чем причины сложившейся ситуации?

Корни противоречий уходят в 80–90-е гг. Исходя из постулатов Н. П. Бехтеревой [2015] о работе мозга как социальной модели, можно предположить, что в экстремальных жизненных ситуациях, как, впрочем, и во всех иных, могут проявляться общие и для личности конкретного человека, и для личности народной закономерности. Одним из самых очевидных признаков смутного времени как экстремальной ситуации в жизни народа является *кризис подлинности*. Такие периоды характеризуются конфликтностью обесмысливающих друг друга смысловых образований, состоянием, которое М. Ш. Магомед-Эминов назвал *смыслоутратностью* [1998: 37], сопряженной с порождением неподлинных решений и смыслов. Итоговый вектор заложенных в этих условиях преобразований может сильно отличаться от самых благих намерений профессионалов, ожидавших изменений реформируемой сферы в лучшую сторону. Именно в таких условиях и была зачата реформа образования. «Только освободившись от смыслов, задающихся “комплексами”, личность может обрести подлинные смыслы. Утрата неподлинного смысла есть этап на пути возрождения личности — обретения подлинного смысла» [Магомед-Эминов 1998: 200, цит. по: Леонтьев Д. А. 2007: 332].

Научно-образовательная сфера, как и другие сферы жизнедеятельности россиян, подверглась серьезным потрясениям в период

смуты 90-х гг.¹ В настоящее время приходится наблюдать последствия ряда принятых тогда неподлинных в своей основе, разрушающих жизнестойкость российской цивилизации решений, повлекших за собой противоречия идентификационных процессов вплоть до установок на цивилизационное развоплощение русских. По оценкам О. В. Крыштановской, период правления Б. Н. Ельцина, когда зарождались реформы, характеризовался «фрагментацией верховной власти», в том числе и в гуманитарном плане, на мировоззренческо-идеологическом поприще. «Отсутствие четко артикулированного “проекта Ельцина” привело к тому, что слово “реформы” заколдовывается, лишается содержания, и каждый политический актор наполняет его собственным смыслом. Всему обществу ясно, что в стране происходят реформы, но какие именно — каждый понимает по-своему. Разные части сломанной государственной машины имели свой “проект реформ”. Консенсус достигался только относительно использования самого слова “реформы”, которое было так мило сердцу западных спонсоров России» [Крыштановская 2005: 235]. Все сказанное можно в полной мере отнести к реформированию научно-образовательной сферы². В условиях вакуума

---

¹ Анализируя российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки с учетом американских оценок состояния дел в науке России, Г. Б. Кочетков отмечает, что в СССР наука получала огромные инвестиции (примерно 5 % ВВП) и была представлена 5000 научно-исследовательских организаций разного уровня с более чем 1,5 млн занятых в этой сфере человек [Кочетков 2007]. В начале 1990-х гг. произошло резкое сокращение бюджетного финансирования исследований всех типов: в 1990 г. доля ВВП, затрачиваемая на науку в России, сократилась до 2 %, в 1991-м она упала до 1,4 %, а в 1992 г. — до 0,7 %. «Если к этому добавить, что в те же годы происходило резкое сокращение объема ВВП, то можно себе представить темпы ликвидации альтернативного “центра мировой науки” в России» [Кочетков 2007]. Заметим, что автор цитируемой статьи приводит статистику финансового обеспечения отрасли, однако как оценить гуманитарные и нравственные потери российской цивилизации от демонтажа системы организации научно-образовательной деятельности, за которой последовали попытки компенсировать потери за счет внешнего финансирования с внедрением подкрепляющих их этнополитических концепций соответствующих акторов?

² Ср.: «В России произошла девальвация значимости науки и научной деятельности. В политическом и экономическом смыслах научно-технический комплекс был отодвинут на периферию общественной жизни, так как наука как социальный институт не участвовала в решении главной задачи политических элит в тот период — борьбе за власть. Лишившись источников финансирования и заказов военно-промышленного комплекса, российская наука была представлена самой себе и практически перестала развиваться» [Кочетков 2007].

власти при гуманитарном давлении извне складывается (а точнее, актуализуется) характерная для внутриэтнического диалога русских этика подражательно-перенимательной опоры на так называемые мировые (под которыми понимались западные, преимущественно европейские и американские) стандарты в процессе мобилизации сторонников среди молчаливого большинства и оказания давления на них.

Какие характерные для смутного времени смысловые образования можно квалифицировать как неподлинные для русского человека и российского суперэтнуса? Это то, что сулит ***цивилизационное и гражданское развоплощение***, разрушая общественно значимое целеполагание и жизнестойкость идентификации народа. Наиболее опасные точки разрыва в смысловой структуре того времени (на фоне деструктивного внешнего воздействия): негативный образ своей страны и цивилизации (нигилизм части западноцентричных элит) и утилитарность (примитивизм) тотальной вульгарно-рыночной ориентации социальных структур. И то и другое подпитывалось скудностью (у большинства населения) опыта прямых контактов с внешним миром. Как мы уже упоминали в предыдущих главах, в итоге сложилась поддержанная компрадорской элитой система с импортными принципами стандартизации, направленными на воспитание ***мобильного «рыночного» человека (мигранта) под евроцентричную модель занятости***, на фоне разрушения своего промышленного и экономического потенциала, социальной базы государства в стране и в научно-образовательной сфере в особенности. Реализация такой модели создает высокий уровень риска гражданского и цивилизационного развоплощения эмигрантского типа с потребительскими доминантами, уничтожающими надличностные мотивы, то есть ***снижающими качество социально значимой мотивации***.

Активизация жестких (репрессивных) административных механизмов под утилитарно-рыночную мотивацию не способствует

Как утверждает автор, изучивший вопрос по американским правительственным источникам, незаинтересованные в сохранении силы альтернативного центра науки американцы направили «помощь» из своего бюджета «на подчинение российской науки интересам американского бизнеса, политики и идеологии. Сотрудничество с российской наукой в таком плане было выгодно США, так как позволяло расширить имеющиеся в их распоряжении научные ресурсы. При этом присуждение грантов российским ученым должно было происходить на базе оценки их научных заслуг, данной американскими коллегами, а также потенциального вклада в достижение целей США» [Кочетков 2007].

мобилизации гибкого ресурса, способного, по словам Н. П. Бехтеревой, «реагировать не только на задачу, но и на условия ее выполнения» [2015: 182]. Жесткие механизмы стягивают активный ресурс к конкретным точкам, что чревато кадровым оголением регионов через практику ЕГЭ и администрирование. В жестких механизмах кристаллизуется опасная (и дорогостоящая во всех смыслах) тенденция к упрощению и примитивизации системы. Ярким примером такой активности служит ЕГЭ, который устанавливает противоречащие духу нормальных отношений учителя и ученика *практики поллицейского типа*. Между тем еще в ранних работах А. Н. Леонтьева было экспериментально доказано, что для методик, тестирующих практический интеллект школьника, главное — не сам факт решения задачи, а тот способ, которым это решение достигается. «Эффективность одной и той же операции может быть совершенно одинаковой у дебильного и нормального ребенка и у взрослого, но по своей структуре эти операции качественно отличаются друг от друга» [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 162]. Что же говорить о методиках проверки итоговых достижений личности ученика по окончании школы! Для филологических (лингвистических) задач это особенно важно, так как способы их решения преимущественно связаны с умениями владеть словом в живой речевой деятельности, что и подлежит оценке через живую практику общения. Те гуманитарные установки с неподлинными по отношению к цивилизационным вызовам современной России смыслами, которые сложились стихийно в 80–90-е гг., сегодня *реализованы системно в высшем образовании* в нашей стране. Их анализ необходим для того, чтобы можно было привести эту сферу в адекватное состояние, где цивилизационные преимущества российского суперэтнуса получали бы подкрепление, а не разрушались системой, как это происходит в настоящее время.

Учитывая природу сложившихся противоречий, решить вопросы идентичности исключительно внутри системы образования, сколько бы вложений в нее ни направлялось, не представляется возможным. Это задача для социальных структур всего общества. Особую остроту имеет вопрос о *единой нравственной основе* для профессиональной и личностной идентификации. К сожалению, как показал наш предыдущий анализ, противоречия, заложенные эпохой смыслоутратности, во многих своих аспектах воспроизводятся и сейчас. Очевидно, что социокультурная (цивилизационная), гражданская и профессиональная идентификации не существуют независимо друг от друга,

они представляют собой единый комплекс человекообразования. Как добиться востребованности и воплощенности в профессии, сохранив причастность своей цивилизации, когда в системе образования выстроена эмигрантская модель под экспорт молодого человеческого ресурса за границу, в пользу конкурентов из иных цивилизационных воплощений? Для сохранения российской цивилизации как самодостаточного и развивающегося феномена нужна целенаправленная специальная подготовка кадров для работы за границей по важным для государства направлениям, чтобы не поощрялся мотив продажи себя частным образом любому, кто в этом заинтересован. Недооценка этих вопросов уже привела к рекрутированию молодых людей в ИГИЛ и другие антисистемы³. Именно **неудовлетворенность потребностей в идентификации** приводит к рождению антисистем, где смыслоутратность преодолевается убийственным для породившей ее цивилизации способом с истреблением пассионарного ресурса системы. Невостребованность как модус смыслоутратности побуждает к исходу **развоплощением** — убеганию от всех форм ответственности, включая виртуализацию сознания как наркотик, услужливо предоставленный современной техногенной средой. Невостребованность в профессии, как и отчуждение человека от общества в целом, ведет к снижению ценности человека и утрате цивилизацией своего человеческого ресурса.

Между тем главная задача жизни человека — **воплотиться**. Мотив воплощенности объединяет религию и науку и может служить личностным и надличностным ориентиром в профессиональной, гражданской и социокультурной идентификации. Столь дорогостоящий на «рынке образовательных услуг» вектор преобразования в новое качество с исходом государства из системы, ввиду его перерождения

---

³ Стихийной мобильности населения в системе образования могла бы быть противопоставлена, как нам думается, организованная через общероссийские и (или) (меж)региональные госпрограммы на *системном уровне* регулярная познавательная мобильность как для всех обучающихся детей и взрослых, так и для обучающихся специалистов разных профессиональных категорий. Такая мобильность могла бы способствовать раннему и целенаправленному ознакомлению детей и взрослых с многообразием жизненных воплощений в родной стране и за ее рубежами. Помимо того, что такая активность могла бы *открыть горизонты иначе возможного*, она бы могла предупредить развитие установок на замкнутость в локальной, в том числе этнической, «шкурке», знакомила бы с потенциалом разумной и востребованной (в том числе и созидающим рынком) межрегиональной мобильности.

из общенародного в корпоративное, сегодня, похоже, все еще некому задать и оплатить.

Проблема профессиональной идентичности имеет и другое измерение, о котором следует упомянуть отдельно. Ее можно сформулировать следующим образом: чему учить? Этот вопрос всё чаще задают себе учителя в школах и вузах. Для гуманитарных дисциплин он имеет особую остроту. Ведь образ науки должен быть адекватен стоящим перед ней задачам. Как установить границы объекта той или иной гуманитарной науки сегодня? Каковы предметные области исследования в контексте современных цивилизационных гуманитарных проблем и с учетом новых открытий различных наук о жизни? Через какое сито смыслов просеивать иноязычные тексты, чтобы их идеология не стала опасной для восприятия неокрепшим сознанием учеников? Многие из возникающих проблем — результат той же смыслоутратности в научно-образовательной деятельности, которая крайне затрудняет междисциплинарный поиск истины, в то время как актуальнейшие жизненные задачи идентификации не решаемы монодисциплинарно в силу природы данного явления. Как же решать проблемы человекообразования в таких условиях? Как и во все иные времена, есть как минимум два пути выхода из ситуации: *уход от проблем* (например, эмиграция или бюрократизация, формотворчество вместо содержания) или *изживание* их, а значит, поиск и усиление позитивных черт в имеющейся ситуации, минимизация или трансформация негативных и таким образом перерождение в новое качество, *преображение*. В этом нам видится *идентификационная профессиональная задача ученого и учителя*.

Преображение это всегда творческая содержательная работа, ведущая к интегрирующему предшествующий опыт, мотивирующему и мобилизующему на новое жизненное воплощение смыслопорождению. Источники такого смыслопорождения для гуманитарной науки многим сегодня видятся в междисциплинарных подходах, одним из которых стал когнитивизм. Вместе с тем среди причин кризиса гуманитарных наук называют отсутствие у когнитивистики, куда относят и лингвистическую науку, единых теоретических подходов, которые бы принимались всем ученым сообществом гуманитариев. Кризис действительно имеет многообразные проявления. А. Д. Кошелев определил это как *внутри- и междисциплинарный антагонизм*: даже при наличии обоснованных теоретических и гипотетических построений отсутствует конструктивный дискуссионный процесс выработки конкретных знаний на общей платформе. Односторонность теорий с непримиримостью противоречий между ними приводит

к бесплодности дискуссий, не способных породить истины⁴. Поэтому теории, возникающие на стыке смежных дисциплин, зачастую наследуют старые изъяны, а иногда создают и новые. Непосредственное применение междисциплинарного подхода может лишь усугубить положение дел [Кошелев 2013: 713]. При всем пессимизме своих оценок, А. Д. Кошелев сам ставит вопрос об интеграции и осуществляет попытку установления единого теоретического основания для когнитивной науки. Ему удается определить границы понятий, необходимых для познания когнитивных оснований деятельности человека. Предложенная им модель представляется нам не только научно обоснованной, но и удобной для использования в учебном процессе. Она помогает найти ответ на вопрос «Чему учить?», поскольку исходит из принципиальной возможности **соединить в единую когнитивную теорию знания об онтогенезе, филогенезе и структуре сознания человека с конструированием когнитивной и языковой модели мира** (подробнее см. [Кошелев 2008а, б; 2013; 2015]). Идеи, положенные в основу предлагаемой автором модели, согласуются, как нам думается, с добытыми в отечественной науке прошлого века знаниями о психологических и нейрофизиологических механизмах порождения субъективности (собственно, человекообразования). Сюда можно отнести ключевые положения отечественных теорий психологии деятельности, сознания, личности, экстраполированных в дальнейшем на речевую деятельность с глубоким обоснованием предложенных психолингвистами речемыслительных моделей у человека. Совокупный (междисциплинарный) вклад отечественной науки в проблему человекообразования настолько фундаментален, что не только дает нам методологический аппарат для исследования гуманитарных вызовов современности, но и обладает потенциалом для развития

---

⁴ Многолетний опыт работы в качестве главного редактора научного журнала, а также члена редакционных советов научных журналов и диссертационных советов позволяет нам утверждать, что у этой проблемы есть и другая сторона. Подобно тому, как невозможно плыть, погрузившись в воду по шиколотку, невозможно добыть научно значимую истину в тех тематических нишах, которые популярны у множества авторов, подающих свои рукописи в редакции научных журналов. С одной стороны, рыночное лукавство вокруг научно-образовательных «услуг» на фоне существенного превышения спроса на научно значимую авторскую информацию над предложением, с другой стороны, политико-экономические установки на замену модернизации гуманитарной сферы ее ликвидацией. Опыт последних десятилетий показал, что пустых ниш в цивилизации не бывает — они тут же заполняются чужеземными.

(подробнее см. гл. IX). Одной из точек развития стали модели языкового сознания и языковой личности, которые, как мы старались показать в нашем исследовании, приложимы к рассмотрению жизненно значимых гуманитарных проблем, главной из которых является идентичность.

Чтобы понять, чему и как учить, нужно исследовать проблемы. Возьмем, к примеру, такую актуальную, однако для многих отнюдь не очевидную проблему, как виртуализация сознания через информационную техногенную среду, порождающую жестко детерминантные воздействия на психику человека. Этим воздействиям современный человек подвергается везде, в больших городах круглосуточно, избежать их практически невозможно ни на улицах, ни в домах. При всей сложности и пластичности нейронных гиперсетей, они крайне уязвимы в этих условиях. Психиатр Н. Дойдж доказывает в своей ставшей очень популярной книге «Пластичность мозга», что электронные средства *меняют наш мозг*. Вот его аргументы: нервная система человека настолько пластична, что может интегрировать в себя и электронную систему. Это происходит потому, что и электронные средства информации и наш мозг «работают по схожему принципу и, по сути, совместимы, а значит, легко устанавливают связи друг с другом» [2013: 486], образуя единую, более крупную систему. Сегодня последствия такой интеграции толком не изучены. Есть свидетельства о деструктивном влиянии СМИ (самой формы их воздействия) на внимание детей. СМИ включают ориентировочный рефлекс во много раз быстрее, чем это происходит в естественной среде, это имеет психофизиологические последствия. Например, просмотр телепередач может вызывать чувство опустошения. «Тем не менее, у нас появляется пристрастие к такому времяпрепровождению и более медленные темпы жизни начинают казаться нам скучными. За это мы расплачиваемся тем, что нам становится все сложнее заставить себя читать, подолгу беседовать с людьми, слушать лекции» [Там же: 485]. Нетрудно догадаться, что в практике изучения гуманитарных дисциплин, а это дисциплины о гибких системах, таких как культура, востребовано внимание в прямом контакте с преподавателем, *выработка совместного смыслового и ценностного поля взаимодействия*. Поэтому именно эти науки особенно страдают не только из-за кризиса нашей эпохи, но и от невозможности эффективно работать с молодыми людьми из-за «конкуренции» с быстро «выпекаемыми» СМИ информационными блоками, разбивающими любую систему знаний до ее формирования в сознании

обучающихся. Профессиональная гуманитарная подготовка от этого сильно страдает с уклоном в псевдонаучность как результат поверхностного («клипового») осмысления явлений. Не в меру жестко насаждаемые дистанционные формы образования в гуманитарной сфере могут приводить к аналогичным последствиям редукции (вырождению) деятельности.

Многие привнесенные техникой процессы еще не оценены наукой и практикой жизни, последствия их внедрения еще не успели проявиться во всей полноте, но технические инновации уже включены в жизнь и активно потребляются детьми. Такая ситуация не нова. Создание атомной бомбы породило соблазн ее применения. Последствия «приручения» атома проявились после огромного количества жертв; психоделическая революция опять унесла множество жизней, прежде чем человечество осознало разрушительность ее последствий, что не искоренило практику потребления наркотиков и психоделиков. Новая информационно-технологическая среда изменила форматы коммуникации в обществе и активно виртуализирует сознание, меняя способы и содержание занятости людей. Все это происходит на фоне обострения межэтнических конфликтов и разрушения традиционных механизмов социокультурной регуляции в разных частях света. Нам представляется, что исследование последствий виртуализации сознания становится одной из жизненно важных гуманитарных задач, оно порождает множество вопросов, ответы на которые сегодня не даны. Здесь следует вспомнить некоторые базовые, классические в отечественной психологии деятельности, понятия. Например, понятие «деятельности в широком смысле слова», как «системы различных форм реализации отношений субъекта к миру», в результате чего субъект выделяет предметы, на которые он направляет активность и которые он преобразовывает (последнее представляет собой исполнительную функцию деятельности) [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 180]. Предметная основа деятельности отражается вместе с социальными отношениями (в которые при этом вступает субъект) на смысловом уровне (рефлексивном), создавая субъектность (субъективную смысловую реальность), что, в свою очередь, служит основой для ориентировки субъекта в мире (ориентировочная функция деятельности) [Там же: 182]. Если исходить из этих основополагающих постулатов, то можно предположить, что виртуализация сознания приведет как минимум к социальной инфантильности, виртуальная «деятельность» иллюзорно снимает ответственность с субъекта за ее

последствия, он не вкладывает в нее свою идентичность, подлинное социальное отношение здесь может либо камуфлироваться, либо никак не проявить себя. Сами «субъекты», как правило, также симулякры, обманки. При этом не формируется должным образом социокультурная субъектность, в отличие от индивидуальной, а наша реформа на этом фоне еще и добавляет рефлексию над различными псевдозадачами индивидуального типа, а также редуцирует задачи обучения до форм безликой передачи информации. Знак, призванный замещать объект, функционирует в отрыве от социализующей объективной реальности, он по условиям «игры» может ей противоречить. В итоге может не сформироваться адекватной общественным потребностям и живой жизненной ситуации ориентировки (образа мира). Такую ситуацию мы наблюдаем при исходе в терроризм, дающий благодатный материал для сужения сознания, для скорого развоплощения молодого человека, который еще и не успел толком лично воплотиться в мире. Виртуализированное сознание порождает смыслы, отчужденные от жизненно значимой деятельности в породившем его носителе обществе, и это происходит на фоне реальных этнокультурных и идеологических конфликтов, которые и без того поглощают человеческий ресурс. «Двусубъектность сознания», его другоцентричность — важнейшее условие становления личности, ее саморегуляции. «Сознательное отражение мира человеком отличается от психического отражения у животных тем, что оно всегда “двухсубъектно”, — человек отдает сам себе отчет о результатах своей деятельности (в том числе ориентировочной ее функции) так, как отдавал когда-то ребенком этот отчет взрослому» [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 183]. Кто становится в онтогенезе тем «другим», кто заменяет в виртуальной реальности ребенку взрослого? Кто тот другой, дающий образец, если это не родная социокультурная среда? Какими смыслами наполнится образ мира ребенка, ведь деятельность, породившая смысл, отражается в нем своей структурой и свойствами. А что в виртуальной реальности? Как будет осуществляться саморегуляция такой личности? Где ее стержень? Как может сформироваться общность сознаний народов, населяющих Россию и постсоветский мир, вне совместной предметной деятельности? Кто и как будет осуществлять живое, опосредующее реальную деятельность, межкультурное взаимодействие? Как все эти идентификационные проблемы воплощаются в вербальном формате, в речевой деятельности, в ее продуктах, влияющих на сознание индивида, опосредствующих формирование его смысловой системы?

Таким образом, внешнее, «рыночное», материальное благополучие общества, оснащенного изысканными техническими инновациями и предметами потребления, стремящегося объективировать (овеществить) и виртуально стандартизировать с помощью этих инноваций все сферы проявления человечности по образцу вещных субстанций, заново и очень остро ставит перед его интеллектуальной элитой вопрос об уязвимости человека, сохранения его тождества самому себе.

Глава VIII

О ЯЗЫКЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Идентификация смысла в качестве объекта междисциплинарных лингвистических исследований означает расширение фокуса внимания лексикографа за пределы собственно лингвистических значений канонических единиц анализа — слов. Как минимум такой подход требует объективации семантических связей между словами при их лексикографическом описании. В лингвистике прошлого века особую популярность в исследованиях системных семантических связей языковых единиц получил метод семантического поля. Эта методика широко используется и в настоящее время. Еще в трудах А. Р. Лурии, посвященных результатам опытов, проводившихся в середине прошлого века в целях исследования *динамики семантических систем*, было доказано, что экспериментальные психолингвистические методики позволяют выявить «реальные системы смысловых связей или “семантических полей”, которыми располагает человек» [Лурия 2003: 235]. Эти методы исследования он относил к объективным: «Объективные методы исследования смысловых связей позволяют описать реальную структуру “семантических полей”, выделить ядро “семантического поля” и “семантическую периферию” и отделить это “семантическое поле” от посторонних, не входящих в его состав элементов» [Там же]. Более того, ставилась задача *управлять системой смысловых связей*, менять состав смысловых подсистем и выявлять условия, при которых эти изменения возможны. Такая постановка задач напрямую сопряжена с практиками социализации. Современная российская психолингвистика в результате развития ассоциативной лексикографии в последние десятилетия получила в свое распоряжение уникальные источники, позволяющие не только «разово» отметить состав

и качественно-количественные параметры АВС русских, но и начать оценивать динамику смысловых систем у нового поколения русских людей. Свободный ассоциативный эксперимент, в отличие от некоторых других применяемых в нейрокогнитивных исследованиях методов, позволяет получить необходимую эмпирическую информацию, не прибегая к специальному приборному оснащению для фиксации активности мозговой коры испытуемых.

Особого рассмотрения при исследовании связей узлов АВС заслуживает активная грамматика, которая, как убедительно доказал Ю. Н. Караулов, в ассоциативном словаре «проявляется не в виде, пропущенном через сознание лингвиста, а в живом, *готовом к употреблению* (курсив наш. — *И. Ш.*) виде» [Караулов 2010б: 7]. Это, по словам исследователя, «грамматика в прецедентах», «лексикализованная» грамматика, которая «привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети» [Там же]. Это интериоризированная вместе с грамматикой лексика [Там же].

Несмотря на столь актуальную форму представления грамматики, в настоящее время воспользоваться ассоциативным словарем для ее изучения может далеко не каждый лингвист-преподаватель. Это происходит не только по причине очевидной консервативности господствующих подходов, но и потому, что использование ассоциативных баз требует специальных знаний. Частично проблема связана с трудоемкостью процесса обработки экспериментального материала и подготовки процедуры его описания. В этой связи нам представляется необходимым движение в сторону потребностей преподавателей-практиков. Существенным шагом в этом направлении могла бы стать работа по *разметке* (аннотированию) ассоциативных баз данных, которая нуждается в предварительном тщательном планировании и обсуждении, а также в специальной исследовательской проработке. Аннотирование представляет собой профессиональную лингвистическую разметку, то есть таксономию и упорядочивание ассоциатов по ряду релевантных для исследовательских и практических задач параметров.

При всей сложности проблемы можно предположить, что лексико-грамматическая разметка могла бы «надстроиться» над уже существующими ассоциативными полями в качестве системы маркеров активной грамматики (или ее элементов), на которой базируются языковые связи единиц, составляющих эти поля. Аннотирование можно осуществить на основе закономерностей АВС, которые были выявлены и описаны Ю. Н. Карауловым ([2010б] и более ранние труды).

На основе такой разметки преподаватели и методисты смогут почерпнуть необходимый первичный субстантный материал для организации учебников и учебных пособий по практике речи. Таким образом, необходимо искать пути к теоретическому осмыслению и систематизации новых эмпирических данных, отражающих состояние живого современного русского языка.

Присутствие статистической оценки связей единиц, образующих АП, существенно расширяет возможности выявления актуальных наиболее устойчивых единиц, включая потенциально способные выступать в качестве лингводидактических. Под *лингводидактическими единицами* мы здесь имеем в виду выявляемые при построении активных грамматик цепочки ассоциатов, которые могут служить субстантным (каркасным) материалом для оформления коммуникативно-когнитивных учебных задач. Эти единицы могут быть носителями эксплицитно оформленных («деньги» — *потрачены*; «деньги» — *многое могут*) или имплицитно подразумеваемых лексико-морфологических или синтаксических отношений («деньги» — *недостаток*; «деньги» — *много*), элементами пропозиций (недостаток денег; много денег), способными стать костяком при развертывании более широкого контекста, который, будучи предъявленным обучающемуся еще и может относительно легко обрасти личностными смыслами. Учитывая специфику АП в качестве репрезентантов *психически актуальных* для народа *смыслов*, вероятность их эмоционального восприятия и переживания индивидуально-личностным сознанием очень высока. В работе над грамматикой частотность выявляемых единиц может не всегда сохранять свою значимость, поскольку для грамматикализованных (грамматически оформленных) ассоциативных цепочек важен сам факт фиксации употребления [Караулов 2010б]. Статистические характеристики, однако, могут, как нам думается, подкрепить полученные данные и выстроить приоритеты для *коммуникативно актуальных* лексико-грамматических задач.

Существующая практика разметки корпусов русских текстов [Национальный корпус русского языка: 2003–2005] (далее: НКРЯ) может оказаться очень важным помощником в проведении этой работы. Однако следует иметь в виду специфику ассоциативных баз, которые организуют материал, задавая направление поиска как бы с противоположным вектором. С точки зрения операций, которые исследователь совершает с цепочками ассоциатов, это направление не на разбиение текста на значимые единицы или сведение его к уровням формального морфологического, синтаксического или семантического

представления, а скорее наоборот — развертывание текста на каркасе ассоциативных цепочек с потенциальной вариативностью конечных формально и коммуникативно значимых решений. Исходный готовый текст, с которым имеют дело составители размеченного русского корпуса, всегда задает вектор «поиска смысла» и формоопределения, в отличие от исходной пары ассоциатов (слово-стимул — слово-реакция), хотя единицы разметки в ассоциативных и текстовых корпусах одного и того же языка безусловно могут и будут *частично совпадать*. Это, собственно, уже позволяет пользователю через электронную систему прямого словаря СИБАС осуществлять прямой автоматический выход в НКРЯ из АП конкретной леммы для изучения контекстов, в которых отмечены грамматикализованные цепочки ассоциатов, зафиксированные в этом АП. В идеале размеченные ассоциативные базы данных должны быть связаны с другими лингвистическими источниками в Интернете, с тем чтобы пользователь при необходимости мог углубить свои знания о выявленных им психически актуальных лингводидактических единицах.

Очевидно, для разметки ассоциативных баз потребуются проведение пилотажных исследований, нацеленных, например, на создание того, что можно было бы назвать *ассоциативным профилем* отдельных лексикографических типов единиц (таких, например, как определенные функционально-семантические группы глаголов или какие-то другие группы лексем), выявленных лингвистами ранее в других системах координат. Термин *лексикографические типы* вслед за Ю. Д. Апресяном здесь понимается как группа единиц, требующая в силу своей специфики единообразного подхода к описанию в лексикографических источниках. Лексикографические типы — это «классы лексем, у которых есть большое число общих семантически мотивированных несемантических свойств — морфологических, синтаксических, сочетаемостных, коммуникативно-просодических и пр. Выявление закономерностей поведения лексикографических типов в текстах способно дать существенно новое знание о языке» [Апресян и др. 2005: 209–210].

Вероятно, построение *ассоциативных профилей* лексикографических типов могло бы добавить в копилку лингвиста и преподавателя понимание того, как именно наше языковое сознание преломляет и использует эти знания, превращая их в речь. Тем более что проблема создания инвентаря дескрипторов для разметки корпусов текстов решалась, как нам представляется, с учетом сетевого принципа организации лексики (вероятно, поэтому она и была решена). «Мы исхо-

дим из убеждения, что лексика языка устроена как почти непрерывная сеть, а не строгая иерархия. Поэтому метаязык для ее описания должен обеспечивать разбиение лексики языка на многократно пересекающиеся классы» [Апресян и др. 2005: 210]. Вероятно, области *актуального для живого языка пересечения* могут быть обозначены в узлах ассоциативно-вербальной сети, а сетевая статистика станет одним из инструментов их выявления. Построение ассоциативного профиля конкретных лексикографических типов единиц может также дать необходимый исследовательский материал для *ассоциативной типологии*, чьим предметом рассмотрения станет эмерджентность конкретных *типов в языке*. Последние представляют собой типологически релевантные модели, порождающие такие однопорядковые единицы, которые подпадают под один (семантико-)функциональный тип в языке, сопряженный с другими типами, формирующими цельносистемную типологическую доминанту рассматриваемого языка. Однако «лексикографические типы» в АВС, в силу природы этого объекта, не обязательно будут детерминироваться какой-то жесткой формально-структурной спецификой. Границы таксономии в АВС могут быть подвижными и гибкими, особенно когда они намечаются на чисто семантической (когнитивной) основе.

Процесс создания ассоциативных словарей начинается с масштабного свободного ассоциативного эксперимента. После первичной обработки экспериментального материала осуществляется процесс редактирования данных. Он влечет за собой необходимость принимать ряд решений, связанных с комплексной оценкой аутентичности, нормативности, адекватности реакций, полученных в эксперименте от каждого испытуемого. Уже на этом этапе материал поддается таксономии, параллельно с процессом выявления актуальных параметров. Особую трудность при редактировании данных представляют реалии языкового сознания, которые связаны с разными новыми для россиян культурными и субкультурными явлениями, не ставшими универсальными для всего сообщества носителей русского языка и поэтому нуждающимися в толковании (в дальнейшем, возможно, в соответствующем аннотировании). Такие реалии выявляются на микроуровне ассоциативно-вербальной сети при анализе ассоциативных цепочек в прямом и/или обратном словаре. В конкретных АП фиксируются синтаксемы и синтаксические примитивы¹ (деграмма-

---

¹ Эти термины вводятся Ю. Н. Карауловым для обозначения отношений между единицами АВС. Синтаксему он трактует как «минимальную речевую

тикализованные единицы), представляющие разные виды смысловых отношений, отражающих разные виды опыта испытуемых. Семантические связи единиц, восходящих к одной и той же рубрике опыта, позволяют рассматривать их как подсистему, требующую однопорядковых приемов разметки (аннотирования), если последняя будет к ним применена. Рассмотрим одну из таких подсистем, которую можно выделить при анализе семантических связей ассоциатов. Речь идет об *источниках вербальных ассоциаций* в языковом сознании испытуемых. Для осуществления классификации ассоциатов по этому признаку необходимо предварительно выявить эти источники. Результаты первичного наблюдения за новыми ассоциативными данными позволяют выявить некоторые наиболее типичные группы ассоциатов, каждая из которых восходит к одному общему источнику, одним и тем же реалиям жизни. Рассмотрим некоторые из них. К наиболее распространенным источникам ассоциаций, которые выявляются в процессе анализа на микроуровне, можно отнести *реалии информационно-технологической среды и потребительского рынка*, в особенности артефакты американизированной массовой культуры, различные виды *концептуального творчества*, основанные на эксперименте с языковой субстанцией, местные (*региональные*) ассоциации и некоторые др.

Преобладающий тип местных ассоциаций составляют единицы, связанные с ландшафтной спецификой регионов, где проживают испытуемые. Встречаются также слова, называющие культурные, социальные и бытовые объекты жизнедеятельности в регионах. Например, на слово «река» получены такие реакции², как *Кондома* (река в Кеме-

---

единицу», «сочетание двух и более категориально-грамматически и семантически согласованных слов», являющееся одновременно основной единицей АВС (состоит из двух частей — стимула и реакции) [Караулов 1999: 155]. Например: читать → *книгу*. Синтаксический примитив, напротив, «деграмматизированная синтаксема, такая пара лемм “стимул — реакция”, которая путем простейших грамматических преобразований может быть превращена в синтаксему цельнооформленную» [Там же: 156]. Например: читать → *книга*.

² Здесь и далее по тексту главы слова-стимулы даются в кавычках, а слова-реакции полужирным курсивом, основной шрифт используется для комментариев, объясняющих смысл и (или) происхождение реакций. В качестве примеров однотипных реакций приводится не полный список, а только некоторые, характеризующие тот или иной источник ассоциирования, при этом индекс частотности ассоциаций учитывается только в тех случаях, где он релевантен для сравнительного анализа.

ровской области); *Мана* в Красноярском крае; *Нерча*, приток Шилки в Забайкалье; *Терсь* — название нескольких рек, впадающих в реку Томь, в Новокузнецком районе Кемеровской области. *Чумыш* — река в Кемеровской области и Алтайском крае, правый приток реки Оби. Берет начало на Салаирском кряже в Кемеровской области двумя истоками: Кара-Чумыш и Томь-Чумыш.

Слово «культура» для жителя Омска ассоциируется с *ДК им. Малуцьева* (в Омске), а «рабочий» для жителя Красноярска — с *Красноярский* («Красноярский рабочий» — название краевой газеты).

К единицам, которые могут демонстрировать определенные региональные особенности употребления, следует отнести реакцию *хабар* на стимул «общий», где *хабар* выступает как синоним к слову *общак*. Например:

общак, хабар ← «общий»

Ср.: «*хаба́р, хабáрь* м. и *хабарá* ж. разг.-сниж. 1. Взятка, барыш» [Ефремова 2006в: 745];

а также:

«*обща́к* м. разг.-сниж.

1. Тайная общая касса как страховой резервный фонд воровского сообщества на “черный день”, хранящаяся у особо доверенных лиц для оказания помощи нуждающимся ворами и уголовникам после выхода на свободу» [Ефремова 2006б: 415–416].

Некоторые локальные ассоциации вызваны влиянием местных русских и сибирских говоров (диалектов). Идентификация таких единиц может представлять собой серьезную трудность, поскольку они редко фиксируются в лингвистических источниках. Во многих случаях при оценке характера вариативности отдельных единиц (включая диалектизмы), их устойчивости и сферы использования данные СИБАС сверялись с информацией, представленной в текстовых базах, в особенности в НКРЯ.

Реакция *чили́м* (например, на стимул «поставить») является одной из таких единиц, она также имеет региональную семантическую специфику. В этом качестве *Чили́мь* фиксируется в словаре В. Даля, где трактуется как «водяное растенье Тгара *patans*, и орѣхи его; чортовы- или водяные-орѣхи, котелки, рогульки, рогатка, гульникъ? батлачекъ, батманчукъ. *Земляной-чили́мь*, растн. *Tribulus terrestris*. *Чили́мное, чили́мистое озеро. Чили́мникъ, чили́мница*, охотникъ до водяныхъ орѣховъ, кои мочать въ разсолѣ. || Прозвище астрахан-

цевь. || *Чилимъ, чилимчикъ, кмч.* лемесина, жвачка табаку; *ирк.* мнгл. трубочка табаку, треперстая щепоть» [Даль 1994: 604].

Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой фиксирует «чили́м» в значении «Однолетнее, произрастающее в Евразии и в Африке травянистое растение семейства рогульниковых, плоды которого используются в пищу или идут на корм скоту; водяной орех». [Ефремова 2006в: 833].

В «Словаре русских говоров Сибири» находим слово *чили́мчик*, которое поясняется как «щепотка»; дается пример: чилимчик табаку (как якутское) и бассейн реки Индигирки (на территории Республики Саха (Якутия)) [СРГС: 293].

В НКРЯ *чили́м* сходным образом отмечен как растение (водяной орех) и как река с таким названием, но слово может использоваться и применительно к курению (кальяна). Статистика корпуса с учетом частоты на миллион слов свидетельствует о том, что в XIX в. слово *чили́м* встречалось чаще, позднее наблюдаются лишь неустойчивые малые всплески его употребления.

Одним из наиболее интересных источников порождения ассоциаций можно назвать языковое (как смысловое, так и формальное) творчество испытуемых. Зачастую эксперименты с языковой субстанцией, которые демонстрирует испытуемый, сопровождаются концептуальным творчеством. Вот небольшой список таких новообразованных единиц с неожиданными смысловыми и формальными ракурсами.

«Рубль» — *недоденьга*; «свобода» — *антигосударство*; «роскошь» — *драгоценства*; «роскошь» — *богадство* — здесь внедряются смысловые ассоциации с гадом и адом; «проходимец» — *проползанец, уходимец*; «отпуск» — *скоросрочный*; «покорный» — *покоримый*; «общий» — *всехний*; «одиночество» — *несчастьность*; «коммунист» — *скоммуниздил*; «мастер» — *творитель*; «праздник» — *степуха* (это означает «стипендия»); «мерить» — *сантиметреть*; «мой» — *психофазатрон*; «метро» — *толпучное*; «монополия» — *одноправие*; «царь» — *властливый*; *Самодержавец*; «чиновники» — *взяточничество*; «устойчивый» — *моралеустойчивый*; «патриотизм» — *смотря чего*.

В большинстве приведенных выше примеров творческого ассоциирования очевидны нарушения нормы. Они специфически проявляются в конкретных единицах, преимущественно созданных нетипичным способом соединения словообразовательных элементов, по в целом узнаваемым для носителя русского языка словообразовательным

моделям. Например, в единице *толпучное* («метро») созданный испытуемым элемент *-учн-* явно соотносится в нашем сознании с *-ичн-*, который функционирует как «регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая как качественные, так и относительные имена прилагательные, которые обозначают характерное свойство лица или предмета, названного мотивирующим словом, например: аналогичный, аристократичный, гармоничный, историчный, типичный...» [Ефремова 2005: 227] (об этом элементе см. [Там же: 228; 265–267]). Все случаи такого формально-концептуального творчества испытуемых, как в приведенных выше примерах, сохранены в СИБАС в процессе редактирования.

Некоторые ассоциации позволяют судить о наличии вариантов грамматического порядка и заслуживают особого внимания со стороны лингвиста, изучающего языковую вариативность. Наблюдения за вариантными ассоциатами, вместе с данными из других источников, помогут исследователю выносить суждения и готовить рекомендации о характере актуальной вариативности и, соответственно, нормативности тех или иных единиц. Например, известная не одному поколению русских как традиционно нормативная словоформа *дебаты* сосуществует в АВС с вариантом в единственном числе:

«политический» *дебат* (4); *дебаты* (3).

Словари отмечают только нормативную форму во множественном числе, но в АВС лидирует вариант в единственном числе, который отнюдь не сводим к проекции единственного числа стимульной словоформы «политический». В НКРЯ с середины прошлого века также фиксируется использование формы единственного числа, имеются контексты из разных лет, свидетельствующие о том, что в двухтысячные опять оживился вариант в единственном числе. Таким образом, применительно к означенным словоформам данные НКРЯ сходятся с данными АВС СИБАС.

Среди слов-ассоциатов регулярно встречаются отклонения от современной письменной нормы, которые также можно отнести к морфологическим вариантам (например, встречаются практически все, отмеченные ранее авторами НКРЯ [2005: 131–132] в процессе его разметки, виды нарушения нормативности: редукция конечного гласного, отпадение конца слова, оба эти явления затрагивают финальную часть окончания, вариантность основ и др.). Например:

«Революция» — *мирова*, «речь» — *дрянна*.

Во все времена одним из основных источников пополнения нормы были слова, пришедшие из сниженных регистров речи и жаргонов.

В АВС фиксируется много таких единиц. Вот некоторые примеры (брутальные, осознаваемые как табу лексемы мы здесь не приводим, однако они сохранены в структуре словаря³):

«самый» — *офигенный*; фиксируется толковыми словарями, а также НКРЯ с двухтысячных годов, в наше время, по статистике корпуса, частота использования пошла резко вверх. В СИБАС встречается и *офигенский*;

«смыться» — *сквзознуть*; в толковых словарях слово не отмечено, а в Интернете широко используется как синоним к *смыться*;

«стеснительный» — *ландух*. Характерно для молодежного сленга, в Интернете фигурирует в качестве синонима к *лох*;

«осторожный» — *прошаренный*; отмечены единичные случаи в НКРЯ. Статистика корпуса с 1998 по 2013 г. отмечает резкий рост именно в последние годы;

«писать» — *фанфик* — известно как появившийся под влиянием англ. *fan fiction* жаргонизм, обозначающий любительское сочинение по мотивам популярных произведений литературы, киноискусства (кинофильмов, телесериалов и пр.);

«конечный» — *беспонтовый*, в смысле *бесперспективный*.

На всем массиве ассоциатов встречается довольно большое количество намеренно искаженных словоформ, фиксирующих эмоциональное отношение испытуемого к словесному материалу. Например:

«отобрать» — *чё-нибудь*; «песня» — *про чет-то*; «поговорить» — *с кем-нить*;

«беспредел» — *ваще*; «дита» — *ваще*; «достаток» — *ваще*; «процветание» — *ваще*.

Показательна статистика использования формы *ваще* в НКРЯ (с 1800 по 2013 г.). С 1817 по 1825 г. фиксируется рост использования этой формы, позднее наблюдается обнуление, а с 2000 г. — резкий рост, отмеченный крутой подъем достигает пика к 2008 г. На этот же год приходится начальный этап нашей экспериментальной работы по сбору ассоциаций СИБАС.

³ Поскольку наша задача при создании ассоциативной базы данных заключалась в том, чтобы отразить реальное состояние «усредненного» языкового сознания, табуизированная лексика была сохранена в полном объеме. Для выявления ассоциативных нормативов требуется специальное редактирование ассоциативных полей. Такое редактирование (нормирование) может потребоваться для адаптации ассоциативных материалов к нуждам процесса обучения в школе при целенаправленной выработке правильности и нормативности речи.

Рассмотрение разного рода ненормативных форм, порожденных попытками *намеренного искажения* орфографических норм, наталкивается на целый ряд трудностей, которые возникают уже на этапе распознавания таких единиц, поскольку в АВС представлен целый спектр искаженных написаний разного типа. Среди них доминируют формы, представляющие собой традиционные для русского языка разговорные единицы. Наши испытуемые просто отразили их разговорное произношение в анкете с помощью орфографии. Однако в АВС встречаются и такие явления, которые классифицируются как «нарочитые до глумливости искажения правильного написания слов» [Гусейнов 2006: 383]. Для них даже предложен специальный общий термин — эрративы, отмечены их функциональные особенности и социальная база для их использования [Там же]. Например: «потреот (патриот: эрратив намекает на плохое владение русским языком, часто наблюдаемое у авторов, декларирующих патриотизм)» [Там же: 403], «жесть (жизнь — суровая действительность)» [Там же: 398].

Ср. с СИБАС:

«металл» — *жесть* (3); «каторга» — *жесть* (3); «беспредел» — *жесть* (2); «экзамен» — *жесть* (2); «коррупция» — *жесть!*; «карьерист» — *стремица к лутишему; я не знаю чё это*.

В качестве особого источника ассоциаций следует выделить намеренную архаизацию смыслов, связанную с обращением к прошлому, более архаичному состоянию языка и сознания. В этом же ряду и упоминание культурных реалий из давно ушедшей в историю старины, а также недавнего (для старшего поколения) и относительно недавнего (для молодых) прошлого.

Например, на слово «добро» выявляется реакция *Глаголь* (ви-селица), на «кузница» — *Вакула*, а «соученик» дает *рече*, по-старославянски это значит «он сказал».

Большую группу ассоциатов дают новые информационные реалии, чей влиятельный потенциал многократно усиливается рыночными возможностями.

Так, слово «карьерист» ассоциируется с *заучка*. *Заучка* отсутствует в обычных толковых словарях, но в словаре синонимов уже упоминается как синоним *ботанику*, *задроту*, *зубру*. В Интернете есть сайт *заучка.ру*, на котором торгуют рефератами и другими письменными поделками для митрофанушек нового времени. Здесь можно «заказать и купить готовую» контрольную, курсовую, дипломную работу! Концепт *заучка* (будучи, несомненно, шире, чем

его примитивное псевдонаучное «товарное» воплощение) живет в виртуальном пространстве как особый феномен, вероятно ждущий своего исследователя.

Компьютерные игры отражены в языковом сознании молодых россиян разнообразно и обильно. Ассоциации с ними возникают на разных уровнях обыденного языкового знания (семантическом, морфологическом и пр.), поэтому требуют особого анализа. Например, слово «ленивый» дает реакцию *друль*, представляющую персонаж компьютерных игр (синоним *друид*).

Другими маркерами информационно-рыночного влияния являются реакции словами *чарт* и *бонг*. Например:

«лидер» — *чарта*; «новый» — *бонг*.

Чарт в значении *список, рейтинг* часто используется в торговом дискурсе. Ср.:

«**чарт** м.

1. Перечень наиболее популярных исполнителей или музыкальных групп, регулярно публикуемый и составляемый на основе анализа результатов продаж их дисков, альбомов и т. п.» [Ефремова 2006в: 808]. НКРЯ дает не только *чарты*, но и *поп-чарты*, *топ-чарты*, *клип-чарты*, *флип-чарты*. Даются словоформы и леммы. Слово фиксируется в корпусе с 30-х гг. Потом выходит из употребления, а в девяностые и особенно двухтысячные наблюдается резкий всплеск статистики его использования, в самые последние годы сходит на нет, по данным НКРЯ, но, как показывает наш эксперимент, всё же фиксируется языковым сознанием.

Бонг, по данным Википедии, представляет собой водяную трубку, ее сленговое название — бульбулятор, от тайского บอง [bɔːŋ] — «бамбуковая труба» — устройство для курения каннабиса. Как правило, представляет собой небольшой сосуд, частично заполненный водой... [<https://ru.wikipedia.org>].

Рекламой *бонгов* и иных курительных принадлежностей экзотического формата изобилует наш Интернет, наблюдательный посетитель найдет ее и во многих магазинах.

Автомобилизация и информатизация, вместе с сопровождающей ее рекламной кампанией потребительского образа жизни, рельефно и многогранно представлена в АВС. В этом ряду:

«покупать» — *КПК* (карманный персональный компьютер); «пиво» — *Пит и водку жрат* (прямая отсылка к рекламе); «комфорт» — *Тойота Премиум*; «купить» — *феррари*; «лидер» (типичное для рекламы его использование рядом с) *MOBIL 1* (это масло для автомобилей) и многое другое.

Внедрение глобального рынка дало новые предметы потребительской субкультуры. Среди них не только автомобили, но и наркотики и прочие вещества, способствующие виртуализации сознания, его уходу из реальности прямых контактов с субъектами и объектами общественной деятельности, искажению служившей ранее защитой картины мира. Например: «кислота» — *ЛСД* (7); «летать» — *ЛСД*; «прогресс» — *ЛСД* и т. п. Такого рода товары преобладают в основном на медийном (виртуальном) рынке разных игр, фильмов, прилад и гаджетов (актуализируется как софт, так и «железо»), виртуальных поп-подделок различных групп, песен и прочих легальных и нелегальных субкультурных феноменов. Гораздо реже встречаются реалии своей потребительской культуры, включая названия и прочие знаки некоторых молодежных «тусовок», летних лагерей и фестивалей.

Американизация (и шире — вестернизация, а точнее, рыночная оккупация) информационного потребительского пространства также отражена в большом количестве ассоциатов, интерпретация которых требует специфических знаний, идущих от опыта пребывания в пространстве данной субкультуры, широко растиражированной СМИ, а позднее и Интернетом. Многие реалии этого типа невообразимы для языкового сознания русских всего двадцатилетней давности, еще не знавшего (или почти не знавшего) столь масштабной мультисубкультурной «мешанины и свалки» сотворенных на скорую руку «товарных» артефактов, которыми наводнено современное информационное пространство. Вот только несколько примеров реалий, восходящих к американскому влиянию:

«мафия» — *Аль Капоне* (американский гангстер). На стимул «мафия» испытуемые давали ответы, преимущественно связанные с американскими бандитами и субкультурными персонажами, однако есть и японская реалья *якудзя* (традиционная форма оргпреступности в Японии).

Обычный предмет в быту обычного человека «ножницы» в сознании любителя фэнтези ассоциируется с *Эдвард руки-ножницы* (калька с англ. Edward Scissorhands), фантастическим фильмом Тима Бёртона, фэнтези о человеке-киборге. Вероятно, этот продукт произвел такое впечатление на своих потребителей, что получил разнообразное осмысление и продолжение в различных концептуальных воплощениях (музыкальное, балетное, песенное и пр.) после выхода фильма в прокат;

«отчаяние» — *Нео*

Томас А. Андерсон (англ. Thomas A. Anderson), более известный как хакер **Нео** (англ. **Neo**), — главный герой американской трилогии фэнтезийных постапокалиптических боевиков «Матрица», «Матрица: Перезагрузка» и «Матрица: Революция», «избранный» герой, который, по сюжету, принес мир в последний город людей — Сион.

Проникновение героев американского стиля в постсоветское виртуальное пространство ощущается и в специфическом ассоциировании через персонификацию некоторых абстрактных понятий и качеств, получающих таким образом конкретное телесное воплощение. Кроме уже упоминавшейся цепочки «отчаяние» — **Нео**, сюда можно отнести и такие случаи, как, например:

«непредсказуемый» — **Николас Кейдж** (англ. **Nicolas Cage**), настоящее имя **Николас** Ким Коппола (англ. **Nicholas Kim Coppola**; род. 7 января 1964, Лонг-Бич, Калифорния, США) — американский актер, продюсер и режиссер. Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус» за 1995 г.;

«личность» — **Кобейн** (культовый в 90-е гг. американский рок-музыкант);

«беспечность» — **Рон Уизли** и мн. др.

Ср.:

«безответственный» — **президент США**.

При рассмотрении ассоциативных полей абстрактных слов выявляются такие ассоциации, которые связаны с изменением семантической структуры этих слов. Здесь наблюдаются изменения, которые можно связать как с идущим процессом архаизации слова (понятия), утратой им употребительности, так и с его переосмыслением, смещением акцентов в его семантической структуре или просто с появлением новых значений. Многие абстрактные слова дают в эксперименте такое количество отказов, которое в несколько (даже десятки) раз превышает соответствующие показатели у других стимулов. Вероятно, это связано не только с динамикой значений отдельных единиц, но и с самой природой абстрактных носителей значений, требующих рефлексивной активности сознания.

Вот несколько примеров:

«надменный» — 43 отказа; «невостребованность» — 21 отказ; «повеса» — 72; «пересуды» — 56; «отчуждение» — 42; «проходимец» — 26; «самобытный» — 47; «беспечность» — 42; «отчаяние» — 22; «инициативный» — 24; «коварство» — 24; «напористый» — 20 и т. д.

Зачастую испытуемые вместо отказа выдают прямые вопросы и иные вербальные знаки непонимания, иногда эмоционально окрашенные, а потому намеренно искаженные в орфографии. Например:

«отчуждение» — *???*; *а че это такое*; «надменный» — *ээ...*; *не понял*; *непонятность*; *что это?*; *какой какой?*; «невостребованность» — *че?* Впрочем, в последнем случае эмоциональное *че?* может свидетельствовать и о нежелании испытуемого примерить состояние невостребованности на себя;

«пересуды» — *этого слова я не знаю*; *хз.*; *что такое?*; *чо?* (2); *что за черт?!*

Ср.: «пересуды» — волокита (3); в суде; отсуды; мозготрепка.

В слове «проходимец» по данным СИБАС намечается семантический сдвиг, свидетельствующий об актуальном изменении значения. Значение «подлец, способный на нечестные поступки человек, мошенник» существенно потеснилось под напором конкретики стихийного этимологизирования через компонентный анализ словоформы (идуший мимо, проходящий везде). Ср. (единицы из устойчивой зоны ассоциативного поля):

«проходимец» — незнакомец 22; вор; обманщик 19; подлец 18; лжец 17; негодяй 16; бомж 14; бродяга 11; плохой; чужой 10; мимо; человек 7; гад; мошенник; прохожий; чужак 6.

Отсюда и следующие реакции: *дорога*; *земель*; *землепроходец*; *проходит мимо*; *путник* (2); *странная личность, которая бродит по темным углам*; *скиталец*; *странник*; *через город*; *чужеземец*; *чужестранник* и т. п.

В словаре Т. Ф. Ефремовой **проходимец** в значении «прохожий» приводится с пометой «местное» [2006б: 1120]. Вероятно, дальнейшее сопоставление информации об этом слове в СИБАС с данными других региональных ассоциативных баз поможет точнее локализовать эту местную специфику.

У слова «самобытный» находим неожиданно устойчивые ассоциации с археологической древностью: *древний человек*; *стародревний*; *древность* (3); *первобытный* (3); *австралопитек*; *шкура мамонта*; *неандерталец* (2); *Олдувай* (ущелье с древними останками, свыше двух миллионов лет), «самобытный» молодые русские связывают также с *отсталостью*; *косностью*; *дикостью*. Все эти значения не отмечены ни в одном известном нам словаре русского языка.

Любопытную картину дает АП «повеса». В нем есть ряд противоречий, которые также можно истолковать как семантические сдвиги,

свидетельствующие об устаревании слова и попытках со стороны испытуемых вывести его значение через этимологизацию формы. Персонализация смысла осуществляется преимущественно через литературные познания: *Онегин* (13), *Есенин* (5); *Дон Жуан* (4); *Пушкин* (3); *Казанова*; *Том Сойер* и др. Вместе с тем наблюдаются прямые указания на непонимание смысла стимула, попытки уйти от его раскрытия: *асевон* (написание слова наоборот), иногда — связать его с реалиями своего времени: *плэйбой*; *шоу-бизнес*. В устойчивой части ассоциативного поля «повеса» наряду с признанием неосведомленности присутствуют как минимум три разных смысловых доминанты: легкомысленность поведения, ассоциации с подвешенными предметами и с весовыми категориями. Ср.:

«повеса»: *молодой*; *не знаю*; *Онегин*; *человек* 13; *гуляка*; *завеса* 10; *лентяй*; *ловелас* 8; *бездельник*; *дурак*; *хулиган* 7; *бабник*; *вес*; *лодырь* 6; *Есенин*; *разгильдай*; *уличный*; *шторы* 5; ?; *весельчак*; *Дон Жуан*; *лень*; *шут* 4; *баламут*; *идиот*; *кутеж*; *легкомысленный*; *молодой человек*; *мужчина*; *навес*; *оболтус*; *парень*; *плут*; *повестка*; *Пушкин* 3 [Шапошникова, Романенко 2014: 315].

Эти же смыслы переплетаются и в периферийной части ассоциативного поля, где также фиксируется распознавание слова как единицы, несущей в себе устаревающие понятия: *весить*; *висит*; *гулена*; *гуляка*; *дурачок*; *кг*; *мешок*; *навеса*; *на развес*; *находиться около чего-либо*; *повесился*; *повисла*; *подвес*; *старинное слово*; *устаревшее*; *штора*; *шторка наверно* и др. [Там же]. Ср.:

«**Повеса** м. 1. Молодой человек, ищущий развлечений, забав, проводящий время в легкомысленных затеях; бездельник» [Ефремова 2006б: 760]. Здесь мы наблюдаем только одно значение. Возможно, такая многозначность обусловлена местными веяниями, но достоверно судить о степени охвата регионов отмеченными семантическими сдвигами в семантической структуре данного слова можно только при сопоставлении соответствующих ассоциативных полей с данными других региональных баз, а также РАС, создававшегося в конце 80-х — начале 90-х гг.

Очевидно, что абстрактные слова в АВС нуждаются в специальном исследовании, которое, возможно, при поддержке дополнительного направленного ассоциативного эксперимента позволит точнее определить источники разных смысловых изменений (откуда берется то или иное значение, не связано ли оно с местными, диалектными или какими-то иными влияниями). Аннотированию этих единиц при общей разметке поэтому должно предшествовать их специальное

исследование. Изменение семантической структуры слов, несомненно, влечет за собой перестройку их системных связей и должно влиять на общее состояние глобальной АВС, меняя ее доминантные характеристики. Сила внедренных инокультурных артефактов, их совокупное воздействие как «агентов влияния», способных или неспособных участвовать в модификации содержания идентификационных процессов испытуемых, также может быть точнее оценена путем глобальной разметки ассоциативной базы данных.

В настоящей главе мы рассмотрели одну из возможных тактик разметки — выявление источников ассоциирования, влияющих, в конечном итоге, на состав и смысловую структуру ассоциативных полей. Таксономия ассоциатов с учетом этой тактики и с выведением иерархии на основе частотности (встречаемости) единиц позволит, как мы выяснили, на уровне макроструктуры АВС с опорой на количественные данные и их соотношение в разных подсистемах выносить новые суждения о **состоянии культуры пользования языком**. Изменение условий, в которых функционирует язык, неизбежно влияет и на состояние самого языка. Культура носителей языка, их идентичность напрямую зависит от разнообразных видов деятельности, которые характерны для языкового сообщества. Информационно-технологическая революция как никакой другой фактор повлияла и на характер и на условия всех видов деятельности, включая речевое общение. Общение и деятельность, опосредованные различными гаджетами и предметами потребления виртуального типа, стали источником новообразований и семантических перестроек в языковом сознании молодых русских, выросших в условиях новой информационной среды. Проведенные нами первичные наблюдения в процессе редактирования СИБАС позволяют сделать некоторые предварительные (гипотетические) выводы в этой связи. Так, в АВС СИБАС наблюдается значительная «брутализация» языкового сознания молодых россиян, что проявляется не только в новоявленной прагматичности ассоциированных смыслов, небывалом наплыве прежде табуизированных форм вербальной оценки, но и в вытеснении реалий своего культурного поля на периферию смысловой структуры сознания. Пустота заполняется вульгарными инородными реалиями. Развившаяся в России на рубеже веков и укрепившаяся с внедрением глобального рынка коммерциализация гуманитарной сферы ведет к десакрализации различных форм культуры, их опрощению, омертвлению. Однако для подкрепления и обоснования таких выводов потребуются не только анализ на макроуровне (с привлечением всего корпуса ассоциатов), но

и масштабное привлечение данных об отмеченных процессах из других гуманитарных наук.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что потенциал ассоциативной лексикографии пока еще остается нераскрытым как в плане развития на этой базе теории языка, так и в практическом (прикладном) плане. Впрочем, любая качественно выполненная работа лексикографа требует упорного и многолетнего труда, связанного с теоретическим обоснованием решаемых практических задач, тщательной проверкой репрезентативности и адекватности фиксируемого материала, поиском параметров его описания и систематизации. В современных условиях, когда новая информационно-технологическая среда порождает невообразимые в прежнем относительно закрытом русском культурном пространстве мыслеформы и их вербальные воплощения (см., например, [Кронгауз 2013]), ассоциативная лексикография может стать хорошим подспорьем в разработке инструментария для поиска и фиксации инноваций. Наблюдения за ABC последних десятилетий свидетельствуют о значительном проникновении в жизнь молодых людей реалий техногенной материально-потребительской торговой культуры. Обычно особую роль в распространении этих реалий отводят СМИ и тем активностям, которые порождены и бытуют на просторах Интернета. При оценке этих эффектов применительно к системе языка важно учитывать, что влияние СМИ и Интернета связано, прежде всего, с *флуктуациями смыслов*, возможностями восприятия транслируемых через технико-информационное пространство смыслов и образов, поэтому ассоциативно-вербальное воплощение такого влияния и ограничивается в основном проявлениями на лексическом уровне. Однако даже для этого уровня не стоит торопиться предписывать истоки всех отмеченных в ассоциациях инноваций влиянию СМИ и среды Интернет. Инициированные и проведенные выдающимися лингвистами за последние десятилетия масштабные исследования на английском материале [Labov 1994; 2001; 2007; 2010; Trudgill 2004; 2014; Wolfram, Schilling-Estes 1998; 2006] показали всю сложность и многофакторность языковой изменчивости. Причем ее характер, скорость, причинно-следственные механизмы и прочие признаки существенно (иногда радикально) отличаются по уровням языковой системы. С точки зрения внутриязыковых закономерностей это обусловлено функциональной спецификой единиц каждого уровня и их подсистем, в частности в какой мере они могут влиять на понимание речи и передачу информации в процессе общения. Возникновение у человека речевой способности

и появление языка рассматривается учеными как завершение биологического этапа собственно эволюционного процесса в коммуникативном поведении. С возникновением языка осуществляется переход к историческому, не генетически обусловленному его развитию [Li, Jean-Marie Hombert 2002]. На оси исторического времени вплоть до современного состояния языковых процессов жизнь технологий передачи на расстояние письменных, а тем более звуковых форм просто ничтожна по своей протяженности. По подсчетам П. Традгила, письменной традиции отведено не более 5 % истории существования языка, а электронным средствам и того меньше — примерно 0,1 % [Trudgill 2014: 221]. Автор отмечает, что языковые изменения были присущи языку во все периоды его существования, задолго до технологических революций, давших человеку письменность и электронные средства передачи информации. Основные закономерности, которые приводят к изменениям, и по сей день сокрыты преимущественно в прямом коммуникативном контакте, живой речевой деятельности людей, и никак не могут возводиться к дилетантскому суждению о приоритетной роли СМИ. Последняя, исходя из уже имеющихся у лингвистов надежно подкрепленных огромным фактическим материалом знаний, вообще не может всерьез рассматриваться в случае с фонетическими и грамматическими изменениями, в отличие от лексических [Ibid.: 218]. Ключевые механизмы языковых изменений при взаимодействии различных факторов подробно и новаторски раскрыты У. Лабовом на репрезентативном для современного американского английского материале [Labov, Ash, Boberg 2006]. Автор последовательно идентифицирует субстантные, структурные и функциональные признаки, попадающие в разряд изменений, анализирует весь открывшийся на полученном им новом материале комплекс факторов, среди которых особое внимание уделено когнитивным и культурным. Они осмысляются (на основе возрастной специфики восприятия и освоения языковых явлений) как характерная для детей трансмиссия (*transmission of change*), а у взрослых — диффузия (*diffusion of change*). Рассматривается большой спектр конвергентных и дивергентных явлений изменчивости, включая и такие, которые сопряжены, в той или иной степени, с разными актами идентификации носителей языка [Labov 1994; 2001; 2007; 2010]. В итоге у читателя создается системное видение когнитивных и мотивационно-прагматических оснований языковых изменений. Нам представляется, что результаты наблюдений разных упомянутых здесь авторов за причинностью языковых изменений можно интегрировать в понятие **способы оперирования телами**

языковых знаков в различных социокоммуникативных условиях. Они заставляют подумать о возможностях АВС с ее статистикой в интенсивном и экстенсивном формате. Откуда берутся частотные показатели? Они и есть результат разных способов оперирования телами языковых знаков в различных социокоммуникативных условиях. Языковые же изменения представляют собой среди прочего изменения этих способов вместе с условиями коммуникации. Это частично соответствует английскому термину «density of communication» (о термине см. [Trudgill 2014]), плотность коммуникации. АВС, таким образом, *показывает структуру социокоммуникативных установок языковой личности.* Источники ассоциаций дают нам информацию об этносоциокультурных сферах (нишах), в которых осуществляются коммуникативные акты и кристаллизуется мотивационная структура языковой личности.

Глава IX

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: К РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Прогресс технологий в последние десятилетия привел к расширению познавательных возможностей человека в целом ряде научных отраслей. Так, генетика, палеоантропология, археология, ряд отраслей нейронауки, а также биология и другие смежные науки о жизни дали человечеству открытия, не связанные с решением собственно лингвистических проблем, но поставляющие новый фактологический материал для коррекции прежних воззрений на язык. Сюда можно отнести прочтение генома шимпанзе и человека, открытие ряда генов, участвующих в развитии и работе мозга, в том числе и связанных с регуляцией речевой деятельности. Некоторые вопросы и гипотезы в русле (нейро)когнитивных и компьютерных подходов (как, например, модели разума, уподобляющие мышление человека работе компьютерного процессора [Jackendoff 1989]; зеркальные нейроны; «воплощенная когниция — **embodied cognition**» и др.) вызвали напряженные дискуссии. Большая часть значимых для лингвистики дискуссий, по нашим оценкам, возникла в связи с актуализацией *смысла* в качестве объекта исследования, поиском новых методов его обнаружения, фиксации, исчисления, формализации и интерпретации.

Современные междисциплинарные подходы за рубежом развивались преимущественно отталкиваясь от критики порождающей грамматики Н. Хомского и его последователей. По мере накопления новых данных они постепенно оформлялись в самостоятельные течения.

Оценивая наследие генеративной семантики (которую справедливо упрекают в редуционизме), Р. А. Харрис называет целый ряд народившихся на фоне ее критики конкурирующих ответвлений преимущественно междисциплинарных отраслей, которые в совокупности дают эффект «озеленения, экологизации» лингвистики (the greening of linguistics) [Harris 1993: 248]. В новой лингвистической роще можно найти не только древо прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социоллингвистики, но и функционализма в широком смысле, теорий формализации языка в компьютерной лингвистике и пр. [Ibid.: 250–252]. Как считает Р. А. Харрис, Н. Хомский «снял табу» с обсуждения вопросов мышления (ментализма), введя термины *competence* и *performance*. Последний стал своего рода «поясом целомудрия» (chastity belt) [Ibid.: 249], который позволял сохранить чистоту автономного, модульного подхода к грамматике.

Одна из дискуссий касалась роли эволюционных процессов и генетических мутаций в становлении речевой способности человека как вида, отсюда попытки по-новому поставить вопрос не только о происхождении языка, но и об отличии человека от животных. В этом дискуссионном поле последователи Н. Хомского оперируют понятиями речевой способности в широком (FLB¹) и в узком (FLN) смыслах (см. в особенности [Fitch, Hauser, Chomsky 2005; Fitch 2011]). Первое (FLB) встречается в более широких междисциплинарных контекстах, позволяя проводить параллели между «языками» и коммуникативным поведением животных и человека, второй (FLN), по замыслу авторов, помогает понять специфическую природу языка человека, связанную с рекурсией. Приверженность такому подходу позволяла сохранить принцип модульности с доминантой синтаксических структур в качестве порождающего язык человека устройства. Впоследствии такой подход вызвал серьезную критику на фоне прояснения понятия рекурсии (рекурсивного встраивания) применительно к языку человека и нейробиологической специфике поведения и когнитивных процессов у представителей разных видов [Arbib 2005; Рамачандран 2015: 221–225] (см. также дискуссионные статьи в сборнике [Разумное поведение и язык 2008] и мн. др.). Выстраивая программу развития и принципы нейролингвистических исследований, которые должны быть положены в ее основу, М. Арбиб также подвергает критике господствующее

---

¹ История и комментарий к использованию терминов (FLB — faculty of language in a broad sense; FLN — faculty of language in the narrow sense), а также обзор дискуссий в этой связи приводятся в [Fitch 2011].

в то время генеративное направление: «...и хотя грамматика описывает языковую деятельность (performance), она не является подсистемой системы, которая эту деятельность порождает. Точно так же планета не использует понятие эллипса для того, чтобы вращаться вокруг Солнца» (перевод наш. — *И. Ш.*) [Arbib 1982a: 77–78].

Новые научные открытия привели к активизации вопросов происхождения и эволюции языка человека уже на новой основе. Дискуссии выявили подходы, в которых эволюционные процессы не рассматриваются вне генетических изменений, поэтому экстраполяция эволюционных теорий на культуру и язык у таких исследователей не учитывается в качестве научно оправданной аналогии [Fitch 2007]. Такие подходы встречают критические оценки и побуждают ученых к новым размышлениям [Бичакджан 2008; Пинкер, Джакендофф 2008; Черниговская 2008]. Дискуссии высветили эволюцию коммуникативного поведения у гоминид как важнейший фактор когнитивного развития и появления языка у человека и предмет рассмотрения в биоэволюционных теориях [Moll, Tomasello 2006]. «Эволюцию же языка» в аспекте языковых изменений относят к диахронической (исторической) лингвистике. Поэтому хронологически изучение такой (собственно культурной) эволюции языка начинается с того момента, когда он возник у человека, в то же время с его возникновением заканчивается собственно биоэволюционная (генетически зависимая) история *происхождения* языка (языковой способности) у человека [Li, Hombert 2002: 191–192]. Со всей очевидностью новые дискуссии поставили вопрос о свойствах того праязыка, каким эволюционно овладел человек (гоминид). В них акцентируется необходимость избежать переноса современных реалий на столь глубокий по времени эволюционный процесс, а потому учесть, что речь идет об *устном языке*, который становился в ходе живого взаимодействия, коммуникативной деятельности, сопряженной с другими видами человеческой активности, ради которых коммуникация и налаживалась. Письменный же язык — продукт культурной эволюции [Ibid.]. Здесь также раздаются упреки в адрес Хомского, чьи синтаксические структуры, как «продукт интроспекции академических ученых», далеки от реалий живого языка. Между тем «общий коммуникативный контекст любого устного разговора, лингвистический или нелингвистический, визуальный, слуховой или тактильный, служит таким богатым источником информации для собеседников, что преобразовывается в грамматику, артикуляцию и организацию устной речи существенно иначе, чем в случае с письменной речью» (перевод наш. — *И. Ш.*) [Ibid.: 192].

Поскольку постулаты, выдвинутые в гипотезах Н. Хомского, затрагивали ключевые для построения любой теории языка вопросы, в том числе и вопросы психической жизни человека, А. Р. Лурия посвятил специальную статью критике Н. Хомского с позиций психолога. В ней также констатируется, что Н. Хомский открыл новые горизонты для исследования языка и мышления, его «трансформационная грамматика», посвященная преобразованиям общих «глубинных структур» универсального характера в разнообразные «поверхностные грамматические структуры», в корне меняла предмет лингвистики [Лурия 1975; 2003: 238–239]. Методы, которыми пользовался Н. Хомский, приближаются к приемам математической логики и представляют собой, по мнению А. Р. Лурии, «попытки формализации основных компонентов мыслительных операций, совершающихся с помощью языка. Эти методы делают только первые шаги» [Там же]. Далее, оценивая центральный постулат о языковой компетенции как способности усваивать основные грамматические структуры языка, которая представляет собой якобы *априорное знание* и не нуждается в научении, а усваивается сразу потому, что относится к числу врожденных форм ума или, точнее, «духа» (*mind*), А. Р. Лурия пишет, что нет никакого основания рассматривать «глубинные структуры языка» в качестве основных категорий «мысли» (*mind*), а интуитивное узнавание грамматических структур (*competence*) резко отделять от их применения (*performance*) [Там же: 244–245]. Резюмируя итоги своего критического обзора, А. Р. Лурия формулирует фундаментально противоположные гипотезе Н. Хомского положения, которые составляли основу многих исследований представителей Московской психологической школы: «...как “компетентность” в языке, так и “применение” языка не появились сразу и не являются двумя независимыми явлениями. Можно думать, что сама “компетентность” в языке является результатом развития его применения и что только в процессе активного отражения действительности и активного общения у ребенка возникает понимание языка. Есть все основания считать, что генетические корни языка следует искать вне языка, в тех формах конкретных человеческих действий, в которых осуществляется отражение внешней действительности и формирование субъективного образа объективного мира, основных приемов общения ребенка с окружающими» [Там же: 245]. Именно эти тезисы с различными модификациями и уточнениями смыслов, в новом терминологическом оснащении, развиваются во многих современных, подкрепленных новым экспериментальным материалом, работах междисциплинарного плана.

Общефилософские, равно как и предметно-специальные междисциплинарные, дискуссии могут иметь существенные последствия для лингвистики, так как от того или иного решения упомянутых проблем зависит *подход к систематизации языковых процессов*, к теоретической интерпретации динамики и природы языковых систем, а значит, в конечном итоге, к коррекции методических и педагогических принципов и установок.

Активное развитие в последние десятилетия (особенно с 80-х гг. прошлого века) получили когнитивные направления в лингвистике. Среди базовых постулатов, которые как будто разделяются большинством исследователей-когнитивистов, постулат о так называемом примате когниции над языком, то есть первичности когнитивных процессов по отношению к языковым в филогенезе и онтогенезе. В советский период этот фундаментальный принцип был, по мнению Е. С. Кубряковой, «наиболее четко» изложен, согласно современной точке зрения на соотношение языка, мышления и действительности, в работах Р. И. Павилёниса [1983]. В них утверждалось, что концептуальная система в сознании человека формируется еще до возникновения языка, репрезентации языкового характера включаются в эту систему «по мере возникновения самого языка, т. е. в результате генезиса языка как особого объекта восприятия, разделяющего с другими объектами то, что делает и язык неким самостоятельным феноменом, подвластным членению, иерархизации, категоризации его системы и т. п., наконец, общий вывод всей теории Р. И. Павилёниса об осмысленном характере всей переработанной человеком информации и ее бытии в форме **смыслов**, ... вербальная объективация которых может происходить по мере введения естественного языка в качестве кода и может принимать с его развитием самые разные формы (от слова до предложения и целых текстов)» (цит. по: [Кубрякова 2004: 165–166]).

Еще один важнейший постулат когнитивного направления в лингвистике касается методов изучения языковых единиц. Так, излагая теоретические предпосылки своего знакового для когнитивистов труда по когнитивной грамматике, Р. Лангакер оперирует понятиями сети, частотности, прототипа и взаимосвязи (взаимной выводимости) смыслов при описании часто употребляющихся морфем или лексических единиц языка [Langacker 2002]. Слово, таким образом, должно рассматриваться лингвистами в составе образуемой им сети семантических связей. «Грамматика языка должна давать полное представление об устоявшемся использовании слова. Так,

она должна фиксировать полноту сети конвенционально устоявшихся смыслов лексической единицы, описывая каждый из них индивидуально вместе с отношениями, в которые он вступает с другими смыслами» (перевод наш. — *И. Ш.*) [Langacker 2002: 35]. Более того, значения надлежит рассматривать как части когнитивных сфер (*cognitive domains*), своего рода комплексных смысловых структур знаний, которые представляют собой результат концептуализации и не могут носить априорного характера. Очевидно, что такой подход означает размежевание с Н. Хомским, отвержение модульности трактовки языка и его подсистем, включение языковых процессов в общие когнитивные сети, отражающие на ментальном уровне опыт включенности человека в мир. Дальнейшее развитие когнитивных теорий характеризуется попытками описать структуры «упаковки» и преобразования знаний средствами языка, способы вербальной объективации смыслов. Огромную популярность снискали работы Дж. Лакоффа, в них разрабатывается понятийный аппарат описания категорий и когнитивных моделей, которые являются результатом когнитивной деятельности человека по переработке опыта пребывания во внешнем мире — категоризации [Lakoff, Johnson 1980; Лакофф 1988; 2004; Лакофф, Джонсон 2004]. Здесь нам представляется необходимым сделать акцент на двух познавательных установках, определяющих теоретические положения рассматриваемых подходов. *Первое* — следование так называемому прототипическому подходу к категоризации, который обычно возводят к трудам психолога Э. Рош и ее соавторов. *Второе* — воплощенность мышления (*embodied cognition*). «Мышление является воплощенным. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф 2004: 13]. Мышление в своей основе «вырастает из материального воплощения». Раскрывая понятие «опыт» в широком смысле, Дж. Лакофф ведет речь обо всем, «что формирует актуальный или потенциальный опыт отдельного живого существа или сообществ живых существ — не только восприятие, моторное движение и т. д., но особенно внутреннее генетически приобретенное строение организма и характер его взаимодействия с физическим и социальным окружением» [Там же: 14]. Таким образом, включенным, по-видимому, оказывается и опыт интероцептивных и проприо-

цептивных ощущений². Положения, которые последовательно развивает и обосновывает эмпирическим материалом в своих работах о категоризации и метафоризации Дж. Лакофф, противопоставляются им «объективистскому» подходу, особенно декларируемому «энтузиастами компьютеризации», склонными уподоблять работу разума компьютерному процессору³ и давать жестко структурированные трактовки устройства языка и мышления. Последнее представляется им как «дематериализованное оперирование абстрактными символами», а «взгляд на мышление как абстрактное, дематериализованное и сухое, прозаичное явление является чрезвычайно устойчивым» [Лакофф 2004: 757]. Примечательно, что критикуемый Лакоффом подход, который он связывает с исключительно жесткой, «классической» трактовкой категоризации и категорий, не отвергается им как бесосновательный, а объявляется односторонним.

Для нас важно, что наличие двух трактовок категоризации не является вопросом чистой аргументации в пользу только одной из них, а несет в себе глубокий смысл в аспекте онтогенеза, поскольку, помимо уже отмеченных Дж. Лакоффом в его работах характеристик обоих подходов, противоречия между ними снимаются, если учесть, что разные аспекты категоризации имеют возрастную, временную и функциональную специфику, связанную с возможностями распознавания предметов у человека как вида. Этот вопрос получает развитие в работах А. Д. Кошелева. «Естественные человеческие категории по меньшей мере дуальны, т. е. задаются **одновременно** как прототипические, размытые (на основе видового и базового концептов), и как классические, строгие (на основе партитивного концепта). При этом

---

² Воздействия внешней среды воспринимаются *экстерорецепторами* (зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, тактильные и температурные). *Интерорецептивный* (висцеральный) анализатор обеспечивает человеку восприятие и анализ информации о состоянии внутренних органов, он связан с ощущениями внутреннего тела; *проприорецептивный* — с ощущениями собственного тела в пространстве, с бессознательной координацией движений, а также с узнаванием предметов на ощупь. Эти три характеристики рецепторов служат основанием для описания, в частности, трех разных видов условных рефлексов [Дмитриев 1974: 166–167]. См. прецедентное для российской когнитивной лингвистики исследование, в котором выявляется культурно обусловленная специфика вербализации интерорецептивных ощущений [Нагорная 2014].

³ Свой объемный труд «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении» Дж. Лакофф открывает книгой под названием «Разум вне машины».

строгие дефиниции, обладая более высоким таксономическим приоритетом, чем прототипические, не отменяют последние: зная, что страус является птицей, человек одновременно с этим понимает, что он — нетипичная птица. ...уже трех-, четырехлетний ребенок располагает по меньшей мере двумя репрезентациями своих визуальных образов: наглядной, или невербальной (она появляется первой и задается видовыми концептами), и пропозициональной, или вербальной, представленной партиитивными концептами» [Кошелев 2013: 753]. В его работах, посвященных когнитивным факторам развития детской речи, выявляется трехзвенная иерархическая структура объектных концептов, которая соотносится с разными уровнями категоризации и этапами речемыслительного развития ребенка. Общее содержание развития: от синкретической целостности к менее диффузным, более четким концептуальным репрезентациям, с последующей дифференциацией частей прежде единого целого и интеграцией их в систему. Примерно к 12 месяцам у ребенка появляются **видовые объектные концепты** на основе пока еще не четкого визуального прототипа образа предмета (например, стула в предметно-двигательных событиях). К двум годам из этого прототипа развивается **базовый концепт**, который интегрируется из двух составляющих визуального образа: целостной пространственной формы (стула) и ее функции (можно сидеть). К трем годам каждая из составляющих базового концепта делится на части — компоненты объекта (ножки, спинка и пр.) и их функции. Это **партиитивный концепт**. «В результате на 4-м году жизни ребенка его концептуальная репрезентация предмета представляет собой трехзвенную цепочку: “Видовой концепт — Базовый концепт — Партиитивный концепт”. Она задает четкую, строго дискретную категорию предметов и образует основное (концептуальное) значение соответствующего предметного существительного» [Там же: 748–750]. Очевидно, что разные этапы когнитивного развития ребенка показывают разные способы обращения с предметами. «При овладении формами слов (морфемами) ребенок действует с ними как с предметами. ...морфологическая структура слова открывается ребенку только после двух лет и исключительно благодаря обретенной им (в процессе продолжающегося когнитивного развития) способности делить свои объектные репрезентации на содержательные части, т. е. преобразовывать их в системы своих функциональных частей» [Кошелев 2009: 59]. Автор приходит к выводу, что и морфология, и словообразование, которые усваиваются во время речевого взрыва, могут также быть обусловленными процессом произвольного формирования

ребенком партитивных систем для всех предметов своей репрезентации мира, включая вербальную [Кошелев 2009: 60]. Примечательно, что животные (даже шимпанзе) не превосходят в когнитивных возможностях уровень 1,5–2-годовалого ребенка. Этому уровню, вероятно, соответствовал и протоязык предка человека, напоминавший, по всей видимости, язык периода слов-холофраз в онтогенезе у современных детей, не имевший переносных (метафорических и метонимических) значений. Очевидно, что метафорические и метонимические модели, ведущие к обрастанию слова новыми связями и усложнению смысловой структуры его значения, возникают на базе дискретных структур (формирующихся с появлением трехзвенных ментальных репрезентаций), порождаемых нашим мозгом, способным к дифференциации общих значений, их структурированию и творческой манипуляции выделенными в них когнитивными признаками. На этом основывается и гипотеза эволюции лексических значений на пути превращения протоязыка в лексику первого общечеловеческого языка — праязыка (подробнее об этом см. [Кошелев 2013: 748–766]). Таким образом, автору действительно удастся предложить исходную единую теоретическую канву для когнитивной модели описания языка и когниции человека, где интегрируются данные онтогенеза, филогенеза и линий формирования у человека модели мира.

Если отвлечься от нюансов, то созвучные в своей фундаментальной основе, подкрепленные нейронаучными данными идеи находим в работах М. А. Арбиба, которые посвящены созданию компьютерных моделей, синтезирующих наши знания о филогенезе и онтогенезе, а также о функционировании речевой способности у человека [Arbib 1982a, b; 2005; 2012; 2017; Moulin-Frier, Arbib 2013]. В этих работах находит подтверждение и дополнительное обоснование концептуальная (когнитивная) основа всей сознательной, включая вербальную, активности человека. В своей модели автор показывает, как постепенно из мозга, «предрасположенного к развитию языка» (*language-ready brain*), у *homo sapiens* развивается мозг, использующий язык (*language-using brain*) **вместе с развитием его коммуникативных возможностей** — от простых целенаправленных актов действий (*raxis*) с объектами мира к сложносоставной деятельности и коммуникации. Задачи, которые ставятся исследователем в работах разных лет, можно было бы описать в самых общих терминах как нейролингвистическое исследование взаимодействия нейрофункциональных систем на фоне визуальных, слуховых и моторных процессов восприятия и производства речи. В его работах ставится задача создания сравнительной

компьютерной нейроприматологии (*computational comparative neuroprimatology*), которая направлена на исследование сходств и различий нервной организации активности у разных видов приматов и человека и способна дать фактическую информацию и инструментарий для уточнения наших знаний о филогенезе и об онтогенезе. Одной из центральных гипотез при построении таких моделей служит гипотеза о зеркальных нейронах. Открытие «зеркальных нейронов», которое связывают с именами Дж. Риццолатти, Л. Фадига, В. Галиса, Л. Фогасси, М. Арбиба, вызвало широкую дискуссию, поскольку оно дает основания для поиска *нейрофункционального субстрата* речевых, а также когнитивных и коммуникативных способностей человека, в конечном итоге, и *субстрата идентичности*, о чем речь пойдет ниже. Это открытие наряду с другими подходами, оживило и наполнило новым содержанием дискуссии о (телесной) воплощенности. В этих дискуссиях проясняются и уточняются при обобщении эмпирических данных, полученных разными методами, такие понятия, как воплощенная когниция (*embodied cognition*), воплощенное общение, взаимодействие (*embodied interaction*), **воплощенная имитация (*embodied simulation*)**, **воплощенная интенциональность (*embodied intentionality*)**, воплощенность (*embodiment*) как феномен. ([Foundations of Embodied Cognition 2016; Gallese, Caruana 2016; Gallese 2013; Bonini, Ferrari, Fogassi 2013; Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? 2013; Gallese, Sinigaglia 2012; Gallese, Sinigaglia 2011a, b; Gallese 2009; Goldman, de Vignemont 2009; Mirror neurons and the evolution of brain and language 2002] и **мн. др., см. также работы нейролога [Damasio 1989; 1997]**, где телесный материализм проявлен в ключевом для представленной концепции термине *the minded brain* [Damasio 1997].) Высказываются и подкрепляются экспериментальными данными положения об адаптации нейронных механизмов (в том числе и «зеркальных систем»), предназначенных изначально для сенсорно-моторных функций, к созданию нейрофункциональной «архитектуры» мыслительных и языковых процессов при сохранении за этими нейронными механизмами их прежних функций ([Gallese 2008; Риццолатти, Синигалья 2012; Arbib 2017] и др.). В контексте восприятия речи и происхождения языковой способности человека особенно информативны, как нам думается, упомянутые выше работы М. А. Арбиба. В них, как и в трудах российских психо- и нейролингвистов, подчеркивается, что значение и смысл действий человека формируются в его включенности в бытие, в процессе его личного опыта взаимодействия с окружающей средой. Фактология исследований, которые

ведутся в этом направлении, независимо от судьбы самой гипотезы о зеркальных нейронах, как нам представляется, дает дополнительное нейролингвистическое подкрепление высказанным ранее Московской психологической и психолингвистической школой идеям, легшим в основу системы лингвистических знаний о речевой деятельности, о структуре сознания и его функционировании в процессе овладения родным и иностранными языками. Примечательно, что в поле зрения исследователей попадает и нейрофункциональная архитектура *двусторонней коммуникации*, которая фиксирует внимание на нейронных механизмах и их процессуальной динамике в условиях влияния действий двух субъектов друг на друга [Arbib 2017: 146]. Особого внимания заслуживает режим очередности субъектов в компьютерных моделях воплощенного взаимодействия, как инструмент появления согласованности групповых стратегий [Ibid.].

Как же расценивать этот новообретенный материализм? Как оппозицию виртуализирующей жизнь компьютеризации? Как неизбежную дань междисциплинарности с физическим идеалом научности, требующим измерения объекта и прямого чувственного или аппаратно-инструментального контакта с ним? Как новую исследовательскую парадигму?⁴ Нам думается, что это явление представляет собой попытку вернуть лингвистику к реалиям жизни, преодолеть абстрактно умозрительный априорный подход к описанию языковых систем, который у многих ассоциируется, прежде всего, с порождающей грамматикой Н. Хомского, хотя корни его гораздо глубже, и который теряет свою объяснительную силу в новой реальности. Это попытка соединить языковой знак с референтом на новой, эмпирической, преимущественно экспериментальной основе, перевести понятийно-категориальный

---

⁴ Примечательно, что в библиометрических работах последних лет фиксируется кардинальное изменение методологии когнитивных исследований. Например, в статье [Knobe 2015] отмечается, что в авторской выборке публикаций по тематике философии разума и философии когнитивной науки за последние пять лет абсолютно преобладают эмпирические работы, очень большой сегмент занимают экспериментальные методы, самый маленький сегмент остается у теоретизирующих априорных подходов в представлении результатов исследований. Автор приходит к выводу, что исследования в области когнитивной философии стали более интегрированными в широкий междисциплинарный контекст когнитивной науки. Тематические предпочтения в публикациях по когнитивной тематике (в журнале *Cognition*) за последние 40 лет рассматриваются в статье [Priva, Austerweil 2015]. Здесь также фиксируется переориентация статей с абстрактно-теоретических подходов к экспериментальным.

аппарат описания в современную междисциплинарную плоскость, чтобы он мог быть пригоден для использования в разных отраслях, где востребованы соответствующие знания. С появлением новых технологических возможностей объективации и визуализации мозговой деятельности, быстрой компьютерной обработки данных и моделирования процессов в их развитии такая потребность актуализуется. Наверное, интенсификация проектов в области искусственного интеллекта и робототехники также могла в какой-то мере направить исследовательское внимание в сторону воплощенности, материализации речевой деятельности. Конечно, цифровые подходы с преобразованием сигналов и построением искусственных, имитирующих какие-то аспекты деятельности мозга антропоморфных систем основаны на совершенно иных принципах, нежели живые человеческие организмы, но интерпретация полученных результатов потребует обращения к эталону, хотя бы в целях оптимизации уже работающих искусственных систем. Применительно к проблеме воплощенности (*embodiment*) периодически прорываются установки на необходимость искать пути для более полного учета причастности всего богатства человеческих сенсорно-моторных систем к обоснованию (*grounding*) понятий и языковых значений [Thill, Padó, Ziemke 2014]. Реальная картина использования слова вряд ли сводима, как утверждают авторы, использующие дистрибутивные модели описания слов, к редуцированным, «простым» сенсорно-моторным системам, которые используются в робототехнике в настоящее время. Причем авторы относят это и к конкретным, и к абстрактным понятиям [Ibid.: 555]. О воплощенности абстрактного и конкретного в более широком грамматическом плане и на нейробиологической основе см. также [Arbib 2006; Cuccio, Gallese 2018].

Емкость полученных человеком в жизненном опыте смысловых структур, стоящих за словом в нашем сознании, не является каким-то абсолютно новым знанием в науке. Это явление открыто давно и в разные эпохи описывалось в разных терминах и аспектах. В советский период широкое развитие получила теория высшей нервной деятельности И. П. Павлова [1949], где природа слова и вербальной деятельности человека объясняется в контексте взаимодействия первой и второй сигнальных систем. Ведущая роль второй сигнальной системы — характерная особенность человека как вида. Вторая сигнальная система занимается обобщением и интеграцией бесконечно идущих сигналов от первой, что дает человеку безграничную адаптацию. Формирование языкового знака у ребенка рассматривалось психофизиологами

в контексте теории условно-рефлекторной деятельности. «Каждый предмет представляет собой комплексный раздражитель, компоненты которого (зрительные, звуковые, тактильные и т. д.) вызывают одновременно возбуждение различных сенсорных пунктов коры. Однако следует помнить, что любой раздражитель имеет смешанную природу: наряду со специфическим компонентом, адекватным для рецепторов глаза, уха, кожи и т. д., в него обязательно включается и кинестетический компонент, вызванный сопутствующими движениями» [Дмитриев 1974: 267]. Здесь речь, по-видимому, идет о движениях, «обеспечивающих установочную реакцию» внутренних мышц по отношению к раздражителям, то есть настройку модальностей на воспринимаемый объект. «Образование сенсорных связей при формировании чувственного образа предмета, т. е. процесс синтеза, осуществляется прежде всего в зоне кинестетических проекций различных раздражителей» [Там же: 268]. В экспериментальных исследованиях физиологов было показано, что «при раздражениях различной модальности раньше всего возникают изменения электрической активности в двигательной области мозга, а затем уже в специфических сенсорных зонах; при участии двигательного анализатора быстрее происходит образование систем условных рефлексов» [Там же]. «С таким комплексом непосредственных ощущений, синтезированных в единый целостный чувственный образ предмета, и вступает в связь слово. Слово также является сложным раздражителем, в котором действуют звуковой (при слушании слова), зрительный (при наблюдении за мимикой говорящего, соответствующей артикуляции звуков речи) и кинестетический (от мышц речедвигательного аппарата при имитации звуков речи) компоненты» [Там же]. «Когда слово присоединяется к действию непосредственных ощущений от предмета, то замыкаются связи прежде всего между кинестетическим компонентом словесного раздражителя (речевыми кинестезиями) и кинестетическими проекциями всех действующих непосредственных раздражителей, т. е. неречевыми кинестезиями, а затем (вторично) и со всеми сенсорными пунктами, образуя единую функциональную структуру. Так функциональная основа словесного раздражителя связывается с чувственным образом обозначаемого этим словом предмета» [Там же: 268–269]. Описание слова как *интегратора нескольких порядков* по мере его обрастания системой условных связей в онтогенезе и превращения его в обобщающий «сигнал сигналов» соответствует понятиям разных уровней категоризации в современных когнитивных теориях.

Условно-рефлекторные теории и методы были всесторонне изучены, подвергнуты конструктивной критике и развиты в работах Н. И. Жинкина [1958], который, здесь нельзя не согласиться с А. А. Залевской, на много лет опередил свое время, заложив фундамент отечественного психолингвистического подхода к решению основополагающих вопросов функционирования языка [Залевская 1999: 47]. Говоря о необходимости развития единой теории речевого процесса, он обращается к мысли И. П. Павлова, которая, по его мнению, касается роли речедвижений как «начального кодового ключа», лежащего «в основе всего сложного механизма речи». Вывод о том, что речедвижения являются основой мыслительной деятельности, составляет «величие» открытия И. П. Павлова и позволяет вести исследования «великого пути от звука к мысли» [Жинкин 1958: 365–366]. Одной из первых задач он считал исследование устройства словесных раздражителей. Он вводит понятие «кода», под которым понимает «способ реализации языка, систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определенный язык»: «Какое-нибудь слово, например *стол* или *лошадь*, может быть дано (и это заметил еще И. П. Павлов) или как слово слышимое, или как видимое (в буквах), или как произносимое; к этому добавим, что слово может появиться как осязаемое (по азбуке Брайля), как зрительно-двигательное (пальцевая речь) и др. Всё это разные коды. При этом слова *стол* и *лошадь* как элементы системы языка остаются тождественными во всех этих разных кодах» [Жинкин 1964: 29]. Он далее экспериментально обосновывает возможность перехода от одного кода к другому и приходит к выводу о наличии у человека так называемого универсального предметного кода (УПК), универсального языка внутренней речи, с которого возможны переводы на все другие языки. УПК непроизносим, у него нет материальных признаков слов натурального языка, нет последовательности знаков, а есть изображения или их группировки, то есть образы. Этот код поэтому назван автором *предметным*. УПК свободен от избыточности, так как связи в нем предметны, то есть содержательны, а не формальны, «конвенциональное правило составляет *ad hoc*, лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции» [Там же: 35–36]. Н. И. Жинкин приходит к выводу о том, что «механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях — предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Именно эта двухзвенность

механизма человеческого мышления резко отличает его от искусственных устройств с применением формально-логических средств переработки поступившей информации» [Жинкин 1964: 36]. Исследуемые разными науками разные аспекты этого речевого механизма человека могут быть объединены, по мысли Н. И. Жинкина, на основе комплексного подхода, через психологию. Концепция Н. И. Жинкина позволяет избежать замкнутого круга сведения мышления к языковым средствам. В ней всесторонне обосновывается положение о том, что мышление представляет собой конструирование с отбором как содержания, так и языковых средств из труднообозримого множества компонентов. Живой язык, располагающий ограниченным количеством языковых средств, способен передать бесконечное множество мыслимых содержаний, явленных через УПК и поставляемых из бесконечного мира совместной коммуникации и деятельности людей. Проблему языка и мышления Н. И. Жинкин относит не к структуре языка (поддающейся формализации системы), а к процессу реализации этой системы, когда имеет место процесс мышления как психологическое явление, в ходе которого и наблюдаются отмеченные им кодовые переходы. Ср. высказанные позднее мысли Дамазио о том, что «базовые “дескрипции” не используют язык, хотя они *могут быть переведены на язык*; они **чисто невербальны, основываются на репрезентативных орудиях сенсорной и моторной систем с учетом пространства и времени**» (цит. по: [Залевская 2005]). В дальнейшем вопросы внутренней речи и языкового / речевого механизма человека всесторонне изучались в трудах российских психологов и психолингвистов (Леонтьев А. А., Ахутина Т. В., Ушакова Т. Н., Залевская А. А.) и др. Подробный обзор подходов и релевантные для нашего анализа авторские концепции можно найти у [Залевская 1999; Ушакова 2011]. Интерес к этим вопросам был закономерен для отечественной науки. Психологов не удовлетворяли те ограничения, которые возникали при определении границ исследуемого объекта и вытекали из введенного Соссюром деления речевой деятельности на речь и язык. Они обратили внимание на «неразрывную, жизненную связь речи с языком, мыслью, личностными проявлениями говорящего человека. Речь, понимаемая как *произнесенное слово*, оказалась “общипанной”, как птица на вертеле. Вот почему столь существенным стал поворот в сторону изучения речи с ее внутренним основанием, т. е. к теме внутренней речи» [Ушакова 2011: 80].

В трудах отечественных психолингвистов «воплощающая» (репрезентативная по отношению к опыту вживленности человека в мир)

природа слова *всегда была осознаваема* как исходная методологическая основа для выявления единиц анализа и поиска приемов работы с ними. «Слово сопутствует человеку с момента рождения и до того, как проявиться во всей пышной красе (или уродстве) своих внешних форм, оно проникает, если угодно, интериоризируется или интроцируется во внутренние формы движений, действий, образов, аффектов ребенка» [Зинченко 2008: 116]. Ср. определение слова в качестве центрального положения в психолингвистической концепции А. А. Залевской. «Психолингвистическая концепция трактует слово как продукт переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, протекающей по закономерностям индивидуальной психической деятельности, но под контролем социально выработанных систем вербальных значений, отношений, норм, оценок и т. д. Вследствие этого слово оказывается средством доступа к единой информационной базе человека — памяти с многосторонними связями между воспринятыми через сенсорные модальности (зрение, слух и др.) знаниями разных типов и увязываемыми с ними эмоционально-оценочными переживаниями» [Залевская 2005: 198].

Какой путь для систематизации языковых процессов и построения теоретических моделей языка открывается через призму осмысления канонической единицы его анализа в качестве емкой, «мультимодальной», обретенной личностью в онтогенезе и социально детерминированной смысловой сущности? Многообразный опыт, источник смыслообразования, обретается личностями конкретных людей, но общие для носителей одного языка вербальные средства используются ими под воздействием различных мотивационно-прагматических условий для выведения этого опыта вовне сообразно текущей коммуникативной (жизненной) ситуации, при соотношении своей когнитивной реальности с опытом других членов сообщества. Где образуются системные характеристики языка и как именно они выглядят? Они продукт спонтанной деятельности мозга и воплощаются в мозге или пребывают во внешней среде? Для поиска ответов на эти вопросы из проведенного обзора работ нам представляются особенно важными выявившиеся в них: когнитивная основа как принцип целостности в описании языка и речи; интегративная концепция слова как единицы, имеющей психофизиологический и нейрональный субстрат в качестве ее естественной телесной базы; функциональная (и мультимодальная) многомерность связей вербальных единиц. Слово психологами рассматривается как стабильно функционирующий элемент вербальной системы. Оно представлено в специализированной

нервной структуре. Ее называют *логогеном*. «Данным термином обозначаются психофизиологические образования, функционирующие, с одной стороны, в составе ткани мозга, а с другой — выполняющие психологические операции» [Ушакова 2011: 86]. Это понятие, по словам Т. Н. Ушаковой, также уподобляют «нервной модели стимула», которая вырабатывается при усвоении сигналов различных модальностей, в том числе словесных. В онтогенезе человек накапливает лексику за счет формирования таких моделей для каждого слова. При изучении новых языков аналогичные процессы происходят и у взрослого [Там же: 87]. Устройство логогена, по мнению автора, «обеспечивает сохранение следов не только внешних материальных воздействий, но и субъективных впечатлений, что составляет *латентную “нуклеарную” семантику слов*» [Там же: 91]. Межлогогенные временные связи создают «обширную систему взаимосвязанных структур», которую психофизиологи называют «вербальной сетью», для которой характерна качественная неоднородность участков и изменчивость проявлений. С физиологической точки зрения семантически связанные слова являются «раздражителями, действующими в условиях многократных сочетаний, поскольку они часто встречаются друг с другом в ограниченном речевом контексте» [Там же: 104]. Таким образом, частота совместной активации этих раздражителей соотносится с ассоциативными нервными связями, отражающими социокоммуникативный опыт личности. Все это свидетельствует о том, что вербальные сети представляют собой *организованные определенным образом системы*. Получить доступ к этим системам можно в экспериментальном режиме. Для этого используются разные виды экспериментов с вербальными стимулами. «Протекание вербальных процессов, инициируемых словесными раздражителями, включает в действие механизм “вербальных сетей”, которые реагируют как система, отвечающая специфической активацией отдельных узлов. Участие логогенов и объединяющих их систем временных связей в любом речевом акте, связанном с воздействием словесных раздражителей, приводит к заключению, что названные функциональные образования мозга человека (хотя и не только они) составляют субстрат вербальной сферы человека» [Там же: 151].

В работах зарубежных и некоторых отечественных психолингвистов системность такого рода осмыслялась в терминах теорий «внутреннего» или «ментального» лексикона. Обзор работ по этому направлению представлен у [Кубрякова 2004: 378–389]; авторская концепция с разбором истории вопроса в [Залевская 1980; 1999: 136–173;

2005: 31–262], методологическая сторона в [Залевская 2011]. В опыте многолетних экспериментов (длиною в целую жизнь) А. А. Залевской были выявлены различные особенности единиц внутреннего лексикона, которые показывают невозможность последовательного применения к ним традиционных методик исследования лексики и ее описания в толковых словарях. «Единица внутреннего (ментального) лексикона и описание слова в традиционном словаре различаются по ряду параметров. Например, описываемые в единой статье словаря лексико-семантические варианты одного и того же полисемантического слова у индивида скорее всего хранятся раздельно в составе специфических систем связей (образов, ситуаций, эмоционально-оценочных переживаний); парадигматические и синтагматические связи в лексиконе устанавливаются на уровне смыслов независимо от формальных показателей принадлежности к одной и той же или к разным частям речи; единицы лексикона организованы по множеству принципов (оснований), только часть которых описывается с позиций лингвистики» [Там же: 9].

В психолингвистических моделях внутреннего лексикона появляется мотив «языка как достояния человека» (термин А. А. Залевской), модели языка в человеке. В последние десятилетия, по мере развития экспериментальных подходов к исследованию вербальных сетей, стал утверждаться термин «языковое сознание» в моделировании и описании их устройства и функционирования [Тарасов 1996; 2014; Уфимцева 2011; 2017]. В качестве носителя языкового сознания выступает *языковая личность*. Этот феномен получил обоснование и методическое оснащение для его исследования на основе ассоциативно-вербальных сетевых моделей в работах Ю. Н. Караулова [1987; 2010а].

Инструментарий моделирования языкового сознания и языковой личности сегодня апробируется лингвистами с рядом ограничений (см. критический анализ использования термина «языковое сознание» и подходов к определению границ этого объекта в [Ушакова 2000; 2011]). Для того чтобы оценить его потенциал, глубину проникновения в объект (психолингвистические механизмы порождения субъективности), которую он может дать, нужно с ним поработать. Последнее влечет за собой трудоемкий процесс накопления экспериментальных данных, в идеале их постоянное пополнение и организацию (оптимизацию для пользователя) в ассоциативно-вербальных базах, поскольку действующие модели языкового сознания выводятся на этой эмпирической основе с помощью компьютерных технологий и относятся, как мы уже выяснили, к разряду сетевых (ABC). Сетевой

принцип вовсе не случаен. Языковое сознание имеет пластичный нейрофизиологический субстрат, который также часто описывается на основе метафоры сети как гиперсеть нейронных связей. Его ассоциативно-вербальная модель, образно говоря, приблизительный вербальный «слепок» с этих связей, построенный на точках (узлах), яркость (степень проявленности) которых сильно зависит от частоты возникновения соответствующих смыслов и их вербальных носителей в стохастических процессах интериоризации опыта языковой личности. Эта модель отражает пластичность нервной системы человека. Поэтому она отличается инерционностью (консервативностью, устойчивостью связей — отсюда возможность вывести ее ядро с прилегающими к нему поясами разной степени устойчивости), с другой стороны, ей свойственна изменчивость. Ассоциативно-вербальные модели языкового сознания позволяют проводить синхронно-диахронный анализ живой динамики (стохастических процессов) в пределах нескольких поколений (с вектором в будущее или прошлое), включая лексико-грамматические явления, когнитивные и мотивационные (речь идет о социокоммуникативных установках) процессы в их порождении и актуализации. Ю. Н. Караулов описывает АВС как «диссипативную структуру» и «культурно обусловленный гипертекст» [1999]; в ее узлах в свернутом виде оседают вербальные фиксаторы когнитивно-деятельностного опыта «усредненной» русской языковой личности. Формирующиеся при этом смысловые доминанты (мотиваторы) носят стохастический характер, они *эмерджентны*, а их флуктуации побуждаются множеством факторов, среди которых для идентификации личности особо значим фактор социальной детерминации социализующими деятельностями.

При обретении новых навыков и знаний происходит *изменение нервной организации человека*. Известно, что если отдельные нейроны совместно активируются во времени, то они могут связываться друг с другом, поэтому АВС формируется *в опыте совместной вербальной коммуникации и деятельности*. Сетевые принципы построения модели языка и организации лексикографических ресурсов давно не являются, как мы пытались показать в нашем обзоре когнитивных работ, абсолютным новшеством в мировой практике научных лингвокогнитивных исследований. Особую актуальность они приобрели в эпоху компьютеризации, когда, собственно, появилась техническая возможность полноценно с ними работать. При всем разнообразии конкретных подходов (включая экспериментальные) к созданию таких моделей и ресурсов можно констатировать, что их объединяет стремление

зафиксировать и интерпретировать (а также измерить) *не только вербальные единицы, но и их связи (отношения)*. В 80-е гг. прошлого века в западной науке активно практиковались когнитивные исследования такого рода на английском материале. Часть из них уже упоминались выше, как и принципы, положенные их авторами в обоснование своих подходов. Близкой по духу (в плане возможностей лингводидактического применения) к отечественным моделям языкового сознания является, на наш взгляд, появившаяся в те годы и усовершенствованная автором позднее междисциплинарная теория Word Grammar Theory Р. Хадсона с прекрасным выходом в практику обучения [Hudson 2007; 2010]. Для этой модели, как и в других работах, постулируется единый (сетевой) принцип организации когнитивного и языкового опыта человека. Основной единицей анализа автором называется слово, которое становится объектом исследования в грамматике, семантике и в его ситуативной (контекстной) обусловленности. Разрабатывается методика экспликации зависимостей (связей) слов. В этом авторском подходе присутствует установка на необходимость представления в единстве таких ипостасей, которые Ю. Н. Карауловым названы *лексикон, грамматикон, прагматикон и семантикон языковой личности* [2010а: 90]. Однако в теории Р. Хадсона, как и в коннекционистских моделях, искусственных моделях биологической нервной системы и развиваемых на их основе компьютерной лингвистикой нейросетевых моделях языка, отсутствует интегрирующая компонента. Между тем в школе А. Н. Леонтьева по поводу психического как системообразующего фактора по отношению к физиологическому утверждается, что *особенности психической деятельности человека опосредуются своеобразием задач, которые решает человек*. Поэтому сама по себе изменяющаяся нервная организация, нейрофизиологическая основа субъективных процессов ничего не объясняет вне включенности человека в социальную среду [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 150]. Именно поэтому языковое сознание, представленное с помощью ассоциативно-вербальных моделей, хоть и имеет нейрофизиологический субстрат, но никак не сводимо к нему. Языковая личность и может служить тем интегрирующим фактором, который делает отечественную модель приложимой к решению более широкого спектра задач, чем собственно вербально-грамматические. Модель языкового сознания Ю. Н. Караулова позволяет предметно и методически соотносить личностное с коллективным (культурным). Введение и обоснование понятия *языковая личность* (которую можно трактовать как *вектороорганизатор смыслов*) дает преимущества

этой системе. Языковая личность как носитель языкового сознания, таким образом, представляет собой комплексный объект, в котором выявляются единицы анализа, позволяющие оперировать не только историческими данными, но и данными *актуального языкового настоящего* в его естественной обусловленности связями со всеми факторами человекообразования. Изменяющаяся нервная организация живой личности это процесс, который включен в мир, в нейронную сеть биосферы, где личности задают векторы психических и когнитивных процессов. Искусственное же моделирование основано на выключении (автономизации), то есть оно невозможно без выведения конкретного модуля из этой живой сети. Субъект (в качестве объекта анализа) как бы выводится из естественного своего функционального состояния в мире, что напоминает изучение строения и функций живого тела на мертвом его образце, вне живого процесса функциональной включенности его как субъекта жизнедеятельности в мир. Ценность ассоциативно-вербальных моделей во многом обусловлена тем, что ассоциативный эксперимент позволяет *снять данные с работающего (живого) сознания языковой личности, которая уже имеет социально обусловленную психическую направленность*.

Важнейшим выводом, к которому приходят исследователи-психолингвисты, работающие с сетевыми моделями, является понимание того, что «грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, “размазана” по ABC. ... в ассоциативном словаре грамматика проявляется... в живом, готовом к употреблению виде» [Караулов 2010б]. Среди интересующих нас зарубежных исследований в силу своей близости к отечественным теориям по направлению поиска следует также отметить эмерджентную грамматику, и в частности — широко известные работы Джоан Байби. Термин *эмерджентный*⁵, будучи перенесенным на русскую почву, отмечается как минимум в двух значениях: 1) приобретаемый в опыте, *противопоставляемый врож-*

---

⁵ *Эмерджентный* от англ. **emergent** — возникающий (как, например, всплывающий на поверхность, появившийся из темноты и т. п.), находящийся в стадии появления и развития, появляющийся, нарождающийся. В упоминавшихся выше работах Н. И. Жинкина идея эмерджентности без использования этого термина, как и многих других, появившихся позднее в российских и зарубежных описаниях когнитивных терминов, явно представлена, прежде всего, при описании лексических и семантических процессов в целом. См., например, [Жинкин 1964: 36].

денному (генетически обусловленному, соответственно, эмерджентная грамматика есть антипод теории «врожденных» грамматических структур) и 2) находящийся в стадии становления, нарождающийся, обретающий формы в развитии. Эмерджентность языковых процессов исследуется Дж. Байби на материале грамматикализации [Bybee 2003] через анализ исторического материала в соотношении с данными естественных наук, автор обосновывает понимание грамматикализации как процесса, обусловленного целой системой факторов (general domain processes). Язык здесь выступает как система, помещенная в сферу функционирования (usage-based), в дискурсивный процесс. Поэтому и формальная сторона грамматики не может рассматриваться вне семантики и прагматики. Грамматика напрямую выявляется из речевой деятельности, из практики использования языка. Когнитивные репрезентации языковых явлений динамичны и отражают опыт оперирования языком, который фиксируется через частотные факторы. Сходные черты разных языков объясняются воздействием одинаковых антропогенных механизмов (факторов) в разных социокоммуникативных ситуациях. Соответственно, различия сильно зависят от условий, в которых функционирует язык [Ibid. 2013]. Заметим, что в советское время предпринимались попытки смоделировать целносистемные типологические процессы (с учетом характера и причинного механизма типобразования в языке), которые описывались автором в терминах внутренней и внешней детерминант [Мельников 2003]. С постепенным накоплением ассоциативно-вербальных данных открывается возможность предметного исследования эмерджентных типологически релевантных строевых процессов с возможностью вычислить параметры сохранения или утраты актуальности тех или иных функционально значимых средовых факторов с достаточно близкого по времени расстояния в пределах хотя бы трех-четырёх поколений.

Смысловая эмерджентность — характерная черта семантических процессов в АВС. Языковая личность и есть интегратор этой эмерджентности (модулятор и инициатор смыслопорождения). В ассоциативно-вербальных моделях это может быть *личность индивидуальная* или *народная* в зависимости от ракурса рассмотрения. АВС позволяет исследовать когнитивные и мотивационные смыслы, что существенно расширяет возможности междисциплинарного подхода. Как мы уже отмечали, эта модель строится при снятии актуальных данных с живого функционирующего сознания включенной в жизнедеятельность языковой личности. Как только экспериментальные данные получены

и поступили в обработку, появляется модель ABC, которая сразу становится «омертвевшей», фиксирующей ушедшее в прошлое состояние языкового сознания. Данная модель не ставит цели воссоздать когнитивные процессы для построения искусственного интеллекта. С ее помощью решаются иные задачи: увидеть процесс вербального отражения взаимодействия человека с миром, в который он «вживлен» и в котором он не только объект различных воздействий, но и действующий в естественных условиях, постоянно самоопределяющийся в этой связи субъект. Эмерджентность это данность, которую можно наблюдать в ее вербалике в синхронно-диахронном экспериментальном формате на живом организме индивида и социальной общности (при наличии объемных и репрезентативных ассоциативных данных).

Смысловая эмерджентность не задается сугубо линейно и исключительно силой связей между элементами ABC. Поэтому хотя ABC и может отражать изменчивость процесса в ее различной специфике, не следует впадать в эйфорию всё объясняющих прямых соответствий (несоответствий) смысловых интерпретаций самому факту наличия (отсутствия) устойчивых связей между вербальными единицами, ибо смысловая эмерджентность заложена в системе дискурсивных практик и не только в них. Это имеет важные последствия для организации преподавания именно гуманитарных дисциплин, которые работают со смысловым полем культуры⁶, а сложные социальные системы, где

---

⁶ Ниже приводится пример обрастания новыми смыслами в дискурсе конкретного времени и культурного контекста. «*Светлое будущее* с пустыми прилавками и продуктовыми карточками». Ср.: «*Светлое будущее* с прорывом в космос и новые миры». Мы имеем дело с одной и той же единицей, но разными ассоциативными смысловыми наполнениями (психоглоссами), которые ею представлены в контекстах. В первом случае хочется закавычить «светлое будущее», потому что в русском языке *светлый* имеет положительно окрашенный смысл (в терминах Э. Бенвениста, семиотическая составляющая этого знака как единицы именно языка *опознаётся* его носителем). По условиям семиотической узнаваемости знака это положительная психоглосса, но по правилам дискурсивного приращения (модификации) смыслов, то есть смыслового (контекстно-дискурсивного, ситуативного) понимания вербальной единицы, которое иногда может оказаться наиболее значимым для выводов исследователя, это вербальный репрезентант негативно окрашенных смыслов, фиксирующих несоответствие потребительской реальности 90-х гг. обещанным моделям будущего коммунизма. Поэтому важно комплексное использование различных вербальных (полученных разными методами) и невербальных ресурсов при вынесении суждений о состоянии системы языка в ее семиотическом воплощении (читай: чему надлежит учить как устоявшемуся на текущий период времени,

эти практики работают, невозможно измерить и адекватно описать только с помощью вербального (или ассоциативно-вербального) инструментария. «Омертвевшая», осевшая в модели вербальная связь «при жизни» могла быть развернута в разные смысловые плоскости. Таковы и базовые познавательные способности человека и его коммуникативные чисто человеческие возможности, связанные с умением выявлять различные перспективы из одной и той же реальности. «Полиперспективные когнитивные репрезентации не присущи человеку в его осмыслении мира с рождения, а фактически конструируются детьми по мере их участия в процессе кооперативной коммуникации. Это происходит в процессе попеременного “туда-сюда” движения различных видов дискурса, в котором разные перспективы на общие темы выражаются на основе совместного смыслового контекста» [Tomasello, Rakoczy 2003]. «Кооперативный фундамент человеческой коммуникации, включая конвенциональную языковую коммуникацию, не только возник благодаря своей уникальной кооперативной, культурной по природе способности человека жить и думать, но и способствовал формированию этой способности» [Томаселло 2011: 280]. Ср.: «...сущность языка лежит в скрещении познания при помощи языка и общения при помощи языка...» [Леонтьев А. А. 2016: 243]. Таков еще один очень мощный фактор человекообразования, который подвергается испытанию в системе координат виртуализации сознания через электронные средства передачи информации. Здесь также узкое место, активизирующее деградацию системы обучения. Наш обзор истории теоретических разработок интересующих нас вопросов наталкивает на мысль, что многие истины о человеческом общении и деятельности, о языке и сознании, которые российские исследователи предпочитают сегодня усваивать из зарубежных источников, были во многом осознаваемы и транслируемы в работах отечественных психологов и психолингвистов прошлого века (подробнее о некоторых таких работах: [Леонтьев А. Н. 2005; Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005; Леонтьев А. А. 2008; Залевская 1999; 2005]).

Все явственнее начинает заявлять о себе так называемый мультимодальный подход к языку и грамматике, который также идентифицирует себя с *usage-based grammar*. Так, в недавней статье [Кок,

---

длительность которого, впрочем, предсказать сегодня вряд ли кто возьмется). Это тем более важно учитывать в процессе выполнения гуманитарных экспертиз (см. выше).

Cienki 2016] авторы продвигают тезис о речи как *мультимодальной деятельности*. Исследование при таком ракурсе может строиться с учетом *приложимости инструментария когнитивной грамматики* к анализу конкретных явлений, например мультимодальных устно-жестовых высказываний. При этом *грамматика* становится не только текстоориентированной, но и *мультимодальной*. Авторы считают возможным учесть разные степени конвенциализации жестового репертуара в коммуникации человека при определении подходов к учету жестовой составляющей в когнитивном грамматическом анализе. Это обосновывается тем, что когнитивная грамматика допускает мультимодальные каналы концептуализации и выражения смыслов, что согласуется с основами **usage-based grammar**. Отсюда и включение в понятийный аппарат таких терминов, как мультимодальная (и межмодальная) композиционность (**cross-modal, multimodal compositionality**). Мультимодальное использование языка в когнитивной грамматике само по себе предполагает расширительное толкование объекта и предмета исследования в грамматике, расширение границ его рассмотрения. В фокусе рассмотрения оказывается не собственно вербальная коммуникация, а ситуативное информационно-смысловое поле, которое ее сопровождает. Наверное, при таком подходе акцент смещается на то, как, из каких источников и какая именно информация подается в мозг совместно со словесными средствами и как именно это формирует когнитивную основу грамматики.

Особого внимания заслуживают принципы, положенные в основу этнопсихолингвистических исследований. Анализируя достижения российской психологии и психолингвистики в области построения теории языкового сознания и речевой деятельности, Е. Ф. Тарасов делает важные для понимания процессов этнической идентификации выводы о том, что *ведущие деятельности этноса определяют этнокультурную специфику чувственного познания*. Происходит это потому, что при восприятии предметов определенной этнической культуры формируются *перцептивные эталоны*, где и содержатся *опознавательные признаки*, само выделение которых детерминировано деятельностью, практикуемыми конкретным этносом для выживания в ландшафте своего обитания. Кроме того, *перцептивные эталоны используются как инструменты познания новых объектов*, что влечет за собой процесс воспроизводства перцептивных эталонов любого этноса, «которые вместе с языковым и неязыковым сознанием определяют этнокультурную специфику видения мира» [Тарасов 2014: 31].

«В процессе познания целесообразно различать два этапа: процесс восприятия и собственно сознание. Оба процесса культурно обусловлены: процесс восприятия, ведущий к конструированию чувственного образа, культурно детерминирован сенсорным алфавитом, который сформировался в филогенезе и усваивается в онтогенезе каждым членом социума, а сознание как познавательный процесс обслуживается инструментами, созданными в конкретной этнической культуре. Чувственное восприятие, не будучи сознанием, является его необходимой предпосылкой, “поставляя” ему чувственные образы, отображающие реальное положение вещей в мире» [Тарасов 2014: 34–35].

Здесь мы не затрагиваем вопрос, связанный с гипотезой Л. Н. Гумилева об этническом поле как природном феномене с определенным уровнем колебаний [Гумилев 1994]. Однако очевидно наличие определенного социокоммуникативного *смыслового пространства*, имеющего *доминантность* и временную перспективу, идентифицирующего себя в качестве *тождественного самому себе*. Общее смысловое пространство может опознаваться через перцептивные эталоны, доминирующие стереотипы, репертуары ритуальных действий и пр. Такая теоретическая канва дает начальное представление о природе субъективных процессов и вместе с тем позволяет вести речь о преднамеренных манипулятивных актах, которые нацелены на эти процессы. Что будет, если чувственные образы, основанные на реальном положении вещей, будут противоречить предлагаемым в готовом виде объяснениям (идеологемам) из-за искусственного ограничения информации или будут предприниматься попытки подменить реальные объекты, доступ к непосредственному восприятию которых ограничен, квазипредметными поделками? Из-за длительного воздействия такого рода (тем более с наложением на онтогенез) процесс идентификации закономерно будет проходить на фоне *сужения сознания*. Ведь сам факт наличия у человека второй сигнальной системы в качестве инструмента для анализа и синтеза поступающей в мозг информации не гарантирует ему достаточно точного и безошибочного построения модели окружающего мира с его реалиями. Есть ли какой-то отдельный от общей когниции материальный субстрат у этнического языкового сознания? Демонический в своих проявлениях этноцентризм постоянно заявляет о себе в современном мире. Что за ним стоит, в пределах скольких поколений осуществляется трансформация поля, нарушающая тождество? Теоретически такое сужение сознания (если оно имеет место) и сопровождающий его внутриэтнический конфликт должны найти (и находят) смысловое и знаковое

выражение. Поскольку языковое сознание формируется в процессах собственно мотивирующей речевое взаимодействие совместной деятельности, оно *не может не отразить общую доминанту семантических сдвигов* (сужения в том числе) этнического сознания *в процессе идентификации*.

Каковы факторы изменчивости (как в сторону сужения, так и расширения) рассматриваемой смысловой структуры? Как избежать насилия над природой и уберечься от разрушительного пожара демонического начала этнической стихии или хотя бы снизить градус напряженности и конфликтности в социальных отношениях? В самом деле, что может быть объективным основанием («материальным субстратом») идентичности, и если таковой имеется, то как далеко простирается его влияние? Один из фундаментальных вопросов заключается в том, что является источником субъективного фактора (сознания), где он локализуется? В мозгу индивида или во внешнем мире? Деятельностный подход к исследованию сознания локализует источник нашего сознания во внешнем мире. Это задает предметность как один из основных факторов в интерпретации процессов сознания и, в частности, субъектно-объектных отношений (подробнее о принципе *предметности* и других основаниях этой теории см. [Тарасов 2014]). Это опять же коммуникация человека, его *коммуникативная деятельность* и *другоцентричность* его сознания, о которой мы уже писали.

Проведенный нами обзор работ, в которых затрагиваются вопросы функционирования зеркальных нейронов в составе различных функциональных систем, а также работ по воплощенности когниции подводит нас к предположению, что нейрофизиологический ракурс исследования триады «язык — культура — этнос», вероятно, мог бы исходить из гипотезы о своего рода *нейромодели идентичности*. Подходы к созданию такой модели, на наш взгляд, в самых общих чертах уже наметились, например, в работах Витторио Галезе [Gallesse 2008; 2009 и др.], где ставится задача описать нейронные механизмы возникновения социальной идентичности. Речь идет, таким образом, о телесной воплощенности (нейрофункциональном субстрате) идентичности. Автор приходит к мысли о том, что идентичность включает в себя *сферы действий, ощущений, аффектации и эмоций*, поскольку все эти сферы объединены при формировании идентичности активизацией одних и тех же нейронных систем. Так создается основа общего межсубъектного пространства (*the shared intersubjective space*), в котором человек пребывает с самого рождения

[Gallese 2009: 520]. Смысловая сторона всех упомянутых сфер (как люди действуют, какие у них намерения и установки, что они ощущают и чувствуют при этом), как основа межличностных связей в общем пространстве, автоматически находит воплощение в телесных реакциях человека. Открытие зеркальных нейронных систем показывает, что одни и те же нейронные системы активируются и когда самим субъектом *совершаются* конкретные акты-манифестации этих сфер, и когда они просто *наблюдаются* им, а также, что особенно важно для изучения языкового сознания, в процессе вербализации связанных с ними образов. Таким образом, можно вести речь о закрепленном (воплощенном) в нейронных сетях «МЫ-центричном» пространстве (we-centric space) совместного опыта. Автор также считает, что этот общий функциональный механизм, своего рода воплощенная в теле имитативность (embodied simulation), опосредует нашу способность разделять (понимать) с окружающими нас людьми смысл действий, установок, намерений, чувств и эмоций, формируя идентичность как многоуровневую связанность индивидов, их принадлежность к МЫ-центричному пространству (we-ness) [Gallese 2009: 520]. Ср. с «сенсорными признаками и эталонами в основе чувственных образов» в психолингвистических теориях деятельности и сознания, а также с понятием «совместной интенциональности» (shared intentionality), развиваемым в работах Томаселло [Tomasello 2014].

Отечественная психолингвистика предпринимает попытки получить доступ к процессам идентификации через *языковое сознание*. В нем фиксируются разные сферы жизни народа, не сводимые к чисто ментальным сущностям. Психолингвистические теории речевой деятельности, структуры сознания в целом и языкового сознания в особенности выделяют материальный субстрат сознания и решают те же самые проблемы, что и нейронаука, с другого ракурса рассмотрения. Структура сознания в психолингвистическом ракурсе основывается на софункционировании бытийного (с биодинамической тканью движений и действий, чувственной тканью образа) и рефлексивного слоев (значение и смысл) [Леонтьев А. Н. 2005: 91–104; Зинченко 1988; 2008]. Этническое (социальное) сознание представляет собой сложную смысловую структуру, укорененную в бытии народа. Идентичность (как нейрофункциональный субстрат) формируется в онтогенезе при взаимодействии первой и второй сигнальных систем на фоне предъявления ребенку в готовом виде образов родной культуры и их вербальных знаков с последующим их творческим освоением и интериоризацией. При этом формируется смысловая структура

этнического сознания (концептуальная и языковая модели мира). Поэтому и язык, будучи орудием формирования сознания и средством выведения его вовне, может выполнять как функцию этнокультурного идентификатора, так и с определенными допущениями орудия сотворения этнокультурной (социальной) идентичности и передачи традиции. Последнее подразумевает наличие единого концептуального пространства, единого смыслового поля культуры.

Нейромодели идентичности со стороны психолингвистики может быть соположена ассоциативно-вербальная модель. *Психолингвистический подход не противоречит данным нейронауки* и, вероятно, может сегодня строиться на экспериментальной базе с использованием новых информационных технологий, позволяющих создавать *ассоциативно-вербальные модели*, отражающие смысловую структуру языкового сознания при смене поколений. Речь идет о многомерных и актуальных динамических смысловых структурах, в которых объектами анализа являются, как мы показали, ассоциативные поля. АП представляют определенные образы, доступ к которым осуществляется через называющие их слова (тела языковых знаков). При этом, вероятно, учитывая логогенную природу компонентов вербальной сети, следует исходить из допущения, что *частотность вербальных ассоциаций* как один из факторов образования АВС также *имеет нейрофизиологический субстрат*. Следует также отметить, что у лингвистов имеются прецеденты историко-типологических исследований частотности конкретных вербальных единиц на текстовых материалах с отсылками к нейрофизиологической основе (например, [Bybee 2010]). Здесь функциональные изменения многоуровневого характера у высокочастотных единиц возводятся к нейромоторике как основному фактору наряду с традиционно рассматриваемыми в лингвистике языковыми и когнитивными факторами.

АВС может быть одним из способов моделирования «языка в человеке». Поскольку эта модель носит глобальный характер и может быть применена как для анализа отдельных уровней языковой личности, так и для синтеза сведений о ней, экспериментальные исследования, нацеленные на получение АВС, стали особенно популярны в этнопсихолингвистике, которая пытается искать ответы на цивилизационные вызовы, работая со своим объектом на пересечении уровней личности, народа, общества, деятельности. Такой подход, как нам представляется, был заложен традицией Московской психологической и психолингвистической школы. Этнопсихолингвистика как научная дисциплина имеет перспективу в плане способов замера

колебаний и модусов смыслового поля культуры, выявления его доминант, готовности (или неготовности) к обновлению жизни. Это путь междисциплинарной лингвистики, вышедшей за пределы своего внутрисистемного объекта недавнего прошлого. Такой выход начинался со смены ракурса рассмотрения объекта. Причем аналогичные попытки предпринимались в истории лингвистики давно и с разных теоретических позиций. Все они искали закономерности в связях языковых процессов с другими проявлениями жизнедеятельности антропосферы. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7]. Этот тезис можно принять как своего рода антипод декларированному ранее тезису о познании человека через его язык и язык как круг, в плену которого находится человек. Относительно новые, ставшие центральными в теоретических дискуссиях психолингвистов нашего времени, понятия «языковое сознание» и «языковая личность» пробрасывают мост от лингвистики к другим наукам, позволяя найти способ «выйти за пределы». Итак, не человек в плену языка, не язык сам по себе как автономная субстанция и самоуправляемая модуль-система, а «язык в человеке». Последнее требует учета разных аспектов человечности в языке. «Единственным противоядием от неизбежного, казалось бы, редуccionизма при обращении исследователя к языку в человеке будет введение в анализ вполне определенного национального языка вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей. Трактовка языковой личности вообще, независимо от национальной специфики её языка с неизбежностью останется схематичной и редуccionистской, и поэтому, если мы хотим прорвать порочный круг, мы должны, решая в данном случае вопрос на материале русского языка, говорить о русской языковой личности» [Там же: 8]. Таким образом вводится *идентификационная основа, идентичность как стержень*, соединяющий те самые явленные через язык в человеке различные плоскости нашего сознания и деятельности, где пересекаются личностное и коллективное (социальное). Такой подход не просто дань моде, он имеет экспериментальное и практическое обоснование, он выстрадан практикой образовательной деятельности и межкультурной коммуникации последних десятилетий.

Сформулированный Ю. Н. Карауловым постулат представляет собой открытие теоретического, а вместе с ним и методического подходов к исследованию системы языка с выходом за ее пределы.

В прежних ракурсах рассмотрения выход за пределы собственно знаковой системы языка осуществлялся в терминах системологии с ее системным (надсистемным, макросистемным) ракурсом рассмотрения. При всей своей прогрессивности такой подход давал несколько плоскую картину. Открытие языковой личности в том аспекте, в каком ее описал Ю. Н. Караулов, представляет собой открытие пути к исследованию национальной, если широко понимать термин этно- (по Л. Н. Гумилеву, как включающий всё социальное), этнической специфики, стало быть, и расширенной платформы для этнопсихолингвистики. Личность как центральное понятие помещает лингвистику в область ПСИХО-, а не только ЭТНО-. Таким образом, Ю. Н. Караулов был одним из тех, кто заложил основы новой этнопсихолингвистики, а в трудах его коллег, в особенности Н. В. Уфимцевой, это направление сделалось аксиологическим.

Ю. Н. Караулов выводит поуровневую модель языковой личности и утверждает, что национальная составляющая есть на каждом ее уровне. Получив столь емкий и многомерный объект в свое распоряжение, этнопсихолингвисты увидели потенциал для практических решений в разных сферах общественной деятельности, требующих учета процессов идентификации личности и общества. «Современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырех китах, на четырех фундаментальных его свойствах — исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов 2010а: 15]. Объект один, но его фундаментальные свойства разные, таким образом, мы получаем в свое распоряжение не множество объектов, а один, который явлен нам в разных своих ипостасях. «Языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет на систематической основе рассматривать как взаимодействующие все четыре фундаментальных языковых свойства. Во-первых, потому, что личность есть средоточие и результат социальных законов; во-вторых, потому, что она есть продукт исторического развития этноса; в-третьих, по причине принадлежности ее мотивационных предрасположений, возникающих из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями, — к психической сфере; наконец, в-четвертых, — в силу того, что личность есть создатель и пользователь знаковых, т. е. системно-структурных по своей природе, образований. ... таким образом личность соединяет социально-поведенческий контекст с речевым» [Там же: 22].

Исследование АВС в качестве модели языкового сознания (позволяющей судить о свойствах языковой личности) представляет собой предметную область, в которой соединяются разные ипостаси языка как объекта лингвистической науки. Прежний системный (структурный) подход с его под(над)системами и неизбежными межуровневыми допущениями вызывает аналогию с многоэтажным сооружением с включенными в него подсистемами (этажами-уровнями), их функциями по отношению к надсистеме более высокого уровня и т. п. Вся эта конструкция имеет логико-теоретическую основу, требующую специальных объяснительных процедур для преобразования языкового материала (средств языка) в речь. Языковая личность и языковое сознание могут ассоциироваться со сквозным, объемным подходом. Это взгляд, объемлющий все уровни и подсистемы, подобно позвоночнику в теле человека удерживающий на себе все тело как единую сущность в состоянии готовности совершать движения. *Системность сетевого плана*, присущая языковому сознанию, описывается как промежуточное в плане готовности к работе состояние (как *система, готовая преобразоваться в речь*).

Последние десятилетия дают российской науке богатый материал для исследования трансформаций смыслового поля культуры на постсоветском пространстве. Психолингвисты активно занимались поиском новых приемов и методов рассмотрения фундаментальных и прикладных вопросов межкультурного (межцивилизационного по сути) и межъязыкового взаимодействия представителей разных народов. При этом в позднесоветское и постсоветское время прежний опыт (закрытого для контактов с иностранцами в массовом порядке) советского общества был малопродуктивен, к тому же жизнь ставила новые задачи свободного освоения языков восточноазиатского ареала. В силу вестернизирующих установок советского иноязычного образования, исходные знания об этих языках и культурах среди основной части профессионалов, занятых в системе образования в период открытия границ для более масштабных контактов, были очень скудны. Психолингвистическое же сообщество оказалось более оснащенным фундаментальными знаниями и поэтому способным мобилизоваться на решение фундаментальных и прикладных вопросов межкультурного взаимодействия. Был провозглашен подход, требующий «творчески синтезировать новейшие результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях наук о человеке. При этом должно произойти своеобразное возвращение разных наук из заоблачных высот абстрагирования и от препарирования оторванных

от человека продуктов такого абстрагирования к живому человеку, функционирующему в реальных условиях культуры» [Залевская 2005: 207].

В работах А. А. Залевской и Н. В. Уфимцевой находим примеры такого востребованного жизнью анализа, в них описаны экспериментально подтверждаемые теоретические основы социокультурной обусловленности сознания как творческого начала в социально детерминированной деятельности человека, в выстраивании социальных отношений. Н. В. Уфимцева отдала много сил выявлению архетипов и топосов языкового сознания русских в период перестройки, на излете советского периода. Исследование системности культуры, ее отражения в ассоциативно-вербальной модели языкового сознания строится на богатой экспериментальной базе, что дает большой материал для верификации и развития идеи Ю. Н. Караулова и других исследователей.

Таким образом, с разных сторон велись и ведутся поиски в направлении от идентификации слова в речевой деятельности до идентификации народной личности и языка в ней. Закономерно эти поиски приходят к исследованию ценностных доминант и их репрезентации языковым сознанием. Лейтмотивом соответствующих работ Н. В. Уфимцевой является тезис об этничности (специфичности) культуры, обусловленной ее природной системностью. «Системность же значений есть отражение системности самой культуры, той структуры космоса (образа мира), которая в ней сформирована» [Уфимцева 2011: 211]. «Изучение иностранного языка не дает автоматически тех знаний, которые стоят за словом у носителя данного языка, и мы по-прежнему пребываем в плену родной культуры, т. е. того образа мира, который сформировался у каждого из нас в процессе социализации» [Там же]. Автор, таким образом, ведет речь о природной системности культуры, которая закладывает основы регуляции отношения человека с внешним миром в процессе онтогенеза на фоне обретения им «человечности» и культурно специфичного смыслового поля модели мира.

Центральное место в *системных* исследованиях ядра языкового сознания (ядра лексикона в терминах А. А. Залевской) принадлежит упоминавшимся выше работам А. А. Залевской прежде всего на материале английского (см. краткий обзор и библиографию в [Залевская 2005: 105–112]) и Н. В. Уфимцевой на материале русского языка (см. историю вопроса и обзор работ разных лет в [Уфимцева 2011: 205–239]). В трудах этих ученых не только имеют место прецеденты выделения и интерпретации ядра языкового сознания как феномена,

но и выявляются наиболее значимые *закономерности системных связей* составляющих его единиц. Н. В. Уфимцеву особенно интересуют закономерности, обусловленные глубинными матрицами культуры носителей языка (для русского языкового сознания речь идет о православной культуре). Работы этих ученых и эмпирические экспериментальные накопления последних десятилетий готовят базу для научно обоснованного моделирования *аксиологически маркированных модусов языкового сознания*. Вместе с тем представляется, что эти работы уже позволяют задаться вопросом: можно ли судить о ценностной структуре всего смыслового поля коллективного сознания носителей языка по *топосам* его *языкового сознания*? Предварительный ответ: и да, и нет. Об этом свидетельствует анализ любого устойчивого звена АВС и даже самой устойчивой (поэтому относительно жесткой) ее части — ядра. Подобно тому, как частотность использования слов в частотном словаре не есть автоматический маркер ценностной структуры, которую они могут описать, будучи включенными в дискурс, частота возникновения семантических связей выявленных в эксперименте «топосов» языкового сознания не есть автоматическое признание направленности ценностных ориентиров. Однако, в отличие от частотного словаря, возможности ассоциативных баз данных гораздо богаче именно в силу фиксации в них разных видов семантических связей между телами языковых знаков, включая эмоционально-оценочные, а гибкая часть системы — огромный фонд единичных реакций — позволяет определить предполагаемые семантические сферы ценностных предпочтений. Так, элементы семантического звена «русский — советский — российский — народ», конечно, связаны друг с другом в АВС, как мы пытались показать в проведенных нами в третьей главе наблюдениях, ассоциативные данные даже позволяют построить многомерную модель этих связей, но какова их доминантная ценностная структура — вопрос неоднозначный. Тела языковых знаков выступают как материальные маркеры-идентификаторы, а вот направление идентификационных доминант должно задаваться социальной детерминацией, идеологемами и выявляться в текстах культуры, где эти знаки сопряжены с общим смысловым полем дискурсов. Относительно жесткая (наиболее устойчивая) часть системы имеет прочную нейрофизиологическую основу, показано, что она системно организуется в онтогенезе, поэтому оставляет глубокий след в долговременной памяти. Так, вероятно, работает когнитивная (в широком смысле) основа идентичности. Однако когда отмеченные топосы совокупно всплывают (совокупно актуализируются) в кратковременной

(оперативной) памяти в новом дискурсе, гибкость их взаимодействия выходит на первый план и они могут вступать в новые связи по прецеденту. Так дискурсивно в процессе живой коммуникации, совмещенной со всеми аспектами жизнедеятельности человека разумного, осуществляется внедрение новых модификаций идентификационных процессов. То же самое происходит и с относительно устоявшимися и вновь образующимися (эмерджентными) лексико-грамматическими свойствами языковых единиц. Взаимодействие жестких и гибких звеньев системы позволяет нашему сознанию адаптировать свое смысловое поле (и наличные вербальные средства) к условиям внешней среды, в том числе и в стрессовой ситуации приспособления к чужой культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая наш экскурс в дискуссионное поле использования моделей языкового сознания и языковой личности, подчеркнем, что современные ассоциативно-вербальные базы данных располагают материалом, на основе которого при необходимости исследователь может, соблюдая ограничения, накладываемые природой используемого метода, **соотнести языковые факты с процессами идентификации языковой личности**. Важнейшим условием достоверности полученных при этом знаний является наличие постоянно обновляемого и пополняемого в эксперименте эмпирического материала, поддающегося машинному анализу. Особую значимость моделирование идентификационных процессов русской языковой личности имеет для выполнения комплексных гуманитарных экспертиз, которые позволяют **распознавать и ставить актуальные для общественной практики проблемы**, как минимум, поставлять необходимый для этого исходный фактический материал. Комплексная гуманитарная экспертиза, по мнению Д. А. Леонтьева и Г. В. Иванченко [2008], носит неизбежно междисциплинарный характер, поскольку она «оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для индивида и общества» [Там же: 24]. В ходе синхронно-диахронного анализа новых экспериментальных данных выявляются **психоглоссы**, которые позволяют нам ставить вопрос о **стратегических просчетах реформы образования**, специфике неустраненных на мотивационном уровне противоречий в социокультурной, гражданской и профессиональной идентификации. Очевидно, что выявление проблем и в особенности поиск путей к их разрешению налагают большую ответственность на занятых в этой сфере людей, во многом осознавших, благодаря кризису 90-х гг., сколь тяжелы могут быть последствия умозрительно принимающихся решений для народа. Поэтому важно понимать, что для

получения более развернутой и всесторонней картины о состоянии столь сложной социальной системы, как образование, и последствиях осуществленных в ней реформ одними психолингвистическими методами не обойтись, нужны исследования со стороны других наук, с применением иных методов, приложимых к различным аспектам функционирования этой системы. Трудно сказать, насколько эта проблема осознана в государственных структурах, без которых вряд ли может осуществиться такая комплексная задача.

Наш предварительный вывод, основанный на экспериментальном исследовании смысловых акцентуаций языковой личности студента, заключается в том, что современной системе образования не хватает гибкости, **ресурс гибкости** не работает или работает недостаточно для развития разных регионов. Это особенно очевидно на фоне утраты содержательного профессионального контроля в научно-образовательной среде, его подмены контролем формально-бюрократическим, настраивающим на евроцентричные модели, которые проецируют эмигрантское сознание на население РФ. Адекватность системы для такой страны, как Россия, определяется ее способностью решать цивилизационные задачи, выстраивая приоритеты в соответствии с потребностями российского мира. **Общегуманитарные проблемы чело-векообразования как основы успешной социализации** сегодня не получают должного разрешения. Обучение россиян и иностранцев должно осуществляться с учетом дифференцированного подхода к их потребностям в идентификации. На смысловом уровне сказываются непреодоленные в ходе реформы противоречия смыслоутиратности, что проявляется в несформированности устойчивых приоритетов базового развития, тенденции к маргинализации языковой политики в научно-образовательной сфере, подмене стратегически значимых ориентиров упрощенными утилитарно-рыночными установками сиюминутного плана. Текущие потребности рынка могут удовлетворяться специально ориентированными на них нишами в системе, но никак не могут быть ориентиром для всей системы. Заложенные под воздействием вульгарно-потребительских надсистемных рыночных ориентиров противоречия, ведущие к размыванию идентичности, отчуждению личности от социально значимых практик, утрате ею онтологической уверенности, могут проявиться в утрате человеческого ресурса по самым непредвиденным каналам, включая различные антисистемы (типа ИГИЛ).

Кризисные процессы в сфере идентичности проявляются и в научно-исследовательской деятельности. Это не только задает параметры

актуальности и междисциплинарности, но и отражается на содержании выполняемых в последние десятилетия работ, тематических и методических предпочтениях ученых. Построение современных **моделей описания языка**, по нашему глубокому убеждению, должно опираться на междисциплинарный фактологический вклад и исходить из наметившейся в отечественной традиции **единой теоретической канвы для интеграции знаний об онтогенезе, филогенезе и закономерностях формирования у человека когнитивной и языковой картин мира**. Такие модели не только обладают необходимой объяснительной силой для понимания фундаментальных вопросов взаимодействия языка и сознания (мышления), но и активируют творческий потенциал студента, побуждая «примерить» полученные знания на себя, идентифицировать себя в изменчивом мире. **Человекообразование как цель** должно питаться знаниями о человеке.

Сетевые модели «языка в человеке» выводятся в эксперименте на основе компьютерной обработки данных. Введение отечественными психолингвистами в научный оборот эмпирических материалов новых русских ассоциативно-вербальных баз данных позволяет по-новому ставить исследовательские задачи, расширять горизонты познаваемого. Среди новых направлений междисциплинарных исследований на моделях АВС потенциалом развития обладает не только **ассоциативная лексикография**, но и не существующие пока дисциплины: **ассоциативная типология, ассоциативная вариантология, ассоциативная аксиология**. Последняя может иметь самостоятельный статус или, ограничив свой предмет, стать разделом этнопсихолингвистики. Аккумуляция новых ассоциативных данных заставит ученых разрабатывать новые **компьютерные технологии их обработки и оптимизации** в интересах разных категорий пользователей. Для успешного использования этих материалов в лингводидактических целях могут потребоваться специальные **экспертные обучающие системы**. Важно, что АВС как модель «языка в человеке» может успешно и комплементарно использоваться в процессе обучения наряду с логико-интерпретативной (традиционной) моделью языка как внешнего объекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анайбан 2016 — *Анайбан З. В.* Опыт этносоциологического исследования языковых процессов в Туве // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. С. 302–307.
- Апресян и др. 2005 — *Апресян Ю. Д., Богославский И. М., Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л., Санников В. З., Сизов В. Г., Цинман Л. Л.* Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 193–214.
- Бехтерева 2015 — *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ, 2015.
- Бичакджан 2008 — *Бичакджан Б.* Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка / Пер. с англ. С. А. Бурлак // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 59–88.
- Гольдин, Сдобнова 2014 — *Гольдин В. Е., Сдобнова А. П.* «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий // Вопросы психолингвистики. № 4 (22). 2014. С. 56–67.
- Горелик 2013 — *Горелик Г.* Кто изобрёл современную физику? От маятника Галилея до квантовой гравитации. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
- Гумилев 1994 — *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Свод № 3. Международный альманах / Сост. Н. В. Гумилева; предисл., коммент., общ. ред., карты А. И. Курчки. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994.
- Гусейнов 2006 — *Гусейнов Г.* Введение в эрагическую семантику (на материале «Живого Журнала») // Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава; вступит. сл. Вяч. Вс. Иванова; предисл. А. Я. Шайкевич. М.: Летний сад, 2006. С. 383–405.
- Де Граф 2005 — *Де Граф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т. Х.* Потреблятьство: Болель, угрожающая миру / Пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
- Джумагельдинов 2011 — *Джумагельдинов А. Н.* Языковая политика в системе государственного образования Казахстана // Этнополитическая

- ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 213–220.
- Дмитриев 1974 — *Дмитриев А. С.* Физиология высшей нервной деятельности: учеб. пособие для студентов биол. специальностей университетов. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1974.
- Дойдж 2013 — *Дойдж Н.* Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / Пер. с англ. Е. Виноградовой. М.: Эксмо, 2013.
- Жинкин 1958 — *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1958.
- Жинкин 1964 — *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
- Залевская 1980 — *Залевская А. А.* Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980.
- Залевская 1999 — *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1999.
- Залевская 2005 — *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- Залевская 2011 — *Залевская А. А.* Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Тверской гос. университет, 2011.
- Зинченко 1988 — *Зинченко В. П.* Проблема «образующих» сознание в деятельности теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1988. Т. 3. С. 25–34.
- Зинченко 2008 — *Зинченко В. П.* Шепот раньше губ, или Что предшествует эксплозии детского языка // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 101–134.
- Исаев 1991 — *Исаев М. И.* Закон принят. Что дальше? // Русская речь. 1991. № 1. С. 3–9.
- Иванов 2004 — *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Кан 2011 — *Кан В. С.* Тувинский и русский языки в общественном мнении жителей Тувы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 221–226.
- Караулов 1989 — *Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.
- Караулов 1999 — *Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.

- Караулов 2010а — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987; 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Караулов 2010б — *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Касьянова 2003 — *Касьянова К. (Чеснокова В. Ф.)*. О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
- Кронгауз 2013 — *Кронгауз М.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
- Кочетков — *Кочетков Г. Б.* Российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=50> (дата обращения: 24.02.2018).
- Кошелев 2008а — *Кошелев А. Д.* О языке психолингвистики (предисловие издателя) // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 21–40.
- Кошелев 2008б — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 193–230.
- Кошелев 2009 — *Кошелев А. Д.* О когнитивных факторах развития детской речи // Проблемы онтолингвистики — 2009: Материалы междунар. конф. (17–19 июня 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Златоуст, 2009. С. 54–61.
- Кошелев 2013 — *Кошелев А. Д.* Когнитивистика перед выбором: Дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У. Т.* Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680–767.
- Кошелев 2015 — *Кошелев А. Д.* Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015.
- Крыштановская 2005 — *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лакофф 1988 — *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

- Леонтьев А. А. 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского университета, 1977.
- Леонтьев А. А. 1997 — *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Леонтьев А. А. 2000 — *Леонтьев А. А.* Личность, деятельность, образование // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 7–12.
- Леонтьев А. А. 2001 — *Леонтьев А. А.* Образование как самостроительство. Доклад на 1-й Всероссийской конференции по экзистенциальной психологии 29 марта 2001 г.: К 70-летию со дня рождения. DVD video. aaleontiev.smysl.ru
- Леонтьев А. А. 2004 — *Леонтьев А. А.* Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: учеб.-справоч. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004.
- Леонтьев А. А. 2007 — *Леонтьев А. А.* Язык не должен быть «чужим» // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 9–12.
- Леонтьев А. А. 2008 — *Леонтьев А. А.* Психология общения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стереотип. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2008.
- Леонтьев А. А. 2016 — *Леонтьев А. А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. 2-е изд., стереотип. М.: Смысл, 2016. (1-е изд. 2008).
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. 2005 — *Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А. Н. 1975 — *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А. Н. 2005 — *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл: КДУ, 2005.
- Леонтьев Д. А. 2007 — *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
- Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. 2008 — *Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008.
- Лурия 1975 — *Лурия А. Р.* Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике. (Размышления психолога о книгах Н. Хомского) // Вопросы философии. 1975. № 4. С. 142–149.
- Лурия 2003 — *Лурия А. Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М.: Смысл, 2003.
- Лурия 2007 — *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2007. (Сер.: Мастера психологии).
- Ляшевская и др. 2005 — *Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* О морфологическом стандарте национального корпуса русского языка //

- Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 111–135.
- Ляшевская, Шаров 2009 — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Магомед-Эминов 1998 — *Магомед-Эминов М. Ш.* Трансформация личности. М.: ПАРФ, 1998.
- Малиновский 2003 — *Малиновский Л. Г.* Модельно-конструктивное мышление. М.: Наука, 2003.
- Мельников 2003 — *Мельников Г. П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л. Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
- Михальченко 2015 — *Михальченко В. Ю.* Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров (РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания) / Отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2015. С. 14–31. (Сер.: Теория и история языкознания).
- Нагорная 2014 — *Нагорная А. В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутри-телесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Национальный корпус русского языка 2003–2005 — Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005.
- Нитобург 2005 — *Нитобург Э. Л.* Русские в США: История и судьбы. 1870–1970: Этноисторический очерк / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). М.: Наука, 2005.
- Новиков 2007 — *Новиков А. И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007.
- Общение. Языковое сознание 2005 — Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей. (Институт языкознания РАН). Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
- Павлов 1949 — *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных // *Павлов И. П.* Полн. собр. трудов. Т. III. М.; Л.: АН СССР, 1949.
- Павилёнис 1983 — *Павилёнис Р. И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Панарин 2014 — *Панарин А. С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- Пинкер, Джакендофф 2008 — *Пинкер С., Джакендофф Р.* Компоненты языка: Что специфично для языка, что специфично для человека? / Пер. с англ. С. А. Бурлак // Разумное поведение и язык. Вып 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 261–292.
- Разумное поведение и язык 2008 — Разумное поведение и язык. Вып 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008.

- Рамачандран 2015 — *Рамачандран В. С.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М.: Карьера Пресс, 2015.
- Региональное языковое сознание... 2017 — *Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Баясникова О. В., Полянская А. Г., Разумкова А. В., Свинчукова Е. Г., Степанова А. А.* Региональное языковое сознание коми, русских, татар: Проблемы взаимовлияния: коллективная монография / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Ярославль: Канцлер, 2017.
- Риццолатти, Синигалья 2012 — *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Рубинштейн 2011 — *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2011.
- Русский ассоциативный словарь 2002 — Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002.
- Садохин 2000 — *Садохин А. П.* Этнология. М.: Гардарики, 2000.
- Словарь ассоциативных норм... 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского университета, 1977.
- Словарь Л. С. Выготского 2010 — Словарь Л. С. Выготского / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2010.
- Стернин 2016 — *Стернин И. А.* Варианты описания значения слова экспериментальными методами // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 264–275.
- Тарасов 1996 — *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.
- Тарасов 2014 — *Тарасов Е. Ф.* Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 24–35.
- Томаселло 2011 — *Томаселло М.* Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Силиной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Трошина 2017 — *Трошина Н. Н.* Моноязычие в сфере немецкого высшего образования и науки: «за» и «против» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 96–105.
- Трубецкой 2007 — *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007.
- Узнадзе 2014 — *Узнадзе Д. Н.* Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Под ред. И. В. Имедадзе, Р. Т. Сакварелидзе; пер. с груз. Е. Ш. Чомахидзе; ред.-сост. Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2014. (Сер.: Живая классика).
- Уфимцева 1996 — *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 144–162.

- Уфимцева 2002 — *Уфимцева Н. В.* Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 152–170.
- Уфимцева 2005 — *Уфимцева Н. В.* Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2005. С. 205–216.
- Уфимцева 2011 — *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.; Калуга: Институт языкознания РАН, 2011.
- Уфимцева 2017 — *Уфимцева Н. В.* Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // *Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В.* (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем: коллективная монография / Под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017.
- Ушакова 2000 — *Ушакова Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 13–23.
- Ушакова 2011 — *Ушакова Т. Н.* Рождение слова: Проблемы психологии речи и психоллингвистики. М.: Институт психологии РАН, 2011. (Сер.: Достижения в психологии).
- Фитч 2013 — *Фитч У. Т.* Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Хопёрская 2011 — *Хопёрская Л. Л.* Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46–56.
- Черниговская 2008 — *Черниговская Т. В.* Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (Взгляд лингвиста и биолога) // Разумное поведение и язык. Вып 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 395–412.
- Шабаев 2011 — *Шабаев Ю. П.* Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 70–85.
- Шапошникова 2012 — *Шапошникова И. В.* Устойчивость и изменчивость вербальных ассоциаций русских как отражение процессов самоидентификации при нарушении целостности этнокультурной среды // Межэтническое общение: Контакты и конфликты: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: ИЯз РАН-МИЛ, 2012. С. 171–193.
- Шапошникова 2014а — *Шапошникова И. В.* К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС — русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психоллингвистики. 2014. Вып. 2 (20). С. 28–41.

- Шапошникова 2014б — *Шапошникова И. В.* История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов). Статья первая // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 179–188.
- Шапошникова 2015а — *Шапошникова И. В.* История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов: к вопросу о методах). Статья вторая // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 140–149.
- Шапошникова 2015б — *Шапошникова И. В.* Реалии языкового сознания молодых русских (по материалам СИБАС — Русской региональной ассоциативной базы данных) // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13 Вып. 4. С. 5–14.
- Шапошникова 2015в — *Шапошникова И. В.* «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 120–131.
- Шапошникова 2016а — *Шапошникова И. В.* Мотивационная база реформы образования и языковая политика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). М.: Институт языкознания РАН: МИЛ. С. 256–273.
- Шапошникова 2016б — *Шапошникова И. В.* Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). М.: Институт языкознания РАН: МИЛ. С. 302–323.
- Шапошникова 2017 — *Шапошникова И. В.* Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). М.: Институт языкознания РАН: ММА. С. 124–145.
- Шапошникова 2018а — *Шапошникова И. В.* К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1 (35). С. 173–191. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191
- Шапошникова 2018б — *Шапошникова И. В.* Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273. DOI: 10.17223/18137083/64/23
- Шапошникова, Романенко 2015 — *Шапошникова И. В., Романенко А. А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток): в 2 т. Т. I: От стимула к реакции / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Московский институт лингвистики, 2014; Т. II: От реакции к стимулу / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Московский институт лингвистики, 2015.
- Этническая и этнополитическая карта Крыма 2017 — Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Под. ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Языковое сознание... 2000 — Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000.

- Языковое сознание... 2004 — Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты: сб. статей / Под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004.
- Языковое сознание... 2007 — Языковое сознание: Парадигмы исследования: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2007.
- Язык и сознание... 2009 — Язык и сознание: Психолингвистические аспекты: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2009.
- Arbib 1982a — *Arbib M. A.* From Artificial Intelligence to Neurolinguistics // Neural Models of Language Processes (Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics) / Ed. by M. A. Arbib, D. Caplan, John C. Marshall. New York: Academic Press, 1982. P. 77–94.
- Arbib 1982a — *Arbib M. A.* Perceptual-Motor Processes and the Neural Basis of Language // Neural Models of Language Processes (Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics) / Ed. by M. A. Arbib, D. Caplan, John C. Marshall. New York: Academic Press, 1982. P. 531–551.
- Arbib 2005 — *Arbib M. A.* From Monkey-like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // Behavioral and Brain Sciences. 2005. No. 28. P. 105–167.
- Arbib 2006 — *Arbib M. A.* The Mirror System Hypothesis on the linkage of action and languages // Action to Language via the Mirror Neuron System / Ed. Michael A. Arbib. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3–47.
- Arbib 2012 — *Arbib M. A.* How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York: Oxford University Press, 2012.
- Arbib 2017 — *Arbib M. A.* Toward the Language-Ready Brain: Biological Evolution and Primate Comparisons // Psychon Bull Rev. 2017. No. 24. P. 142–150. DOI: 10.3758/s13423-016-1098-2.
- Bonini et al. 2013 — *Bonini L., Ferrari P. F., Fogassi L.* Neurophysiological bases underlying the organization of intentional actions and the understanding of others' intention // Consciousness and Cognition. 2013. <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2013.03.001>
- Bybee 2003 — *Bybee J.* Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // The Handbook of Historical Linguistics / Ed. by B. D. Joseph and J. Janda. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Bybee 2010 — *Bybee J.* Markedness: Iconicity, Economy, and Frequency // Handbook of Linguistic Typology / Ed. by J. Jung Song. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 131–147.
- Bybee 2013 — *Bybee J. L.* Usage-based theory and exemplar representation // The Oxford Handbook of Construction Grammar / Ed. by T. Hoffman and G. Trousdale. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 49–69.
- Cuccio, Gallese 2018 — *Cuccio V., Gallese V.* A Peircean account of concepts: grounding abstraction in phylogeny through a comparative neuroscientific

- perspective // *Philosophical transactions of the Royal Society. Biological Sciences*. 2018. Vol. 373. No. 1752.
- Damasio 1989 — *Damasio A. R.* Concepts in the brain // *Mind and Language*. 1989. Vol. 4. No. 1–2. P. 24–28.
- Damasio 1997 — *Damasio A. R.* Exploring the Minded Brain // *The Tanner Lectures on Human Values*. Delivered at University of Michigan. November 14, 1997. P. 169–188.
- Fargier 2016 — *Fargier R.* From Modal Brain Structures to Word Meaning // *Foundations of Embodied Cognition*. Vol. 2: Conceptual and Interactive Embodiment / Ed. by Martin H. Fischer and Yann Soello. London; New York: Routledge, 2016. P. 11–28.
- Fitch 2007 — *Fitch W. T.* Linguistics: an invisible hand // *Nature*. 2007. No. 449. P. 665–667.
- Fitch 2011 — *Fitch W. T.* Unity and diversity in human language // *Philosophical transactions of the Royal Society // Biological Sciences*. 2011. No. 366. P. 376–388. DOI:10.1098/rstb.2010.0223
- Fitch et al. 2005 — *Fitch W. T., Hauser Marc D., Chomsky N.* The evolution of the language faculty: clarifications and implications // *Cognition*. 2005. No. 97 (2). P. 179–210.
- Foundations of Embodied Cognition 2016 — *Foundations of Embodied Cognition*. Vol. 2: Conceptual and Interactive Embodiment / Ed. by Martin H. Fischer and Yann Soello. London; New York: Routledge, 2016.
- Gallese 2008 — *Gallese V.* Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience*. 2008. Vol. 3. Iss. 3–4. P. 317–333.
- Gallese 2009 — *Gallese V.* Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*. 2009. Vol. 19 Iss. 5. P. 519–536. DOI: 10.1080/10481880903231910
- Gallese 2013 — *Gallese V.* Mirror neurons, embodied simulation and a second-person approach to mindreading // *Cortex*. 2013. No. 49. P. 2954–2956.
- Gallese, Caruana 2016 — *Gallese V., Caruana F.* Embodied Simulation: Beyond the Expression/Experience Dualism of Emotions // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20. No. 6. P. 397–398.
- Gallese, Sinigaglia 2011a — *Gallese V., Sinigaglia C.* What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15. No. 11. P. 512–519.
- Gallese, Sinigaglia 2011b — *Gallese V., Sinigaglia C.* How the Body in Action Shapes the Self // *Journal of Consciousness Studies*. 2011. Vol. 18. No. 7–8. P. 117–143.
- Gallese, Sinigaglia 2012 — *Gallese V., Sinigaglia C.* Response to de Bruin and Gallagher: embodied simulation as reuse is a productive explanation of a basic form of mind-reading // *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. Vol. 16. No. 2. P. 99–100.

- Goldman, de Vignemont 2009 — *Goldman A., de Vignemont F.* Is social cognition embodied? // *Trends in Cognitive Sciences.* 2009. Vol. 13. No. 4. P. 154–159.
- Harris 1993 — *Harris R. A.* The Linguistics Wars. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Hudson 2007a — *Hudson R. A.* Towards a useful theory of language // *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory / Ed. by Peter K. Austin, Oliver Bond & David Nathan.* London: SOAS, 2007. URL: http://www.hrelp.org/eprints/ldlt_02.pdf
- Hudson 2007b — *Hudson R. A.* Language Networks: The New Word Grammar. Oxford University Press, 2007.
- Hudson 2010 — *Hudson R. A.* An Introduction to Word Grammar (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge University Press, 2010.
- Jackendoff 1989 — *Jackendoff Ray S.* Consciousness and the Computational Mind. 2nd ed. London: A Bradford Book, 1989. (Explorations in cognitive science; 3).
- Knobe 2015 — *Knobe J.* Philosophers are doing something different now: Quantitative Data // *Cognition.* 2015. Vol. 135. P. 36–38.
- Kok, Cienki 2016 — *Kok K. I., Cienki A.* Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges // *Cognitive Linguistics.* 2016. No. 27 (1). P. 67–100.
- Labov 1994 — *Labov W.* Principles of Linguistic Change. Vol. 1: Internal Factors. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
- Labov 2001 — *Labov W.* Principles of Linguistic Change. Vol. 2: Social Factors. Oxford: Blackwell Publishers, 2001.
- Labov 2007 — *Labov W.* Transmission and diffusion // *Language.* 2007. No. 83. P. 344–387.
- Labov 2010 — *Labov W.* Principles of Linguistic Change. Vol. 3: Cognitive and Cultural Factors. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Labov et al. 2006 — *Labov W., Ash Sh., Boberg Ch.* The Atlas of North American English. Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Langacker 2002 — *Langacker R. W.* Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. (Cognitive linguistics research; 1).
- Li, Hombert 2002 — *Li Charles N., Hombert Jean-Marie.* On the evolutionary origin of language // *Mirror neurons and the evolution of brain and language / Ed. by Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese.* Advances in Consciousness Research. Vol. 42: Selected contributions to the symposium on “Mirror neurons and the evolution of brain and language” held on July 5–8, 2000 in Delmenhorst, Germany. John Benjamins B. V., 2002. P. 175–205.
- Mirror neurons and the evolution of brain and language 2002 — *Mirror neurons and the evolution of brain and language / Ed. by Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese.* Advances in Consciousness Research. Vol. 42: Selected contributions to

- the symposium on “Mirror neurons and the evolution of brain and language” held on July 5–8, 2000 in Delmenhorst, Germany. John Benjamins B. V., 2002.
- Moll, Tomasello 2006 — *Moll H., Tomasello M.* Cooperation and Human Cognition: the Vygotskian Intelligence Hypothesis // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. B. 2006. DOI: 10.1098/rstb.2006. P. 1–10. Published online.
- Moulin-Frier., Arbib 2013 — *Moulin-Frier Cl., Arbib M. A.* Recognizing Speech in a Novel Accent: The Motor Theory of Speech Perception Reframed // *Biological Cybernetics*. 2013. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. Vol. 107. Iss. 4. P. 421–447.
- Neural Models of Language Processes 1982 — *Neural Models of Language Processes // Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics / Ed. by M. A. Arbib, D. Caplan, John C. Marshall.* New York: Academic Press, 1982.
- Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? 2013 — *Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? / Ed. by Paolo B. Pascolo // Progress in Neuroscience*. 2013. No. 1 (1–4). P. 25–82.
- Pinker, Jackendoff 2005 — *Pinker S., Jackendoff R.* The Faculty of Language: what’s special about it? // *Cognition*. 2005. Vol. 95. P. 201–236.
- Priva, Austerweil 2015 — *Priva U. C., Austerweil J. L.* Analyzing the history of *Cognition* using Topic Models // *Cognition*. 2015. Vol. 135. P. 4–9.
- Thill et al. 2014 — *Thill S., Padó S., Ziemke T.* On the Importance of a Rich Embodiment in the Grounding of Concepts: Perspectives from Embodied Cognitive Science and Computational Linguistics // *Topics in Cognitive Science*. 2014. No. 6. P. 545–558.
- Trudgill 2004 — *Trudgill P.* New-Dialect Formation: The Inevitability of Colonial Englishes. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Trudgill 2014 — *Trudgill P.* Diffusion, drift, and the irrelevance of media influence // *Journal of Sociolinguistics*. 2014. Vol. 18. Iss. 2. P. 214–222.
- Tomasello 2000 — *Tomasello M.* The item-based nature of children’s early syntactic development // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4. No. 4. P. 156–163.
- Tomasello 2014 — *Tomasello M.* Horizon. The ultra-social animal // *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. Iss. 3. P. 187–194.
- Tomasello, Rakoczy 2003 — *Tomasello M., Rakoczy H.* What makes human cognition unique? From individual to shared to collective intentionality // *Mind and Language*. 2003. Vol. 18. Iss. 2. P. 121–147.
- Wolfram, Schilling-Estes 2006 — *Wolfram W., Schilling-Estes N.* American English Dialects and Variation. 2nd ed. Oxford (UK): Blackwell Publishing Ltd, 2006. (1st ed. 1998).

Словари и источники эмпирического материала

- Абрамов 1999 — *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999.
- Александрова 1993 — *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1993.
- Даль 1994 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка (воспроизводит издание 1955 г., которое было набрано и напечатано со второго издания (1880–1882 гг.)) «Толковый словарь живаго великорускаго языка»: в 4 т. Т. 4. М.: ТЕРРА, 1994.
- ЕВРАС — *Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС // URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>
- Ефремова 2005 — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Ефремова 2006а — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А–Л.
- Ефремова 2006б — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М–П.
- Ефремова 2006в — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 3: Р–Я.
- МАС 1999 — Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь). Т. 1–4. М.: Русский язык, 1999.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- РАС — Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Со рокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Т. 1–2. М., 1994–1998. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
- Русский орфографический словарь — Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) / Сост. О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. Яндекс.Словари > Орфографический словарь. — 2004
- САНРЯ — *Леонтьев А. А.* Словарь ассоциативных норм русского языка // URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>
- СИБАС — Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток (2008–2018) / Авторы-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко // URL: <http://adictru.nsu.ru>
- Словарь русского языка — Словарь русского языка: в 4 т. (Институт лингвистических исследований РАН) / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т. А. Голикова, Е. В. Панкратова, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. Т. 5. Новосибирск: Наука, 2006.

- Тихонов 2002 — *Тихонов А. Н.* Морфемно-орфографический словарь: ок. 100 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2002.
- Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935–1940 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787226>
- УРРАС — *Черкасова Г. А., Харченко Е. В.* Русский региональный ассоциативный словарь (Уральский регион) // URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/urras>
- Фасмер 2003 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Д: ок. 4000 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2003.

СПИСОК ТАБЛИЦ

- С. 32. *Таблица 1.* Общая структура и наполнение ассоциативных полей (АП) «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ (1970-е гг.), РАС (1988–1997), СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013).
- С. 34–35. *Таблица 2.* Статистика интенсивности семантических зон АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии).
- С. 36. *Таблица 3.* Психоглоссы интенсивности в ядре и на периферии АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС.
- С. 85. *Таблица 4.* Сравнительные данные частотного словаря на основе НКРЯ. Российский, русский, советский, народ.
- С. 86. *Таблица 5.* Статистика употребительности по годам. Русский, советский, российский, народ.
- С. 87. *Таблица 6.* Образ «русский».
- С. 87. *Таблица 7.* Образ «советский».
- С. 88. *Таблица 8.* Образ «российский».
- С. 88. *Таблица 9.* Образ «народ».
- С. 101. *Таблица 10.* Сравнительные данные частотного словаря НКРЯ. Гражданин, гражданский.
- С. 101. *Таблица 11.* Статистика употребительности по годам.
- С. 102. *Таблица 12.* Образ «гражданин» →
- С. 104. *Таблица 13.* Образ «гражданин» ←
- С. 110–111. *Таблица 14.* Сравнительные данные об АП «образование» в СИБАС и ЕВРАС.
- С. 114. *Таблица 15.* АП «будущее» в прямом словаре РАС.
- С. 117. *Таблица 16.* АП «невысказанность» в прямых словарях СИБАС и ЕВРАС.
- С. 121. *Таблица 17.* Смысловые акцентуации образа «язык».
- С. 124. *Таблица 18.* Психоглоссы иноэтничности по данным смысловой зоны «Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы» в АП «русский».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Психоглоссы, отражающие модусы идентификации русской языковой личности

Таблица 1

Сравнительный анализ АП «государство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Таблица 1а. Общая структура и наполнение АП

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	648	498	543
Разные	238	199	184
Единичные	159	145	116
Устойчивые	483	346	420
Отказы	6	7	7

Таблица 1б. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП

После каждого ассоциата (кроме единичных) приводится показатель его частотности, стрелки показывают снижение силы смысловых акцентуаций, знак равенства — равнозначность смысловых акцентуаций внутри рассматриваемой зоны. В комментариях ассоциаты помечены курсивом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Государство = страна (Россия — СССР)		
Устойчивая часть АП		
Страна 49; Советское 18; СССР 16; Российское 10; Россия 7; русское; СНГ 2	Страна 62; Россия 59; российское 10; Российское; РФ 7; СССР 3; держава; России 2	Россия 75; страна 63; РФ 20; Российское 11; России; Русь; СССР; страны 2
<i>Периферийная часть АП</i>		
Неправовое — СССР; РСФСР; русского; стране	Могучее (Россия); Российская Федерация; страна; власть; страны	Держава; Россия (демократическое); русское
Комментарии к психогlossам внутри зоны 1		
РАС: в устойчивой части негативные смыслы отсутствуют, акцентуации на стране СССР → Советское → Российское → Россия → русское = СНГ; периферия добавляет русское и спаренное с единичной СССР идеологическое неправовое. СИБАС: В устойчивой части нет негатива, акцент на стране-России (= Россия-страна) (РФ) → российское → СССР. Периферия усиливает РФ (Россию), страну, русское отсутствует, однако появляются новые единицы: держава 2 и спаренные в единичных положительные оценки к Россия		
ЕВРАС: В устойчивой части нет негатива, акцент на России (РФ) — стране → российское → СССР. Русское на периферии и в виде Русь 2. Новое: держава на периферии и спаренная ассоциация демократическая с Россия там же.		

Зона 2	
Социальные институты и представительства	
Устойчивая часть АП	
Власть 21; царство 6; машина, правительство 5; Советов 4; партия 3	Власть 27; правительство 15; президент 12; монархия; налоги; парламент; правитель 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Аппарат; аппарат насилия; армия; княжество; колхоз; конституция; кооператив; королевство; монополия; образование; организация; президент; совет	Конституция; организация; партия; республика; союз; унитарное, федерация; федерация; царство
	Бюрократия; выборы; Госдума; и царь; институт; Конституция; машина; парламент; партия; правление
Комментарии к психогlossам внутри зоны 2	
<p>В устойчивых частях АП во всех источниках нет негатива. Отражены реалии времени. Так, в РАС акцентуации в большей мере традиционны: власть → царство → Советы → партия. Негативные смыслы находим на периферии в виде перестроенной идеологической ассоциации <i>аппарат насилия</i>; в целом периферия отражает дискурс эпохи — с прежними организационными формами: <i>колхоз, кооператив, монополия государства, аппарат, армия</i>, которые были основными объектами критики того времени. Новый институт <i>президент</i> уже появился пока только на периферии. СИБАС: власть → правительство → президент → новые реалии (<i>налоги, парламент</i>, возврат к рефлексии о формах правления <i>монархия</i>). На периферии негатив отсутствует; на фоне перестройки устойчивого ядра периферия сохраняет ранее имевшие большую устойчивость <i>царство, партия</i>, вместе с тем она содержит новые реалии, связанные с формами правления.</p> <p>ЕВРАС: власть → президент → правительство → новые реалии. Негатив отсутствует, если не отнести к нему амбивалентную <i>бюрократия</i>. Старые некогда более устойчивые ассоциации присутствуют в виде <i>партия. Царство</i> ушла из АП, но есть связанная с ней ассоциация <i>и царь</i>. Новые реалии, связанные с новыми инструментами власти в государстве, в виде <i>парламент, Госдума, выборы</i> присутствуют на периферии.</p> <p>Таким образом, во всех источниках наблюдаются следы рефлексии над формами правления (<i>республика, монархия, Дума, строй</i>). <i>Царство</i> согласуется с традиционным <i>царством-государством</i> (как в зачине сказок: в некотором царстве, в некотором государстве)</p>	

Зона 3	
Государственные люди (носители государственности и ее представители)	
Устойчивая часть АП	
Дураков 3; рабов 2	Президент 12; Медведев 4; Путин 3; глава; козлы; патриот; правитель 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Государь; идиотов; никто никому; президент; социалист; столы и чиновники; трудящихся; царь	Дураков; Жириновский; звери; идиот; политики; суверен; царь
Комментарии к психогlossам внутри зоны 3	
<p>Устойчивая часть РАС абсолютно негативна, что соответствует идеологемам времени перестройки и фиксирует негативный автостеротип государственников: <i>дураки и рабы</i>. Акцент на поданных представлен в повторяющихся реакциях, на правителях преимущественно в единичных. Периферия поддерживает негативный автостеротип, добавляя фиксацию безответственности (<i>никто никому</i>), государство <i>трудящихся</i> как основное завоевание прошлого уже сместилось на периферию, усилен акцент на верховном правителе, упоминается его новая ипостась (<i>президент</i>); сведение сути государства до <i>столы и чиновники</i> можно также рассматривать как негативную оценку его качества.</p> <p>Смысловые акцентуации в устойчивой части СИБАС: Президент → Медведев → Путин → номинации правителя с новым акцентом патриот → брутальный негатив козлы</p> <p>Устойчивая часть СИБАС и ЕВРАС дает новые реалии, это персоналии правителей, доминирует акцент на верховном правителе с его персональными (сообразно конкретному времени проведения эксперимента) воплощениями; негатив находим на периферии ядерной части, он примыкает по смыслу к дальней периферии АП и может быть отнесен как к правителям, так и к поданным. Периферия в СИБАС усиливает негативные коннотации автостеротипа, вводит категорию политики с персоналией и усиливает брутальный негативный оценочный акцент.</p> <p>Смысловые акцентуации в устойчивой части ЕВРАС: Президент → Путин → номинации правителя → диагностический негатив воры.</p> <p>Периферия в ЕВРАС дает персоналии исторического прошлого, новые идеологемы типа <i>демократ, партнер, патриот</i>; низведение государства до <i>люди в костюмах, дублеры</i> (можно рассматривать как негативную оценку его качества).</p>	

Зона 4	
Присвоение (причастность)	
Устойчивая часть АП	
Наше 26; это я 12; мое 8; общество 7; я 6; и личность; личность; мы; народ; Родина; это мы 3; Отечество; отчизна; русское 2	Наше 7; родина 6; общество 5; народ 4; нация; Родина 3; люди, мое 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Или я; и народ; люди; народное; наш; не я; родные; русского; свое; семья; трудящихся; цивилизация; это я!	Мы вместе; я
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 4	
<p>Устойчивая часть РАС существенно отличается от СИБАС и ЕВРАС. В РАС акценты таковы: наше (мы, это мы) → я (мое, это я) → родина (отечество, отчизна) = общество → личность (в том числе как сопоставление или противопоставление и личность) → народ → русское. На периферии усиливается акцент Я, но в виде оппозиции государство или (и) (не)я; усиливается акцент на народ, народность-русскость; активизируются: присвоение свое; уровень сопоставления семья и родные — с одной стороны, и цивилизация — с другой.</p> <p>СИБАС: родина = народ, нация, люди → наше → общество → мое. На периферии усиливается акцент мы и я, что не изменяет общей картины акцентуации слов по ядру СИБАС</p> <p>ЕВРАС: родина, отечество → наше → люди, народ, нация → это я, мое → общество → гражданин. На периферии усиливается акцент на общество, отчизну, я; новое — возврат к ассоциату русское по отношению к прошлому времени (РАС), где он был еще в ядре, в СИБАС он так и не появился.</p>	
Зона 5	
Атрибуты, знаки	
Устойчивая часть АП	
Граница 5; Кремль 3	Флаг 4; герб, граница, Кремль 2
Граница 5; история, флаг 2	

<i>Периферийная часть АП</i>	
Герб; главное знание; границы; история; топор	Деньги; история; красный цвет; лев; лес; Москва; площадь; столица; часы кремлевские
Забор; заграница; Кремль; флаг России; гимн; флот	
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 5	
Новое в ядре СИБАС и ЕВРАС — акцент на <i>флаг</i> , в целом подвижки между ядром и периферией малоинформативны.	
Зона 6	
Что создают государственные институты и люди	
Устойчивая часть АП	
И право 18; право 12; сила 5; развал 4; перестройка; тюрьма 3; демократии; дерьмо; насилие; суверенитет; угнетение 2	Политика 9; сила 7; и право 6; право 5; демократия; коррупция; мощь; управление 4; закон; и политика 3; система 3; единство; контроль; мир 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Буржуазия; бюджет; диктат; долг; дрянь; закон; и его крах; и есть государство; машина для угнетения; мир; мощь; мытарство; порядок; правда; рабство; садизм; <i>свобода</i> ; <i>система</i> ; смерть; советское право; социализм; террор; тотализатор; управление; цивилизация	Анархия; варварство; вверх; гордость; давление; единение; есть закон; жизнь; законов; законы; лжи; огорчение; ограничивает; подавление; порядок; произвол; решает; <i>свобода</i> ; сепаративность; труд; тяжесть
Анархия!; бардак; величие; вера; власть; сила; воровство; замкнутость; зло; клетка; концлагерь; коррупция; ложь; могущество; ненависть; несправедливость; нищета; объединение; ответственность; права; рабство; распад; руководство; <i>свобода</i> ; секта; справедливость; стабильность; суверенитет; утопия; философия; эгоизм; экономика	
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 6	
РАС: в устойчивой зоне акценты соответствуют эпохе: и право, право → насилие, угнетение, тюрьма = развал, перестройка → сила → демократия = дерьмо = суверенитет . Здесь активизируется негатив в идеологемах разрушения государства как аппарата насилия и объекта перестройки. На периферии есть акценты: закон, мощь, мир, свобода, система	

<p><i>советское право, цивилизация.</i> Существенно усилены акценты на деструктивности в эсхатологическом ключе, брутальности негативных оценок преимущественно эмоционального плана, идеологемах государства как машины угнетения и подавления.</p> <p>закон → политика → сила, мощь = демократия = обман, бедность → единство → система. Эти смысловые акценты получили некоторое усиление на периферии. Новое: преимущественно негативные ассоциации с замкнутостью, ненавистью и верой. Общий негативный фон на периферии нарастает в сторону брутализации с усиления как диагностирующихся, так и эмоционально негативных оценочных компонентов.</p> <p>ЕВРАС: акценты сильно сместились в позитив с умеренной диагностической оценочностью у негативных компонентов: и право, право, закон → политика → сила, мощь → демократия = коррупция = управление → система → единство = контроль = мир. В целом все смысловые акценты получили некоторое усиление на периферии, как и в СИБАС. Новое: преимущественно негативные ассоциации с подавлением и произволом, тяжестью. Общий негативный фон на периферии нарастает в сторону усиления эмоционального компонента.</p>	<p style="text-align: center;">Зона 7</p> <p style="text-align: center;">Каким государство является по факту и (или) должно быть</p>	<p style="text-align: center;">Устойчивая часть АП</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; padding: 5px;"> Социалистическое 19; правовое, большое 16; великое; огромное, богатое 6; могучее; родное; свободное 5; бедное; тоталитарное 4; капиталистическое; сильное; справедливое 3; буржуазное; в опасности; в упадке; демократическое; единое; могущественное; мощное; независимое; нищее; развитое; соседнее; суверенное 2 </td> <td style="width: 50%; padding: 5px;"> Сильное 7; большое 5; плохое; правовое 4; независимое 3; великое; единое; могучее; честное 2 </td> </tr> <tr> <td style="width: 50%; padding: 5px;"> Большое 16; великое, сильное 5; справедливое 4; единое; огромное; тоталитарное 3; демократичное; единое; крепкое; могучее; развитое; свободное; социальное; суверенное 2 </td> <td style="width: 50%; padding: 5px;"></td> </tr> </table>	Социалистическое 19; правовое, большое 16; великое; огромное, богатое 6; могучее; родное; свободное 5; бедное; тоталитарное 4; капиталистическое; сильное; справедливое 3; буржуазное; в опасности; в упадке; демократическое; единое; могущественное; мощное; независимое; нищее; развитое; соседнее; суверенное 2	Сильное 7; большое 5; плохое; правовое 4; независимое 3; великое; единое; могучее; честное 2	Большое 16; великое, сильное 5; справедливое 4; единое; огромное; тоталитарное 3; демократичное; единое; крепкое; могучее; развитое; свободное; социальное; суверенное 2	
Социалистическое 19; правовое, большое 16; великое; огромное, богатое 6; могучее; родное; свободное 5; бедное; тоталитарное 4; капиталистическое; сильное; справедливое 3; буржуазное; в опасности; в упадке; демократическое; единое; могущественное; мощное; независимое; нищее; развитое; соседнее; суверенное 2	Сильное 7; большое 5; плохое; правовое 4; независимое 3; великое; единое; могучее; честное 2					
Большое 16; великое, сильное 5; справедливое 4; единое; огромное; тоталитарное 3; демократичное; единое; крепкое; могучее; развитое; свободное; социальное; суверенное 2						

<i>Периферийная часть АП</i>		
<p>Авторитарное; антинародное; бесправное; бесчеловечное; будущего; в анусе; вне закона; гнилое; говно; давит; далеко; демократичное; дружественное; дрянное; дурное; единое целое; застойное; здоровое; кормилица; крепость; мало; мама; мать; миролюбиво; мощно; небольшое; независимый; неправовое — СССР; неразвитое; обанкротилось; плохое; разбитая; разное; разоренное; самое; сильное; слабое; тотальное; унитарное; феодальное; хромой</p>	<p>Бедное; безответственное; богатое; в опасности; в сложной ситуации; в упадке; гавно; говно; демократичное; древнее; едино; единый; жадное; крепкое; крепость; крупное; любимое; мало; многонациональное; могучее (Россия); мощное; надежное; неправильное; неумолимо; нищее; общее; огромное; отсталое; подкупное; родное; самое дурацкое; слабое; социальное; сплоченное; справедливое; строго; суровое; тоталитарное; тыл; унитарное; федерация; федеративное</p>	<p>Без денег; большое; в разлуке; вечно; властное; галимое; говно; демократическое; дрянь; идеальное; крупное; лживое; маленькое; могучее; могущественное; нахлебник; не всегда хорошо; не очень; независимое; нестабильное; общее; огромно; полицейское; правовое; правых; продажное; разное; священный; убийца; унитарное; федеративное; целое; чудовище</p>
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 7		
<p>РАС: сильные актеры оппозиций социалистического — капиталистического; бедного — богатого; негатив присутствует в виде опасности и нищеты. Акцентуации в устойчивой части РАС: величина (размер и величие) 36 → оппозиция социалистическое 19 — капиталистическое (буржуазное) 5 → правовое 18 → сила и мощь 12 = оппозиция богатое 6 — бедное (нищее) 6 → свободное, независимое, суверенное 9 → единство и неделимость 6 → справедливое 3 и демократическое 2 → ему что-то угрожает (в опасности 2, в упадке 2) → идея развития (развитое 2) → иное (соседнее 2). На периферии усилены актеры на демократичность, единство, независимость и мощь, при этом встроились оппозиции: здоровье-болезнь; сила-слабость; как оппозиция к устойчивой части: неправовое, неразвитое. Новые актеры — с матерью и кормилицей, феодализмом, миролюбием. Отчуждение — отдаленность от народа, антинародность. СИБАС: акцентуации социализма исчезли, появились новые диагностические положительные смыслы как оппозиция лжи и воровству: честное. Общая иерархия акцентуаций: сильное и могучее 9 → величина и величие 7 → правовое 4 = плохое 4 → независимое 3 → единое 2 → честное. На периферии усилены все актеры ядра, появились новые: многонациональность, суровость, социальное, надежное, родное, любимое; выстроились оппозиции: бедность (нищета) — богатство; слабость — мощь; появилась брутальность негативных оценок.</p>		

<p>ЕВРАС: акцентуации социализма исчезли, заменены на <i>социальное</i>; больше ассоциаций, чем в СИБАС, по всем позициям. Общая иерархия акцентов: величина и величие 24 → единство, неделимость 10 → сильное, могучие 7 → справедливость и демократичность 6 → свобода и суверенность 4 → идея развития (развитое 2) = социальное 2. На периферии усилены акценты, которые были в устойчивой части; выстроилась оппозиция: малый-большой; новые акценты: полицейское, правовое, разное, акцентируется лживость, продажность и нахлебничество государства. Бруталность негативных оценок на периферии сильна, диагностические негативные оценки касаются обмана, нестабильности, продажности.</p>	
Зона 8	
Государство как субъект и объект воздействия	
Устойчивая часть АП	
НЕНАВИЖУ 2	Ненавижу 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Заботиться; не доверять; образование; поддерживать; разваливается; развалилась; развалилось; распалось; руководит; рухнуло; умрет; развивающееся; борющиеся	Править; разваливается; живет Разгром; улучшить; прогнано; процветает; распалось; врет
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 8	
<p>В РАС отсутствуют устойчивые ассоциации. На периферии отражены соблазны эпохи, связанные с «отмиранием» государства; наблюдается большее количество глагольных форм, чем в СИБАС и ЕВРАС позднее. Во всех словарях имеется акцент на разрушении, развале, он особенно силен в РАС в разных глагольных словоформах. Прогнозические ожидания по отношению к деятельности государства, с одной стороны, его развал и недоверие к нему — с другой. В СИБАС и ЕВРАС ненависть актуализуется формами глаголов в первом лице.</p>	
Зона 9	
Масштаб и место (локации)	
Устойчивая часть АП	
Страна 49; Африки 3; Израиль; карта; территория 3; в государстве; город; инков; Урарту; Швеция 2	Страна 62; держава 2 Страна 63; город 3; территория 3; Европы; земля; империя; мир; страны; часть мира 2

<i>Периферийная часть АП</i>		
Азии; Англия; Ангола; аптеков; в Азии; в Европе; географическая карта; глобус; города; государство; дом; древневосточное; Европа; европейское; Европа; Египет; империя; Каир; Китай; кусок географической карты; Латинской Америки; Мальта; мир; на обочине; Нидерландов; область; Перу; район; республика; скифов; стране; Челябинск; штат; 3-го мира	Ватикан; Венесуэла; город; Германия; Греция; Дания; дом; Египет; Замбии; земля; империя; Индия; Италия; Казахстан; Киев; Китай; масштаб; место на карте; Москва; Непал; нет; нету; Нигерия; Никарагуа; Рим; страна; власть; страны; США; территория; штат; ЮАР	Армения; Византия; Воронеж; деревья; держава; дом; карта; Китай; материк; на карте; ничто; Румыния; Сицилия; штат; Япония
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 9		
<p>Абсолютно преобладают (по нисходящей): масштаб страны → город → империя (в ЕВРАС более устойчива) → дом. В ЕВРАС <i>мир</i> в устойчивой части, в СИБАС его нет вообще. На периферии везде имеется <i>штат</i>. Бросается в глаза богатство (разнообразие) географических ассоциаций в РАС и в СИБАС, в отличие от ЕВРАС. Языковая личность локализует государственность в разных частях света. Концепт «Мир» присутствует не столько в самом ассоциате мир, сколько в географических названиях стран, континентов, ареалов и пр.</p>		
Зона 10		
Иное		
Устойчивая часть АП		
И революция 14; революция 13	Платон 2	НЕТ ДАННЫХ
<i>Периферийная часть АП</i>		
Дракон; интервент; лампа; Наполеон; не знаю; новость; осень; полнос; правая; чувшь; яма; Louis XV	Lupen; Вася; заеб...; збс; Людовик XIV; Макиавелли; ничего; смотр; теней; утилизация; фильм; Хаммурапи	Бред; брод; в левой руке Сникерс; люмен; Макиавелли; ну и что?; отпад; Платон; правоведение; столп; ТПП
Комментарии к психоглоссам внутри зоны 10		
<p>В РАС есть ассоциаты с названием работы В. И. Ленина о государстве и революции. В более поздних источниках эти знания уже не фиксируются в АВС. Однако появляются ассоциаты с Макиавелли, Платоном, что свидетельствует о смысловой (содержательной) перестройке обучения. Если в РАС наблюдаются брутальные оценки эмоционального плана, то в СИБАС к ним добавляются табу, а в ЕВРАС — изошренные.</p>		

Таблица 1в. Статистика интенсивности семантических зон АП «государство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Государство = страна (Россия — СССР)		
21,5 % <i>2,5 %</i>	43,9 % <i>2,7 %</i>	42 % <i>2,58 %</i>
Зона 2		
Социальные институты и представительства		
9 % <i>8,1 %</i>	17,9 % <i>5,5 %</i>	11,9 % <i>8,6 %</i>
Зона 3		
Государственные люди (носители государственности и ее представители)		
1 % <i>5 %</i>	7,8 % <i>4,8 %</i>	5,2 % <i>7,7 %</i>
Зона 4		
Присвоение (причастность)		
17,18 % <i>8 %</i>	9,24 % <i>1,37 %</i>	10,9 % <i>3,44 %</i>
Зона 5		
Атрибуты, знаки		
1,6 % <i>3 %</i>	2,89 % <i>6,2 %</i>	2 % <i>5,17 %</i>
Зона 6		
Что создают государственные институты и люди		
11,38 % <i>16,3 %</i>	12 % <i>21,37 %</i>	13,8 % <i>18,1 %</i>
Зона 7		
Каким государство является по факту и (или) должно быть		
25,87 % <i>25,78 %</i>	8,95 % <i>28,27 %</i>	13 % <i>28,44 %</i>
Зона 8		
Государство как субъект и объект воздействия		
– <i>8,17 %</i>	0,57 % <i>2 %</i>	0,47 % <i>5,17 %</i>
Зона 9		
Масштаб и место (локации)		
14,69 % <i>21,38 %</i>	18,49 % <i>21,37 %</i>	19 % <i>13,79 %</i>
Зона 10		
Иное		
5,59 % <i>7,54 %</i>	0,57 % <i>8,27 %</i>	– <i>9,48 %</i>

Таблица 1г. Психоглоссы интенсивности
в ядре и на периферии АП «государство»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак = маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** начертанием (**не менее 10 %** от общего числа устойчивых реакций).

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «государство»		
Зона 7 → зона 1 → зона 4 → зона 9 → зона 6 → зона 2 → зона 10 → зона 5 → зона 3	Зона 1 → зона 9 → зона 2 → зона 6 → зона 4 → зона 7 → зона 3 → зона 5 → зона 8 = зона 10	Зона 1 → зона 9 → зона 6 → зона 7 → зона 2 → зона 4 → зона 3 → зона 5 → зона 8
<i>Периферия АП «государство»</i>		
Зона 7 → зона 9 → зона 6 → зона 8 → зона 2 → зона 4 → зона 10 → зона 3 → зона 5 → зона 1	Зона 7 → зона 6 = зона 9 → зона 10 → зона 5 → зона 2 → зона 3 → зона 1 → зона 8 → зона 4	Зона 7 → зона 6 → зона 9 → зона 10 → зона 2 → зона 3 → зона 5=зона 8 → зона 4 → зона 1

Комментарии к *таблице 1г*

Высокая интенсивность смыслов зоны 7 (акцентирующей качество государства) сохраняется в разные периоды. В РАС она инерционно стереотипна и поэтому занимает первую позицию по устойчивости, в СИБАС и ЕВРАС по мере проявления новых черт государственности постперестроечного типа снижается стереотипность реакций, одновременно нарастает акцентуация смысловой зоны за счет периферии. В СИБАС зона сохраняет лидерство на периферии АП. В ЕВРАС зона 7 снижает свою интенсивность в пределах ядра. На втором месте по стереотипности (интенсивности) зона 1 в РАС. Это идентификационная зона (*государство* это *страна*, это *Россия*). Ее наполнение в РАС отличается от СИБАС и ЕВРАС в связи с инерционно сохраняющейся актуальностью советского контекста в перестройку. В СИБАС и в ЕВРАС зона 1 выходит на первое место, что отражает *запрос на новую государственную и гражданскую идентичность*, расширяется стереотипность (интенсивность) реакций в зоне 2 (социальные институты и представительства государства) по мере нарастания разработанности понятий об этих новых институтах и представительствах. Зона 2 выходит в число наиболее интенсивных в ядре с сохранением осязаемого присутствия на периферии. Высокая интенсивность как в ядре, так и на периферии устойчиво сохраняется у зоны 6 (плоды работы государственных институтов и людей) с повышением ее интенсивности в СИБАС и ЕВРАС, что может отражать рост рефлексии над результатами перестройки государственности в новом веке. Повышение интенсивности в устойчивой части с сохранением высоких ее показателей на периферии характерно и для идентификационной зоны 9 (масштаб и место развития государства). Существенно изменив свое смысловое наполнение в постперестроечный период, идентификационная зона 4 (формат причастности к государству, присвоения государственности) снижает свою интенсивность как в ядре, так и на периферии.

Таблица 1д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «государство»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	0,92 % <i>0,92 %</i>	нет	нет
Зона 2	1,75 <i>1,75</i>	нет	нет
Зона 3	61,5 % <i>23 %</i>	14,7 % <i>8,82 %</i>	12,9 % <i>6,45 %</i>
Зона 4	нет	нет	нет
Зона 5	7,69 % <i>7,69 %</i>	нет	нет
Зона 6	27,16 % <i>11 %</i>	28,76 % <i>21,9 %</i>	17,72 % <i>12,65 %</i>
Зона 7	18,67 % <i>12,65 %</i>	27,77 % <i>22,22 %</i>	15,9 % <i>15,9 %</i>
Зона 8	53,84 % <i>53,84 %</i>	60 % <i>20 %</i>	75 % <i>50 %</i>
Зона 9	0,95 % <i>0,95 %</i>	2,1 % <i>2,1 %</i>	1 % <i>1 %</i>
Зона 10	5,12 % <i>5,12 %</i>	14,28 % <i>14,28 %</i>	18,18 % <i>18,18 %</i>

*Таблица 1е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «государство»*

Жирным начертанием показаны интенсивно наполненные негативом зоны; *курсивом* — зоны, с точки зрения негативных смыслов малоинформативные, что может быть связано с амбивалентностью входящих в них ассоциатов, слабой выраженностью негативных коннотаций или очень малой интенсивностью зон в целом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 3 → зона 8 → зона 6 → зона 7 → зона 5 → зона 10 → зона 2 → зона 9 → зона 1	Зона 8 → зона 6 → зона 7 → зона 3 → зона 10 → зона 9	Зона 8 → зона 10 → зона 6 → зона 7 → зона 3 → зона 9

Комментарии к *Таблице 1е*

В СИБАС и ЕВРАС существенно уменьшилось количество зон, в которых присутствуют негативные смыслы. Негативные оценки государственных представителей (зона 3), актов государственной деятельности (зона 8), их продуктов и результатов (зона 6), качественных характеристик государства (зона 7) особенно интенсивны в период перестройки. В новых словарях эти же самые смысловые зоны сохранили свою интенсивность в несколько ином соотношении друг к другу. В частности, менее болезненно стали восприниматься носители государственности (зона 3).

Таблица 1ж. Статистика экстенсивности семантических зон АП «государство»

Учитывается количество разных вербальных единиц, фиксирующих сходные смыслы в % от общего количества разных реакций в АП и поштучно (в скобках).

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	4,62 % (11)	6,53 % (13)	5,97 % (11)
Зона 2	7,98 % (19)	7,53 % (15)	9,23 % (17)
Зона 3	4,2 % (10)	7 % (14)	7 % (13)
Зона 4	11,34 % (27)	5 % (10)	8,15 % (15)
Зона 5	2,94 % (7)	6,53 % (13)	4,89 % (9)
Зона 6	11,54 % (37)	21,1 % (42)	19 % (35)
Зона 7	28,15 % (67)	24,62 % (49)	26 % (48)
Зона 8	5,46 % (13)	2 % (4)	3,8 % (7)
Зона 9	18,48 % (44)	16,58 % (33)	13,58 % (25)
Зона 10	5,88 % (14)	6,53 % (13)	5,97 % (11)

Таблица 1з. Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «государство»

Самые насыщенные разнообразием (**свыше 20 %** от общего количества разных реакций в АП) выделены **жирным** начертанием, менее экстенсивные (**до 20 %**, но **не менее 10 %**) — **жирным курсивом**, остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 7 → зона 9 → зона 6 → зона 4 → зона 2 → зона 10 → зона 8 → зона 1 → зона 3 → зона 5	Зона 7 → зона 6 → зона 9 → зона 2 → зона 3 → зона 1 = зона 5 = зона 10 → зона 4 → зона 8	Зона 7 → зона 6 → зона 9 → зона 2 → зона 4 → зона 3 → зона 1=зона 10 → зона 5 → зона 8

Комментарии к Таблице 1з

Иерархия экстенсивности смысловых зон практически совпадает с иерархией интенсивности этих зон на периферии АП, что естественно, поскольку периферия состоит только из единичных реакций. Вместе с тем зоны 6, 7, 9 характеризуются и высокой интенсивностью (во всех частях АП) и экстенсивностью наполнения. Рассматривая соотношение интенсивности негативно-оценочных смыслов с экстенсивностью зон, находим, что наиболее насыщенные негативом и при этом получившие наиболее разнообразное вербальное выражение смыслы относятся к оценке продуктов (результатов) деятельности государственных структур и их представителей (зона 6), а также качеств самого государства (зона 7). Эти психоглоссы особенно устойчивы во времени и говорят о *сохранении критического отношения русской языковой личности к содержанию государственной деятельности.*

Таблица 2

**Сравнительный анализ АП «президент»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 2а. Общая структура и наполнение ассоциативных полей

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	103	498	534
Разные	57	137	136
Единичные	47	95	94
Устойчивые	54	399	436
Отказы	2	4	4

Таблица 26. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП

После каждого ассоциата (кроме единичных) приводится показатель его частотности, стрелки показывают снижение силы смысловых акцентуаций, знак равенства — равнозначность смысловых акцентуаций внутри рассматриваемой зоны. В комментариях ассоциаты помечены курсивом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Персоналии		
Устойчивая часть АП		
Ельцин 17; Горбачёв 2	Путин 87; Медведев 53; Ельцин 5; Буш; В. В. Путин 4; Медвед 3; В.В.П. 2	Путин 106; Медведев 32; Буш 4; Обама; Путин В. В. 3; Ельцин; Медведев Д. А. 2
Периферийная часть АП		
Клинтон	Абама; Володя; Горбачёв; Д. А. Медведев; Иванов; Кеннеди; Клинтон; Медвеееед!!!; Миша; Обама; Путин краб; Рузвельт; Тимати	В. В. Путин; ВВП; Вова; Д. А. Медведев; Димка; Медвед; Медведпут; Назарбаев; Путин!
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 1		
<p>В устойчивых частях АП все реакции соотносятся с первым значением слова («избираемый на определенный срок глава государства»), присутствуют актуальные для времени проведения эксперимента имена президентов (фамилии, а в СИБАС и ЕВРАС формально-уважительные ФИО), негатив отсутствует.</p> <p>Оппозиция <i>русские</i> — <i>американцы</i> сохраняет актуальность во всех словарях. АП СИБАС и ЕВРАС в несколько раз богаче и по интенсивности, и по экстенсивности, что отражает опыт, полученный за время работы института президентства в России. РАС: АП бедное ввиду новизны института президентства. Упоминается всего 3 имени (2 русских и 1 американец). СИБАС: упоминается 11 имен, из них 5 американских и одно псевдоамериканское <i>Тимати</i> («продукт» фабрики звезд). На периферии отчетливо проявляется снижение регистра в обозначении персоналий (<i>Володя</i> и т. п.), а также сопутствующее этому процессу имплицитно-амбивалентно-оценочное морфологическое и концептуальное творчество с использованием морфологических и смысловых элементов персоналий, иногда знаков пунктуации.</p>		

<p>ЕВРАС: упоминается всего 6 имен (2 американских и 4 русских). На периферии отчетливо проясняется снижение регистра (панибратство) в обозначении персоналий (<i>Вова, Димка</i> и т. п.), а также сопутствующее этому процессу имплицитно-амбивалентно-оценочное морфологическое и концептуальное творчество с использованием морфологических и смысловых элементов персоналий — <i>Медведитут</i> и др. Имплицитная оценочность выражается иногда знаками пунктуации: <i>Путин!</i></p>		
<p>Зона 2</p> <p>Локации и принадлежность</p>		
<p>Устойчивая часть АП</p>		
Страны 9; США 8; России 6; республики 4; ассоциации 2	России 46; страны 22; страна 19; РФ 12; Россия 6; Российской Федерации 5; наш 3	России 63; страны 34; РФ; страна 20; Россия 10; США 8; компании 3; государства; Москва 2
<p><i>Периферийная часть АП</i></p>		
Банка; Белый дом; в Сочи; компании; конгресс; Молдавии; наш; Российской Федерации; СНГ; СССР; страна; фирмы	(President) парламент; государства; дума; Исландии; кабинет; клуб; компании; Кремль; Москва; Польши; США; Турции; чего; на фиг его	Америки; в России; везде; Дума; землячества; Казахстан; Калмыкии; каменного острова; Кремль; нам не нужен; народ; наш; парламент; Польши; правительства; республики; российский
<p>Комментарии к смысловым акцентациям внутри зоны 2</p>		
<p>В устойчивых частях все или почти все реакции соотносятся с первым значением слова («избираемый на определенный срок глава государства»). Остается актуальной оппозиция Россия — Америка (США) во всех словарях, но в СИБАС она на периферии, а в РАС на самых первых позициях (перед <i>России</i>), СССР уже в дальней периферии. Негатива в устойчивых частях нет, только по одной единичной реакции в СИБАС и ЕВРАС. РАС: постсоветский контекст пространственных смыслов (государственных образований) располагается на периферии, есть маркер присвоения <i>наш</i>. СИБАС: резко возрастает количество особенно устойчивых ассоциаций с российскими локациями, при этом <i>наш</i> переместилась в устойчивую часть, <i>США</i> ушло на дальнюю периферию. Появились локации евроазиатских стран. Из новых ассоциатов на периферии по сравнению с РАС следует выделить <i>государство, Москва, ЕВРАС</i>: резко возрастает количество ассоциаций с российскими локациями, периферия усиливает эту тенденцию ядра. <i>Наш</i> вошло только в периферийную часть, однако ассоциации с <i>государство</i> и <i>Москва</i> здесь сильнее, чем в СИБАС. Ассоциации с Америкой и США устойчиво представлены в ядре, периферия добавляет силы этим смыслам.</p>		

Зона 3	
Номинации	
Устойчивая часть АП	
Глава 2	Глава 41; глава государства; лидер; человек 4; я 3; авторитет; голова; кукла; молодец; мужик; политик; правитель; резидент; руководитель; царь 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Главарь; глава страны; глупый человек; гость; должность; дурак; идиот; импотент; политик; предатель; продажная шкура; пьяница; резидент; сволочь; царь; человек	Вождь, вывеска; высота; гад; глава всего сущего; главнокомандующий; должность; дурак; задрод; император; интеллигент; козел; лицо; лопух; марионетка; монарх; мужчина; нехороший человек; никто; олень; олигарх; преемник; профанация; раб на галерах; хозяин; хорошая профессия; цель; чег; шишка; юрист
Глава 29; правитель 6; глава государства 4; мужик 3; главнокомандующий; лох; начальник; руководитель; царь; человек; шеф 2	бесплезный человек; верховноголавнокомандующий; вождь; глава нации; голова; должность; коммунист; лидер; лицо; лицо нации; лопух; молодец; мулак; мужчина; не дурак; не личность; нетр; один; основа власти; подставное лицо; политик; президент; пуп земли; раб; суверен; тварь; урод; царек; чиновник; шейх; я!
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 3	
<p>Самая частотная ассоциация во все времена <i>глава</i>. В РАС других устойчивых ассоциатов просто нет, на периферии этот смысл подкрепляется во всех словарях. В СИБАС и ЕВРАС он подкрепляется экстенсивно и за счет устойчивых ассоциатов, и на периферии через разработку понятия «глава» (<i>глава государства, глава нации</i> и пр.). Отождествление с царем, человеком и политиком есть везде; в РАС только на периферии. В СИБАС и ЕВРАС существенно интенсифицируется положительный оценочный фон в обеих частях АП. РАС: практически все единичные реакции брутальны, эмоционально насыщены. СИБАС и ЕВРАС: положительные оценки имплицитно используются в ассоциатах с высказываниями Путина, номинациях значимых ролей (функций) президента. Раскрывается смысл <i>должности</i>, <i>разрабатывается</i> понятие «президент»; даются прямые похвалы. В обеих региональных базах добавляется <i>лицо, личность, я</i>, причем идентификационная реакция <i>я</i> в СИБАС устойчива (3).</p>	

Зона 4	
Символика, включая внешние признаки	
Устойчивая часть АП	
Телевизор 2	Медведь 5; костюм; кукла 2
	Медведь 7; кукла 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Белый дом, с родимым пятном	Галстук; кабинет; микрофон; мишка
	Имидж, парад; статус
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 4	
Некоторые символы связаны с каналом доступа к образу президента через СМИ, в региональных словарях новые символы частью переносятся на президента из других сфер (<i>медведь</i>). Негатив не отмечен. РАС: фиксирует место пребывания органов власти и родимое пятно Горбачёва. СИБАС и ЕВРАС: символика, связанная с деятельностью СМИ, проникла в устойчивую часть АП — шоу с куклами президентов. <i>Медведь</i> не только ассоциируется с «Единой Россией», но и с фамилией президента Медведев. Негатив явного плана не отмечен. <i>Кукла</i> может имплицировать негативные оценки снижения статуса, отсутствия независимости в принятии решений.	
Зона 5	
Действия (президента и над ним)	
Устойчивая часть АП	
Правление 2	
<i>Периферийная часть АП</i>	
Выжил; вышел; подпсал; рад; уехал	Вещает, в отставке; государство, управление; управление, костюм; учит
	ИЗбирать, импичмент; инаугурация; управлять; управляющий
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 5	
РАС: реакция <i>выжил</i> , вероятно, может ассоциироваться с «выжил из ума», вместе с тем она амбивалентна, ср.: <i>выжил</i> = <i>выстоял</i> ; <i>выжил</i> после операции и пр. Явно негативных реакций в СИБАС и ЕВРАС нет, однако единичную <i>импичмент</i> можно рассматривать в качестве имплицитно негативное целеполагание в отношении президента.	
НЕГ ДАННЫХ	Ответственность; управление 2

Зона 6 Качества	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	Главный 13; умный 4; хорошо 2 Главный 7; умный 4; новый 3; мудрый 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Глупый; дурной; лживый; ответственный; первый; плохой; толстый; тормоз; умный	Выше; достойный; круто; крупой; лучший; несчастный; новый; ответственный; первый; справедливый
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 6	
<p>Наблюдается резкий контраст между РАС и региональными словарями, негатив в них практически отсутствует, в ЕВРАС он минимизирован как единичный прецедент. В региональных источниках появились устойчивые позитивные оценки в зоне 6. Для РАС актуальны оппозиции: плохой и лживый vs. ответственный; умный vs. дурной, глупый. СИЬАС: есть сочувственный ассоциат <i>несчастный</i>. Акцентируется ум, справедливость и ответственность президента вместе с разнорегистровыми общими оценками по шкале «хорошо-плохо».</p> <p>ЕВРАС: также акцентируется ум, справедливость и ответственность нового президента вместе с признанием его легитимности и конкретными оценками его действий и качества.</p>	
Зона 7	
При президенте: социальные институты, чиновники, поле ответственности	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	Власть 10; государство 3; авторитет; выборы; политика; правительственное правление; уважение 2 Власть 16; государство 6; правительство 4; премьер; премьер-министр 3; ответственность; политика 2

<i>Периферийная часть АП</i>	
Власть; и вице-президент; конгресс; министр; политика	(President) парламент; государство; управление; демократия; депутат; дума; закон; министерство; мир; мэр; никчемность; отставка; охрана; партия; патриотизм; премьер-министр; профанация; уверенность; управление, костюм
	Выбор; демократия; депутат; зам; зло; ложь; ненависть; отпуск; сила; слабость
Комментарии к смысловым акцентуациям внутри зоны 7	
В РАС зона не вышла в устойчивую часть, как и некоторые другие зоны, так как, видимо, еще идет адаптация института президентства в сознании носителей языка; в региональных словарях, наоборот, имеются обе части АП, понятие разрабатывается в деталях с преобладанием нейтральных и позитивных оценок.	
Зона 8	
Иное	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	Сыр 3
	НЕТ ДАННЫХ
<i>Периферийная часть АП</i>	
НЕТ ДАННЫХ	Аншит; века; долго; и что?; клубя; костром; неизвестно; хода
	Красава; конструкция; мимо; ничего; превед!; сыр; формы
Комментарии к зоне 8	
В зону 8 отнесены реакции, которые не являются информативными для образа президента, а также случайные ассоциации или связанные с другим значением слова (или объектом), как, например, сорт сыра.	

Таблица 2в. Статистика интенсивности семантических зон АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Персоналии		
35,18 % <i>2,1 %</i>	39,59 % <i>13,68 %</i>	34,86 % <i>9,57 %</i>
Зона 2		
Локации и принадлежность		
53,7 % <i>25,5 %</i>	28,32 % <i>14,73 %</i>	37,15 % <i>18 %</i>
Зона 3		
Номинации		
3,7 % <i>34 %</i>	19 % <i>31,57 %</i>	12,8 % <i>32,97 %</i>
Зона 4		
Символика, включая внешние признаки		
3,7 % <i>4,25 %</i>	2,25 % <i>4,2 %</i>	2 % <i>3,19 %</i>
Зона 5		
Действия (президента и над ним)		
0 % <i>10,6 %</i>	0,5 % <i>5,26 %</i>	0,9 % <i>5,3 %</i>
Зона 6		
Качества		
0 % <i>19,1 %</i>	4,76 % <i>10,5 %</i>	3,66 % <i>13,8 %</i>
Зона 7		
При президенте: социальные институты, чиновники, поле ответственности		
0 % <i>10,63 %</i>	6,26 % <i>18,9 %</i>	8,25 % <i>10,6 %</i>
Зона 8		
Иное		
0 % <i>0 %</i>	0,75 % <i>8,42 %</i>	нет <i>7,44 %</i>

Таблица 2г. Психоглоссы интенсивности
в ядре и на периферии АП «президент»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак равенства маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** начертанием (**не менее 10 %** от общего числа устойчивых реакций).

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «президент»		
Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 = Зона 4	Зона 1 → Зона 2 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →	Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →
<i>Периферия АП «президент»</i>		
Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7=зона 5 → Зона 4 → Зона 1	Зона 3 → Зона 7 → Зона 2 → Зона 1 → Зона 6 → Зона 5 → Зона 4	Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7 → Зона 1 → Зона 5 → Зона 4

Комментарии к *таблице 2г*

В обеих частях АП яркую интенсивность на протяжении времени сохраняют зоны 1 (персоналии) и 2 (локации и принадлежность), в них актуализируется оппозиция *Россия — США (Америка)*; зона 2, маркирующая идентичность, резко усиливает акценты на *российскости* в СИБАС и ЕВРАС. Повышение интенсивности зоны 3 (номинации) в этих словарях, а также перемещение с периферии в устойчивую (интенсивную) часть единиц зон 6 (качества президента) и 7 (социальные институты при президенте, поле его ответственности и чиновники при нем) связаны с разработкой концепта «президент» в когнитивном опыте носителей языка после внедрения чуждого стране института президентства. Слабая интенсивность зоны 7 и относительно слабая (только периферийная) представленность зоны 6 в РАС вызваны новизной данного института; преобладание зоны 6 над зоной 7 (обе периферийны) естественно для перестройки при повышении внимания к качествам персоны президента, от которых, как сейчас кажется людям, так много зависело в жизни страны и государства.

Таблица 2д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «президент»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	0 %	0 %	0 %
Зона 2	0 %	0,78 % <i>0,78 %</i>	0,55 % <i>0,55 %</i>
Зона 3	50 % <i>50 %</i>	8,49 % <i>6,6 %</i>	9,19 % <i>6,89 %</i>
Зона 4	0 %	0 %	0 %
Зона 5	20 % <i>0 %</i>	0 %	11 % <i>11 %</i>
Зона 6	55,5 % <i>55,5 %</i>	0 %	3,4 % <i>3,4 %</i>
Зона 7	0 %	4,65 % <i>4,65 %</i>	8,69 % <i>8,69 %</i>
Зона 8	0 %	0 %	0 %

Таблица 2е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «президент»

Жирным начертанием показаны интенсивно наполненные негативом зоны (**не менее 20 %** реакций от общего количества в зоне); *курсивом* — (*не менее 10 %*); остальные зоны, с точки зрения негативных смыслов, — малоинформативны, что может быть связано с амбивалентностью входящих в них ассоциатов, слабой выраженностью негативных коннотаций или очень малой интенсивностью зон в целом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 6 → зона 3 → зона 5	Зона 3 → зона 7 → зона 2	<i>Зона 5 → зона 3 → зона 7 → Зона 6 → зона 2</i>

Комментарии к *Таблице 2е*

Наблюдается контраст между интенсивностью негативной оценочности в РАС и ее резким снижением (и размазанностью по зонам) в СИБАС и ЕВРАС. Очевидна зависимость смыслов оценочной семантики от конкретных личностей персон, занимающих президентскую должность. В РАС негативные оценки интенсивны при ассоциировании с качествами президента, его номинациями, действиями. В СИБАС и ЕВРАС негативные оценки присутствуют в зонах номинаций, социальных институций, связанных с президентом, локациях и принадлежности, но все эти оценки очень слабы и не могут быть названы интенсивными смысловыми акцентуациями, так как самые сильные из них не добирают даже до 8,5 % (в ЕВРАС до 11 %). Впрочем, в ЕВРАС негатив отмечается в большем количестве зон и с несколько большей интенсивностью (в пределах относительно малых величин), чем в ЕВРАС.

Таблица 2ж. Статистика экстенсивности семантических зон АП «президент»

Учитывается количество разных вербальных единиц, фиксирующих сходные смыслы в % от общего количества разных реакций в АП и поштучно (в скобках).

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	5,26 % (3)	14,59 % (20)	11,76 % (16)
Зона 2	29,82 % (17)	15,32 % (21)	19,1 % (26)
Зона 3	29,82 % (17)	32,84 % (45)	30,88 % (42)
Зона 4	5,26 % (3)	5,1 % (7)	3,67 % (5)
Зона 5	8,77 % (5)	4,37 % (6)	5,14 % (7)
Зона 6	15,78 % (9)	9,48 % (13)	12,5 % (17)
Зона 7	8,77 % (5)	18,97 % (26)	12,5 % (17)
Зона 8	нет	6,56 % (9)	5,14 % (7)

Таблица 2з. Психоглоссы экстенсивности
смысловых зон АП «президент»

Самые насыщенные разнообразием (**свыше 20 %** от общего количества разных реакций в АП) выделены **жирным** начертанием, менее экстенсивные (**до 20 %**, но **не менее 10 %**) — **жирным курсивом**, остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 2 = зона 3 → зона 6 → зона 5 = зона 7 → зона 1=зона 4	Зона 3 → зона 7 → зона 2 → зона 1 → зона 6 → зона 4 → зона 5	Зона 3 → зона 2 → зона 6 = зона 7 → зона 1 → зона 5 → зона 4

Комментарии к Таблице 2з

Зона 8 не учитывается из-за ее неинформативности для анализа образа президента. Иерархия экстенсивности смысловых зон практически совпадает с иерархией интенсивности этих зон на периферии АП, что естественно, поскольку периферия формируется единичными реакциями. Вместе с тем зоны 1,2,3, а также в постперестроечное время в СИБАС и ЕВРАС зоны 6 и 7 характеризуются и высокой интенсивностью (во всех частях АП), и экстенсивностью наполнения. Рассматривая соотношение интенсивности негативной оценочности смыслов с экстенсивностью зон в АП «президент», следует отметить, что зона 3 в РАС интенсивна по негативу и экстенсивна по разнообразию выразительных средств. Это зона номинаций (ругательств в ней много, и эмоциональных, и диагностических). Зона 3 устойчиво негативна в разные периоды времени, при этом она экстенсивна во всех источниках, однако ее наполнение негативом в СИБАС и ЕВРАС существенно снижено по сравнению с РАС. Иерархия зон интенсивности негативных оценок в СИБАС, при их общей слабости по сравнению с РАС, совпадает с иерархией экстенсивности этих зон. Учитывая очень слабую акцентуацию и амбивалентность негатива РАС в зоне 5 (президент *выжил*), ничтожно малую величину негатива в зоне 2 (ЕВРАС и СИБАС), можно отметить некую изоморфность между иерархией интенсивности негатива и экстенсивности соответствующих зон СИБАС и ЕВРАС.

Таблица 3

**Сравнительный анализ АП «правительство»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 3а. Общая структура и наполнение ассоциативных полей

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	586	500	534
Разные	284	191	210
Единичные	212	136	157
Устойчивые	357	350	361
Отказы	17	14	16

Таблица 3б. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП

Цифровые показатели при ассоциатах показывают частоту их встречаемости, стрелки — снижение силы смысловых акцентуаций, знак равенства — равнозначность смысловых акцентуаций внутри рассматриваемой зоны. В комментариях *ассоциаты* помечены курсивом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Негативно-оценочные смыслы		
Устойчивая часть АП		
Плохое 7; глупое 5; дураков; тупое 4; свергнуто; хреновое 3; бездарное; бездельники; в отставку; идиотов; кризис; ложь; несправедливое; низложено; продажное; реакция; сборище; черты 2	Плохое 10; коррупция 7; ложь 6; врет 5; беспредел; воры; не работает; несправедливое; тупое 3; бедность; вор; глупое; говно; дураки; зло; идиоты; козлы; надоело; несправедливость; обман 2	Плохое 8; обман 6; воры; ложь 4; говно; суки 3; бюрократы; глупое; дураки; идиоты; коррупция; недоверие; плохо; ужас; уроды 2
Периферийная часть АП		
Базар; бараны; безграмотное; Берии; бессилие; бестолковое; бюрократы; вето; все козлы; грабительство; губительство; дерьмо; диктатура; дубовое; дурак; дураки; дурь; жаль; замыало; идиотское; изжившее себя; козел; козлы; колхоз; корявое; критика; куча граждан с портфелями; куча людей; леня; ложа; мозги трахает; надоело; надо менять; на мыло; на мыло!; неверное; негодяи; недоступно; некомпетентное; некомпетентность;	Алчность; анархия; афера; бе; беззаконие; бесполозное (в РФ); бестолковое; взятки; взяточники; дармоеды; двоевластие; дебилы; достали; достало; дрянь; жадность; жулик; жулики; зажралось; зачем?; злое; зоопарк; иждивенцы; кормушка; краб; лжецы; лживое; наглость; на другой планете; не важно; недоумков; неизбранное; некомпетентное; неправда; неправо; нет слов; нехорошие люди; нечестное;	Автократия; анархия; балаган; бедность; бездействие; бездельник; беззаконие; бред; бюрократия; в отставку; виновато; вроде есть; вторичное; гермафродит; грабит; грязь; далеко; далеко от народа; дебилы; демагогия; дерьмо; жадное; жест; задолбал; зло; инфляция; колда как; лажка; ленивое; лжет; лжецы; лживое; марионеточное; мигалки; надоело; не любят; не очень; невинно; недееспособно; неизвестное;

<p>непонятное; несостоятельное; не уважаю; не удовлетворяет нужды трудящихся; нечестное; ноль; оспы; отставка; ошибается; пень; плохо; предатели; предбанник; прикол; проблемы; путч; разноречивое; реакционное; сброшено; сволочи; сволочь; снято; соглашательское; сплыло; странное; стадо; старики; старое; толстый; толстяки; угол; ухаало; уклонилось; у меня нет слов; устало; ушло в; ушло в отставку; хаос; хитрое; царьки; черт знает что; эгоисты</p>	<p>никчемное; обремененное; овца; ошибки; пешки; пиджаки; пиздец; плохо; подчинение; пузо; распустить; сместить; сошло с ума; так себе; там гонят; ужас; уроды; фу; хрень; цирк</p>	<p>нет слов; нечестность; ни о чем; отставка; отстойное; ошибки; пидлоры; плохой, подкупное, предатели; придурок; продажное; развратно; разорительно; Рейхстаг; серое; слабое; сменяемое; собаки; стадо; странные; моды; твари; туалет; тупое; угрюмые; упыри; ха; херня?; хреновое; хрень; черные уроды; чмо; чмошники; эгоист</p>
---	---	---

Комментарии к наполнению зоны 1

Во все периоды наблюдается очень высокое для устойчивой части общее количество разнорегистровых ассоциаций, включая эмоционально и диагностически негативные оценки. Оцениваемое как плохое во все периоды времени, в каждом словаре негативное качество правительств уточняется в нюансах. В РАС как продажное, бездарное и несправедливое, в региональных словарях усиливается акцент на обмане, лживости, коррупции. РАС: оценке подвергается состав и качество членов правительства, а также качество его деятельности. Имеются брутальные оценки, хотя и не столь разнообразные и интенсивные, как на периферии или в более поздних словарях. Правительств рассматривается как объект неудовлетворительного качества, подлежащий устранению. СИБАС: акцент на лживости и обмане, несправедливости; зло названо прямыми номинациями в разных регистрах и характеризуется более развернуто, чем в ЕВРАС; эмоциональные табу-оценки (*зовно*) показывают частотность вместе с диагностическими (*не работает* и т. п.). ЕВРАС: в устойчивой части немного по количеству (разных) реакций, но они брутальны, включая табу; зло, ассоциирующееся с деятельностью правительства, так же, как и в СИБАС, названо в разных регистрах. На периферии во всех источниках присутствуют разные регистры выражения одинаковых смыслов, много эмоциональных оценок и табу, но много и диагностических. Как и в устойчивой части, среди них нелегитимность, некомпетентность, воровство, отчуждение от народа. В РАС много разных глагольных форм (17), уточняющих конкретные акты правительственной деятельности, среди них и брутально оценочные ассоциаты: *мозги трахает, ошпилилось, надоело* и пр. В СИБАС глагольных реакций значительно меньше — 7, в ЕВРАС — 5. Однако они сохраняют свою жесткую (брутальную) оценочность: *сошло с ума, зажралось, грабит, задобало* и др.

Зона 2	
Позитивные оценочные смыслы	
Устойчивая часть АП	
СПРАВЕДЛИВОЕ 4; МУДРОЕ 3	СПРАВЕДЛИВОЕ; ЧЕСТНОЕ 3
<i>Периферийная часть АП</i>	
<p>Справедливое 4; мудрое 3</p> <p>Великое; верх; вершина; гуманное; деловое; деловые люди; доверие; законное; миролюбивое; мудрое должно быть; народного доверия; прогрессивное; родное; хорошее; хорошо</p>	<p>Справедливое; честное 3</p> <p>Добросовестное; единовластие; мудрое; наше родное; справедливая; хорошее; хочу туда</p>
Комментарии к наполнению зоны 2	
<p>Позитивно-оценочные ассоциации показывают общественный запрос на качества правительства как социального института. Они дают желаемый идеал (но не достижимый, если судить по удельному весу зоны 2); некоторые оценки проблематичны, как <i>деловые люди</i> (см. одноименную экранизацию рассказов О. Генри); <i>хочу туда, молодцы, мудрое должно быть</i> могут быть амбивалентны по контексту, например: «молодцы, хорошо устроились».</p>	
Зона 3	
Нейтральные смыслы	
Устойчивая часть АП	
<p>Наше 40; страны 37; советское 30; СССР 21; Горбачёв 15; государство 9; временное; глава; государства 7; Москва; России 6; буржуазное; власть; народное; начальство; постановило 5; верхушка; Кремль; люди; партия 4; Белый дом; в отставке; заседает; коалиционное; народа; политика; президент; решило; руководство; сообщает 3; верховное; в Москве,</p>	<p>РФ 31; государство 29; дума 28; президент 27; власть 24; России 23; Путин 17; страны 9; парламента; США; управление 7; глава; государства 6; верхушка; госдума; Медведев 5; закон; политика; Россия 4; депутат; Жириновский; люди; мэр; страна 3; Белый дом; власти; деньги; депутаты; кабинет; монархия; наше; решения; российское; управляя; чиновник 2</p>
<p>Государство 38; РФ 32; власть; Дума 31; России 29; президент 21; Путин 19; страны 15; страна 7; глава; Медведев; Москвы 6; Белый дом; временное 5; закон; политика; Россия; управление 4; здание; Кремль; начальство; наше; парламент; российский 3; Госдума; губернатор; демократия; депутат; депутаты; какое?; люди; мировое; мэрия; партия; сила; США 2</p>	<p>Государство 38; РФ 32; власть; Дума 31; России 29; президент 21; Путин 19; страны 15; страна 7; глава; Медведев; Москвы 6; Белый дом; временное 5; закон, политика, Россия, управление 4; здание; Кремль; начальство; наше; парламент; российский 3; Госдума; губернатор; демократия; депутат; депутаты, какое?; люди; мировое; мэрия; партия; сила; США 2</p>

<p>высоко; думает; Ельцин; закон; заседание; консерваторов; КПСС; мавзолей; министр; новое; парламент; политбюро; революция; сила; Советского Союза; страна; США; трибуна; управлять 2</p>	<p>Америки; Англии; аппарат; Аргентина; Афганистана; большое; бюджет; Верховный Совет; видят; визит; вожак; возглавляет; в отъезде; временно; выехал; выступило; Вьетнама; Гаити; генерал; главный; Горбачев?; Горбачева; Горбачев М. С.; Госдума; государственное; далеко; даль; Дворец съездов; делает; демократ; демократическое; демократия; демократов; демонстрация; доклад; должно; дом; другое; есть; Жириновский; законодательство; западных держав; заявило; Зимбабве; из Америки; избрание; и партия; и политика; Испание; какое; какое?; Китая; Клинтон; круглый; кто; кулуар; левое; либеральное; лозунг; Мавритании; машины; мерседес; мнение; много мужчин в костюмах; мое; М. С. Горбачев; мужчина; народ; на съезде; Нигера; оно; организация; пиджак; победа; политическое</p>	<p>89–90-е; В. В. Путин; власть; деньги; в отставке; временное; в США; вынесло постановление; вышестоящий; гарантирует; голосует; города; государь; Грузии; демократичное; демократия; дом; дорога; доход; думы; законодательное; законы; знание; идеи; извечно; Израили; кабинет министров; КПБ; конституция; края; Кремль; министерство; Москва; начальство; нашего города; нужно; одно; ООН; организация; относительность; партия; партия; Польша; порядок; правитель; правление; приезжает; приказало; принять решение; радио; режим; реформ; реорганизовать; республика; реформы; решать; решение; сидит; сила; система; служба; СНГ; СССР; ум; управлений; управляет; цензура; шапка; Эстонии; ЮАР</p>	<p>Аппарат; белый; брат; бумага; бюджет; в Госдуме; в сборе; Великобритания; Воронеж; временно; выбор; выбрать; вышестоящие; г. Саратова; Германи; главенство; главные; главный; города; города Москвы; держава; думать; душа; Ельцин; живое; за рубежом; завод; заседание; заявило; здание Думы; император; класс; КПРФ; кресло; меры; мир; монархия; назначаемое; назначено; народное; новое; о; обещание; область; обмен; орган власти; орган государства; орган управления; политики; Польша; правит; правительства; править; предмет; председатель; Рада; российской; Российской Федерации; руководить; руководство; Рязанской области; сбор; собрание; СССР; телевидение; УВД; флаг; чин; чиновник; элитное</p>
<p><i>Периферийная часть АП</i></p>			

<p>начальство; поручило; постановление; правда; право; правых; предложил; предполагает; президентум; премьер; прибыло; приказы; рабоче-крестьянское; решает; решить; руководит; руководитель; Р. Федерации; Рыжкова; свидетельство; сделать; сейчас; секретарь; СНГ; Советов; советская; Советский Союз; Союза; стипендия; строительство; ступ; съезд; требует; трибуны; устав; фарфор; цветы; Черномырдин; Черномырдина; элита</p>		
<p style="text-align: center;">Комментарии к наполнению зоны 3</p> <p>Наполнение устойчивой части этой смысловой зоны в РАС радикально отличается от региональных словарей. Везде присутствует относительно слабо выраженная оппозиция <i>Россия — США</i>; идентификационные оппозиции отличаются по составу и смыслам (РАС против СИБАС + ЕВРАС). Персоналии соответствуют эпохе в каждом слове. В РАС и ЕВРАС ассоциат <i>США</i> на периферии устойчивой зоны (2), в СИБАС — усилен (7). Другая оппозиция идентификационного плана (мы — народ — страна — СССР — Россия). В РАС: <i>наше</i> (40) — <i>народ</i> 5; <i>народное</i> 3; <i>страны</i> 37 (<i>СССР</i> 21; <i>советское</i> 30; <i>Советского Союза</i> 2), а <i>России</i> 6. Советское как народное противопоставлено буржуазному: <i>советское</i> 30 — <i>буржуазное</i> 5. В СИБАС и ЕВРАС наблюдаются маркеры отчуждения институтов власти от народа при многократном усилении акцента на России и исчезновении советской идентификации власти. СИБАС: <i>РФ</i> 31; <i>России</i> 23; <i>Россия</i> 4; <i>наше</i>; <i>российское</i> 2; ЕВРАС: <i>РФ</i> 32; <i>России</i> 29; <i>Россия</i> 4; <i>наше</i>; <i>российское</i> 3. Поглощение партий всех видов хозяйственной и управленческой деятельности в СССР отражено в идеологически нагруженных характеристиках для РАС ассоциациях: <i>партия</i> 4; <i>КПСС</i>; <i>политбюро</i>; <i>революция</i> 2. В норме всегда слабы или совсем отсутствуют реакции на существование глагольных формами, однако в РАС их несколько разных: <i>постановило</i> 5; <i>заседает</i>; <i>решило</i>; <i>сообщает</i> 3; <i>думает</i>; <i>управляет</i> 2. Такая разработанность глагольной сферы может свидетельствовать о повышенном внимании к актам конкретных правительственных действий в перестройку. В ЕВРАС их нет вообще (есть общая номинация <i>управление</i> 4); в СИБАС есть генерализация: активизируется обобщающая глагольная реакция <i>управляет</i> 2. На фоне данных РАС это может говорить о снижении внимания к действиям правительства</p>		

и об отчуждении от него. Заметно повышается акцентуация *государство* и *президент*: в РАС: *государство* 9; *государства* 7; СИБАС: *государство* 29; *государства* 6; ЕВРАС: *государство* 38. РАС: *президент* 3; СИБАС: *президент* 27; ЕВРАС *президент* 21. В региональных словарях появляются реакции, называющие новые институты и инструменты власти, показавшие себя в новом веке (в СИБАС *Дума* 28; ЕВРАС *Дума* 31 и др.). На периферии во всех источниках наблюдаются акцентуации слов, сходные с теми, которые проявились в устойчивой части АП. Везде расширяется география ассоциатив-локаций при усилении англосаксонского контекста (оппозиция: Россия — англосаксы) за счет ассоциаций не только с США, но и с Англией. Расширен состав ассоциаций-персоналий. Везде присутствуют в минимальном выражении реакции *СССР* и (или) *СНГ*. Везде присутствуют глагольные реакции, но они по-прежнему особенно характерны для РАС.

Таблица 3в. Статистика интенсивности семантических зон АП «правительство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Негативно-оценочные смыслы		
14 % <i>39,15 %</i>	18,57 % <i>42,64 %</i>	12,74 % <i>47,13 %</i>
Зона 2		
Позитивно-оценочные смыслы		
1,96 % <i>7,54 %</i>	нет данных <i>6,61 %</i>	1,66 % <i>4,45 %</i>
Зона 3		
Нейтральные по оценочной шкале смыслы		
84 % <i>53,3 %</i>	81,42 % <i>50,73 %</i>	85,59 % <i>48,4 %</i>

Таблица 3г. Психоглоссы интенсивности
в ядре и на периферии АП «правительство»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** шрифтом (**свыше 80 %** в устойчивой части и **свыше 40 %** на периферии); **жирным курсивом** — интенсивные зоны (**не менее 10 %** в устойчивой части и **не менее 30 %** на периферии).

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «правительство»		
Зона 3 → зона 1 → зона 2	Зона 3 → зона 1	Зона 3 → зона 1 → зона 2
<i>Периферия АП «правительство»</i>		
Зона 3 → зона 1 → зона 2	Зона 3 → зона 1 → зона 2	Зона 3 → зона 1 → зона 2

Комментарии к *Таблице 3г*

Во все периоды времени наблюдается резкий контраст между интенсивностью негативно-оценочных и позитивно-оценочных смыслов. Последние ничтожны либо отсутствуют вообще в ядре АП. Основное наполнение ядра осуществляется во все периоды за счет нейтральных ассоциатов (свыше 80 %). На периферии соотношение выравнивается, приближаясь к равновесному распределению негативных и нейтральных смыслов (при более существенном их преобладании над нейтральными в РАС). Это свидетельствует о довольно высокой негативно-оценочной интенсивности всего АП во все периоды времени с наличием *устойчивых* негативных оценок и с усилением негатива на периферии за счет расширения экстенсивности поля. В нейтральной части ядра АП во все времена статистически абсолютно преобладают ассоциаты идентификационного плана при их радикальном содержательном изменении в региональных словарях нового века по отношению к РАС. Их разноречивость и интенсивность особенно велики в РАС: 48 % от общего количества реакций активируются в нейтральной семантической зоне ядра. Ср.: 21,75 % в СИБАС и 22,97 % в ЕВРАС. Показательна статистика изменения ряда акцентуаций. Это *Россия*: РАС 2 % → СИБАС 21 % → ЕВРАС 22 %. *Наше = народное*: РАС 16 % ← ЕВРАС 0,97 % ← СИБАС 0,7 %. *Государство*: РАС **5,33 %** → СИБАС **12,28 %** → ЕВРАС **12,29 %**. *Президент*: РАС 1 % → ЕВРАС **6,79 %** → СИБАС **9,47 %**.

Таблица 3д. Статистика экстенсивности семантических зон АП «правительство»

Учитывается количество разных вербальных единиц, фиксирующих одинаковые смыслы в % от общего количества разных реакций в АП.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	35,56 %	40,83 %	42,38 %
Зона 2	6,33 %	4,71 %	4,28 %
Зона 3	58 %	54,45 %	53,33 %

Таблица 3е. Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «правительство»

Самые насыщенные разнообразием (**свыше 40 %** от общего количества разных реакций в АП) выделены **жирным** шрифтом; *жирным курсивом* — высокоэкстенсивные зоны (**не менее 30 %**); остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 3 → <i>зона 1</i> → зона 2	Зона 3 → <i>зона 1</i> → зона 2	Зона 3 → <i>зона 1</i> → зона 2

Комментарии к Таблице 3е

Зона негативной оценочности остается устойчиво высокоэкстенсивной в диахронии, более того, ее экстенсивность повышается в новом веке. При этом происходит снижение экстенсивности позитивных оценок, наблюдается вектор выравнивания в сторону равновесности экстенсивных показателей зон 1 и 3. На фоне увеличения экстенсивности негативно-оценочных единиц в АП происходит стабилизация и резкий рост смыслового акцента на *лжи* и *воровстве (коррупции)*. Статистика по этой акцентуации (в % от общего количества разных реакций в негативно-оценочной смысловой зоне): РАС **4,95 %** → ЕВРАС **16,85 %** → СИБАС **26,92 %**. В АП «правительство» наблюдается высокая устойчивость соотношения относительной интенсивности выделенных по оценочному признаку трех зон, аналогичным образом ведут себя эти зоны по показателю экстенсивности. При этом наблюдается корреляция между интенсивными и экстенсивными показателями с учетом радикального перераспределения смысловых акцентуаций внутри зон 1 и зон 2 в диахронии.

Таблица 4

**Сравнительный анализ АП «чиновник(и)»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 4а. Общая структура и наполнение ассоциативных полей

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	105	500	532
Разные	70	226	223
Единичные	59	169	162
Устойчивые	42	307	353
Отказы	4	24	17

Таблица 4б. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП
Цифровые показатели при ассоциациях показывают частоту их встречаемости.

Зона 1		
Социальные институты, где сосредоточена деятельность чиновника, номинации его социальных позиций (ролей)		
РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Устойчивая часть АП		
Бюрократ 19; государственный; служащий 2	Бюрократия 20; власть 18; бюрократы 16; правительство 8; депутаты; дума; политика 7; государство 5; политики 4; города; президент 3; администрация; верх; госаппарат; государственные; должность; начальники; начальство; управленцы 2	Бюрократия 28; власть 26; бюрократы 21; государство; политика; правительство 8; бюрократ 7; депутаты 6; администрация; Думы 4; Госдума; госслужащие; начальники 3; в Думе; депутат; Дума; закон; мэр; мэрия; начальник; партия; рабочие; служащие 2
Периферийная часть АП		
Академии; аппарат; вертушка; в суде; высокий; высокопоставленный; главный; должность; из министерства; магазина; майор; мелкий; мелкий начальник; министерства; министерство; парламента; сановник; слуга; служащий; суд; у власти; учреждение	Бюрократ; власть; военный; высокопоставленные; гос. работники; государственный служащие; губернатор; дела; департамент; депутат; должностные лица; закон; институт; милиция; министерство; министры; мэр; начальник; парламента; партии; правительства; работники; Россия; служащие; таможня; титулярный; тюрьма; федерации	Аппарат власти; в политике;верху; верх; власти; высокопоставленный; высота; города; господа; государства; государственная; государственный деятель; деятели; дипломат; директор; коммунисты; клерки; лидеры; мелкие; Москвы; налог; начальство; объективность; отдел; офицер; политика; полиция; правитель; председатель; работники; служащий; среднего звена; стражи порядка

Зона 2	
Внешний облик, атрибуты, проблемы, создаваемые чиновниками	
Устойчивая часть АП	
Стол; толстый; чин 2	Толстые 3; толстый 2 Толстые 3; документы 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Бумага; бумаги; важный; гордый; книга; контора; лысый; перхоть; портфель; пыль; сухой; толстопуз; форма	Большой стол; босс; бумага; бумажки; важность; голова; грязные; грязь; живот; кабинет; клепка; книга; когорга; костюмы; мигалки; новости; ордена; очередь; очки; пиджак; проблемы; проверка; проволочки; пузатые мужики; пустота души; пухлые; скука; справки; толстопузы; толстые; толстяки; усталые; усы; чин
	Бумага; бумаги; в костюмах; в шляпах; важность; дяди; грубость; ждаты; инструкция; кабинет; костюм; листы; молодые; ожиревшие; отдел; полный мужчина; презрение; пузатые; с мигалкой; солидные; статус; толстый; толстяки; черная икра
Зона 3	
Литературные ассоциации	
Устойчивая часть АП	
Гоголь 5; нос; реvisor 2	Гоголь 2 Гоголь 3
<i>Периферийная часть АП</i>	
НЕТ ДАННЫХ	Мертвые души; рассказ; реvisor; титулярный Роман

Зона 4	
Предикаты — прямые указания на действия чиновников	
Устойчивая часть АП	
НЕГ ДАННЫХ	Воруют; решили 2.
<i>Периферийная часть АП</i>	
Берет взятки; руководить	Берет; берут деньги; жрать, медлить; оборзели; под следствием; прибыли; рулят; рябчики жуи; управляют
	Бывает; властвуют; врут; гуляют; добрались; ест; жалуются; ждать; заелись; запрещают; заседают; наелись; напевы; пересхали; сидят; управляют; чинят
Зона 5	
Воровство и ложь	
Устойчивая часть АП	
Вор; деньги 2	Коррупция 26; взятка 18; воры 14; деньги 11; взятки 8; взяточники 7; ложь 6; вор 3; воровать; воруют; врут; казнокрады; лживые; нечестные; продажные 2
	Коррупция 22; взяточники 16; взятки 15; воры 14; взятка 13; деньги 10; продажные 5; вор; жадные 4; ложь 3; лживые; обманщики 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Берет взятки; взяточник; жулик; хапуга	Бездельники и воры; берет; берут деньги; взятка; взятки; взяточничество; воры и богачество; вранье; вруны; грабеж; коррупционеры; коррупционные; лгун; лгуны; лжецы; мошенники; обман; обманщики; обманы; оборотни в погонах; продажный; проданный; хапают
	Взяточничество; воровство; ворье; жадность; жулики; жулье; зажиточные; зажиточный; корыстные; кража; куплены; лгуны; лжецы; лживый; обман; отмывание денег; разбойники; спекуляция

Зона 6		
Иные негативные оценки		
Устойчивая часть АП		
НЕТ ДАННЫХ	<p>Богатые 7; гады; козлы; сволочи 6; жлобы; зло 4; буржуи; злые; уроды 3; глупость; конторские крысы; нехорошие люди; плохие; плохие люди; суки; тупые 2</p>	<p>Богатые 9; злые 8; козлы 7; уроды 6; гады 5; дураки 4; беспредел; зло; олигархи; плохие; сволочи; суки 3; бандиты; враги; грязь; мрази; подлецы 2</p>
<i>Периферийная часть АП</i>		
<p>Барин; богатый; бумагомарака; буржуй (без дела сидящий человек); глупый; занудство; козел; морда; пан; писака; пьяный; скупердяй; скучный; труп</p>	<p>Балбес; бандиты; беспредел; богатый; богатый; богачи; буржуа; глупость; власть; зло; враги; все пи...; глупость и жадность; голод; гомосеки; дура; дураки; дуры; жадные; злодеи; козел; крупные шишки; крысы; крысы, но не все; ленивые; лохи; марионетки; мафия; мрази; мразь; мудаки; негодяй; не надо; нерешительность; несправедливость; несправедливые; обезьяны; олигарх; паразит; пидары; пидорасы; плохо; («плохое слово»); под следствием; пожиратели; преступник; преступники; придурки; редиски; роботы; роскошь; самодуры; свиньи; свобода во всем; сволочь; скучные; слабые; слабые; ух они; хамы; хитрые; холопы; чмыри</p>	<p>Ад; аморальные; банкроты; безалаберные; бездельники; бездушные; беспредельность; богатство; богатый; богачи; буржуи; буржуй; виновники; враг; вредные; глупые; грубость; дармоеды; жида; звери; идиоты; карьеристы; круто; мясо; наглые; некомпетентность; несправедливость; несправедливые; несправедливые; олигарх; люди; ограниченность; плохие люди; плохо; подлые; подлый; предатели; презрение; птицы; свиньи; сволочь; скоты; слабые; тварь; тупые; тщеславие; ублюдки; ублюдок; ужас; хамы; хачи; хитрые; черный; чинуши</p>

Зона 7	
Позитивные и нейтральные оценки (ожидания), идентификация в чиновниках обычных качеств людей	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	Люди 16; человек 2 люди 9; мужчина 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Мужчина; приятель; человек	Консерваторы; мужчины; одинаковые; пчелы; разные; странность; тоже люди; умный Большие; высокий; жрецы; значимые люди; могучие; мужчины; не врут; обаятельные; разные; справедливый; странные; тоже люди
Зона 8	
Иное	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	История 2 Жириновский; история 2
<i>Периферийная часть АП</i>	
Какой; старина	Везде; еда; Китай; опять; прошлое Все; их много; они везде; продолжение; рабочий; солдаты; монтажники

Таблица 4в. Статистика интенсивности семантических зон АП «чиновник(и)» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Социальные институты, где сосредоточена деятельность чиновника, номинации его социальных позиций (ролей)		
54,76 % <i>37,28 %</i>	37,1 % <i>16,56 %</i>	42,2 % <i>20,37 %</i>
Зона 2		
Внешний облик, атрибуты, проблемы, создаваемые чиновниками		
14,28 % <i>22 %</i>	1,62 % <i>20,1 %</i>	1,41 % <i>14,81 %</i>
Зона 3		
Литературные ассоциаты		
21,42 % <i>0 %</i>	0,65 % <i>2,36 %</i>	0,84 % <i>0,61 %</i>
Зона 4		
Предикаты — прямые указания на действия чиновников		
0 % <i>3,38 %</i>	1,62 % <i>5,91 %</i>	1,13 % <i>10,49 %</i>
Зона 5		
Воровство и ложь		
9,52 % <i>6,77 %</i>	34,85 % <i>13,6 %</i>	31,16 % <i>11,11 %</i>
Зона 6		
Иные негативные оценки		
0 % <i>23,72 %</i>	18,24 % <i>36,68 %</i>	18,98 % <i>33,33 %</i>
Зона 7		
Позитивные и нейтральные оценки (ожидания), идентификация в чиновниках обычных качеств людей		
0 % <i>5 %</i>	5,86 % <i>4,73 %</i>	3,11 % <i>7,4 %</i>
Зона 8		
Иное		
0 % <i>3,38 %</i>	0,65 % <i>2,95 %</i>	1,13 % <i>4,32 %</i>

Таблица 4г. Психоглоссы интенсивности в ядре
и на периферии АП «чиновник(и)»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак = маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** шрифтом (**не менее 20 %** от общего числа устойчивых реакций); **жирным курсивом** — **не менее 10 %**.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «чиновник(и)»		
Зона 1 → зона 3 → зона 2 → зона 5 → зона 4 = зона 6 = зона 7 = зона 8 = 0	Зона 1 → зона 5 → зона 6 → зона 7 → зона 4 = зона 2 → зона 3 = зона 8	Зона 1 → зона 5 → зона 6 → зона 7 → зона 2 → зона 4 = зона 8 → зона 3
Периферия АП «чиновник(и)»		
Зона 1 → зона 6 → зона 2 → зона 5 → зона 7 → зона 4 = зона 8 → зона 3 = 0	Зона 6 → зона 2 → зона 1 → зона 5 → зона 4 → зона 7 → зона 8 → зона 3	Зона 6 → зона 1 → зона 2 → зона 5 → зона 4 → зона 7 → зона 8 → зона 3

Комментарии к *Таблице 4г*

Наблюдается перестройка в устойчивых частях АП в РАС по отношению к данным региональных новых словарей. При этом общая наполненность ассоциатами (интенсивность и экстенсивность) АП в РАС в несколько раз уступает соответствующим показателям в СИБАС и ЕВРАС (105 против 532 и 500 соответственно). Понятие ЧИНОВНИК(И) предстает гораздо более детально разработанным в АП региональных словарей. Если в РАС самые интенсивные зоны относятся к смысловым сферам, содержащим ассоциации с социальными институтами, ролями чиновников, их внешним обликом и атрибутами, а также с негативно-окрашенными характеристиками (зоны 1, 2 и 6), то в СИБАС и ЕВРАС наиболее интенсивными после зоны 1 становятся чисто негативно-оценочные зоны 5 и 6. Остальные зоны существенно ниже по интенсивности. Высокая по интенсивности в РАС (21,42 %) зона 3 (ассоциации с литературными персонажами) стремится к нулю в ЕВРАС и СИБАС (0,84 и 0,65). На периферии подвижность соотношений между разными смысловыми зонами несколько выше, чем в ядре. Во все периоды высокую интенсивность показывают зоны 1, 2 и 6, которые характеризуют социальные институты и роли чиновников, их внешний облик и атрибуты, а также несут негативную оценочность (зона 6). В СИБАС и ЕВРАС этот негативно-оценочный слой выходит на первый план. Близко примыкающая по интенсивности к этому слою зона 5, представляющая негативно-оценочные ассоциации с ложью и воровством, сохраняет достаточно высокую интенсивность во все периоды. Зона 4, фиксирующая ассоциации с конкретными действиями чиновников, повышает свою интенсивность в региональных базах, даже превышая 10 %-ный барьер в ЕВРАС. Такие подвижки, несомненно, отражают новый опыт взаимодействий людей с организационно-бюрократическим аппаратом в постперестроечный период.

Таблица 4д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «чиновник(и)»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии; в скобках — количество единиц.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	(19) 42,2 % <i>0 %</i>	(37) 26 % <i>(1) 0,7 %</i>	(56) 30,76 % <i>0 %</i>
Зона 2	(6) 31,56 % <i>21 %</i>	(16) 41 % <i>35,89 %</i>	(12) 41,37 % <i>31 %</i>
Зона 3	(9) 100 % <i>0 %нет</i>	(4) 66,66 % <i>0 %</i>	(3) 75 % <i>0 %</i>
Зона 4	(1) 50 % <i>50 %</i>	(9) 60 % <i>46,66 %</i>	(12) 57,14 % <i>47,61 %</i>
Зона 5	(8) 100 % <i>50 %</i>	(130) 100 % <i>17,69 %</i>	(128) 100 % <i>14 %</i>
Зона 6	(14) 100 % <i>100 %</i>	(118) 100 % <i>52,54 %</i>	(121) 100 % <i>44,62 %</i>
Зона 7	0 %	0 %	0 %
Зона 8	0 %	0 %	0 %

Таблица 4е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «чиновник(и)»

Жирным начертанием показаны интенсивно наполненные негативом зоны (**не менее 100 %** реакций от общего количества в зоне); **жирный курсив** — **не менее 50 %**; **курсивом** — **не менее 25 %**.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 3 = Зона 5 = Зона 6 → Зона 4 → <i>зона 1 → зона 2 →</i> <i>зона 7 = зона 8 = 0</i>	Зона 5 = Зона 6 → Зона 3 → зона 4 → <i>зона 2 → зона 1 →</i> <i>зона 7 = зона 8 = 0</i>	Зона 5 = Зона 6 → Зона 3 → зона 4 → <i>зона 2 → зона 1 →</i> <i>зона 7 = зона 8 = 0</i>

Комментарии к Таблице 4е

АП «чиновник(и)», в отличие от других АП, показывает чрезвычайно высокую негативную оценочность в течение всех периодов времени. Характерно, что высокий негативный фон активизируется, прежде всего, в устойчивой части и традиционно ярко выражен на периферии. Все отмеченные негативом зоны имеют негативно-оценочный фон не ниже 25 % (чаще выше 30–40 %). Зоны 5 и 6 выделены нами изначально из негативно-оценочных смыслов, они во много раз повышают свою наполненность и разработанность в региональных словарях. Зоны 4 и 2 (действия и атрибуты чиновников) содержат разные единицы, среди которых чрезвычайно высок процент негативно-оценочных. Зона 3 полностью состоит из единиц, *не имеющих явных негативных коннотаций в языке*, однако в когнитивном плане эту зону мы относим к преимущественно негативной, в связи с тем, что она во всех словарях почти полностью (в РАС полностью) состоит из ассоциатов с прецедентными текстами (произведения Гоголя) сатирического характера, вскрывающими «мерзость» чиновничьих стереотипов. Зона 1 в оценочном плане амбивалентна, поскольку единственная в этой зоне единица, имеющая негативную коннотацию в языке в качестве одного из своих значений (бюрократ, бюрократы), может трактоваться амбивалентно, однако, по данным различных лексикографических источников, негативные смыслы проявляются у этой единицы много чаще, чем нейтральные. Зоны 7 и 8 сформированы нами как нейтральные в оценочном плане, однако и в них в региональных словарях имеются единицы, которые в языке не несут негативно-оценочных коннотаций, но теоретически способны выразить такие смыслы дискурсивно. Например, *не врут* на фоне гигантского преобладания ассоциатов со лживостью и воровством чиновника может принимать в дискурсе иронический характер, а ассоциаты *все, их много, они везде* также могут иметь негативно-оценочные коннотации неприятия разрастания класса «нахлебников».

Таблица 4ж. Статистика экстенсивности смысловых зон АП «чиновник(и)» (количество разных вербальных единиц, фиксирующих одинаковые смыслы в % от общего количества разных реакций в АП)

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	25 (35,71 %)	47 (20,79 %)	56 (25,11 %)
Зона 2	16 (22,85 %)	36 (15,92 %)	26 (11,65 %)
Зона 3	3 (4,28 %)	5 (2,21 %)	2 (0,89 %)
Зона 4	2 (2,85 %)	12 (5,3 %)	19 (8,52 %)
Зона 5	6 (8,57 %)	38 (16,81 %)	30 (13,45 %)
Зона 6	14 (20 %)	78 (34,51 %)	71 (31,83 %)
Зона 7	3 (4,28 %)	10 (4,42 %)	14 (6,27 %)
Зона 8	2 (2,85 %)	6 (2,65 %)	9 (4 %)

Таблица 4з. Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «чиновник(и)». Соотношение интенсивности негативно-оценочных смыслов с экстенсивностью зон

Жирным начертанием выделены наиболее экстенсивные зоны (**свыше 20 %** от общего количества разных реакций в АП), **жирным курсивом** — менее экстенсивные (**до 20 %**, но **не ниже 10 %**), остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1 → зона 2 → зона 6 → зона 5 → зона 3 = зона 7 → зона 4 = зона 8	Зона 6 → зона 1 → зона 5 → зона 2 → зона 4 → зона 7 → зона 8 → зона 3	Зона 6 → зона 1 → зона 5 → зона 2 → зона 4 → зона 7 → зона 8 → зона 3
Устойчиво наполненные негативными смыслами зоны с учетом их иерархии по этому показателю		
Зона 3 = Зона 5 = Зона 6 → Зона 4 → зона 1 → зона 2	Зона 5 = Зона 6 → Зона 3 → зона 4 → зона 2 → зона 1	Зона 5 = Зона 6 → Зона 3 → зона 4 → зона 2 → зона 1
Экстенсивные зоны с учётом их иерархии по этому показателю		
Зона 1 → зона 2 → зона 6	Зона 6 → зона 1 → зона 5 → зона 2	Зона 6 → зона 1 → зона 5 → зона 2

Комментарии к *Таблицам 4ж–з*

Наиболее интенсивно представлены в АП зоны 1, 5 и 6. Эти же зоны наиболее экстенсивны. Все они представляют смысловую разработку понятия о социальных институтах и ролях чиновников, а также о тех негативно-оценочных смыслах, которые с ними ассоциируются. Зона 2, сохраняющая довольно высокую экстенсивность во всех источниках (не ниже 10%), тем не менее, снижает свою интенсивность по отношению к другим зонам АП в региональных базах. Выделенные из полностью негативно-оценочных ассоциатов зоны 5 и 6 одновременно являются самыми экстенсивными в региональных словарях. В РАС это относится только к зоне 6. Зона 5 (воровство и ложь) инерционно ввиду близости советского опыта еще не так разработана в языковом сознании применительно к чиновничьим стереотипам. Одни из самых экстенсивных зон — 1 и 2, сформированные из различных по оценочному признаку ассоциатов, показывают наименьшую негативно-оценочную интенсивность относительно других зон. Сочетание интенсивности и экстенсивности в негативно окрашенных зонах 5 и 6 является крайне тревожным симптомом, который свидетельствует об очень высокой социальной напряженности в отношениях представителей как перестроечной, так и постперестроечной власти с населением. Учитывая динамику общей наполненности АП негативными смыслами и характер их распределения по зонам, можно говорить о нарастании этой напряженности и крайне высокой неудовлетворенности людей сложившимися механизмами и содержанием взаимодействия власти с населением. Сложившийся вектор оценки в образе «чиновник(и)» исключительно негативен как в синхронном плане, так и в диахронном, с разрастанием разработанности негативных смыслов в диахронии, отражающей накопление негативного опыта в процессе оценки последствий реформ.

Таблица 5

**Сравнительный анализ АП «народ»
в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 5а. Общая структура и наполнение ассоциативных полей

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	202	109	502	533
Разные	75	67	205	185
Единичные	54	52	154	124
Устойчивые	148	57	342	401
Отказы	0	0	6	8

Таблица 5б. Смысловые зоны и их состав
в устойчивой и периферийной частях АП «народ»

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1			
Номинации, дефиниции, раскрывающие суть понятия			
Устойчивая часть			
Люди 39; толпа 6; масса 5; нация; творец 2	Толпа 16; быдло; массы; стадо 2	Толпа 66; люди 50; нация 17; общество; стадо 14; население 7; масса; 5; граждане; племя; победитель; раса; 3; банда; быдло; социум 2	Люди 70; толпа 61; нация 22; масса 13; общество; стадо 9; раса 7; массы 5; население 4; этнос 3; демос; жители; крестьяне; народность; национальность 2
Периферийная часть			
Братия; движущая сила; народность; общество; победитель; скот; солдуржество; создатель; труженик	Говно; исполин; люди; очень общее; победитель; русичи; сборище; туча	Бараны; босога; дети; итальянцы; китаицы; куча; люд; люди-человеки; масса людей; массовка; много людей; мужики; негры; община; общность; плебс; популяция; пролетарият; пролетарий; сброд; толпа людей; чукчи; этнос; эфиопы	Бараны; бедуинов; большая масса; быдло; демо; евреи; идиотов; инки; куча; леги; отоми; племя; род; сборище; стремнина; сходка; турки; челядь

Комментарии к наполнению зоны I

Понятие «народ» толкуется во всех источниках через оппозицию *люди* — *толпа*. В САНРЯ образ народа номинируется как устойчиво позитивный, в ядре устойчивой части *толпа* несопоставимо ниже по частотности, чем *люди*. С *толпой* соотносятся номинация *масса*, но она не имеет негативной коннотации, в отличие от *толпы*. В РАС, напротив, разрабатывается негативная часть оппозиции, где находим несколько разнорегистровых синонимичных, сугубо негативных номинаций толпы, включая понятие «отбросы» — табу *говню*. Образ резко смещается в сторону тотального негатива, *люди* актуализируется единично, покинув, таким образом, устойчивую часть зоны, где ассоциация *толпа* заняла первую позицию по частотности. В СИБАС и ЕВРАС у детей смутного времени члены оппозиции *толпа* — *народ* почти равновесны по показателям частоты, с небольшим преобладанием *толпа* в СИБАС над *люди*, и наоборот — *люди* над *толпа* в ЕВРАС. Негативные ассоциации, сходные по содержанию с теми, которые отмечены в РАС, сохраняются и в устойчивой, и в периферийной частях. Однако в рассматриваемой смысловой зоне в региональных базах опять преобладают позитивные смыслы, притом что их конкретное содержание претерпело существенные изменения.

В САНРЯ *народ* в смысловой зоне I выступает как организованная творческая (движущая) сила, имеющая статус нации и способная к целеполаганию, творец и труженик, победитель. В новейших региональных базах наблюдается некоторый возврат к прежнему нейтрально-позитивным ассоциатам, маркирующим обретение некой обновленной устойчивости автостереотипа, однако при этом происходит очень значительное обновление образа в пользу национального и даже расового контекста, а также местечкового родо-племенного. Народ как организованная целеполагающая сущность уступает безликим, ассоциирующимся скорее с толпой смыслам массовости, случайно собравшихся, управляемых сборищ. Сказывается отсутствие единого целеполагания, совместного когнитивно-деятельного опыта, кроме основанного на внешней знаковости и мелких форматах взаимодействия малых групп. Появляются абстрактные научные дефиниции *населения, общества, социума, этноса* и пр. Социокультурная идентичность сильно расшатана (это особенно очевидно в РАС), на этом фоне происходит усиление национального контекста, появляются научные дефиниции как некие компенсаторы этих пустот в сознании. Вместе с тем в СИБАС (и только там) активизируется ассоциат *граждане* (3) в устойчивой части, что маркирует запрос на гражданскую идентификацию. Во всех источниках имеется оппозиция *народ* — *скот* (в САНРЯ очень слабо выражен негатив: только одна единичная реакция). Во всех остальных источниках негативный смысл этой оппозиции разрастается и разрабатывается синонимами, как в устойчивых, так и в периферийных частях АП. Это также, наряду с уже отмеченными негативами, можно рассматривать как маркер возрастающей (в РАС) или непреодоленной (региональные базы данных) смыслоутратности.

Зона 2	
Какими качествами обладает народ, какой он	
Устойчивая часть	
<p>Великий 19; могучий 7; много 5; нестигаемый; дружный 2</p>	<p>Великий 4; глупый 3 голодный; темный 2</p>
<p>Много 8; единый, 7; дружный; 5; против 4; великий; добрый; 3; бедный; веселый; гордый; наглый; простой; свободный; сильный 2</p>	<p>Против 9; единый; много 6; свободный 4; веселый; дружный 3; большой; великий; глухой; дикий; добрый; недовольный; простой; сильный; умный; шумный 2</p>
<i>Периферийная часть</i>	
<p>Большой; воинственный; гордый; гостеприимный; добрый; единый; мирный; непобедим; обширный; патриотический; простой; разный; самоотверженный; свободный; трудолюбивый; хороший</p>	<p>Беден; веселый; гордый; дружный; дубовый; дурной; един; загнанный; злой; лихой; много; многострадальный; могучий; мудрый; непобедимый; озлобленный; прав; рабочий; трудолюбивый; тупой; угнетенный</p>
<p>Активный; безграмотный; бестолковый; большой; бурный; варварский; верный; глухой; грубые и злые; демократический; дикий; древний; дурной; жесток; жив; за!; злой; коренной; мудрый; нищий; общественный; общий; открытый; рабочий; слепой; смешной; слоченный; справедливый; счастливый; тупой; управляемый; честный; шумный; эгоистичный</p>	<p>Бедный; боязливый; вежлив;вольный; враждебный; всегда прав; дружелюбный; за; злой; иноязычный; красный; культурный; малочисленный; мирный; многочисленный; мужественный; наглый; нищий, новый; обманутый; отзвучивый; побежденный; послушный; прав; против власти; пьющий; разный; славный; слоченный; справедливый; странный; тут; уставший; черный; щедрый</p>

Комментарии к наполнению зоны 2	
<p>В САНРЯ выстраивается исключительно позитивный и непротиворечивый образ, в котором <i>великий</i> и <i>могучий</i> доминируют в ядре и усиливаются периферией; размер и количество (<i>много, большой, обширный</i>) акцентируются как смыслы второго-третьего плана. <i>Могучий</i> (в устойчивой части зоны в САНРЯ), <i>непобедимый</i> и <i>трудолюбивый</i> на периферии появляются только на периферии как единичные реакции, в новом веке эти ассоциаты не актуализуются вообще. РАС показывает противоречивый, преимущественно сместившийся в негатив образ, в котором <i>великий</i> еще сохранен в ядре, но заметно утратил свою прежнюю интенсивность и представляет собой единственную положительную ассоциацию в этой части АП. Все новые по отношению к САНРЯ ассоциаты из РАС — негативно-оценочны, при этом акцентируются смыслы <i>озлобления, глупости, голода и бедности, страдания и загнанности</i>, на периферии акцентируется смысл <i>трудолюбия и работы</i>, вместе с тем впервые появляется ассоциация <i>веселый</i>. В СИБАС и ЕВРАС эта ассоциация перемещается в ядерную зону АП. В этих словарях наблюдается некоторое восстановление утраченного в перестройку (РАС) позитива, образ отражает некую мобилизацию сознания, однако и в СИБАС, и в ЕВРАС рисуется очень противоречивый образ, как в ядре, так и на периферии. Народ предстает скорее как ведомая враждебно-шумящая и объединяющаяся <i>против</i> власти <i>толпа</i>, чем организованная, способная к целенаправленной силе. К <i>озлоблению</i> с 90-х гг. добавились негативные смыслы <i>обманутости, нищеты, жестокости, враждебности и дикости (варварства)</i>. В ядре выходят на первый план, а на периферии усиливаются смыслы количества (<i>много</i>), единения (<i>единый</i>) и противостоения власти (<i>против, против власти</i>). На периферии в обеих базах появляется при этом второй оппозиит — <i>за(!)</i>. <i>Могучий</i> уже не активизируется, ему на смену приходит, утверждаясь в ядре, ассоциация <i>сильный</i>. Позитивные смыслы также получают разработку. Из прежних ассоциатов (САНРЯ) в устойчивые опять попадают: <i>дружный, добрый, простой, свободный. Великий</i> сохраняется на периферии ядра.</p>	<p style="text-align: center;">Зона 3</p> <p style="text-align: center;">Народ как субъект деятельности и объект воздействия</p>
	Устойчивая часть
<p>НЕТ ДАННЫХ</p>	<p>Безмолвствует 6</p> <p>Ликует, просит 3; гуляет 2</p> <p>Рулит 3; безмолвствует, бунтует; гуляет 2</p>

<i>Периферийная часть</i>	
Безмолвствует; борется; борющийся; идет	Не поймёт; пошёл; страдает Бездвует; безмолвствует; бунтует; бунтующий; бошует; в дело; возмущен; враждующий; голодает; живет; наказать; обманут; обманывать; поет; празднует; смеется; собрался; терпит; умирающий; ходит; хочет
Беседует; бесчинствует; в недоумении; в ярости; волнуется; восставать; деградирует; жить; обмануть; объединяйтесь; прозябать; сердится; собрался; сплотиться; страдает; требует; умрет; хочет знать	
Комментарии к наполнению зоны 3	
<p>Реакции, выраженные глагольными формами, не относятся к числу характерных для АП существительных, однако в какие-то периоды времени, когда действительный аспект жизни субъекта (объекта воздействия) выходит на первый план в связи со значимостью последствий предпринимаемых действий, корийны и не противоречат целенаправленности нарастать. Так, в САНРЯ их всего 4, негативных нет, все реакции периферийны и не противоречат целенаправленности миссии народа, как она понималась в советское время. Во время перестройки, в эпоху митингов и терпения, в РАС, при общей меньшей разработанности АП «народ» (по сравнению с САНРЯ), количество глагольных ассоциатов увеличивается, они проникают в устойчивую часть. Периферия зоны фиксирует негативные установки. В СИБАС и ЕВРАС общее количество глагольных ассоциатов возрастает в несколько раз. При этом действительная сторона получает смысловую разработку и в устойчивой части, и на периферии. В содержании ассоциатов проявляются противоречия, характерные для данной сферы при господстве гедонистических моделей как фактора толпообразования. Яркие противоречия между <i>жизнью и смертью, весельем и ликованием, с одной стороны, и озлоблением, голодным бунтом яростной и бунтующей «обманутой» толпы</i> — с другой.</p>	
Зона 4	
Локации, место развития, где находится народ	
Устойчивая часть	
Земля; планета 2	Митинг; страны 2
	Страна 13; России 5; мир; Россия 3; площади; поселение; страны; точка ру 2
	Страна 13; Россия 6; России 5; город; мир; страны 3; народ] ru; Родина; село 2

<i>Периферийная часть</i>		
В магазине; всех стран; город; дом; земной шар; мир; собрание	Вокруг; город; мир; СССР	Африки; базар; везде; вокруг; в Хабаровске; деревни; деревня; земли; Земли; земля; Кавказа; катка; Китай; КНР; митинг; собрание; Омска; Осетия; рашки; Российской Федерации; ростовский; рядом; Севера; селение; село; Сенегала; троллейбус; улица
Комментарии к наполнению зоны 4		
<p>Локации можно классифицировать по нескольким группам: 1) реакции, которые соотносятся с народом в качестве обладающего онтологическим единством в рамках страны субъектом (государственности) и местом развития народа; это ассоциации с первым, по данным толковых словарей, значением слова <i>народ</i>; 2) ассоциаты, которые фиксируют местечковость — место проживания, пребывания локального сообщества (<i>селение, село, город и пр.</i>); 3) локации неонтологического свойства, они показывают место сбора; места, где индивидуумы могут встретить друг друга (<i>улица, соборание, площадь, митинг, в магазине и пр.</i>, в том числе и в виртуальном пространстве, как <i>народ.ru</i>) В силу специфики локативных смыслов, в данной смысловой зоне не наблюдается негатива, за исключением одной-единственной негативно окрашенной ассоциации в СИБАС, очевидно навязанной растиражированным СМИ негативным образом своей страны (<i>рашки</i>). Во всех источниках локации, связанные с образом «народ», фиксируют оппозиции: <i>мир (планета, Земля и пр.) vs страна (страна, Россия, СССР и пр.) vs место расселения (село, город, поселение и др.)</i>. В САНРЯ преобладают элементы планетарного мышления, в РАС они почти исчезают, только одна единичная ассоциация <i>мир</i> (к тому же имеющая не одно значение как вербальная единица языка) сохраняется на периферии. Значимость событий внутри страны (СССР) выходит на первый план. В СИБАС и ЕВРАС преобладают для спокойного времени 70-х гг. прошлого века, картина частично восстанавливается с абсолютным преобладанием контекста <i>страны-России</i> и →, а вслед за ним местечковых смыслов. Ассоциации с планетарными смыслами несколько разрабатываются за счет периферии, где также усиливается местечковый и российский контекст, находит отражение опыт конфликтных ситуаций первых десятилетий нового века внутри российских регионов (<i>Кавказ, Осетия и пр.</i>).</p>		

Зона 5	
Принадлежность, причастность (идентификационная матрица)	
Устойчивая часть	
советский 17; русский 16; Родной; весь 3; мой; наш 2	Русский 5; советский 2
русский 17; русский 16; Родной; весь 3; мой; наш 2	Русский 21; русские 4; родной; российский; наш 3
русский 35; мы 4; свой; человек; человечество 3; вместе; многонациональный; наш; семья 2	
Периферийная часть	
И личность; чей; человек	Мой; наш; родной; свой; чей; человек
	Многонациональный; мой; нет; православный; россияне; свой; чел.; человек; человечество; чужой
	Весь; все; мой; православный; родной; украинский
Комментарии к наполнению зоны 5	
<p>Идентификационные матрицы у русской языковой личности применительно к стимулу «народ» работают в нескольких плоскостях. Народ как действующая единица в контексте человечества (планетарность), народ как цивилизация (суперэтнос); более узкое понимание: народ (этнос), и еще более узкое: народ (семья, общность, группа близких людей, род или корпорация). Все эти смыслы могут ассоциироваться с представителем народа, личностью (на уровне индивида). На перечисленные смысловые матрицы наслаивается оппозиция «свой — чужой», устанавливающая параметры комплекментарности на супер-, суб- или этническом уровне. В советское время в САНРЯ как самый устойчивый смысл актуализуется суперэтническая идентификация (<i>советский</i>), ассоциат <i>русский</i> занимает вторую позицию, при этом он, очевидно, мог часто синонимизироваться с <i>советский</i> в тот период времени. Оппозиция «свой — чужой» актуализируется в мягком, неконфликтном варианте: в устойчивой части это <i>мой, наши</i>; на периферии — <i>чей</i>, с акцентуацией личностного (индивидуального) уровня. В перестройку на фоне радикализации идентифицирующихся переоценок усиливается этнический контекст, <i>русский</i> подавляет <i>советский</i>, при отсутствии иных устойчивых ассоциаций данного типа. При сохранении более мягкого варианта актуализации оппозиции «свой — чужой» (уже на периферии) с личностным акцентом, на периферии же начинает внедряться более жесткая (радикальная) ее форма с появлением ассоциата <i>свой</i>. В СИБАС и ЕВРАС с ассоциатом <i>человечество</i> пробивается глобально-планетарный контекст (в ЕВРАС даже в устойчивую часть). Суперэтническая идентификация в СИБАС дает вариативность: <i>российский</i> среди устойчивых и на периферии (<i>россияне</i>); <i>многонациональный, православный</i> — на периферии. Российская суперэтническая идентификация явно</p>	

<p>выражена в СИБАС, в то время как в ЕВРАС она присутствует только в неявных вербализаторах — <i>многонациональный и православный</i>. Здесь гораздо ярче выражен именно русский этнический план. И в СИБАС и в ЕВРАС (здесь в особенности ярко) наблюдается смещение акцента в сторону корпоративности, <i>нашесть</i> при снижении индивидуально-личностной акцентуации. В обоих словарях наблюдается внедрение жесткого варианта оппозиции «свой-чуждой» (в СИБАС на периферии, в ЕВРАС среди устойчивых единиц). Последнее может быть связано имплицитивными отношениями с усилением специфического русского этнического контекста, более этноцентричного, чем российский суперэтнический. Реакции <i>все</i> (мы, к примеру) и <i>весь</i> подразумевают границы, конечное число представителей в группе (общности), то есть это идентификация с группой, она, вероятно, также усиливает мы-групповой (корпоративный) акцент. Специфика смысловой зоны такова, что в ней нет вербализующих негативные оценки единиц, за исключением <i>нет</i> (СИБАС), которая может восприниматься как отказ в идентификации на уровне <i>народ</i> (его нет), потому включена нами в данную смысловую зону.</p>		
<p>Зона 6</p> <p>Атрибуты (материальной и духовной культуры), свойства (черты характера, ценности) и права</p>		
<p>Устойчивая часть</p>		
Сила 7; дружба, труд 2	и партия 4, партия 2	Демократия 9; сила 6; власть; восстание 5; бунт; глупость; жизнь; собрание 2
<p><i>Периферийная часть</i></p>		
Армия; власть земли; головы; дело; звезда; знамя; история; культура; мощь; партия; партия и правительство; религия; свет; сосуществование; фашизм	Бунт; воля; выборы; душа; Ельцин; жалость; и армия едины; и партия едины; свобода; танец	Демократия 10; власть; сила 6; восстание 3; бунт; государство; политика; свобода 2
	Беда; без будущего; бестолковщина; Борис Годунов; верность; власть народу; выборы; геноцид; государство; гуляние; гулянье; единство; золото; и власть; менталитет; мудрость; мятеж; общение; Отечество; патриотизм; праздники; президент;	Верность; веселье; воля; выборы; глупость; голос; децутат; единение; единство; земля крестьянам; зрелище; и власть; и воля; и казнь; игра; комп; кровь; монархия; обман; объединение; опасность; песня; разнородность; решение; самосознание; сплочение;

		примета; Родина; связь; сильная страна; слитность; сплоченность; справедливость; стихия; суэта; суматоха; упадок; флаг; хоровод; целость; цивилизация; язык	столпотворение, традиция, царь
<p style="text-align: center;">Комментарии к наполнению зоны 6</p> <p>В САНРЯ находим целостный образ народа, у которого есть <i>сила, дружба и труд</i>, а также такие институты, как <i>армия, партия и правительство, власть, религия</i>. Имеется символика (<i>звезда, знамя</i>), <i>культура, история и свет</i>. В АП САНРЯ активируется только одна единичная негативная реакция <i>фшиизм</i>, которую применительно к контексту той эпохи можно трактовать как главного врага советского народа-победителя. В РАС негатив также представлен одной, диагностической для своего времени, единичной реакцией <i>бунт</i>, однако общая смысловая структура рассматриваемой смысловой зоны претерпела существенную перестройку соответственно эпохи. В ней уже нет цельности советского времени, хотя ассоциаты с партией и армией еще актуальны. Акцент перемещается на партию и единение с ней, появляются новые акценты на периферии, связанные с персоналиями (<i>Ельцин</i>), <i>выборами</i> и пр. В СИБАС и ЕВРАС данная смысловая зона также претерпела кардинальную содержательную перестройку. Здесь из прежних устойчивых реакций советского времени воспроизводится только <i>сила</i>, вместе с тем <i>труд, дружба, армия, партия</i> и даже <i>культура</i> с <i>историей</i> уже совсем не актуальны для нового образа. В нем абсолютно преобладают акценты на демократии, власти и силе, вхожи новые смыслы единения и сплоченности, государственности, выборов, верности, свободы и пр. Устойчивая часть этой смысловой зоны насыщается негативными смыслами толпообразования (<i>бунт, восстание, глупость</i>), которые усиливаются за счет периферии в обоих источниках. Ассоциаты с развлекательными видами деятельности имеются в обоих региональных источниках и также могут быть маркерами внедрения гедонистических моделей (народ как группа <i>играющих</i>, собравшихся для развлечения, <i>веселья</i>, или как <i>гуляющая толпа</i> соответственно <i>зрелищу</i>). Ощущение разобщенности, характерное для такого местечкового образа народа, порождает тенденцию к <i>единению (сплочению)</i> в новое время, для многих не подкрепленную в основе иными видами деятельности кроме развлечений.</p>			

Таблица 5в. Статистика интенсивности семантических зон АП «народ» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1			
Номинации, дефиниции, раскрывающие суть понятия			
36,48 % <i>16,66 %</i>	38,59 % <i>15,38 %</i>	55,84 % <i>15,58 %</i>	53,11 % <i>14,51 %</i>
Зона 2			
Какими качествами обладает народ, какой он.			
23,64 % <i>29,62 %</i>	19,29 % <i>36,84 %</i>	12,86 % <i>22 %</i>	12,71 % <i>28,22 %</i>
Зона 3			
Народ как субъект деятельности и объект воздействия			
0 % <i>7,4 %</i>	10,52 % <i>5,76 %</i>	2,33 % <i>13,63 %</i>	2,24 % <i>15,32 %</i>
Зона 4			
Локации, место развития, где находится народ			
2,7 % <i>12,96 %</i>	7 % <i>7,69 %</i>	9,35 % <i>17,53 %</i>	9,72 % <i>12 %</i>
Зона 5			
Принадлежность, причастность (идентификационная матрица)			
29 % <i>5,55 %</i>	12,28 % <i>11,53 %</i>	9,94 % <i>6,49 %</i>	13,96 % <i>4,83 %</i>
Зона 6			
Атрибуты (материальной и духовной культуры), свойства (черты характера, ценности) и права			
7,43 % <i>29,62 %</i>	10,52 % <i>19,23 %</i>	9,64 % <i>24,67 %</i>	8,22 % <i>3,38 %</i>

Таблица 5г. Психоглоссы интенсивности в устойчивой части
и на периферии АП «народ»
в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак = маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны (**свыше 30 %** от общего числа устойчивых реакций) выделены **жирным** шрифтом; *жирным курсивом* — **не менее 20 %**, *курсивом* — **свыше 10 %**.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Психоглоссы интенсивности в устойчивой части			
Зона 1 → <i>зона 5</i> → <i>зона 2</i> → зона 6 → зона 4	Зона 1 → <i>зона 2</i> → <i>зона 5</i> → зона 3 = <i>зона 6</i> → зона 4	Зона 1 → <i>зона 2</i> → <i>зона 5</i> → <i>зона 6</i> → зона 4 → зона 3	Зона 1 → <i>зона 5</i> → <i>зона 2</i> → <i>зона 4</i> → зона 6 → зона 3
<i>Психоглоссы интенсивности на периферии</i>			
Зона 2 = <i>зона 6</i> → <i>зона 1</i> → <i>зона 4</i> → зона 3 → зона 5	Зона 2 → <i>зона 6</i> → <i>зона 1</i> → <i>зона 5</i> → зона 4 → зона 3	Зона 6 → <i>зона 2</i> → <i>зона 4</i> → <i>зона 1</i> → зона 3 → зона 5	Зона 2 → <i>зона 3</i> → <i>зона 1</i> → <i>зона 4</i> → зона 5 → зона 6

Комментарии к *Таблице 5г*

Во все периоды наибольшей интенсивностью в устойчивой части АП характеризовалась зона 1, близко прилегающие к ней по интенсивности зоны 5 и 2 меняются местами в разных источниках, сохраняя достаточно высокую интенсивность (не менее 10 %) (только в СИБАС эта зона несколько снижает свою интенсивность, впрочем, на сотые доли процента). Зона 2 получает дополнительную смысловую разработку и усиливается во всех источниках на периферии, потеснив зону 1. Вместе с тем зона 6 также выходит в лидеры на периферии, за исключением ЕВРАС, где она имеет самые слабые позиции. При наличии явно больших сходств между СИБАС и ЕВРАС, количественные соотношения между показателями интенсивности смысловых зон в диахронном плане не дают оснований для уверенного выстраивания диахронного смыслового вектора движения в сторону нарастания или уменьшения силы актуализации той или иной смысловой зоны по отношению к более раннему ее состоянию. Вместе с тем можно выявить векторы усиления или ослабления отдельных смыслов в составе той или иной семантической зоны (см. соответствующие комментарии к каждой зоне в таблицах выше).

Таблица 5д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «народ»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии.

Структура АП	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	11,11 % <i>1,58 %</i>	73,33 % <i>6,66 %</i>	41,86 % <i>2,78 %</i>	33,33 % <i>3 %</i>
Зона 2	0 % <i>0 %</i>	53 % <i>31,25 %</i>	26,92 % <i>16,66 %</i>	32,55 % <i>15,11 %</i>
Зона 3	0 % <i>0 %</i>	22,22 % <i>22,22 %</i>	37,93 % <i>37,93 %</i>	42,85 % <i>35,71 %</i>
Зона 4	0 % <i>0 %</i>	0 % <i>0 %</i>	1,69 % <i>1,69 %</i>	0 % <i>0 %</i>
Зона 5	0 % <i>0 %</i>	0 % <i>0 %</i>	2,27 % <i>2,27 %</i>	0 % <i>0 %</i>
Зона 6	3,7 % <i>3,7 %</i>	6,25 % <i>6,25 %</i>	23,94 % <i>11,26 %</i>	16,12 % <i>8,06 %</i>

Таблица 5е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «народ»

Жирным начертанием показаны интенсивно наполненные негативом зоны (**свыше 30 %** реакций от общего количества в зоне); *жирный курсив* — **свыше 20 %**; *курсивом* — **не менее 10 %**.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
зона 1 → зона 6	зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 6	зона 1 → зона 3 → зона 2 → зона 6 → зона 5 → зона 4	зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 6

Комментарии к Таблице 5е

Самый непротиворечивый и позитивный образ находим в САНРЯ. Негативная оценочность здесь минимальна. К тому же она не носит столь брутального и разработанного в разных регистрах характера, как в более поздних источниках. В РАС негативные смыслы резко усиливаются, как в ядре, так и на периферии, содержание прошедших изменений при этом отражает противоречия смыслоутратности. СИБАС и ЕВРАС дают срез сознания детей смутного времени, в котором смыслоутратность не преодолена. Негативная оценочность в этих базах охватывает все (как в СИБАС) или почти все (как в ЕВРАС) зоны, причем в наиболее интенсивных зонах интенсивны и негативно-оценочные смыслы. Это может говорить о том, что отраженный в новейших базах автостереотип (прежде всего, именно автостереотип, так как большая часть единиц представляет именно такие смыслы) противоречив и неустойчив.

Таблица 5ж. Статистика экстенсивности смысловых зон АП «народ»
(количество разных вербальных единиц, фиксирующих одинаковые смыслы
в % от общего количества разных реакций в АП)

За скобками — количество единиц.

Структура АП	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	14 (18,66 %)	12 (17,91 %)	38 (18,53 %)	33 (17,83 %)
Зона 2	21 (28 %)	25 (37,31 %)	47 (22,92 %)	51 (27,56 %)
Зона 3	4 (5,33 %)	4 (5,97 %)	24 (11,7 %)	23 (12,43 %)
Зона 4	9 (12 %)	6 (8,95 %)	35 (17 %)	24 (12,97 %)
Зона 5	9 (12 %)	8 (11,94 %)	15 (7,31 %)	15 (8,1 %)
Зона 6	19 (25,33 %)	12 (17,91 %)	46 (22,43 %)	37 (20 %)

Таблица 5з. Психоглоссы экстенсивности
смысловых зон АП «народ»

Жирным начертанием выделены наиболее экстенсивные зоны (**свыше 30 %** от общего количества разных реакций в АП), **жирным курсивом** — менее экстенсивные (**не менее 20 %**), **курсивом** — **не ниже 10 %**, но не более 20 %; остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 2 →	зона 2 →	зона 2 →	зона 2 →
зона 6 →	зона 1 =	зона 6 →	зона 6 →
зона 1 →	зона 6 →	зона 1 →	зона 1 →
зона 4 =	зона 5 →	зона 4 →	зона 4 →
зона 5 → зона 3	зона 4 → зона 3	зона 3 → зона 5	зона 3 → зона 5

Комментарии к Таблице 5з

Психоглоссы экстенсивности в АП «народ» во многом идентичны в разное время и в различных источниках. Параметры соотношения экстенсивности смысловых зон при их сравнении друг с другом в составе одного и того же АП в разные десятилетия, таким образом, показывают относительную устойчивость во времени. Однако в абсолютном выражении (по количеству конкретных единиц, наполняющих каждую зону) наблюдается резкий рост экстенсивности практически всех зон в материале нового века. Вместе с тем в эпоху перестройки самое скудное наполнение АП, даже на фоне в целом более ограниченной по своим возможностям базы САНРЯ. Зоны 1, 2 и 6 не только самые экстенсивные, но и самые интенсивные. Зона 1 и зона 2 как в устойчивой части, так и на периферии, а зона 6 преимущественно за счет периферии. Только в ЕВРАС эти соотношения по интенсивности выглядят по-другому, здесь они оригинальны во всех частях АП при сохранении общности с другими базами по экстенсиву. При оценке соотношения интенсивности негативно-оценочных смыслов с экстенсивностью зон выявляется следующая картина: в процентном отношении экстенсивность зоны 1 и интенсивность ее наполненности негативом в САНРЯ — однопорядковые величины (в пределах от 10 до 20 %), при этом негативные показатели составляют 11 %, а экстенсивность свыше 18 %. В РАС резко возрастает интенсивность негативных смыслов в обеих экстенсивных зонах (1 и 2). Таким образом, негативные смыслы получают разнообразную когнитивно-вербальную разработку. Негативная оценочность в СИБАС и ЕВРАС усиливается за счет ее разработки во всех зонах (СИБАС) или в большинстве зон (ЕВРАС). В отличие от более ранних периодов, она подпитывается и интенсивностью устойчивых реакций, и экстенсивной разработкой на периферии (как в зоне 6). Таким образом, экстенсивные показатели так же, как и интенсивные, свидетельствуют о сохранении (и нарастании) противоречий смыслоуtratности и неустойчивости автостереотипа.

Таблица 6

**Сравнительный анализ АП «русский», «советский»
и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Общая структура и наполнение ассоциативных полей приводятся в тексте главы I, таблице 1 (с. 32). Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП «русский», «советский» и «российский» показаны в *таблицах (ба–е)*, структурированных по зонам. Подробный сравнительный анализ смысловых акцентуаций внутри этих зон и АП дается в тексте главы I (с. 30–46).

Таблица ба. Зона 1. Номинации — объекты материально-производственной культуры, включая символику, внешние признаки и ритуалы (игры), а также природно-климатические явления и животных

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»			
Устойчивая часть			
Словарь 3	ДАННЫХ НЕТ	Размер 5; словарь 3; водка 2	Водка; размер 3; гимн; медведь 2
<i>Периферия</i>			
Борода; пояс; русак	Ветер; квас; конь; красная рубашка; орел; паспорт; птица-тройка	Бильярд; боевик; борщ; велосипед; квас; косоворотка; лед; мороз; обычный; пельмени; пеня; праздник; самовар; самогон; свинья; стандарт; тельняшка; узник; учебник; фильм; холод; чай?	Воздух; деньги; жест; изюм; костюм; расказ; свинья; словарь; стандарт; сувенир; учебник; ушанка; флаг; футбол; холод; шоколад

АП «советский»		
Устойчивая часть		
Паспорт 7; корабль 2	Паспорт 59; флаг 13; фильм 4; экран 3; герб; журнал 2	Фильм 9; парк; телевизор; флаг 6; магазин 5; автомобиль; паспорт; пломбир; рубль 3; знамя; сыр 2
Автобус; герб; журнал; лозунг; Октябрь; рубль; сыр; теплоход	Атлас; баран; гимн; гусь; джаз; драч; знамя; корабль; Красный Крест; красный флаг; Кремль; крест; луч; магнитофон; мордочка; ноги; облик; очередь; парохол; плакат; поезд; ростом; самолёт; семья; серп и молот; танк; телевизор; товар; транспорт; флаг; герб; шампанское; 7 ноября; парад	Автопром; алкоголь; бубен; велосипед; водка; герб; гимн; жвачка; журнал; звезда; знак; коньяк; красный флаг; Кремль; круг; лагерь; львица; мавзолей; марафон; молот; монолог; мотоцикл; одеколон; памятник; приемник; продукт; пылесос; радиоприемник; раут; серп; станок; техника; хлеб; целлина; шампанский; шампанское; шкаф; энциклопедия
<i>Периферия</i>		
		Галстук; двигатель; кепка; костюм; красная звезда; крылья; ликер; магнитофон; машина; номерок; пломбир; продукт; размер; ритуал; сборник; серп; СССР < рис. серпа и молота>; станок; сыр; танк; тракт; холодильник; шкаф; шлягер; шляпа; экран
АП «российский»		
Устойчивая часть		
НЕТ ДАННЫХ	Флаг 34; герб; сыр 5; гимн; престол 2	Флаг 138; паспорт 45; сыр 16; гимн; рубль; шоколад 13; герб 5; автомобиль; продукт 3; фильм 2
		Флаг 159; паспорт 61; сыр 23; гимн 13; рубль 10; шоколад 6; герб 5; автомобиль; флаг РФ 3; Автопром; журнал; орёл; продукт; товар; трикологор 2

<i>Периферия</i>		
НЕТ ДАННЫХ	<p>Бани; журнал; искусственное водохранилище; телеканал</p>	<p>Авто; автропром; белый-синий-красный; береза; борщ; вулкан; газ; градуслик; гражданин, товар; железная дорога; завод; канал; карта; кафель; климат; медведь; напиток; праздник; пресс; самолет; танк; товар; утоль; утюг; флаг, гимн; флаг, гимн, герб; флаг, город; футбол; хлеб; чай; язык; флаг</p>
		<p>Аппарат; бело-сине-красный; быт; газ; греб; диплом; документ; дорога; завод; империя; кинотеатр; Кремль; кубок; медведь; недвижимость; памятник; поезд; полигон; РСМ-52; слон; стандарт; трон; туалет; флаг; президент; хоккей; штамп</p>

Таблица 6б. Зона 2. Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»			
Устойчивая часть			
Язык 40; национальность 5; характер 4; наука 3	язык 29; дух; характер 2	Язык 229; дух 10; менталитет 7; национальность 6; характер 4; гордость; нация; язык; человек 2	язык 282; национальность 10; дух; менталитет 7; характер 4; национализм; нация 3; душа; стиль 2
<i>Периферия</i>			
Театр	Бизнес, вера, лень, национальность, образ мыслей, стиль, театр, уважение, шовинизм	Воля; голод; древность; родство; душа; май; маг; национализм; память; патриотизм; пыл; рэп; сила; словарь, язык; стереотип; тон; ум; халява; эмоции; язык, национальность	Бунт; вера; гордость; история; кинематограф; крайности; культура; литературный язык; месяц; могущество; религия; родной язык; рэп; сила; талант; гордость
АП «советский»			
Устойчивая часть			
Закон; строй 4; патриотизм 2	Строй 17; образ жизни 12; закон; спорт 8; образ 3; характер; цирк 2	Строй 14; коммунизм 4; время; спорт 3; исполком; кино; менталитет 2	Режим 16; строй 11; коммунизм 8; спорт 3; власть; РОВД; театр; цирк 2

<i>Периферия</i>		
Власть; вуз; государство; отечество; порядок; революция; республика; свобода	Армия; власть; враг; долг; идеал; колхоз; коммуна; конституция; май; неологизм; патриотизм; перестройка; показуха; разброд; режим; сервис; социализм; ум	Армия; воспитание; воспоминания; дух; история; качество; монументальность; отряд; перестрой; план; подход; прием; притеснение; пятилетка; режим; склад ума; совдеп; совет; сон; СССР, качество; стиль; тесты!!!; тип; указ; часть
АП «российский»		
Устойчивая часть		
НЕТ ДАННЫХ	Парламент 9; банк; съезд; университет 2	Менталитет 8; закон 6; язык 5; бизнес; парламент 4; патриотизм; рынок; университет 3; вуз; кодекс; спорт; театр; флот; чемпионат 2
НЕТ ДАННЫХ	Биржа; гордость; империализм; капитал; май; мор; юмор; язык	Закон; язык 7; университет 5; рынок 4; флот 4; банк; орган; парламент; менталитет 3; бред; дух; кодекс; комитет; ум; фонд 2
<i>Периферия</i>		
НЕТ ДАННЫХ	Балет; беспредел; бунт; вопрос; гордость; государство; доверие; доход; дух; институт; кинемаграф; клуб; коллапс; контингент; культ; маг; нрав; общество; орган (управления); провал; спецназ; суд; телевидение; тип; уважение; универ; федерация; фонд; форум; цирк; язык; флаг	Авторитет; балет; бюджет; гордость; государство; душа; институт; клуб; конкурс; курс; патриотизм; пофигизм; путь; союз; спецназ; спорт; суд; театр; федерализм; фольклор; форум; чемпионат

Таблица 6в. Зона 3. Одушевленные номинации (люди и их роли)

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»			
Устойчивая часть			
Человек 36; народ 12; друг; Иван; писатель; поэт; солдат 2	Человек 16; мужик 6; Иван 3; Ваня; дурак; эмигрант 2	Человек 42; народ 13; мужик 10; парень; патриот; поэт; солдат 3; Ванька; писатель 2	Человек 55; народ 12; парень 6; гражданин 4; мужик; поэт 3; богатырь; воин; писатель 2
<i>Периферия</i>			
Богатырь; брат; девушка; мальчик; мужчина; отец; парень; пленный; соотечественник; товарищ	Ванька; друг; композитор; мешочник; народ; поэт	Авгор; алкаш; богатырь; Ваня; герой; дворянин; Есенин; жулик; земляк; идиот; космополит; Лёша; мужчина; народ, язык; нацист; офицер; папа; племя; пьяница; сибиряк; спортсмен; турист; ученый; чел; языковед	Алхимик; балбес; Ваня; вор; герой; дед; дипломат; дурак; Есенин; лентяй; люд; люди; мальчик; мужчина; патриот; пьяница; солдат; соотечественник; студент; царь; чел; чурбан; шпион; чемпион
АП «советский»			
Устойчивая часть			
Человек 69; народ 11; гражданин 4; патриот; ученый 2	Человек 142; гражданин 47; народ 15; писатель 12; воин 6; ученый 5; патриот 4; солдат; спортсмен 3; космонавт; милиционер; парень 2	Человек 35; народ 10; ученый 8; гражданин 7; Сталин 6; писатель 5; Ленин 3; рабочий; ребенок 2	Человек 39; писатель 14; гражданин 10; ученый 8; солдат 7; Ленин; Сталин 6; народ 5; летчик 4; воин; космонавт; товарищ 2

<i>Периферия</i>		
Инженер, интеллигент, капиталист, коммунист, летчик, моряки, поэт	Актер; бюрократ; Горбачёв М. С.; дипломат; диссидент; дурак; идиот; инженер; коммунист; летчик; миллионер; неудачник; педагог; постовой; почтальон; поэт; простой человек; рабочий; разведчик; студент; фашист; художник; человек настоящий; чиновник; шпион	Артист; воин; Горбачев; дурак; инженер; коммунист; люд; мужик; парень; полководец; призыводитель; производитель, пролетарият; разведчик; район, воин; старик; товарищ; толкатель; шпион
Артист; Брежнев; В. Ленин; Гагарин; Горький; дед; десантник; деятель; дурак; иммигрант; коммунист; начальник; офицер; партизан; пионер; политик; полковник; посол; рабочий; родители; руководитель; труженик; чиновник; читатель		
АП «российский»		
Устойчивая часть		
НЕТ ДАННЫХ	Президент 3; пролетарият 2	Гражданин 9; президент 8; народ 6; человек 5; Путин; солдат; чемпион 2
НЕТ ДАННЫХ	Дворянин; дипломат; мужик; народ; царь	Бизнесмен; выпускник; дипломат; знаменосец; корреспондент; миллиардер; мужик; нищий; певец; писатель; поэт; предприниматель; представитель; студент; футболист; художник; чемпион

Таблица бв. Зона 4. Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»			
Устойчивая часть			
Казах 10; немец 8; немецкий; советский 6; еврей; иностранец 5; украинец; французский 4; свой; француз 3; иностранный; китаец; родной 2	Еврей 4	Родной 10; английский; наш; я 4; немецкий; нерусский; русский; свой; Я 2	Английский 9; родной 6; свой 3; иностранный; наш; украинец; я 2
<i>Периферия</i>			
Американец; английский; армянин; грузин; казахский; латынь; нерусский; русак; русская; украинский; хохол; чех	Немец; нерусский; свой; советский; совок; турецкий; французский; я	Англичанин; ариец; англиш; казах; мой язык; нет; с китайцем — братья навек!; советский; украинский; француз; чех; чеченец; якут	Еврей; казах; китаец; китайский; латинский; наш родной; не всегда; православный; русский; татарин; хохол; чурка; Я; японский
АП «советский»			
Устойчивая часть			
Наш 13; антисоветский 6; иностранный 5; родной 3; отечественный; русский; советский 2	Наш 17; русский 14; родной 4; свой 3; американский; иностранный; совокый 2	Русский 8; российский 6; совокый; совок 3	Русский 5; родной; российский 3; совок 2

<i>Периферия</i>		
Американский; зарубежный; иностранец; свой; французский	Антисоветский; вместе; да; зарубежный; наш, русский; немецкий; ничей; отечественный; постсоветский; российский; чей; чужой	Наш, наш, родной; отечественный; повезло; предроссийский; родной
АП «российский»		
Устойчивая часть		
НЕТ ДАННЫХ	Русский 3	Родной 13; наш 11; русский 6; отечественный 5; национальный 4
		Родной 13; отечественный 6; наш 5; гражданство, свой 4; русский 3; зарубежный; немецкий 2
<i>Периферия</i>		
НЕТ ДАННЫХ	Великоросский; ливийский; отеческий; отечественный; родное	Английский; гражданство; иностранный; казах; мой; русские; свой; советский; японский
		Албанский; другой; межнациональный; мой; национальный; японский

Таблица 6д. Зона 5. Локации (в пространстве и во времени)

—	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»				
Устойчивая часть				
Лес 7	НЕТ ДАННЫХ	Россия 4; город; дом 2	Россия 7	Россия 7
<i>Периферия</i>				
Город, мир, Одесса	Лес; Москва; остров; ресторан	Баня; вниз; двор; здесь; край; лес; мир; остров; парк; родина; Сибирь	Город; деревня; дом; за рубежом; родина	
АП «советский»				
Устойчивая часть				
Союз 20; город 2	Союз 71; район 8	Союз 123; район 20; период 16; СССР 6; Россия 3; мир; проспект 2	Союз 141; период 20; СССР 8; район 7; мир 4; прошлое, улица 2	
<i>Периферия</i>				
Район, Югославия	Дом; из СССР; мир; ресторан; страна; улица в Полтаве; Урал	Было; городок; даль; переулок; период истории России; период — отстой; площадь; прошел; прошлое; прошлый; район; СССР, качество; старое; старость; старье; США	Былое время; в прошлом; вечер; время; город; довоенный; доисторический; древний; Россия; сейчас; СНГ; СССР < рис. серпа и молота>; устарел	
АП «российский»				
Устойчивая часть				
НЕТ ДАННЫХ	НЕТ ДАННЫХ	Родина 5; дом 2	Город 5; Родина 4; страна 2	
<i>Периферия</i>				
НЕТ ДАННЫХ	Берег; город; дом; край; простор; Родина	Город; магазин; порт; ресторан; Россия; страна	Мир; родина; России; Россия	

Таблица 6е. Зона 6. Экпликация смысла «какой»: качества русскости (советскости, российскости), отношение к ним

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
АП «русский»			
Устойчивая часть			
Русый 4; великий 3; хороший 2	НЕГ ДАННЫХ	Новый 4	Могучий 3
<i>Периферия</i>			
Белый; блондин; великодушный; искать; крепко; любимый; люблю; народный; настоящий; национальный; неприятный; открытый; светлый; храбрый; широкий	Большой; красивый; мало; розовое; сильный; узкий; умный	Великий; гордый; душа нараспашку; забись; могучий; народный; настоящий; национальный; необъятный; пьяный; сильный; слабый	The best; значит трезв; интересно; лучший; мудрый; национальный; редкий; сильный; сразу видно; хорошему; широкий
АП «советский»			
Устойчивая часть			
Социалистический 4; красный; хороший 3; гуманный; лучший; отличный 2	Красный 8; социалистический 6; плохой 4; народный; отличный; партийный; простой 2	Старый 12; красный 5; плохой 3; качественный; коммунистический; лучший; серый 2	Старый 11; красный 8
<i>Периферия</i>			
Боевой; большевистский; буржуазный; великий; гордый; демократический; капиталистический; коммунистический; красивый; культурный;	Бедный; большой; братский; бывший; ветренный; дурацкий; заводской; злой; значит отличный; импортный; исторический; капиталистический;	Государственный; давний; древний; железный; закованный; идеологический; квадратный; неприятный; неразвитый; несовременный;	Белый; жестокий; качественный; коммунистический; матерый; надежный; талантливый; умный; упрямый; хороший; честный

лучше; любой; народный; радостный; справедливый; фашистский	культурный; лучший; мирный; недоделанный; не качественный; общечеловеческий; огромный; плохо; самый; светский; сталинский; старый; трудно; убогий; честный	партийный; паршивый; правильный; скучный; спокойный; старый; глупый; старый; хороший; устаревший; черно-белое	
АП «российский»			
Устойчивая часть			
НЕТ ДАННЫХ	НЕТ ДАННЫХ	Государственный 5; некачественный 2	великий, лучший, патриотический, 2
<i>Периферия</i>			
НЕТ ДАННЫХ	Гордый	Великий; гавно; глупый; годный; гражданский; красный; не имеющий определенных очертаний; пьяный; свободный; синее	Нищий; особенный; плохой; плохой (некачественный); убогий; чувственный

Статистика интенсивности семантических зон АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии), а также психоглоссы интенсивности в обих частях этих АП приводятся в таблицах 2 и 3 в тексте главы I (с. 34–36).

Таблица бж. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «русский», «советский», «российский»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии.

Структура АП	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1				
русский	0 %	0 %	3 % <i>3 %</i>	3,84 % <i>3,48 %</i>
советский	0 %	1,72 % <i>1,72 %</i>	0 % <i>0 %</i>	0 % <i>0 %</i>
российский	НЕТ ДАННЫХ	0 %	0 %	0 %
Зона 2				
русский	0 %	4,76 % <i>4,76 %</i>	1,4 % <i>1,4 %</i>	1,19 % <i>0,29 %</i>
советский	0 %	4,28 % <i>4,28 %</i>	1,8 % <i>1,8 %</i>	5,47 % <i>5,47 %</i>
российский	НЕТ ДАННЫХ	4,34 % <i>4,34 %</i>	6,32 % <i>6,32 %</i>	4,1 % <i>1,36 %</i>
Зона 3				
русский	1,47 % <i>1,47 %</i>	10,81 % <i>5,4 %</i>	6,6 % <i>4,71 %</i>	5,3 % <i>5,3 %</i>
советский	0 %	2,6 % <i>2,6 %</i>	2 % <i>2 %</i>	0,77 % <i>0,77 %</i>
российский	НЕТ ДАННЫХ	0 %	0 %	1,4 % <i>1,4 %</i>
Зона 4				
русский	1,38 % <i>1,38 %</i>	9 % <i>9 %</i>	2,22 % <i>2,22 %</i>	5 % <i>5 %</i>
советский	15,78 % <i>0 %</i>	8,77 % <i>5,26 %</i>	23 % <i>0 %</i>	17,64 % <i>5,88 %</i>
российский	НЕТ ДАННЫХ	0 %	0 %	0 %
Зона 5				
русский	0 %	0 %	5,26 % <i>5,26 %</i>	0 %
советский	0 %	0 %	1,05 % <i>1,05 %</i>	0 %
российский	НЕТ ДАННЫХ	0 %	0 %	0 %
Зона 6				
русский	4,16 % <i>4,16 %</i>	0 %	18,75 % <i>18,75 %</i>	0 %
советский	3,12 % <i>3,12 %</i>	22,22 % <i>14,81 %</i>	25,53 % <i>14,89 %</i>	3,33 % <i>3,33 %</i>
российский	НЕТ ДАННЫХ	0 %	35,29 % <i>23,52 %</i>	33,33 % <i>33,33 %</i>

Таблица 6з. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «русский», «советский» и «российский»

Жирным начертанием показаны интенсивно наполненные негативом зоны (свыше 30 % реакций от общего количества в зоне); *жирным курсивом* — *свыше 20 %*; *курсивом* — *не менее 10 %*.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
русский			
Зона 6 → зона 3 → зона 4	<i>Зона 3</i> → зона 4 → зона 2	<i>Зона 6</i> → зона 3 → зона 5 → зона 1 → зона 4 → зона 2	Зона 3 → зона 4 → зона 1 → зона 2
советский			
<i>Зона 4</i> → зона 6	<i>Зона 6</i> → зона 4 → зона 2 → зона 3 → зона 1 → зона 5 = 0	<i>Зона 6</i> → <i>зона 4</i> → зона 3 → зона 2 → зона 5 → зона 1 = 0	<i>Зона 4</i> → зона 2 → зона 6 → зона 3 → зона 1 = зона 5 = 0
российский			
НЕТ ДАННЫХ	Зона 2	Зона 6 → зона 2	Зона 6 → зона 2 → зона 3

Таблица би. Статистика экстенсивности смысловых зон
 АП «русский», «советский» и «российский»
 (количество разных вербальных единиц, фиксирующих сходные смыслы;
 в скобках % от общего количества разных реакций в АП)

Структура АП	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1				
русский	4 (5,55 %)	7 (13,72 %)	25 (18,51 %)	20 (17,24 %)
советский	10 (13,69 %)	39 (23,78 %)	49 (29,51 %)	38 (25,5 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	9 (21,95 %)	41 (28,87 %)	42 (31,81 %)
Зона 2				
русский	5 (6,94 %)	12 (23,52 %)	29 (21,48 %)	25 (21,55 %)
советский	11 (15 %)	26 (15,85 %)	32 (19,27 %)	35 (23,48 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	12 (29,26 %)	45 (31,69 %)	37 (28 %)
Зона 3				
русский	17 (23,61 %)	12 (23,52 %)	34 (25,18 %)	33 (28,44 %)
советский	12 (16,43 %)	38 (23,17 %)	28 (16,86 %)	36 (24,16 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	7 (17 %)	24 (16,9 %)	25 (18,93 %)
Зона 4				
русский	25 (34,72 %)	8 (15,68 %)	22 (16,29 %)	21 (18,1 %)
советский	12 (16,43 %)	20 (12,19 %)	10 (6 %)	8 (5,36 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	6 (14,63 %)	14 (9,85 %)	14 (10,6 %)
Зона 5				
русский	4 (5,55 %)	4 (7,84 %)	14 (10,37 %)	6 (5,17 %)
советский	4 (5,47 %)	9 (5,48 %)	24 (14,45 %)	20 (13,42 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	6 (14,63 %)	8 (5,63 %)	7 (5,3 %)
Зона 6				
русский	18 (25 %)	7 (13,72 %)	13 (9,62 %)	12 (10,34 %)
советский	22 (30,13 %)	35 (21,34 %)	26 (15,66 %)	13 (8,72 %)
российский	НЕТ ДАННЫХ	1 (2,43 %)	12 (8,45 %)	9 (6,81 %)

Таблица 6к. Психоглоссы экстенсивности смысловых зон
АП «русский», «советский» и «российский»

Жирным начертанием выделены наиболее экстенсивные зоны (**свыше 30 %** от общего количества разных реакций в АП), **жирным курсивом** — менее экстенсивные (**не менее 20 %**), *курсивом* — *не ниже 10 %*, но не более 20 %; остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
русский			
Зона 4 → <i>зона 6</i> → <i>зона 3</i> → зона 2 → зона 1 = зона 5	Зона 2 = <i>зона 3</i> → зона 4 → зона 1 = зона 6 → зона 5	Зона 3 → <i>зона 2</i> → зона 1 → зона 4 → зона 5 → зона 6	Зона 3 → <i>зона 2</i> → зона 4 → зона 1 → зона 6 → зона 5
советский			
Зона 6 → зона 3 = зона 4 → зона 2 → зона 1 → зона 5	Зона 1 → <i>зона 3</i> → зона 6 → зона 2 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 2 → <i>зона 3</i> → зона 6 → зона 5 → зона 4	Зона 1 → <i>зона 3</i> → зона 2 → зона 5 → зона 6 → зона 4
российский			
НЕТ ДАННЫХ	Зона 2 → <i>зона 1</i> → зона 3 → зона 4 = зона 5 → зона 4 = зона 6	Зона 2 → <i>зона 1</i> → зона 3 → зона 4 → зона 6 → зона 5	Зона 1 → <i>зона 2</i> → зона 3 → зона 4 → зона 6 → зона 5

Таблица 7

**Сравнительный анализ АП «гражданин»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 7а. Общая структура и наполнение АП

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	593	500	547
Разные	174	103	95
Единичные	128	67	64
Устойчивые	461	428	481
Отказы	4	5	2

Таблица 76. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП «гражданин»

После каждого ассоциата (кроме единичных) приводится показатель его частотности, стрелки показывают снижение силы смысловых акцентуаций, знак равенства — равнозначность смысловых акцентуаций внутри рассматриваемой зоны. В комментариях ассоциаты помечены курсивом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Гражданская идентификация державного формата, включая матрицу «свой — чужой»		
Устойчивая часть АП		
СССР 110; Советского Союза 26; России 19; советский 14; Союз 11; республики 9; Страны Советов 5; государство 4; отечества; Россия; РФ; своей страны; СНГ; Советов; Советский Союз 2	России 79; РФ 53; Россия 21; государство 11; СССР 7; россиянин, я 6; государства; Российской Федерации; своей страны 3; нация; родина 2	России 92; РФ 73; Россия 18; государство 10; СССР 6; государства, Советского Союза 5; родина; россиянин 3; своей страны 2
Периферийная часть АП		
Нашей родины; республика; Родина; своего отечества; своей Родины; Союза Советских Социалистических Республик; Союз ССР; я	Государств; моей страны; народ; отечество; РСФСР; русский; свой; Советский Союз	Народ; нации; республика; Родина; Родины; Российской Федерации; федерация
Комментарии к психоглоссам в зоне 1		
<p>При наличии общих ассоциатов во всех трех источниках наблюдается существенная перестройка смысловых акцентов в словарях XXI в., что отражает новый вектор идентификации. В РАС можно выявить такие психоглоссы внутри зоны 1: многократно опережает все смысловые акценты ассоциирование с СССР, на периферии эти акценты усиливаются через единичные реакции, дающие частичную или полную расшифровку аббревиатуры. СССР (158) → Россия (России) (23) → советский (14) → республика (10) → отечество — родина (6) → государство (4) → СНГ (2) → я (1). В СИБАС картина поменялась: Россия (России; РФ) (156) → государство (15) → СССР (9) → Я (моей страны) (7) → россиянин (6) → нация — народ (3) = отечество — родина (3) → русский (1). В ЕВРАС произошли сходные изменения,</p>		

<p>но со своей спецификой: <i>Россия (Росси; РФ) (185) → государство (15) → СССР (11) → родина — отечество (5) → россиянин (3) → народ — нация (2) → республика (1)</i>. Таким образом, за постперестроечное время российский и советский акценты поменялись местами в иерархии смысловых акцентуаций, существенно усилился акцент на государстве, во все периоды сохраняется акцентуация на <i>родине (отечестве)</i>, в словарях XXI в. акцентуируется гражданское единение через ассоциирование с <i>нацией — народ</i>. Это согласуется с общей направленностью новой идентификации на уровне народного единения по отношению к следуютрагну фокусу в АП <i>народ</i> в РАС (см. табл. 5 выше). Идентификационная матрица «свой — чужой» представлена в этой зоне в РАС в виде: свой — наш: <i>своей страны (родины, отечества) — нашей страны, единично — присваивающая роль гражданина реакция я</i>. В СИБАС на первое место выходит <i>я (мое)</i>; затем <i>свой</i>. В ЕВРАС в данной зоне находим только <i>своей страны</i>. В СИБАС и ЕВРАС полностью доминирует идентификация <i>гражданина как российского, россиянина</i>, и этот акцент усиливается через «присваивающие» свою страну личностные ассоциации и через ассоциаты с <i>отечеством и родиной</i>. Ассоциирование с советским гражданством (<i>СССР</i>) уходит на третий план, уступая теме <i>государственности</i>, что, впрочем, согласуется с нашими наблюдениями над АП <i>советский</i>, где отмечается отчуждение от <i>советского</i> прошлого (см. табл. 6 выше).</p>		
<p>Зона 2</p>		
<p>Глобальность гражданской идентификации: гражданство без границ («гражданин мира»)</p>		
<p>Устойчивая часть АП</p>		
Мира 6; вселенной; США 4; Франции 2	Мира 3; США 2	Мира 11; иностранец 3
<p><i>Периферийная часть АП</i></p>		
Америки; во вселенной; галактики; осетин; Швеции	Американец; Братислава; Земля; Испания; Италия; Казахстан; мир; Мозамбика; Южной Осетии; Японии	Еврей; ЕС; мир; Рим; Туркмения; эмигрант
<p>Комментарии к психогlossам в зоне 2</p>		
<p>Акцент на глобальной гражданственности (то есть на мобильности и так называемом космополитизме) был особенно силен в РАС, где он представлен достаточно разнообразно для столь небогатой, по сравнению с другими, смысловой зоны. Это было связано, вероятно, с открытием границ и появлением свобод перемещений для бывших граждан СССР, с волной перестроечной эмиграции, с культивацией в СМИ положительных образов отдельных «граждан мира». На втором месте появляется акцент на гражданстве США (Америки), затем Франция. Ассоциаты — этнонимы и названия</p>		

<p>стран (кроме США и Франции) — во все периоды единичны, показывают локально актуальный контекст, в том числе и в связи с событиями на постсоветском пространстве. В ЕВРАС американский акцент не актуализуется, но акцент на гражданстве мира так же силен, как и в РАС. В СИБАС он существенно ослабевает, здесь лучше разрабатывается периферия, с более широким географическим размахом, в отличие от ЕВРАС, где преобладает европейский акцент, и РАС, где США и Франция.</p>		
<p>Зона 3</p> <p>Качества и чувства гражданина</p>		
<p>Устойчивая часть АП</p>		
<p>Хороший 13; честный 5; гордо; достойный; ответственный; почетный 2</p>	<p>Пагриот 14; законопослушный; честный 4; порядочный 3; свободный; хороший 2</p>	<p>Пагриот 8; личность 5; законопослушный; порядочный; свободный 3; гордость; хороший 2</p>
<p><i>Периферийная часть АП</i></p>		
<p>Безбилетный; бесправный; важный; вежливый; великий; внимательный; воспитанный; высокий; глупо; гордость; гордый; громко; деревянный; добросовестный; злой; известный; истинный; любовь; московский; наглый; невежливый; незнакомый; образцовый; отвращение; очередной; полнокровный; принципиальный; равнодушный; серьезный; скромный; такой-то; толстый; убегающий; умный; худой; честность; честь; чинный; что-то туманное</p>	<p>Гражданский; добропорядочный; личность; немолодой; послушный; посторонний человек; потерпевший; сознательный</p>	<p>Вежливый; верность; верный; вспылчивый; гордо; добропорядочный; неуместный; ответственность; отчество; полноправный; примерный; проживающий</p>

Комментарии к психоглоссам в зоне 3				
<p>Зона 3 не отличается стабильностью. Только одна ассоциация <i>хороший</i> присутствует во всех трех источниках, при этом с первых позиций в РАС (<i>хороший</i> 13) она переместилась на границу с периферией (<i>хороший</i> 2) в ЕВРАС и СИБАС. В отношении других ассоциатов в зоне 3 наблюдается частичное и всегда слабое совпадение смысловых акцентов то в РАС и СИБАС, то в РАС и ЕВРАС, то в СИБАС и ЕВРАС. Последние два источника при этом все же имеют больше сходств. Зона 3 наиболее экстенсивно разработана в РАС, в ее устойчивой части выявляется позитивный образ носителя гражданственности, это <i>хороший, честный, достойный, ответственный</i> человек и звание гражданина звучит <i>гордо</i>. Мотив <i>чести и честности</i> акцентируется и на периферии. Однако образ качеств гражданина в РАС противоречив, в нем намечаются оппозиции: <i>ответственность — равнодушие, обращение; гордость и достоинство — дестравиве; ум — глупость; а вежливость и воспитанность — злость, наглость и невежливость</i>. Это, вероятно, отражает опыт снятия культурных табу и последовавшее за этим внедрение (само)разоблачающих дискурсивных практик в СМИ. В региональных новейших базах, наоборот, появляются общие, хотя и слабоустойчивые, смыслы: <i>патриот — законопослушный — порядочный — свободный — хороший</i>. Есть совпадения и в единичных реакциях: <i>добропорядочный, личност (личность в ЕВРАС актуализируется как устойчивый ассоциат — 5)</i>. Остальные ассоциации различаются и в этих источниках. Заметно снижение (по сравнению с РАС) негативных акцентуаций, выраженных разными вербальными единицами в ЕВРАС и СИБАС, не совпадающих по значениям, при этом они все носят мягко оценочный ситуативный, а не обобщающе стереотипный (ярлыковый или брутальный) характер — <i>потерпевший, немолодой</i> в СИБАС и <i>неуместный, вспыльчивый</i> в ЕВРАС.</p>	<p style="text-align: center;">Зона 4</p> <p style="text-align: center;">Роли, права и функции гражданина</p> <p style="text-align: center;">Устойчивая часть АП</p> <table border="1" data-bbox="691 143 798 1485"> <tr> <td data-bbox="696 1053 792 1485">Товарищ 42; начальник 38; человек 28; следователь 7; милиционер 6; гражданин 4; житель; мужик; поэт 2</td> <td data-bbox="696 590 792 1045">Человек 51; начальник 48; товарищ 11; житель 5; права 4; дурак 3; гражданка; закон; мент; политика; порядок; субъект 2</td> <td data-bbox="696 143 792 582">Начальник 74; человек 51; товарищ 12; личность 5; житель 4; гражданка 3; права; право 2</td> </tr> </table>	Товарищ 42; начальник 38; человек 28; следователь 7; милиционер 6; гражданин 4; житель; мужик; поэт 2	Человек 51; начальник 48; товарищ 11; житель 5; права 4; дурак 3; гражданка; закон; мент; политика; порядок; субъект 2	Начальник 74; человек 51; товарищ 12; личность 5; житель 4; гражданка 3; права; право 2
Товарищ 42; начальник 38; человек 28; следователь 7; милиционер 6; гражданин 4; житель; мужик; поэт 2	Человек 51; начальник 48; товарищ 11; житель 5; права 4; дурак 3; гражданка; закон; мент; политика; порядок; субъект 2	Начальник 74; человек 51; товарищ 12; личность 5; житель 4; гражданка 3; права; право 2		

<i>Периферийная часть АП</i>		
Альпинист; герой; дядька; женщина; закон; и закон; и милиционер; инспектор; интеллигент; и человек; как гражданин; личность; мужчина; обязан; обязанность; подносок; право; представитель страны; собрат; соратник; спортсмен; субъект; товарищ-барин; управдом; фининспектор; царь; человек без лица; человек в трамвае; чувак; это людь	Барин; быть обязан; вправо; горожанин; гражданство; демократия; долг; житель страны; и поэт; личность; мужик; мужчина; незнакомец; не поэт; обмен; общественник; объект; обыватель; обязан; отец; посторонний человек; поэт; право; пришелец; прохожий; совесть; сударь	Армия; долг; закон; индивид; камрад; мент; милиционер; обыватель; обыденность; один из многих; оборона; отшельник; официальность; полноправный член страны; права и обязанности; правительство; рабочий; свобода; семьянин; сосед; чувак
Комментарий к психоглоссам в зоне 4		
<p>В зоне 4 наблюдается заметная устойчивость во времени. Так, во всех трех источниках находим устойчивые ассоциации <i>товарищ, начальник, человек, гражданка, житель</i>. В разное время они сохраняют интенсивность, при характерных перемещениях относительно друг друга в каждом источнике. Так, <i>товарищ</i> теряет со временем первые позиции и акцентируется в несколько раз слабее в новых региональных словарях. В этих словарях отмечается некоторое усиление акцента на <i>законе, праве и правах</i> гражданина за счет внедрения <i>права и права</i>, а в СИБАС еще и <i>закон</i> в устойчивую часть зоны и экстенсивное усиление этих смыслов на периферии. Ср. также аналогичный процесс с <i>законопослушный</i> в зоне 3. В ЕВРАС отмечается также некоторое усиление личностного акцента (<i>личность</i> с частотой 5 входит в ядро зоны 4). Вероятно, имеет смысл говорить о личностно-правовом акценте при сопоставлении показателей зоны 4 с другими словесными акцентуациями АП <i>гражданин</i>. Во всех источниках устойчиво активированы смыслы, связанные с гражданскими взаимодействиями в криминальной сфере (в зоне 4 номинируются и роли и формы обращения, типичные для этой сферы); в РАС: <i>начальник 38; следователь 7; милиционер 6</i> и др. В СИБАС: <i>начальник 48; мент 2</i> и пр.; ЕВРАС: <i>начальник 74; мент, милиционер 1</i>. Во всех источниках наблюдается ассоциация с проблемностью сферы обращения гражданина друг к другу, что фиксирует прошедшее после передела собственности заново расслоение общества на разные сословно-классовые слои: РАС — <i>товарищ-барин; товарищ; чувак; СИБАС: товарищ; барин; сударь; ЕВРАС: товарищ, камрад, чувак</i>. Во всех словарях находим ассоциацию-дефиниции отстраненно-рефлексивного плана: РАС — <i>субъект; СИБАС: субъект; объект</i> и др.; ЕВРАС: <i>индивид; официальность</i> и др. Слабо активируются (через единичные реакции) связи с профессиональными (РАС) и семейными ролями. РАС: <i>альпинист, спортсмен; СИБАС: отец; ЕВРАС: семьянин</i> и др. Некоторые ассоциации показывают роли бытовой сферы: <i>управдом, общественник,</i></p>		

<p><i>обыватель</i> и пр. В зоне 4 мы также выделяем ассоциации с обязанностями граждан и сферами применения гражданских прав и обязательств: <i>обязан, быть обязан, политика, армия, оборона</i> и др. Мотив <i>обязанности</i> гражданина перифериев, крайне слабо актуализирован в зоне, уступает акценту на правах. Негативные ассоциации также периферийны (за исключением двух ассоциатов в СИБАС) и не меняют общей нейтрально-позитивной картины.</p>	
<p>Зона 5</p>	
<p>Локации (периоды времени и места, где релевантны гражданские роли и само обращение «гражданин»), внешние атрибуты гражданства</p>	
<p>Устойчивая часть АП</p>	
Страны 35; паспорт 9; страна 6; магазин; общество 2	Страны 24; страна 23; паспорт 14; общество 3
<p><i>Периферийная часть АП</i></p>	
В транспорте; граница; и паспорт; конституция; митинг; нашего города; перестройка; себя; села; семья	Город; города; милиция; полиция
<p>90-е; Воронеж; митинг; общество; суд</p>	
<p>Комментарии к психоглоссам в зоне 5</p>	
<p>Зона 5 характеризуется относительной стабильностью (по показателям наполняемости и по составу) во времени. В ее устойчивой части повторяются одни и те же единицы во всех словарях: <i>страны, страна, паспорт, общество</i>, в региональных базах на границе с периферией (а в РАС на периферии) <i>город</i>. Периферия в РАС наиболее экстенсивна по сравнению с новейшими источниками, где количество единичных реакций очень мало. В РАС периферия наполнена ассоциатами, характерными для гражданских проблем эпохи перестройки, в устойчивой части здесь находим ассоциат <i>магазин</i>, который также характерен для перестроечных проблем, как индикатор места, где гражданам приходилось часто выяснять отношения.</p>	
<p>Зона 6</p>	
<p>Иное (персоналии, прецедентные тексты, внешний вид, разговорные клише, обращения и пр.)</p>	
<p>Устойчивая часть АП</p>	
В шляпе 6; Маяковский; пройдемте 3; Иванов; Кейн 2	Маяковский 3
<p>НЕТ ДАННЫХ</p>	

<i>Периферийная часть АП</i>		
<p>Васёк; Ватсон; в брюках; В. Маяковский; вы не правы; Гадокин; газета; из Сан-Франциско; дядя Стёпа; если с кошельком; «Ж»; идет; икс; карантин; кожаное пальто; кусок; Лёшка; момент; мужайся; мусор; Никаноров; ноль; один; пройдемте!; разрешите пройти; слова; смех; стойте; стоять; строчки из стих. Маяковского; умел; упал; фонарик; хотеть; Чернышевский; Шарапов</p>	<p>В клеточку; дядя Стёпа; из штанин; Кейн; Климов; мода; не повезло; обезьяна; принадлежит; С. Есенин; унитаз; хвост</p>	<p>420; cüitzen; все; история; Кейн; нет; Попов; пример; приставал; пустота; Сидоров; тип того; цилиндр</p>
Комментарии к психоглоссам в зоне 6		
<p>Зона 6 самая неустойчивая во времени, ее количественные показатели и качественное наполнение отличаются в разных источниках. Наибольшую разработку она получает в РАС, в это время актуализуются типичные для общения граждан глагольно-императивные формы обращения в типовых ситуациях выяснения отношений между собой. Наблюдается ассоциирование с персонажами популярных сериалов (как советских, так и зарубежных), штампами, символизирющими внешний вид персонажей и обывателей в типовых ситуациях. Во всех источниках есть либо прямые либо косвенные ассоциации со стихами В. Маяковского, С. Михалкова. Ощутимо специфичное для каждого периода времени влияние СМИ и Интернета на формирование зоны 6. Литературные ассоциации богаче в РАС. Негативные ассоциаты в зоне 6 не несут сколько-нибудь унифицированного характера, они разные в разных источниках. Некоторые амбивалентны или имеют условно негативную семантику, как маркер отрицательного персонажа (<i>Гадюкин</i>).</p>		

Таблица 7в. Статистика интенсивности семантических зон АП «гражданин» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Гражданская идентификация державного формата, включая матрицу «свой — чужой»		
45,98 % <i>6,25 %</i>	45,79 % <i>11,94 %</i>	45,11 % <i>10,93 %</i>
Зона 2		
Глобальность гражданской идентификации: гражданство без границ («гражданин мира»)		
3,47 % <i>3,9 %</i>	1,16 % <i>14,92 %</i>	2,91 % <i>9,37 %</i>
Зона 3		
Качества и чувства гражданина		
5,63 % <i>30,46 %</i>	6,77 % <i>11,94 %</i>	5,4 % <i>18,75 %</i>
Зона 4		
Роли, права и функции гражданина		
28,41 % <i>23,43 %</i>	31,3 % <i>40,29 %</i>	26,81 % <i>32,81 %</i>
Зона 5		
Локации (периоды времени и места, где релевантны гражданские роли и само обращение «гражданин»), внешние атрибуты гражданства		
12,14 % <i>7,81 %</i>	14,95 % <i>7,76 %</i>	15,17 % <i>9,47 %</i>
Зона 6		
Иное (персоналии, прецедентные тексты, внешний вид, разговорные клише, обращения и пр.)		
3,47 % <i>28,12 %</i>	0 % <i>17,91 %</i>	0,62 % <i>20,31 %</i>

Таблица 7г. Психоглоссы интенсивности
в ядре и на периферии АП «гражданин»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак = маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** начертанием (**свыше 30 %**); **жирным курсивом** — **свыше 20 %**; *курсивом* — *не менее 10 %* от общего числа устойчивых реакций.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «гражданин»		
Зона 1 → зона 4 → зона 5 → зона 3 → зона 2 = зона 6	Зона 1 → зона 4 → зона 5 → зона 3 → зона 2	Зона 1 → зона 4 → зона 5 → зона 3 → зона 2 → зона 6
<i>Периферия АП «гражданин»</i>		
Зона 3 → зона 6 → зона 4 → зона 5 → зона 1 → зона 2	Зона 4 → зона 6 → зона 2 → зона 3 = зона 1 → зона 5	Зона 4 → зона 6 → зона 3 → зона 1 → зона 5 → зона 2

Комментарии к Таблице 7г

Психоглоссы интенсивности в ядре АП *гражданин* во многом совпадают во всех источниках по направленности акцентуаций. Наиболее интенсивно активированы смысловые зоны, которые в большей степени детерминируются внешними факторами и наименее зависят от субъективных ощущений. Это зона 1 — ассоциирование с державным форматом, включая матрицу «*свой — чужой*» (присвоение гражданства *своей* страны); зона 4 — роли, права и функции гражданина; с меньшей интенсивностью, но весьма активно — зона 5, включающая локации (периоды времени и места, где релевантны гражданские роли и само обращение «гражданин»), внешние атрибуты гражданства. В этих зонах (особенно в новых ассоциативных базах) акцентируется запрос на *свое отечество* и *свою страну* со слабым, но актуализирующимся вектором на *лично-правовую гражданскую* ориентацию. Менее подкрепленные собственным жизненным опытом (как зона 2, связанная с глобальностью гражданской идентификации) и в большей мере зависящие от индивидуально-субъективного опыта смысловые зоны (как зона 3 — качества и чувства гражданина; и тем более зона 6 — персоналии, прецедентные тексты и пр.) слабо актуализуются в устойчивой части. Их интенсификация достигается за счет периферии, где появляется соответствующий спектр единичных реакций. Обращает на себя внимание тот факт, что зона 4 показывает высокую интенсивность, как за счет устойчивости реакций, так и за счет периферии. Это одна из самых разработанных смысловых зон и в ядре, и на периферии, ее суммарная интенсивность возрастает с течением времени, в региональных словарях, зона 4 становится ярче по отношению к другим смыслам, чем это было в РАС. Самая интенсивная зона 1 также усиливает свои суммарные интенсивные показатели за счет разработки периферии в СИБАС и ЕВРАС. Эти процессы могут свидетельствовать об общей, в базисе нейтрально-позитивной, направленности гражданской идентификации. Последняя, однако, нуждается в социальной детерминации в связи со слабостью лично-правовой доминанты на фоне расшатанности социокультурной и цивилизационной идентификации, которая сопряжена с усилением ответственности, обязательств перед страной-цивилизацией.

Таблица 7д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «гражданин»

Указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне; из них *курсивом* % на периферии.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	0 %	0 %	0 %
Зона 2	0 %	0 %	0 %
Зона 3	13,84 % <i>13,84 %</i>	5,4 % <i>5,4 %</i>	5,26 % <i>5,26 %</i>
Зона 4	2,48 % <i>2,48 %</i>	4,34 % <i>1,24 %</i>	1,3 % <i>1,3 %</i>
Зона 5	0 %	0 %	0 %
Зона 6	7,69 % <i>7,69 %</i>	8,33 % <i>8,33 %</i>	12,5 % <i>12,5 %</i>

Таблица 7е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «гражданин»

Курсивом выделены зоны с интенсивностью *не ниже 10 %*, все остальные — ниже 10 %.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
<i>Зона 3 → зона 6 → зона 4</i>	<i>Зона 6 → зона 3 → зона 4</i>	<i>Зона 6 → зона 3 → зона 4</i>

Комментарии к Таблице 7е

Негатив актуализируется очень слабо. Он присутствует, прежде всего, в зонах, показывающих большую зависимость от субъективно оценочного опыта. Это зоны 6 и 3. Совсем слабо он представлен в зоне 4, где оцениваются роли, права и функции гражданина. Учитывая высокую интенсивность этой зоны, суммарный негативный акцент представляется ничтожно малым даже в СИБАС, где негативно-оценочные ассоциаты фиксируются в устойчивой части. Во всех остальных зонах (1, 2 и 5) негативно-оценочные смыслы отсутствуют.

Таблица 7ж. Статистика экстенсивности семантических зон АП «гражданин»

Учитывается количество разных вербальных единиц, фиксирующих сходные смыслы в % от общего количества разных реакций в АП и поштучно.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	23 (13,21 %)	20 (19,41 %)	17 (17,89 %)
Зона 2	9 (5,17 %)	12 (11,65 %)	20 (21 %)
Зона 3	45 (25,86 %)	14 (13,59 %)	19 (20 %)
Зона 4	39 (22,41 %)	39 (37,86 %)	29 (30,52 %)
Зона 5	16 (9,19 %)	8 (7,76 %)	9 (9,47 %)
Зона 6	41 (23,56 %)	12 (11,65 %)	14 (14,73 %)

Таблица 7з. Психоглоссы экстенсивности
смысловых зон АП «гражданин»

Самые насыщенные разнообразием (**свыше 30 %** от общего количества разных реакций в АП) выделены **жирным** начертанием, менее экстенсивные (**свыше 20 %**) — **жирным курсивом**; курсивом — **свыше 10 %**; остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 3 → зона 6 → зона 4 → зона 1 → зона 5 → зона 2	Зона 4 → зона 1 → зона 3 → зона 2 = зона 6 → зона 5	Зона 4 → зона 2 → зона 3 → зона 1 → зона 6 → зона 5

Комментарии к Таблице 7з

Наибольшее разнообразие ассоциаций показывают те зоны, которые разрабатываются преимущественно за счет периферии (зоны 3 и 6), а также активная в обеих частях АП зона 4. Характерно, что в новых региональных базах она заметно усиливает свою экстенсивность по отношению к другим зонам. В этих источниках получает дополнительное подкрепление экстенсивностью и самая устойчивая во времени зона 1. Очень слабо представленная в устойчивой части зона 2 получает в несколько раз большую (по сравнению с параметрами РАС) экстенсивную разработку. Вероятно, это следует рассматривать как показатель несформированности новых доминантных смыслов в этой зоне, связанной с гражданской идентификацией в глобальном измерении, на фоне снижения волны перестроечной эмиграции и постепенного изменения роли новой России в мире. Анализ соотношения интенсивности негативно-оценочных смыслов с экстенсивностью зон показывает, что получившие самую экстенсивную разработку в РАС показали и соответствующую насыщенность негативно-оценочными смыслами. Направленность психоглосс экстенсивности здесь совпадает с направленностью психоглосс негативной оценочности, это свидетельствует о неустойчивости негативных акцентуаций, их индивидуально-субъективной разнородности в АП *гражданин*. В региональных источниках нового времени слабо выраженный негатив также актуализируется в тех зонах, которые получают экстенсивную разработку. Вектор психоглосс экстенсивности здесь имеет противоположную направленность вектору негативной оценочности. Учитывая малые величины и периферийность негатива в СИБАС и особенно в ЕВРАС, можно констатировать, что общая картина соотношения психоглосс экстенсивности и негативных реакций в АП региональных баз мало (только в мелких нюансах) отличается от РАС.

**Сравнительный анализ АП «образование»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС**

Таблица 8а. Общая структура и наполнение АП

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Общее количество реакций	102	504	542
Разные	22	138	110
Единичные	14	103	69
Устойчивые	88	394	469
Отказы	0	7	4

Таблица 8б. Смысловые зоны и их состав в устойчивой и периферийной частях АП «образование»

После каждого ассоциата (кроме единичных) приводится показатель его частотности, стрелки показывают снижение силы смысловых акцентуаций, знак равенства — равнозначность смысловых акцентуаций внутри рассматриваемой зоны. В комментариях ассоциаты помечены курсивом.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Ступени, организационные формы образования, атрибуты, субъекты процесса		
Устойчивая часть АП		
Высшее 60; среднее 9; школа 5; институт 4	Высшее 215; университет 16; школа 15; ВУЗ 11; институт 8; среднее 7; диплом 5; НГУ 4; политех 3; филологическое 2	Высшее 244; школа 18; вуз 16; диплом 12; университет 11; среднее 9; институт 8; полное; СГУ 4
<i>Периферийная часть АП</i>		
Книги; министерство; начальное; психолог; ЭВМ	11 классов; 4 года; АГУ; в академии; в институте; второе; ВУ; в школе; высшая; вышка; годами; ДВГУ; есть; ИрГТУ; КемГУКИ; маган; математический; общее; поездка; полное; преподы; программирование; ПТУ; сессия; средние; стопка книг; студент; студента; студентка; студ; ТГУ; универ; учебное; учебное заведение; ученая степень; ученик; учитель; ЧГМА; школьное; экзамены; экономическое	Аттестат; БелГУ; ботаник; ВГУ; военное; высшая; высшая ступень; Кембридж; книги; коммерческое; МГУ; медицина; медицинское; министерство; младшее; Москва; начальное; оконченное; пед; получил; российский; студент; УдГУ; универ; филологическое; юрист

Комментарии к психоглоссам в зоне 1	
<p>Во все периоды времени зона 1 занимает доминирующее положение, она включает в себя большинство устойчивых реакций и существенную часть (свыше 30 %) единичных реакций. Таким образом, зона 1 высокоинтенсивна и устойчива за счет смыслового каркаса, фиксирующего основные ступени образования и соответствующие им категории наименований: <i>высшее</i> (естественным образом преобладает в нашей категории испытуемых) — <i>среднее</i> — <i>школа</i>. Наполнение зоны 1 в РАС характеризует устойчивый образ советской системы, в которой в высшем звене образования имелись ведущие университеты с фундаментальной ориентацией образовательных программ, но в массе своей доминировали более приближенные к прикладным профессиональным задачам <i>институты</i>, многие из которых позднее в эпоху перестройки были переименованы в университеты; просматривается оппозиция: <i>начальное</i> — <i>среднее</i> — <i>высшее</i>, на периферии обозначены атрибуты времени перестройки, когда началось массовое внедрение <i>ЭВМ</i>, с постепенным его включением в образовательную практику наряду с традиционным источником информации — <i>книгами</i>. Для перестройки был также характерен акцент на психологическом аспекте образовательной деятельности. В ЕВРАС и особенно в СИБАС наблюдается разработка понятия о ступенях и организационных формах образования, что связано с его бюрократизацией, распадом прежней единообразной системы, ее усложнением за счет многообразия новых организационных форм, акцентами на статусно-рейтинговой системе. Сохранена базовая оппозиция <i>среднего</i> и <i>высшего</i>, при этом подробно разрабатывается понятие высшего образования (<i>институт, университет</i> с многочисленными локальными вариантами, <i>академия</i> и др.). В СИБАС (за счет периферии) более подробная разработка с учетом всех ступеней среднего, высшего и поствысшего. В обеих региональных базах устойчиво выявляется акцент на законченности, <i>полноте</i> образования с его материализованным формальным результатом (<i>диплом</i>). В СИБАС преобладают ассоциаты, вербализующие оппозицию: <i>школа</i> — <i>вуз</i>; в ЕВРАС помимо этой оппозиции слабо намечается на периферии оппозиция: <i>российское образование</i> — <i>зарубежное (Кембридж)</i>.</p>	<p style="text-align: center;">Зона 2</p> <p>Толкование понятия об образовательной деятельности, качествах, востребованных ею и формируемых в ней</p>
<p>Учение 4; обучение 2</p>	<p style="text-align: center;">Устойчивая часть АП</p> <p>Учеба 19; знание 9; будущее; наука 7; знания; ум 5; работа 4; получено; получить; умный; учение; учить 3; возможность; интеллект; карьера; получить 2</p> <p>Учеба 19; знание; наука 10; ум 9; знания 8; будущее; жизнь; учение 4; карьера; получить 3; время; интеллект; образованность; обучение; путь; статус; умный 2</p>

<i>Периферийная часть АП</i>	
Наука; ум; учеба	<p>Будущие; выучка; деятельность; закончить; книги; культура; культурность; личность; мозг; навык; обучение; перспективы; просвещение; профессиональное; профессия; профильность; разум; самообразование; специальность; стимул; труд; упорство; учиться; цель</p> <p>Комментарии к психоглоссам в зоне 2</p> <p>В РАС ассоциативный фон демонстрирует предельно кратко концентрировано установок на процесс: <i>учение, обучение, учеба</i>; объект изучения: <i>наука</i>; и свойство человека, востребованное в таком процессе: <i>ум</i>. В региональных источниках нового века все эти единицы сохранились и многократно укрепили свои позиции (преимущественно в ядре зоны 2). При этом удельный вес ядерной, устойчивой части в зоне 2 очень существенно возрос. Появились новые устойчивые акценты на <i>знании, будущем, карьере, интеллекте, на получении образования, работе, возможности (СИБАС)</i>; а также <i>статусе, пути, жизни, времени (ЕВРАС)</i>. Таким образом, у языковой личности нового поколения россиян образование устойчиво включено в проект жизни, в образ проектируемого будущего. Эти акценты разрабатываются и на периферии зоны 2. В СИБАС особенно: <i>профессия, перспективны, специальность, труд, деятельность, культура</i> и т. п. ЕВРАС: <i>воспитание, дело, моя жизнь, опыт, этап</i> и т. п.</p>
Зона 3	
Позитивные оценки (ожидания и мотивы, установки на обретение)	
Устойчивая часть АП	
Нужно 2	<p>Нужно; хорошее 5; свет 4; необходимо; необходимость 3; важно; лучше; надо 2</p> <p>Хорошее 10; нужно 6; лучше; необходимо 4; польза 3; важное; качественное; лучше; надо; отличное; хорошо 2</p>

<i>Периферийная часть АП</i>	
Высокий; выше среднего; одно из главных	Всё; высокое; гордость; добро; долг; круто; надежда; нужная вещь; обязательно; обязательное; превыше; прогресс; радость; рост; сила; стремное; универ, хорошо; чудо; шаг вперед; шанс
	Важно; важность; дар; необходимость; нужное; обязательно; разностороннее; свет; супер; хочется; честь
Комментарии к психогlossам в зоне 3	
<p>Во всех словарях акцент на нужности образования, причем высшего. Во всех источниках есть акцент на позитивных установках в связи с будущим обретением образования. В региональных базах усиливается разработка зоны 3 за счет многообразного усиления акцентов на нужности и необходимости, а также качестве образования. При этом в СИБАС лидирует по устойчивости акцент на <i>необходимости</i> и <i>обязательности</i> образования, затем идет акцентуация на его качестве: <i>хорошее</i>, <i>лучшее</i> и пр. В ЕВРАС, наоборот, сильнее выражен акцент на качестве образования, его необходимость акцентируется несколько слабее. При этом образование ассоциируется с такими позитивными и социально значимыми явлениями, как: <i>свет</i>, <i>гордость</i>, <i>долг</i>, <i>надежда</i>, <i>прогресс</i>, <i>радость</i>, <i>рост</i>, <i>сила</i>, <i>шанс</i> и даже <i>чудо</i> (СИБАС); <i>польза</i>, <i>дар</i>, <i>важность</i>, <i>свет</i>, <i>честь</i> (ЕВРАС). Среди единичных реакций имеются личностно окрашенные и эмоциональные: <i>круто</i>, <i>стрёмное</i> (СИБАС) и <i>супер</i>, <i>хочется</i> (ЕВРАС). В процентном отношении интенсивность устойчивой части выросла в новых словарях в несколько раз, периферия же сохраняет свою интенсивность во времени, однако она (как и ядро) существенно лучше разработана экстенсивно в региональных базах нового времени. Таким образом, позитивные установки, мотивы и ожидания российского общества в связи с образованием не только не уменьшились, но и усилились со временем.</p>	
Зона 4	
Оппозиция: «платное — бесплатное»	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	Платное 3
	Платное 4; деньги 3
<i>Периферийная часть АП</i>	
НЕТ ДАННЫХ	Бесплатное
	Бесплатно; бесплатное; дорогое; платить

Комментарии к психоглоссам в зоне 4	
Данная оппозиция характерна только для региональных словарей нового времени, она ярче выражена в ЕВРАС. При этом акцент на <i>платности</i> (в противовес <i>бесплатности</i>) выражен сильнее в обоих словарях.	
Зона 5	
Негативные оценки (ожидания, мотивы и эмоции)	
Устойчивая часть АП	
Плохое 2	Плохое 5; нет 3
<i>Периферийная часть АП</i>	
Нет; очковирательство	Дурь; зло; наказание; недоступно; одиночество; плохое; псевдообразование; сдал и забыл; смерть; стресс; чужое
	В упадке; гибнет; дурак; дураки; посредственное; развалено; скудное; тщетно
Комментарии к психоглоссам в зоне 5	
В РАС негативно-оценочная зона (зона 5) почти равновесна позитивной (зона 3) с преобладанием последней за счет периферии. Как интенсивность, так и экстенсивность зоны 5 в новых региональных словарях существенно уступает (в несколько раз) соответствующим показателям зоны 3. В отличие от зоны 3, зона 5 не имеет устойчивых ассоциатов в СИБАС, в ЕВРАС устойчивая часть зоны 5 очень слаба. Все это позволяет говорить о <i>доминировании позитивно-оценочных акцентов</i> в АП образование. С содержательной стороны оценочные ассоциаты в зоне 5 можно поделить в новых словарях на диагностические (<i>недоступно, псевдообразование</i> и др. в СИБАС; <i>посредственное</i> и др. в ЕВРАС) и эмоционально-личностные (<i>дурь, наказание, стресс</i> и др. в СИБАС; <i>развалено, в упадке</i> и др. в ЕВРАС). Только одна ассоциация с неустойчивой частотой встречается во всех трех источниках — <i>плохое</i> .	
Зона 6	
Прочие (персоналии или другие значения слова)	
Устойчивая часть АП	
НЕТ ДАННЫХ	НЕТ ДАННЫХ

<i>Периферийная часть АП</i>	
Союза	Джо; Жириновского; правительство; самовар; сгусток; Фурсенко
	Зарождение; нарост; облака; плода; редко; сходство
Комментарии к психоглоссам в зоне 6	
<p>Зона 6 представлена исключительно единичными реакциями. Только 2 ассоциата-персоналии — политик (<i>Жириновского</i>) и чиновник, бывший министр образования (<i>Фурсенко</i>) — отмечены в СИБАС и могут быть отнесены к смысловому полю образования в силу причастности упомянутых персон к власти. Остальные ассоциаты представляют другие значения слова. Сама по себе низкая интенсивность зоны 6 свидетельствует об иерархии актуальности отмеченных у слова «образование» значений в пользу системы просвещения.</p>	

Таблица 8в. Статистика интенсивности семантических зон АП «образование» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)

Данные по ядру каждой зоны показаны **жирным** начертанием, периферии — *курсивом*.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1		
Ступени, организационные формы образования, атрибуты, субъекты процесса		
88,63 % <i>35,71 %</i>	72,58 % <i>39,8 %</i>	69,5 % <i>37,68 %</i>
Зона 2		
Толкование понятия об образовательной деятельности, качествах, востребованных ею и формируемых в ней		
6,81 % <i>21,42 %</i>	20 % <i>23,3 %</i>	18,76 % <i>18,84 %</i>
Зона 3		
Позитивные оценки (ожидания и мотивы, установки на обретение)		
2,27 % <i>21,42 %</i>	6,59 % <i>20,38 %</i>	8,31 % <i>15,94 %</i>
Зона 4		
Оппозиция: платное — «бесплатное»		
НЕТ <i>НЕТ</i>	0,76 % <i>0,97 %</i>	1,49 % <i>5,79 %</i>
Зона 5		
Негативные оценки (ожидания, мотивы и эмоции)		
2,27 % <i>14,28 %</i>	НЕТ <i>10,67 %</i>	1,7 % <i>11,59 %</i>
Зона 6		
Прочие (персоналии или другие значения слова)		
НЕТ <i>7,14 %</i>	НЕТ <i>5,82 %</i>	НЕТ <i>8,69 %</i>

Таблица 8г. Психоглоссы интенсивности
в ядре и на периферии АП «образование»
в РАС, СИБАС и ЕВРАС

Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак = маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены **жирным** начертанием (**свыше 30 %**); **жирным курсивом** — **свыше 20 %**; курсивом — **свыше 10 %** от общего числа устойчивых (в ядре) и единичных (на периферии) реакций.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Ядро АП «образование»		
Зона 1 → зона 2 → зона 3 = зона 5 → зона 4 = зона 6 = 0	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 5 = зона 6 = 0.	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 → зона 4 → зона 6 = 0
<i>Периферия АП «образование»</i>		
Зона 1 → зона 2 = зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4 = 0	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 = зона 6 → зона 4	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4

Комментарии к Таблице 8г

В устойчивой части АП «образование» наблюдается довольно большое сходство психоглосс (в плане их общей направленности) во времени при сравнении трех источников. Основное различие сводится к соотношению позитивно- и негативно-оценочных смысловых зон. Если в РАС они уравновешены в количественном выражении, то в СИБАС и ЕВРАС наблюдается повышение значимости позитивно-оценочной зоны с соответствующим снижением веса негативно-оценочной зоны. Зона 4 (оппозиция «платное — бесплатное») и зона 6 (преимущественно иные значения слова, не относящиеся к сфере просвещения) актуальны только для региональных баз и имеют в них очень маленький удельный вес, разрабатываясь при этом на периферии, и даже там, в количественном выражении, они стремятся к нулю.

Таблица 8д. Негативно-оценочная нагруженность зон
в АП «образование»

Указывается процентная доля негативно-оценочной зоны (зона 5) от общего количества реакций в АП; из них процентная доля зоны на периферии и процентная доля от общего количества разных реакций.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 5	всего в зоне 4	всего в зоне 11	всего в зоне 16
Из них разных	3	11	8
Из них на периферии	2	11	10
Общее количество реакций в АП	102 (100 %)	504 (100 %)	542 (100 %)
процентная доля зоны 5	3,92 %	2,18 %	2,95 %
Общее количество разных реакций	22 (100 %)	138 (100 %)	110 (100 %)
процентная доля зоны 5	3 (13,63 %)	11 (7,97 %)	10 (9 %)
Общее количество единичных реакций	14 (100 %)	103 (100 %)	69 (100 %)
процентная доля зоны 5	2 (14,28 %)	11 (10,67 %)	8 (11,59 %)

Таблица 8е. Психоглоссы негативной оценочности
в АП «образование»

Ослабление негативно-оценочной зоны по отношению к перестроечным показателям:

РАС → ЕВРАС → СИБАС

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
общее количество зона 5 (3,92 %) →	← Зона 5 (2,18 %) →	← Зона 5 (2,95) %
экстенсивность зона 5 (13,63 %) →	← Зона 5 (7,97 %) →	← Зона 5 (9 %) →
периферия зона 5 → (14,28 %)	← Зона 5 → (10,67 %)	← Зона 5 (11,59 %)

Комментарии к *Таблице 8е*

Негативно-оценочные ассоциаты показывают чрезвычайно малую интенсивность по отношению к общему количеству ассоциатов в АП. При этом в региональных новых словарях их интенсивность снижается. Экстенсивность разработки негативно-оценочных смыслов (по отношению к общему количеству разных ассоциатов) также мала, однако она ярче выражена, чем интенсивность, что говорит о слабой устойчивости этого типа ассоциаций. Именно потому показатели представленности негативно-оценочных смыслов на периферии (среди единичных реакций) выше, чем в предыдущих способах оценки. При этом все показатели демонстрируют заметное снижение в пост-перестроечных материалах новых региональных словарей. ОБРАЗОВАНИЕ может рассматриваться как устойчиво положительный, ассоциирующийся с позитивными ожиданиями молодых людей образ, в **языковом сознании нового поколения россиян образование устойчиво включено в проект жизни, в образ проектируемого будущего.**

Таблица 8ж. Статистика экстенсивности семантических зон АП «образование»

Учитывается количество разных вербальных единиц, фиксирующих сходные смыслы в % от общего количества разных реакций в АП и поштучно.

Структура АП	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1	9 (40,9 %)	51 (36,95 %)	35 (31,81 %)
Зона 2	5 (22,72 %)	40 (28,98 %)	30 (27,27 %)
Зона 3	4 (18,18 %)	29 (21 %)	22 (20 %)
Зона 4	НЕТ (0 %)	2 (1,44 %)	6 (5,45 %)
Зона 5	3 (13,63 %)	11 (7,97 %)	10 (9 %)
Зона 6	1 (4,54 %)	6 (4,34 %)	6 (5,45 %)

Таблица 8з. Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «образование»

Самые насыщенные разнообразием (**свыше 30 %** от общего количества разных реакций в АП) выделены **жирным** начертанием, менее экстенсивные (**свыше 20 %**) — **жирным курсивом**; курсивом — **свыше 10 %**; остальные содержат менее 10 % разных вербальных единиц.

РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 5 → зона 4 = зона 6

Комментарии к Таблице 8з

Структура АП «образование» в своих доминирующих смысловых зонах представляется относительно устойчивой во времени. Наиболее значимые флуктуации касаются отмеченных выше соотношений негативно-оценочных и позитивных смыслов, а также нововведений рыночного порядка. Однако эти флуктуации не изменили общей оптимистичной смысловой направленности рассматриваемого АП в ассоциативно-вербальной сети, даже усилив ее в новом веке. Это говорит о высоком уровне психологической готовности молодого человека предпринимать усилия к обретению образования, о связанных с ним больших надеждах в период первичной профессиональной социализации, то есть о востребованности образования, о сохранении и даже усилении его значимости в проекте будущей жизни молодых людей.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автостереотип 14, 31, 35, 37, 38, 42, 44, 46, 55, 89
антропоморфные системы 178
активация, актуализация 9, 18, 19, 24, 26, 29, 30, 37–39, 41, 42, 44, 48, 61, 64, 69, 86, 89, 95, 100, 103, 104, 112, 116, 124, 132, 134, 149, 150, 159, 161, 167, 169, 178, 183, 185, 187, 194, 200
активная грамматика 16, 18, 28, 148, 149
актуальная вариативность (вариантные ассоциаты) 155
акцентуация 25, 28, 33, 40–42, 44, 46, 123, 203
англификация 119–121, 127, 130, 132–134
антисистема 140, 203
ассоциативная аксиология 25, 98, 106, 204
ассоциативная вариантология 204
ассоциативная лексикография 16, 18, 25, 48, 147, 164, 204
ассоциативная типология 49, 151, 204
ассоциативное поле (АП) 13, 23–26, 30–34, 36–40, 42, 44, 45, 47–49, 57–61, 63, 66, 67, 85–90, 100–105, 108–112, 114, 116, 117, 122–124, 148–150, 156, 160–163, 195, 219, 220, 221–325
ассоциативно-вербальная сеть (АВС) 16–18, 24–29, 46, 47, 85, 88, 89, 103, 105, 148, 151, 152, 155–158, 162–164, 166, 183–190, 195, 198–200, 204
ассоциативно-вербальные данные, базы, корпусы 13, 15, 25, 28, 29, 48, 86, 106, 148, 150, 156, 161, 184, 188, 189, 200, 202, 204
ассоциативные (смысловые) доминанты 27, 28, 106, 184
ассоциативный профиль 85, 150, 151
ассоциат(ы) 25–27, 33, 37, 39, 40, 42–45, 47, 48, 59, 61, 64–67, 103, 109–111, 113, 114, 117, 122, 123, 148–150, 152, 155–157, 159, 163, 221–325
вестернизация 95, 127, 130, 159, 198
виртуализация сознания 144, 145, 159, 190
внутренний (ментальный) лексикон 183, 184
внутренняя речь 180, 181
воплощенная когниция 167, 172, 176, 193
воплощенная имитация 176, 194

- воплощенная интенциональность 176, 194
воплощенное взаимодействие (общение) 176, 177
воплощенность (телесная) 176, 178, 181, 182
гетеростереотип 14, 55
гибкие звенья, гибкий ресурс 10, 14, 70–71, 75, 76, 84, 88, 89, 134, 201, 203
гражданская идентичность (идентификация) 39, 44–46, 55, 69, 70, 91, 101, 107, 130, 132, 139, 140, 202
грамматикализация 188
грамматикализованные ассоциативные цепочки 123, 149, 150
гуманитарная экспертиза (комплексная гуманитарная экспертиза) 133, 190, 202
дискурсивные практики (дискурсивный процесс) 188
диссипативная структура 24, 185
диффузия изменений 165
другоцентричность (двусубъектность) сознания 94, 145, 193
жесткие звенья (структуры, механизмы) 10, 14, 75, 77, 89, 138, 139, 200, 201
«задачи на смысл» 10, 11, 84
закон предикации 24
зеркальные нейроны 167, 176, 177, 193, 194
идентификационная матрица 33, 38, 40, 44–46, 123, 124, 219
интегративная концепция слова 179, 182
интенсивность 27, 30, 31, 33, 34, 36–42, 44, 46–48, 166, 219
интериоризация 148, 182, 185, 194
интероцептивный (висцеральный) 172, 173
искусственный интеллект 178, 189
источники вербальных ассоциаций 152
канонический носитель значения, каноническая единица анализа 22, 182
категоризация 171–174, 179
категории 173, 174
качество мотивации (личности) 13–15, 74, 138
кинестетический компонент (кинестетические проекции), речевые кинестезии, неречевые кинестезии 30, 179, *см. также* двигательный анализатор
код, коды, кодовые переходы, универсально предметный код (УПК), предметно-изобразительный код, речедвигательный код 180, 181
когнитивная грамматика 171, 191
когнитивные (метафорические, метонимические) модели 175
когнитивные сферы (домены) 172
коммуникативная деятельность, коммуникативное поведение 165, 168, 169, 185, 193
комплексный раздражитель, словесный раздражитель 179, 183
концепт, концептуализация 172–174, 191
лексико-семантический вариант 184
лемма 22, 26, 33, 150
лингводидактические единицы 26, 149, 150, 186, 204

- личностный смысл 84, 113, 149
логоген (психофизиологический, нейрональный субстрат; нервная модель стимула) 182, 183, 195
локация 25, 35, 38
локусы (топосы), узлы вербальной сети 105, 106, 199, 200
макроуровень анализа ассоциативных данных 27, 48
метафоризация 173, 175
микроуровень анализа ассоциативных данных 26–28, 151, 152, 221–325
модель описания языка 11, 15, 167, 182, 185, 204
модель (образ) мира, концептуальная модель мира, языковая модель мира 18, 26, 28, 48, 84, 95, 136, 142, 145, 170, 175, 195, 199, 204
модусы идентификации 13, 27, 220
мотивационный конфликт 68, 73
МЫ-центричное пространство 194
мультимодальный, межмодальный 182, 190, 191
мультимодальная грамматика 190, 191
настройка модальностей 179
нейрокогнитивный субстрат 182, 183
нейромодель, нейрофункциональный субстрат (социальной) идентичности 193, 195
нейросетевые модели языка 184–186
нейрофизиологический (нейрофункциональный) субстрат 89, 176, 177, 182, 183, 185, 186, 195, *см. также* нейрофункциональная «архитектура»
нервная организация 185–187
номинация 25, 33, 34, 43, 60
онтогенез 30, 89, 128, 142, 145, 171, 173, 175, 176, 179, 182, 183, 192, 194, 199, 200, 204
первая и вторая сигнальные системы 24, 30, 178, 192, 194
перцептивные эталоны, сенсорный алфавит 182, 191, 192
пластичность (нервной системы, мозга) 143, 185
плотность коммуникации 166
порождающая (трансформационная) грамматика 167, 168, 170, 177
предикация в узком смысле 25, 62
принцип модульности (модульный подход) 168, 172, 196
проприоцептивный 172, 173
прототип, прототипический 171–174
протоязык (у гоминид) 175
профессиональная идентичность (идентификация) 76, 79, 107, 108, 135, 139–141, 202
психоглоссы 14, 28–30, 33, 36, 38, 39, 46–49, 59, 61, 63, 66, 69, 88, 102, 108, 112, 113, 115, 116, 118, 123, 124, 189, 202, 219, 220, 221–325
разметка (аннотация) ассоциативно-вербальных данных 28, 148–152, 162, 163
реалии языкового сознания 151
рекурсия (рекурсивное встраивание) 168

- репрезентации (ментальные, концептуальные, когнитивные, вербальные) 174, 175, 181, 188, 190, 199
- речевая деятельность 13, 17, 139, 144, 145, 177, 178, 188, 191, 199
- речевая способность в широком смысле 168
- речевая способность в узком смысле 168
- робототехника 178
- свободный ассоциативный эксперимент 151, *см. также* эксперимент
- семантическая сеть связей, межлогогенные временные связи, вербальная сеть 171, 182, 183, 186, 190
- сенсорномоторные функции (системы) 176, 178, 181
- сенсорные признаки и эталоны, сенсорные модальности 65
- сетевая модель языка, сетевой принцип 15, 26, 31, 150, 171, 183–187, 198, 204
- синтаксические примитивы 151, 152, *см. также* деграмматикализованные синтаксемы
- синхронно-диахронный анализ 61, 89, 189, 202
- смысловое поле культуры 18, 95, 189, 196, 198
- смысловые акцентуации 10, 25, 26, 28, 33, 38, 40, 46–48, 63, 69, 107, 108, 121, 122, 203, 219, 221–325
- смысловые (семантические) зоны 25, 29, 33, 34, 38, 40, 42, 47, 48, 59, 61, 65, 108–111, 113, 115–117, 122–124, 219, 221–325
- смыслоутратность 18, 29, 38–41, 46, 118, 125, 136, 139–141, 203
- социальная детерминация 11, 13, 39, 46, 77, 90, 91, 185, 200
- социо-коммуникативные установки, социо-коммуникативный опыт 11, 27, 31, 69, 166, 183, 185, 188
- социо-культурная (этнокультурная) идентичность (идентификация) 9, 27, 39, 72, 73, 79, 84, 87, 96, 99, 100, 105, 107, 119, 124, 129, 139, 140, 192, 193, 195, 202
- сравнительная компьютерная нейроприматология 175, 176
- стохастический процесс 185
- структура сознания 163, 177, 194
- субъективный фактор, субъективность 14, 92, 93, 98, 108, 142, 144, 145, 184, 186, 187, 192, 193, *см. также* «эпистемологический анархизм»
- сужение сознания 145, 192, 193
- суперэтнический, суперэтнос 41, 43, 45, 123–125, 139, *см. также* цивилизационный
- тело языкового знака 24, 47, 166, 195, 200
- тип в языке 49, 151
- трансмиссия изменений 165
- укоренение, укорененность 31, 38, 65, 94, 194
- условнорефлекторные теории и методы 179, 180
- филогенез 142, 171, 175, 176, 192, 204
- формирование языкового знака 178
- хроноглоссы 48
- цельносистемные типологические процессы (типообразование языка), *ср.:* типы в языке (эмержентность типов в языке) 151, 188

- цепочечный ассоциативный эксперимент 109, 112, 115, 116, 118, *см. также* эксперимент
- цивилизационная идентичность (идентификация) 11, 30, 38–40, 44–46, 50, 55, 69, 70, 85, 124, 132, 139
- цивилизационное развоплощение 55, 69, 131, 137, 138
- частотность 85, 86, 101, 171, 188, 195, 200, 219
- человекообразование 10, 15, 118, 135, 136, 140–142, 187, 190, 203, 204
- чувственное познание 191, 192
- чувственный образ предмета 179, 192
- эволюция языка 169
- эксперимент, экспериментальный 10, 13, 14, 16, 26, 30, 47, 61, 105, 107, 109, 112, 115, 116, 148, 151, 154, 158, 162, 183, 184, 187, 195, 196, 198, 199, 200, 202
- экспертные обучающие системы 15, 204
- экстенсивность 27, 30, 31, 33, 37, 39, 42, 43, 46–48, 166
- экстерорецепторы 173
- эмерджентный, эмерджентность 31, 47, 49, 185, 187, 188, 189, 201
- этнизация (языка, сознания, социальных практик) 37, 50, 69, 70, 87, 123, 124, 133
- этническая идентичность 70, 191
- этнокультурные доминанты 71, 193
- этнополитическая концепция 70, 71, 124, 125, 127, 132–134
- этнопсихолингвистика 91, 98, 106, 191, 195, 197, 204
- этноцентризм 50, 73, 132, 192
- этнонигилизм 130–132
- ядро лексикона, ядро языкового сознания 27, 199
- язык в человеке, «язык как достояние человека» 184, 195, 196, 204
- языковая личность (русская языковая личность, усредненная языковая личность) 10, 13, 14, 26, 28, 30, 47–49, 57, 69, 107, 108, 116, 123, 124, 143, 166, 184–188, 195–198, 202, 203, 220
- языковая политика 70, 87, 118, 125, 130, 133, 134, 203
- языковая ситуация 12, 70, 125–127, 129, 133
- языковое сознание 16–18, 26, 27, 45, 57, 66, 67, 98, 105, 106, 109, 143, 150, 152, 156, 158, 163, 184–187, 189, 191–196, 198–200, 202

-
- cognitive domains 172
- competence 168, 170
- computational comparative neuroprimatology 176
- cross-modal, multimodal 191
- density of communication 166
- diffusion of change 165
- embodied cognition 167, 172, 176
- embodied intentionality 176
- embodied interaction 176

---

embodied simulation 176, 194
embodiment 176, 178
emergent 187
entrenchment 31
faculty of language in a broad sense (FLB) 168
faculty of language in the narrow sense 168
frequency effect 31
general domain processes 188
ground, grounding 178
language-ready brain 175
language-using brain 175
mirror neurons 176
performance 168–170
praxis 175
recency effect 31
shared intentionality 194
the shared intersubjective space 193
transmission of change 165
usage-based (grammar) 188, 190, 191
we-centric space, we-ness 194
Word Grammar Theory 186

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Н. 217
Александрова З. Е. 21, 217
Анайбан З. В. 129, 205
Апресян Ю. Д. 150, 151, 205
Арбиб М. А. 168, 175, 176
Ахутина Т. В. 181
- Байби Дж.** 187, 188
Балясникова О. В. 210
Баранов А. Н. 207
Бенвенист Э. 189
Бердяев Н. 94
Бехтерева Н. П. 14, 136, 139, 205
Бичакджан Б. 169, 205
Богуславский И. М. 205
Болховитинов Н. Н. 209
Бубнова И. А. 211
Бурлак С. А. 205, 209
- Ванн Д.** 205
Васильева Н. В. 209
Виноградов В. В. 21, 217
Виноградова Е. 206
Выготский Л. С. 17, 210
- Галис В. (Галезе В.) 176, 193
Глозман Ж. М. 208
Голикова Т. А. 217
Гольдин В. Е. 25, 205
Горелик Г. 14, 205
Гумилев Л. Н. 55, 125, 192, 197, 205
- Гумилева Н. В. 205
Гусейнов Г. 157, 205
- Даль В. 154, 217
Де Грааф Дж. 57, 205
Дамазио 181
Джакендофф Р. 169, 209
Джонсон М. 172, 207
Джумагельдинов А. Н. 129, 205
Дмитриев А. С. 30, 173, 179, 206
Дойдж Н. 143, 206
Дорошенко Д. И. 53
- Евгеньева А. П. 217
Ефремова Т. Ф. 153–155, 158, 161, 162, 217
- Жинкин Н. И.** 180, 181, 187, 206
- Залевская А. А. 180–184, 190, 199, 206
Зинченко В. П. 17, 182, 194, 206
Зорин В. Ю. 212
Зыкова И. В. 211
- Иванов Вяч. Вс.** 12, 205, 206
Иванова О. Е. 21, 217
Иванченко Г. В. 202, 208
Имедадзе И. В. 210
Иомдин Б. Л. 205
Иомдин Л. Л. 205
Исаев М. И. 126, 206

- Кан В. С.** 129, 206
Караулов Ю.Н. 18, 24, 25, 28, 62, 108, 148, 149, 151, 152, 184–187, 196, 197, 199, 206, 207, 210, 217
Карпухина А. И. 210
Касьянова К. (Чеснокова В. Ф.) 75, 207
Кибрик Анна А. 210
Кочетков Г. Б. 137, 138, 207
Кошелев А. Д. 141, 142, 173–175, 205–207, 209, 211
Красных В. В. 211
Кронгауз М. 164, 207
Крыштановская О. В. 137, 207
Кубрякова Е. С. 171, 183, 207
Куракова О. А. 210
Курчи А. И. 205
- Лабов У.** 165
Лакофф Дж. 172, 173, 207
Лангакер Р. 171
Левин В. 80
Леонтьев А. А. 7, 10, 13, 17, 52, 83–85, 91, 105, 115, 119, 120, 135, 139, 144, 145, 181, 186, 190, 208, 210, 217
Леонтьев А. Н. 17, 84, 108, 139, 186, 190, 194, 208
Леонтьев Д. А. 10, 84, 85, 105, 136, 139, 144, 145, 186, 190, 202, 208, 210
Лопатин В. В. 21, 217
Лурия А. Р. 147, 170, 208
Лурье С. В. 56
Ляшевская О. Н. 85, 208, 209
- Магомед-Эминов М. Ш.** 136, 209
Макарова Н. 57, 205
Малиновский Л. Г. 56, 92, 93, 209
Маркосян А. С. 208
Мельников Г. П. 188, 209
Миклухо-Маклай Н. Н. 209
Михальченко В. Ю. 126, 127, 132, 133, 209
- Нагорная А. В.** 173, 209
Нейлор Т. X. 205
Нестерова Н. М. 209
Нечаева И. В. 21, 217
Никипорец-Такигава Г. 205
Нитобург Э. Л. 80, 209
Новиков А. И. 10, 209
- Остапенко Л. В.** 205
- Павилёнис Р. И.** 171, 209
Павлов И. П. 178, 180, 209
Панарин А. С. 9, 55–57, 78, 79, 93–97, 209
Панкратова Е. В. 217
Панов Е. Н. 207, 211
Печенкова Е. В. 210
Пешкова Н. П. 209
Пинкер С. 169, 209
Плунгян В. А. 208
Полянская А. Г. 210
- Радковская Е. Г.** 208
Разумкова А. В. 210
Рамачандран В. С. 168, 210
Риццоллати Дж. 176, 210
Романенко А. А. 16, 162, 212, 217
Рош Э. 172
Рубинштейн С. Л. 17, 210
- Садохин А. П.** 130, 131, 210
Сакварелидзе Р. Т. 210
Санников В. З. 205
Свинчукова Е. Г. 210
Сдобнова А. П. 25, 205
Сизов В. Г. 205
Синигалья К. 176, 210
Синицына М. В. 210
Сичинава Д. В. 208
Соколова Е. Е. 10, 84, 85, 105, 139, 144, 145, 186, 190, 208
Сорокин Ю. А. 208, 210, 217
Старченко Р. А. 70, 212
Степанов В. В. 70, 206, 211, 212

- Степанова А. А. 210
 Стернин И. А. 25, 210
 Субботина И. А. 205
- Т**
 Тарасов Е. Ф. 17, 65, 184, 191–193, 210, 217
 Тихонов А. Н. 20, 218
 Тишков В. А. 206, 211
 Томаселло М. 190, 194, 210
 Традгил П. 165
 Трошина Н. Н. 120, 209, 210
 Трубачев О. Н. 218
 Трубецкой Н. С. 51–55, 210
- У**
 Узнадзе Д. Н. 134, 210
 Уфимцева Н. В. 17, 27, 91, 103, 184, 197, 199, 200, 208, 210–213, 217
 Ушаков Д. Н. 20, 21, 218
 Ушакова Т. Н. 17, 181, 183, 184, 211, 213
- Ф**
 Фадиг Л. 176
 Фаликман М. В. 210
 Фасмер М. 21, 218
 Федоров А. И. 217
 Фитч У. Т. 168, 207, 211
 Фогасси Л. 176
- Х**
 Хадсон Р. 186
 Харрис Р. А. 168
 Харченко Е. В. 218
 Хомский Н. 167–170, 177, 208
 Хопёрская Л. Л. 69, 70, 124, 125, 211
- Ц**
 Цинман Л. Л. 205
 Циолковский К. Э. 209
- Ч**
 Чельцова Л. К. 21, 217
 Черкасова Г. А. 210, 217, 218
 Черниговская Т. В. 169, 205, 206, 209, 211
 Чомахидзе Е. Ш. 210
- Ш**
 Шабаев Ю. П. 69, 70, 211
 Шапошникова И. В. 16, 29, 47, 59, 70, 89, 97, 123, 162, 211, 212, 217
- Шайкевич А. Я. 205
 Шаров С. А. 85, 209
 Шатуновский И. Б. 207
-
- Arbib Michael A. 168, 169, 175–178, 213, 216
 Ash Sharon 165, 215
 Austin Peter K. 215
 Austerweil Joseph L. 177, 216
 Boberg Charles 165, 215
 Bond Oliver 215
 Bonini L. 176, 213
 Bybee Joan L. 188, 195, 213
 Caplan D. 213, 216
 Caruana Fausto 176, 214
 Chomsky Noam 168, 214
 Cienki Alan 191, 215
 Cuccio Valentina 178, 213
 Damasio A. R. 176, 214
 De Vignemont Frederique 176, 215
 Fargier R. 214
 Ferrari Pier Francesco 176, 213
 Fitch William Tecumseh 168, 169, 214
 Fischer Martin H. 214
 Fogassi Leonardo 176, 213
 Gallese Vittorio 176, 178, 194, 213, 214, 215
 Goldman Alvin 176, 215
 Harris Randy Allen 168, 215
 Hauser Marc D. 168, 214
 Hoffman Thomas 213
 Hudson Richard 31, 186, 215
 Hombert Jean-Marie 165, 169, 215
 Jackendoff Ray S. 167, 215, 216
 Janda J. 213
 Johnson Mark 172, 215
 Joseph B. D. 213
 Knoke J. 177, 215
 Kok Kasper I. 190, 215
 Labov William 164, 165, 215
 Lakoff George 172, 215
 Langacker, Ronald W. 171, 172, 215
 Li Charles N. 165, 169, 215
 Marshall John C. 213, 216

-
- Moll Henrike 169, 216
Moulin-Frier Clément 175, 216
Nathan David 215
Padó Sebastian 178, 216
Pascolo Paolo B. 216
Pinker S. A. 216
Priva Uriel Cohen 177, 216
Rakoczy H. 190, 216
Schilling-Estes Natalie 164, 216
Sinigaglia Corrado 176, 214
- Soello Yann 214
Song J. Jung 213
Stamenov Maxim I. 215
Thill Serge 178, 216
Tomasello Michael 169, 190, 194, 216
Trousdale Graeme 213
Trudgill Peter 164–166, 216
Wolfram Walt 164, 216
Ziemke Tom 178, 216

Научное издание

Ирина Владимировна Шапошникова

МОДУСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Подписано в печать 16.03.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 21. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>